

902.7(II)
17 13

С. Ш. Гаджиева

ДАГЕСТАНСКИЕ ТЕРЕКЕМЕНЦЫ

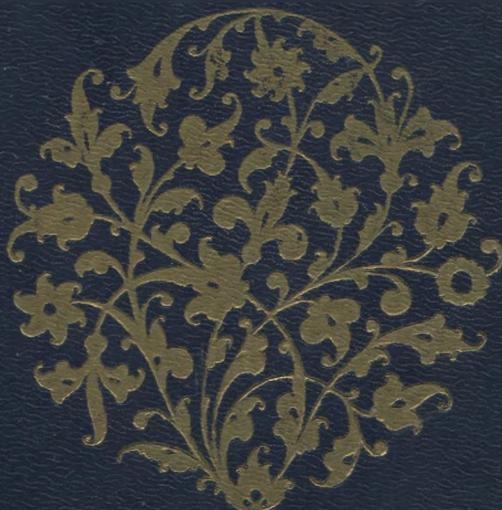

XIX-начало XX в.

902.7 (Дар)
Г43

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

С.Ш. Гаджиева

ДАГЕСТАНСКИЕ ТЕРЕКЕМЕНЦЫ

XIX-начало XX в.

Историко-этнографическое
исследование

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1990 *

ББК 63.5(2)
Г13

Ответственный редактор
А. И. ПЕРШИЦ

Утверждено к печати Институтом истории, языка и литературы
Дагестанского филиала АН СССР

Гаджиева С. Ш.

Г13 Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в.:
Историко-этнографическое исследование.— М.: Нау-
ка. Главная редакция восточной литературы. 1990.—
216 с., ил., карта.
ISBN 5-02-016761-4

Книга представляет собой историко-этнографическое ис-
следование одной из интересных групп населения Южного Да-
гестана. Написана на основе богатого литературного, архивно-
го и полевого материала.

Г $\frac{0505000000-161}{013(02)-90}$ 35-90

ББК 63.5(2)

Гаджиева Сакинат Шихамедовна

ДАГЕСТАНСКИЕ ТЕРЕКЕМЕНЦЫ
XIX — начало XX в.

Историко-этнографическое исследование

Редактор *И. Л. Елевич*. Младшие редакторы *И. М. Гриднева*, *Н. Е. Серегина*.
Художник *Л. Л. Михалевский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*.
Технический редактор *Г. И. Иванова*. Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 16393

Сдано в набор 28.02.90. Подписано к печати 20.07.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 2. Вкл. отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,5+2,0 вкл. Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд.
л. 18,05. Тираж 4350 экз. Изд. № 6883. Зак. № 101. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-016761-4

© Институт истории, языка
и литературы Дагестанского филиала
АН СССР, 1990
© С. Ш. Гаджиева, 1990

Изучение истории и этнографии народов нашей многонациональной страны относится к числу актуальных задач, стоящих перед советскими обществоведами. В частности, большое научно-теоретическое значение имеет всесторонняя характеристика малочисленных народов и этнических групп, еще недостаточно изученных. К числу таких групп относятся и терекеменцы Дагестана, представляющие объект настоящего исследования.

Терекеменцы — особая этническая группа азербайджанцев. Под названием Терекеме или Терекеменский участок издавна известна территория, расположенная в приморском Дагестане, в северной части Дербентского района.

Терекеменцы — самоназвание «терекемелер» (тэрэкэмэлер, мн. ч.), «терекемели» (тэрэкэмэли, ед. ч.) — в настоящее время считают себя азербайджанцами, так как в основном консолидировались с последними. Соседи же по сей день называют их терекеменцами: собственно азербайджанцы (дербентцы) — «тэрэкэмэлер», кумыки — «теркемелер», даргинцы — «таркама» и т. д. Кроме того, у северных кумыков и части высокогорных даргинцев, аварцев терекеменцы известны под этнонимом «ладар»¹.

В литературе, как дореволюционной, так и советской, эта этническая группа известна под названием «терекемейцы». Мы же применяем другой термин — «терекеменцы», связывая его происхождение с этнонимом «туркмен».

Соседи терекеменцев — кумыки (на севере), даргинцы (на западе), собственно азербайджанцы (на юге), табасаранцы (на юго-западе). На востоке территория Терекеме омывается водами Каспийского моря.

За годы советской власти, особенно за последние два-три десятилетия, произошло значительное перемещение части жителей труднодоступных и малоземельных высокогорных районов Дагестана на равнину, в том числе на территорию Терекеме. Здесь образовались как отдельные населенные пункты, так и новые кварталы в старых селениях. В результате ряд селений и крупные сельскохозяйственные и промышленные трудовые коллективы приобрели многонациональный характер².

На территории Терекеме также имеется 10 кутанов горных колхозов (Дахадаевского и Агульского районов), на которых

постоянно или временно проживают с семьями члены производственных бригад. Кутаны располагаются на зимних пастбищах и участках орошаемого земледелия.

Основная масса терекемцев размещена компактно в 10 селениях: Берикей, Джемикент, Великент, Падар, Мамедкала, Селик, Карадаглы, Уллутерекеме, Татляр и Деличобан. Кроме того, часть терекемцев, уже этнически слившаяся с кумыками, живет в Северном Дагестане: в Хасавюртовском (сел. Темираул и квартал Терекемеаул в сел. Костек) и Кизилюртовском (сел. Чонтаул) районах. Эти терекемцы давно уже считают себя кумыками. Небольшая часть терекемцев проживает в городах республики, главным образом в Дербенте, и поселке Дагестанские Огни.

Территория Терекеме располагается на пересечении важнейших путей, издавна связывающих Северный Кавказ, Поволжье, Центральную Россию с Закавказьем и Ближним Востоком³. Здесь проходит железнодорожная магистраль Москва — Баку, а также автомагистраль Ростов — Баку. Все это благоприятно влияет на развитие экономики и культуры района.

Климат Терекеме сравнительно мягкий, как и всей южной приморской равнины, но лето засушливое и жаркое: иногда максимальная температура воздуха здесь достигает 38—40° и более. Среднегодовая температура воздуха 12° тепла, а минимальная — ниже 0°. Бывает, что морозы достигают 10—20°. Самое холодное время приходится на январь — первую половину февраля, самое жаркое — на июль — первую половину августа. Осадков здесь выпадает далеко не достаточно (в среднем 350—400 мм в год), причем основная часть их приходится на весну и осень⁴. Почвы района светло-каштановые, тяжелосуглинистые, глинистые, реже супесчаные.

Обилие солнца, тепла, мягкий климат при хорошем орошении обеспечивают развитие различных сельскохозяйственных культур в открытом грунте. Значительную площадь района занимают посевы зерновых, виноградники, сады, огородно-бахчевые культуры и др. Узкой полосой вдоль берега Каспия тянется зона с солончаками, с полупустынной растительностью. Эта зона издавна используется в качестве зимних пастбищ, когда земля благодаря осенним и весенним дождям покрывается зелеными кормовыми травами и кустарниками. Не случайно многие горные общества издавна перегоняют сюда на зиму отары овец. Благодаря созданию широкой сети оросительных каналов, берущих начало от рек Уллучай и Дарвагчай, горные хозяйства здесь получили возможность часть земель использовать и под различные сельскохозяйственные культуры (зерновые, огородно-бахчевые, виноградники и т. д.).

Леса района по видовому составу разнообразны. Древесные виды представлены дубом, грабом кавказским, ильмом пробковым, ясенем, кленом, дикой грушей, орехом и яблоней, тополем, ивой и др. Под пологом леса — кустарники: боярышник, муш-

мула, терн, айва, шиповник, ежевика, алыча, калина, дикий виноград и др. Деревья и кустарники переплетены лианами. На территории Терекеме расположена часть большого лесного массива, известного под названием Уллу Меше («Большой лес»).

Животный мир Терекеме также разнообразен. Здесь обитают кабаны, волки, шакалы, барсуки, лисы, ласки, зайцы, ежи, встречается камышовый кот. Из птиц часто можно увидеть орла, филина, сову, сороку, жаворонка, скворца, синицу, особенно часто — полевого воробья, голубя. С весны до осени под кровлями домов гнездятся ласточки. Вблизи водоемов встречаются перелетные птицы — утки, гуси, а в зарослях камыша и на полях с кустарниками — фазаны, куропатки, которые издавна являются объектом охоты.

Большое промысловое значение с давних пор имела ловля рыбы. И сегодня Первомайский рыбозавод, расположенный на берегу Каспия, на территории Терекеме, является одним из крупнейших в Дагестане.

Из полезных ископаемых здесь имеется нефть, соль, из строительных материалов — известняк, песок.

Таким образом, Терекеме является благодатным районом, с большими возможностями для развития многоотраслевого сельского хозяйства, прежде всего полеводства и животноводства, а также выращивания ряда субтропических культур (миндаль, инжир, гранат, хурма, тутовник и др.).

История и этнография дагестанских терекемцев почти не изучены. Только в советский период было опубликовано несколько научных статей, посвященных конкретным вопросам социально-экономического строя и материальной культуры терекемцев XIX — начала XX в.⁵ Кроме того некоторые вопросы из истории терекемцев рассматриваются в исследованиях, посвященных Дагестану в целом. Из дореволюционных авторов, в какой-то мере интересовавшихся историей и культурой терекемцев, следует назвать С. Броневского, А. Бакиханова, Д. Сихалиева, И. Березина, П. Буткова, П. Пржецлавского, П. Петухова, А. Комарова, М. Ковалевского, Е. Козубского, П. Гидулянова и др.⁶ Интересный фактический материал, главным образом статистического характера, мы извлекли из официальных отчетов, в частности «Обзоров Дагестанской области», «Дагестанского сборника» за разные годы, из «Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» и др.

Большое значение для исследования хозяйственной деятельности, социального строя, а также этнической истории терекемцев имеют архивные данные. Нами использованы материалы центральных и местных архивов: ЦГВИА СССР, ЦГИАЛ, ЦГИА ГССР, ЦГА ДАССР, и др. а также сборники архивных документов и материалов, изданные в разные годы: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»; «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (под ред.

М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева; М., 1958); «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы» (составление и предисловие Х.-М. Хашаева; М., 1958); «Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.» (сост. Р. Г. Маршаев; Махачкала, 1958); «Из истории права народов Дагестана» (сост. А. С. Омаров; Махачкала, 1968) и др.

Основной источниковой базой при написании работы явился полевой этнографический материал, собранный автором во всех селениях терекеменцев и частично в Хачмасском районе Азербайджанской ССР. При сборе архивного материала большую помощь нам оказали ст. лаборант сектора этнографии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР З. Г. Муркелинская, а в подборе иллюстрированного материала — художники Г. А. Крулев, М. А. Хизроев, фотограф С. Подрезов. Карта расселения терекеменцев составлена научным сотрудником ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР Р. А. Ибрагимовым и научным сотрудником ИЭ АН СССР С. И. Ягуст.

По техническим соображениям мы не имели возможности точно передать фонетические особенности терекеменского диалекта азербайджанского языка. Термины передаются нами в русской транслитерации.

Пользуясь случаем, автор выражает большую признательность руководителям партийных и советских организаций Дербентского, Хасавюртовского, Кизилюртовского районов и особенно многочисленным информаторам, которые оказали активное содействие в поиске и сборе полевых материалов. Особо хочется отметить неоценимую помощь, оказанную в свое время такими знатоками истории и быта терекеменцев, как Джамал Курбанов, Гидаят Киласов, Алимерден Пулатханов, Хаджимурад Мирзалиев (сел. Великент), Хабибулла Гаджиев и Шарифутдин Гаджиев (сел. Джемикент), Ираджаб Азизов (сел. Ул-лутерекеме), а также ныне здравствующими Гюли Бабаевым (сел. Селик) и Саидом Ибрагимовым (сел. Берикей).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области.—ЗКОИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873, с. 22—23.

² В настоящее время в Терекеме помимо самих терекеменцев на территории Джемикентского, Берикейского, Падарского, Татлярского, Великентского, Селикского, Геджухского, Мамедкалинского сельских и поселковых советов проживают также даргинцы. В основном это переселенцы из четырех районов: Дахадаевского, Кайтагского, Левашинского и Сергокалинского. Кроме того, в многонациональных трудовых коллективах работают переселенцы — собственно азербайджанцы из других селений района, а также табасаранцы, агулы, лезгины и другие, переселившиеся сюда в разные годы.

³ У терекеменцев сохранилось предание о том, что в далеком прошлом мимо их селений (Джемикент, Берикей, Великент) проходила важная караванная дорога — «караван йолу». С ней они связывают и название холмов Деве Ятан («Остановка верблюдов») у сел. Джемикент.

⁴ Подробнее см.: Гюль К. Х., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Викторов А. Ф.,

Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР: Физико-географический обзор. Махачкала, 1958; Коростелев А. А. Климат Дагестана. М.—Л., 1931.

⁵ Гаджиева С. Ш. Очерк истории и этнографии дагестанских терекменцев.— Уч. зап. Дагестанского государственного женского педагогического института им. Г. Цадасы. Т. II. Махачкала, 1958, с. 61—97; она же (в соавторстве с А. Ф. Гольдштейном). Жилище дагестанских терекменцев в XIX—начале XX в.— Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974, с. 45—68; Исламгагомедов А. И. Дореволюционное поселение дагестанских азербайджанцев.— Быт сельского населения Дагестана в XIX—начале XX в. Махачкала, 1981, с. 17—29.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе... Ч. 1—2. М., 1829; Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-Ирам.— Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана. 1926, вып. 4; Кумык [Шихалиев Д.-М.] Рассказ кумыка о кумыках. Кавказ. 1848, № 43; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849; Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. I. СПб., 1869; Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи.— Вестник Европы. Т. 3. 1863; Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.— Кавказ. 1867, № 13; Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области.— ЗКОИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873; он же. Адаты и судопроизводство по ним.— ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1968; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890; Дагестанский сборник. Вып. 1—2. [Сост. Е. И. Козубский]. Темир-Хан-Шура, 1902—1904; Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане.— Этнографическое обозрение. 1901, № 1, 2, 3.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕРЕКЕМЕНЦЕВ

instituteofhistory.ru

Вопрос о происхождении терекеменцев, расселении их в Южном Дагестане и переселении части их в Северную Кумыкию является одним из слабоизученных.

Не вызывает, однако, сомнения, что история формирования дагестанских терекеменцев, как и всего тюркоязычного населения Южного Дагестана, тесно связана с историей азербайджанского народа. Более того, терекеменцы представляют собой одну из этнических групп азербайджанцев, хотя и довольно сложную по составу.

Азербайджанцы как народ сложились в результате длительного исторического развития, постепенной консолидации древних местных племен (албанцев, удинов, каспиев, талышей и др.) с пришлыми в разные периоды тюркоязычными племенами — гуннами, огузами, кыпчаками и т. д., — и, по существующему в науке мнению, смена коренных языков населения тюркским разговорным языком здесь относится к XI—XIII вв.¹ В свою очередь, тюркоязычные племена были довольно пестрыми по своим этническим компонентам, объединяя множество других, отчасти более древних племен, впоследствии участвовавших в этногенезе не только азербайджанцев, но и целого ряда других тюркоязычных народов. Надо полагать, что в этнической истории Азербайджана оставили заметный след и оседавшие в Южном Азербайджане племена каракоюнлу («чернобаранные») и аккоюнлу («белобаранные»), в государства которых в XV в. входили «азербайджанские земли к югу от Кубы²».

Азербайджан истари населяли не только тюркоязычные, но и ираноязычные и арабоязычные этнические группы (таты, талыши, арабы и др.). Огнем и мечом подчиняя население завоеванных ими областей, иноземные захватчики проводили массовые переселения племенных групп на эти земли с их исконных территорий. Так, еще в V в. сасанидский Иран, подчинив себе древнюю Атропатену (Азербайджан), переселил сюда группы ираноязычного населения — татов. Последние расселились на Апшеронском полуострове, на территории нынешних Шемахинского, Дивичинского, Кубинского, Исмаиллинского и некоторых других районов³. Точно так же поступали позднее Сельджуки-

ды, направляя в завоеванные закавказские области огузские группы, осуществляя экспансионистскую политику⁴.

Таким образом, процессы формирования азербайджанского народа были весьма сложными. Следует учесть и то, что вторжения иноземных захватчиков (арабов, сельджуков, монголов, персов), войны Ирана и Турции за господство в Азербайджане задерживали экономическое развитие страны, а «в ряде случаев отбросили ее назад»⁵. Как полагают исследователи, значительная роль скотоводческого хозяйства в Азербайджане, сохранившаяся еще в XVIII в., в большой степени обусловлена упадком производительных сил, вызванным «на протяжении веков различными иноземными завоевателями, стоявшими на более низкой ступени развития, нежели местное население»⁶.

Как уже говорилось, вопрос о происхождении терекемцев Дагестана и причинах их переселения на дагестанские земли остается малоизученным.

Термин «терекеме» принято связывать с этнонимом «туркмен». Как считает С. Г. Агаджанов, «до первой четверти XI в. название „туркмен“ прилагалось лишь к части огузов. Туркменами тогда именовали тех огузов, которые приняли ислам и ассимилировались с коренным, главным образом ираноязычным, населением Средней Азии»⁷. Далее С. Г. Агаджанов ссылается на трактат Абу Рейхана Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей» (пер. А. М. Беленицкого, с. 193): «В прежнее время любой из тюркогузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркменом, а мусульмане говорили, что в их число вошел туркмен, то есть похожий на тюрка».

Название «терекеме» (в форме «тэрэкэме») в Азербайджане в XIX — начале XX в. объединяло главным образом население, занимавшееся отгонным скотоводством в крае⁸. В более ранний период этот термин чаще использовался и как этнический, племенной⁹. К числу кочевников в Азербайджане относили и такие огузско-туркменские племена, как каракоюнлу и аккоюнлу, утвердившиеся здесь в XV в. И хотя позднее они ассимилировались с родственными им по языку азербайджанцами, тем не менее по традиции они долго продолжали называть себя или туркменами, или каракоюнлу и аккоюнлу, т. е. по названию былых племенных союзов, в которые они входили.

В целом в Азербайджане термин «терекеме» чаще всего применялся в значении «кочевники»¹⁰. Кочевники (кючери халк) на лето перегоняли свой скот в горы на альпийские луга (яй-лаги), а на зиму, когда горы покрывались снегом, на зимние пастбища (кишлаки), чаще в Муганскую и Мильскую степи, которые благодаря обильным осадкам были покрыты травой¹¹.

На специфический образ жизни этих терекеме-«кючери» обратил внимание, как известно, Н. Дубровин. «Кочующие татары, называемые таракамя,— писал он,— по образу жизни не

претерпевают ни жестокости холода, ни несносных жаров, потому что, переменяя место часто и по произволу, они отыскивают и хорошо знают места с одинаковою температурою. Для этого, с наступлением жаров, они отправляются в горы, на возвышенные места, а в холод спускаются в долины, находя там новую траву и тучные пастбища»¹².

Сведения о времени переселения терекемцев, или, как их часто называют в литературе, «терекемейских татар», в Дагестан очень разноречивы. Первые по времени упоминания оставил нам известный азербайджанский историк первой половины XIX в. Аббас-Кули-Ага Бакиханов. По его данным, переселение терекемцев в Южный Дагестан, во владения кайтагского уцмья Султан-Ахмеда, и основание там «магала Терекеме» относится к XVI в.¹³ Бакиханов в этой связи приводит такое историческое предание: «Однажды сын усмия отправился туда (имеется в виду данный участок, который прежде принадлежал даргинцам-урчамильцам и жителям сел. Башлы.— С. Г.) для сбора податей и был оскорблен жителями Урджемильского магала. Прибегнув, будто без ведома отца, к помощи своего племянника шамхала (имеется в виду Тарковский шамхал.— С. Г.), он взял у него войско, пришел в Урджемиль и многих из старшин его умертвил. Спустя некоторое время, когда урджемильцы опять стали волноваться, усмий пригласил к себе старшин и убил всех зачинщиков. После чего вызвал из разных мест Ширвана тюркменцев и заселил ими ныне существующие деревни магала Терекеме (тюркмены)»¹⁴. Более конкретные сведения, со ссылкой на информацию самих терекемцев, содержат и архивные документы. В частности, отмечается, что эти переселенцы были выходцы «из Кубы, Шемахи, Ленкорани и других мест Закавказья и из-за Сулака»¹⁵. Архивные материалы свидетельствуют также о крупных антифеодальных выступлениях урчамильцев Кайтага, о жестоком подавлении их с помощью оружия и о передаче отнятых у них земель переселенцам из Закавказья.

Некоторые данные приводят и другие исследователи XIX в. Так, дагестанский историк первой половины XIX в. Девлет-Мурза Махмудович Шихалиев считает терекемцев выходцами из Ирана и датирует их переселение в Дагестан (в том числе и в Южный Дагестан) временем походов Надир-шаха. В частности, он отмечает: «Они (терекемцы.— С. Г.) происходят из Персии, и поселение их в настоящих местах относится ко времени шаха Надира. Говорят, когда... Надир, испытав первую неудачу в войне с горцами, зимовал около Дербента, на урочище Иран-Хараб (что означает „Бедствие Ирана“), были захватываемы из армии его пленные и многие из них, гонимые голодом, добровольно выбегали оттуда целыми толпами. Из всех их, отовсюду собранных, составились в Дагестане и в земле кумыков поселения, которые называют теперь „терекеме“»¹⁶.

Выходцами из «персидских провинций в какие-то незапамятные времена, когда там свирепствовал голод несколько лет сря-

ду», считает терекеменцев и другой автор, житель той же Засулакской Кумыкии, князь Абдулмеджид Хамзаев, подписавшийся псевдонимом «Князь Х-ъ». Но в отличие от Шихалиева время их появления в Дагестане он относит не к XVIII в., а к более древнему периоду¹⁷. Такого же мнения придерживался и известный исследователь Н. Семенов, отмечая, что терекеменцы — «выходцы из разных мест, преимущественно из Персии»¹⁸. Костекский воевода, князь Алиш Хамзин в письме от 14 августа 1751 г. сообщает: «Терекеменцы... приехали из Персии... оные у персидского шаха в подданстве»¹⁹. Надо иметь в виду, что «персидскими провинциями», нередко даже «Персией» применительно к периоду, когда иранские шахи совершали свои опустошительные походы на азербайджанские земли и порабощали их, авторы этих работ могли называть собственно Азербайджан и его южные районы.

Никто из вышеназванных исследователей не остановился на одном немаловажном событии, а именно страшном погроме, учиненном Тимуром в Кайтаге, о котором его же историографы пишут в таких исключаяющих сомнения выражениях, как «из тысячи не спасся и один». Очень возможно, что запустение этой территории и было одной из причин переселения туда части зависимых крестьян кайтагских феодалов.

Есть все основания полагать, что терекеменцы Дагестана поселились в южных его районах еще задолго до походов Надиршаха — в XVI в., если не раньше. Переселились они сюда именно из Азербайджана, в частности из Ширвана, на что указывают источники. Факты же переселения их или их части из-за Сулака, т. е. с севера, равно как и их связи с северокавказскими туркменами, никакими данными не подтверждаются. На наш взгляд, ближе всего к истине сведения, приводимые Бакихановым, основанные на сравнительно ранних источниках. Что касается данных Шихалиева и Хамзаева, то они характеризуют период переселения части терекеменцев из Южного Дагестана в Засулакскую Кумыкию, во владения Эндери, Аксай и Костек.

В памяти народа также сохранились предания о переселении предков дагестанских терекеменцев из Азербайджана, преимущественно из его северо-восточной части, Ширвана. Так, большой знаток истории своего народа, ныне покойный Джамал Курбанов (род. в 1879 г.) из сел. Селик в 1957 г. рассказал нам семейное предание о переселении своего тухума из Азербайджана на участок Терекеме: «Большинство жителей теперешней Терекеме пришли из Азербайджана — Ширвана, Кубы и других мест. Я слышал, что часть жителей Великента, а также кумыкского селения Каякент — выходцы из Лагиджа. Основатель нашего тухума, как говорил мне отец, — выходец из Кубинского уезда, из сел. Бёюкшихларкенты. Мне известно из сохранившейся до недавнего времени нашей родословной, что здесь пребывало семь поколений нашего рода. Я слышал, что наши пришли сюда позже других, после освоения терекеменцами этой терри-

тории, примерно 300 лет тому назад. Первым нашим родоначальником, приехавшим сюда из Кубы, был Убаш. После него шли: его сын Шамсутдин, сын Шамсутдина — Якуб, сын Якуба — Яхья, сын Яхьи — Али, сын Али — Курбан, сыном Курбана являюсь я, Джамал». Аналогичную информацию мы получили от Идаята Киласова (1870 г. р.)²⁰. Он также сохранил в памяти рассказы о событиях, фактах и взаимоотношениях между терекемцами и обществами Нижнего Кайтага, Башлы и др.

К сожалению, на территории магала Терекеме памятников, относящихся к XVI в., обнаружено не было. Самый ранний из сохранившихся надгробных памятников в сел. Великент относится к 1728 г. Старейшие терекемцы отмечают, что их магал раньше нередко называли «Он эки пара Тэрэкэмэ» (Терекеме из 12 частей). Как мы уже отмечали, это были (не считая Ханмагомедкалы, основанной позднее) населенные пункты: Берикей, Великент, Джемикент, Деличобан, Падар, Карадаглы, Татляр, Уллутерекеме, Селик, Шахбазкент, Мехрежкент и Шебеде. Последние 3 поселения не сохранились: они, очевидно, были разрушены еще в первой половине XIX в., в период феодальных междоусобиц. Указание на наличие 12 частей Терекеме могло свидетельствовать и о разнообразии этнического состава магала.

Переселение рассматриваемой группы терекемцев из Азербайджана подтверждается и данными этнотопонимии. Так, ряд современных и старых наименований терекемских селений и само название «Тэрэкэмэ» (или «Таракема») мы встречаем и во многих районах Азербайджана еще в конце XIX в. Таковы Падар-Гюлмали в Бакинской губернии в Шемахинском уезде, Армуди-Падар, Падар, Падар-Шабран — в Кубинском уезде, Падар-Хаджи-Алим — в Джеватском уезде в Елисаветпольской губернии; Падар — в Нухинском уезде, Падар — в Джебраильском уезде²¹, Карадаглы-Падар — в Арешском уезде той же губернии, общества под названием Карадаглы: в Елисаветпольской губернии — Карадаглы татарская, Карадаглы армянская; в Арешском уезде той же губернии — Карадаглы-Джейнам, Карадаглы; в Джебраильском уезде той же губернии — Карадаглы; в Джавангирском уезде той же губернии — Карадаглы 1-е, Карадаглы 2-е, Угулурбека, Курт-Карадаглу, Карадаглы-Падар, Карадаглы-Керимага, Карадаглы-Гевгароглы; в Бакинском уезде Бакинской губернии — Карадаглы, а также «таракема» и «туркмен»; Ахмед-Агалу-Таракема, Таракема 5-е, Таракема 9-е Насырбека, Таракема Бекк-бека, Таракема 8-е Агалар-бека, Таракема Имамкулибека, Таракема 7-е Мирзали-беклы, Таракема 2-е Абдуллабека, Наследника Мамедбека, Таракема 3-е Ибрагимбека, Туркмен 2-е, Туркмен 3-е встречаются во многих районах²².

В Азербайджане, как и в Дагестане, имелись и селения под названием Татляр или Татлы и Каякент (в Елисаветпольском уезде Елисаветпольской губернии и в Кубинском уезде Бакинской губернии). Топонимика сохранила и следы пребывания

здесь племенного объединения, известного под названием Каракоюнлу. Так, в Елисаветпольской губернии в 1886 г. имелось Топкаракоюнлинское сельское общество, в котором числилось 606 жителей обоого пола²³.

Более того, целый ряд современных населенных пунктов здесь сохраняет традиционные названия Падар, Татлар, Татлы, Карадаглы и др. Таковы селения под названием Падар (около 10) в Аксуйском, Варташенском, Дивичинском, Хачмасском, Алибайрамском, Кубатлинском районах, 14 населенных пунктов под названием Карадаглы в Агдамском, Бардинском, Физулинском, Касумисмаиловском, Мирбаширском, Нухинском, Хачмасском и других районах, селения Татлар, Татлы в Агдамском, Кельбаджарском, Казахском районах Азербайджанской ССР²⁴.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что дагестанские терекеменцы в своей основной массе являются выходцами из Азербайджана, что они, как и терекеменцы Азербайджана, генетически были связаны с туркменами²⁵-огузами, в том числе и с племенами каракоюнлу и аккоюнлу, также ведущими свое происхождение от огузско-туркменских племен.

XV и XVI вв., очевидно, были периодом продолжения активного проникновения частей огузских группировок племен в Южный Дагестан. Можно допустить, что в числе этих племенных групп были и каракоюнлу и кайы, которые оставили след в топонимике и в названиях родственных подразделений. Известны, например, факты, когда части политического племенного объединения каракоюнлу переходили южные границы Дагестана. В 1460 г., как сообщают источники, во время очередного похода Шейха Джунейда в Дагестан объединенные силы государства каракоюнлу и Ширван-шахов у р. Самур полностью разгромили армию Сефевидов²⁶. Отряды войска каракоюнлу доходили не только до р. Самура, но и вторгались в глубь Южного Дагестана, разоряли аулы и уводили в плен население.

Армянский автор XV в. Фома Мецопский, например, писал, что Искандар Султан племени каракоюнлу в 1434 г. «собрал войско и выступил в поход на город Шемаху и его область... Взяв его, он прошел дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать»²⁷.

О вторжении войск Искандара в Дагестан в 1432 г. свидетельствуют и эпиграфические памятники. Так, в надписи-хронике на мечети в сел. Цахур говорится о кровопролитной борьбе цахуров с завоевателями, закончившейся отступлением врага²⁸. Н. В. Ханьков, Л. И. Лавров и А. Р. Шихсаидов достаточно основательно прокомментировали эту важную для истории Дагестана хронику первой половины XV в., как связанную со вторжением отрядов каракоюнлу²⁹.

Какие-то подразделения каракоюнлу, очевидно, не только участвовали в этническом формировании терекеменцев, но и сли-

лись с южными кумыками. Не случайно участок Мирза-су (ныне поселок Дружба, расположенный у северной границы магала Терекеме) терекемцы когда-то называли Каракоюнлу³⁰. Не случайно, кроме того, как нам кажется, один из больших тухумов сел. Башлы назывался Каракойчулар (букв. «разводящие черных баранов», кумыкская транслитерация каракоюнлу). Старики слышали, что в разрушенном в 1877 г. Башлы Каракойчулар занимали отдельный квартал, были многолюдны, а с годами смешались с другими тухумами, хотя внешне еще отличались (более узколицые, длинноголовые, с темной кожей). В этом же селении был еще большой тухум Каралар. Можно допустить, что он ведет свое название от этнической общности «каракъойчу». Может быть, к этому периоду, т. е. к XV—XVI вв., относится и заселение группой племени огузского происхождения части аула Каякент, судя по источникам, ранее известного под названием Гамри или Хамри³¹.

До сих пор жители этого селения различают «старую» и «новую» части аула. Старая часть в отличие от «новой» называлась еще «Мина-Къайы-гент», т. е. «Первоначальный Каякент». Сам топоним «кая», который принято употреблять обычно в письменной речи, является, на наш взгляд, искажением местного названия Къайы. Сами каякентцы себя называют «къайы гентли» (гайы- или къайыкентец, а не къаякентец). Тот же термин применяют к ним и жители соседних южнокумыкских аулов.

На основании приведенных и других данных (род занятий, фонетические и лексические особенности наречия и т. д.) мы склонны полагать, что в этнической истории жителей этого селения, а может быть и некоторых других, определенную роль играли какие-то подразделения огузско-туркменского племени кайы, принимавшего участие в отдаленном прошлом и в формировании многих тюркоязычных и даже ираноязычных народов Средней и Малой Азии и Кавказа.

Еще Махмуд Кашгарский (XI в.) и Рашид-ад-дин (XIII в.) при описании родословной огузов в числе других племен называют племя кайы (кайыг)³². Как свидетельствуют источники, подразделения (роды) племени кайы участвовали в этногенезе туркмен, османских турок, азербайджанцев и некоторых других народов. Ссылаясь на турецкого автора Авни-Али-Джандара, академик В. А. Гордлевский отмечает, что мелкие подразделения (роды, колена) племени кайы расселились на громадном пространстве от Чанаккале до Карса, от Урфы до Маниси³³. До сего времени этноним кайы встречается среди этнографических групп гокленов в Туркмении³⁴, в Иране и Турции³⁵.

Огузские племена, состав которых был разнородным, «передвигаясь на запад, дорогой распадались. От них откальвались частицы... т. е. огузские племена оседали повсеместно»³⁶. Разумеется, в составе племенного подразделения кайы, осевшего в Дагестане, могли быть и ираноязычные племенные группы, в частности таты. Истории известно много фактов, когда поко-

ренные слабые племена или их части по соображениям безопасности, сохранения своего численного состава жертвовали родовым именем.

Есть основание предположить, что в составе жителей сел. Каякент (местное более верное название Кайыкент) были и ираноязычные таты. Не случайно в прошлом каякентцев называли нередко «дара-зарат», «зара-зарат», считая их выходцами из ираноязычных (татских) селений бывшего Кубинского ханства Азербайджана Зарат, Дерезарат, Лагич, Абил и Чари³⁷.

Таким образом, осуществлялся постоянный приток тюркских племен на территорию южнодагестанской равнины и предгорья, создавая тем самым близкую для терекемцев этническую среду.

Если в ранний период (до XV—XVI вв.) этническое формирование терекемцев как части азербайджанского этноса происходило за пределами Южного Дагестана, то на дальнейшем этапе оно было тесно связано с новой этнической средой, с которой они столкнулись на Прикаспийской равнине и в предгорьях Дагестана. Возникает вопрос о том, что представляла собой территория, на которой расселились терекемцы. Известные ныне археологические памятники (бытовые, погребальные и др.), исследованные в районе Терекеме, как и во всей Приморской равнине Южного Дагестана, дают основание утверждать, что эта территория была освоена оседло-земледельческими племенами еще в глубокой древности³⁸ и человеческая деятельность продолжалась и в последующие периоды истории, о чем свидетельствуют многочисленные памятники эпохи средней и поздней бронзы, раннего железа и средневековья³⁹. Однако архивные данные XIX — начала XX в. свидетельствуют, что эта земля ко времени заселения ее терекемцами была «пустопорожней», что она служила зимним пастбищем для урчамильцев и башлинцев.

В местной топонимике нашли отражение многие аспекты хозяйственной деятельности населения этих земель, в частности отдельных предгорных обществ. Так, например, пахотный участок, расположенный на территории Берикейского сельского совета, до сих пор известен как Урчамиль. Пахотные участки около сел. Великент носят названия Межгара Баглар («Сады межгильцев») и Урчамиль Гошлар («Шалашаи урчамильцев»); участок, расположенный в трех-четыре километрах от сел. Селик, сохранил название Джибахни тепелер («Джибахнинские холмы», Джибахни — селение в Кайтаге) и т. д.

Под влиянием каких исторических событий развитие Приморского Дагестана, в том числе и Терекемской равнины, было замедлено, сказать трудно. Думается, что кайтагцы-урчамильцы покинули эти земли и ушли в более защищенные места во время опустошительных походов монголов и других завоевателей, когда территория Дагестана служила ареной ожесточенных схваток между двумя враждебными государствами, т. е. Золотой Орды (с севера) и Хулагидов (с юга), а также

походов иранских завоевателей. Надо учесть и то обстоятельство, что через Дербентский проход всегда проникали кочевые племена как с севера на юг, так и с юга на север.

Причины переселения сравнительно большой массы терекеме, да и других тюрков, из Азербайджана в Дагестан в источниках не раскрываются. По этому поводу существуют определенные гипотезы, подкрепленные аргументами исследователей. Так, ссылаясь на А. Бакиханова, считавшего временем заселения уцмием магала Терекеме выходцами из Ширвана и Кубы XVI век, А. В. Комаров как бы уточняет причины этого события. Он пишет: «С этого времени (т. е. с XVI в.—С. Г.) владельцы Кайтагские, Дербентские и Кубинские всеми мерами старались заселить свои земли и для этого приглашали желающих, а иногда и силою переводили целые селения из Ширвана»⁴⁰. Касаясь не только терекемцев, но и всего тюркоязычного населения, расселенного на территории Южного Дагестана, к югу «от Башлынской речки до Гюрген-чая», А. В. Комаров отмечает, что «начало этого переселения в точности неизвестно»⁴¹.

И действительно, тюрки оседали в равнинных районах не только в позднем средневековье и XV—XVI вв., но и в глубокой древности⁴². Безусловно, в заселении опустевшей в результате разорительных монгольских походов равнинной полосы и увеличении податного населения были заинтересованы и дагестанские феодалы. Эту причину переселения терекемцев отмечал А. В. Комаров.

Ясно, что в целом покинуть исконные обжитые места переселенцев вынудила нелегкая жизнь. Голод, разруха, разорительные для населения войны Ирана и Турции за господство в Азербайджане были тому причиной. Все это в той или иной мере отмечают и азербайджанские историки. Известно, например, что в 1578—1579 гг. в Азербайджане «вспыхнули страшные голод и чума... Некоторые местности из густонаселенных районов превратились в обиталище зверей»⁴³.

Известный советский антрополог В. П. Алексеев, говоря о формировании антропологического типа народов Дагестана, не случайно называет главным образом лезгин, кайтагов и кумыков. Соглашаясь с ним в том, что время их проникновения в Дагестан с юга может быть отнесено к древней эпохе⁴⁴, мы вместе с тем допускаем участие в этом процессе и поздних тюркоязычных элементов, в частности переселенцев до- и послемонгольского периода истории.

Был ли однородным этнический состав населения, обосновавшегося в Терекемском магале? Думается, что не был. Об этом свидетельствует топонимика терекемцев. Бесспорно, основную их массу составляло тюркоязычное население. Однако в состав Терекеме вошли представители нескольких отколовшихся частей былых самостоятельных родов или более крупных племенных общностей, в частности ираноязычные группы южных областей Азербайджана.

Начнем с топонима Падар. Падар — одно из селений терекменцев в Дагестане. Более того, названием «падар» аварцы, северные кумыки часто именуют всех терекменцев Дагестана. В то же время селения с аналогичным названием неоднократно встречаются в Азербайджане, причем в разных районах, иногда удаленных друг от друга. Есть основание полагать, что в более ранний период слово «падар» являлось этнонимом, обозначающим племя или объединение племен. Адам Олеарий (XVII в.), например, указывает на расселение падарцев в разных районах Азербайджана. Он встречает их и в районе Шемахи, в частности в дер. Мордов, и отмечает, что «в этой, как и в соседних деревнях живет нация, именуемая Падар; у нее особый язык, несколько родственней турецкому и персидскому. Они турецкой веры, но имеют еще особые суеверные обычаи. Горячие кушания у них стоят до тех пор, пока они сами собою не остынут совершенно... Никто не смеет дуть на них, и если это сделает, по незнанию, кто-либо из зашедших в их дом иностранцев, то пищу как нечистую нужно выбросить»⁴⁵. Подразделения «племени падар» Олеарий находит в районах южнее Дербента, в частности «в местечке Кёк-тепе». По его словам, «жители Кёк-тепе были из племени Падар; они жили на склонах веселых холмов, в домах, там и сям разбросанных среди отдельных высоких деревьев. Большая часть домов была наполовину вкопана в землю...»⁴⁶.

Интересны сведения А. Олеария и об этническом составе населения Дербента. В верхней части этого города он находит жителей, известных под племенными названиями аюрумлу (айрумы.— С. Г.) и койдурша. Средняя же часть города, по его данным, была заселена персами, а нижняя часть — греками и именовалась Шахер-Юнан — «Город греков»⁴⁷.

Аналогичные сведения о падарах приводит и Я. Я. Стрейс (XVII в.)⁴⁸. О падарах как об особом племени упоминает и грузинский историк и географ XVIII в. Вахушти. У него мы находим, например, племенные названия «упадари», «падарло» на дальнем западе Азербайджана. Согласно его сообщению, освоение отдельных мест Западного Азербайджана происходит после разорительных походов монгольского полководца Берке, а побережье р. Иор заселяется Элом-падарами (падарским народом) при Надир-шахе⁴⁹.

Таким образом, топоним Падар в Терекеме свидетельствует о наличии здесь этнической общности, известной в далеком прошлом под тем же названием в разных районах Азербайджана, Персии, а может быть, и на более широкой территории. В настоящее время падары представляют собой этническую группу азербайджанцев и слились с ними окончательно.

В этнической истории терекменцев, в том числе и дагестанских, известную роль, несомненно, играли таты⁵⁰. Не случайно селение под названием Татлар (Таты) имеется и в Терекменском магале в Дагестане. Однако ираноязычные таты очень

давно ассимилировались с основной массой тюркоязычного населения Терекеме.

Выше отмечалось наличие ряда населенных пунктов под названием Карадаглы на территории Азербайджана, в основном в бывшей Елисаветпольской губернии. Надо полагать, что под таким названием в отдаленном прошлом по Азербайджану кочевало какое-то значительное тюркское племя или его большое подразделение. Население Карадаглы Терекемского магала, как нам представляется, этнически связано с этим племенем. Может быть, название Карадаглы племя или часть племени получило еще в Малой Азии, поселившись там в окрестностях горы Карадаг близ Анкары? Известно, например, что, спасаясь от Чингисхана, отдельные огузские племена Средней Азии в XIII в. переселяются в Малую Азию (в Анатолию)⁵¹. Среди них находились и кайы, подразделения, которые, согласно источникам, и поселились в окрестностях Карадага⁵². Между прочим, у отдельных представителей старшего поколения Терекеме сохранилось предание о том, что карадаглинцы пришли из местности Карадаг, но никто не смог объяснить, где именно она находится⁵³. Возможна связь с азербайджанским этнонимом Карадаг⁵⁴, но определенно сказать трудно.

С племенем кайы мы склонны связывать и название терекемского селения Деличобан. Как показали исследования Г. И. Карпова по огузам в Каракалинском районе Туркменской ССР и в Иране, в 40-х годах нашего века у племени гоклен сохранились такие родовые названия, как авшар, бегдылы, гай (гаи), дудурга, крык, дели, чобаны и др. При этом старшими родами у гоклен считались кайы и дудурга⁵⁵. Как отмечает исследователь, род кайы (кай) играл «важную политическую роль в судьбах тюркских народов (XII—XIV вв.) в Туркмении, Иране и особенно в Малой Азии»⁵⁶.

Примечательно, что еще А. В. Комаров, перечисляя различные этнические общности в г. Дербенте и его окрестностях, наряду с терекеме назвал падар, карадаглы, деличобан, маграга и др.⁵⁷.

Необходимо особо отметить, что монгольские завоевания вызвали большие этнические перемещения, способствовали формированию новых племенных образований, их перегруппировке, переселению на новые места, в частности в закавказский регион, в Азербайджан, а оттуда и в Южный Дагестан.

Разумеется, не все названия селений дагестанских терекемцев непосредственно связаны с этническими, племенными, родовыми названиями. Ряд топонимов, в частности, таких, как Берикей, Великент, Селик, Джемикент, Чонтаул и др., объясняют предания самих терекемцев. Основателем селения обычно выступает конкретный человек. Так, по свидетельству старейших жителей, основателями сел. Великент были два брата Али и Вели, основателем Джемикента — Джими, Деличобана — умалишенный пастух («дели» — букв. «лишенный ума»), Чонтаула —

Чонтук (Чонту)⁵⁸. Название южнокумыкского селения Каякент также связывается с первым якобы переселенцем по имени Кая⁵⁹. Особый интерес в этой связи вызывает топоним Берикей. Сами терекеменцы и их соседи кумыки транслитерируют это название в форме Берекей, а даргинцы — Беркай, Баркай.

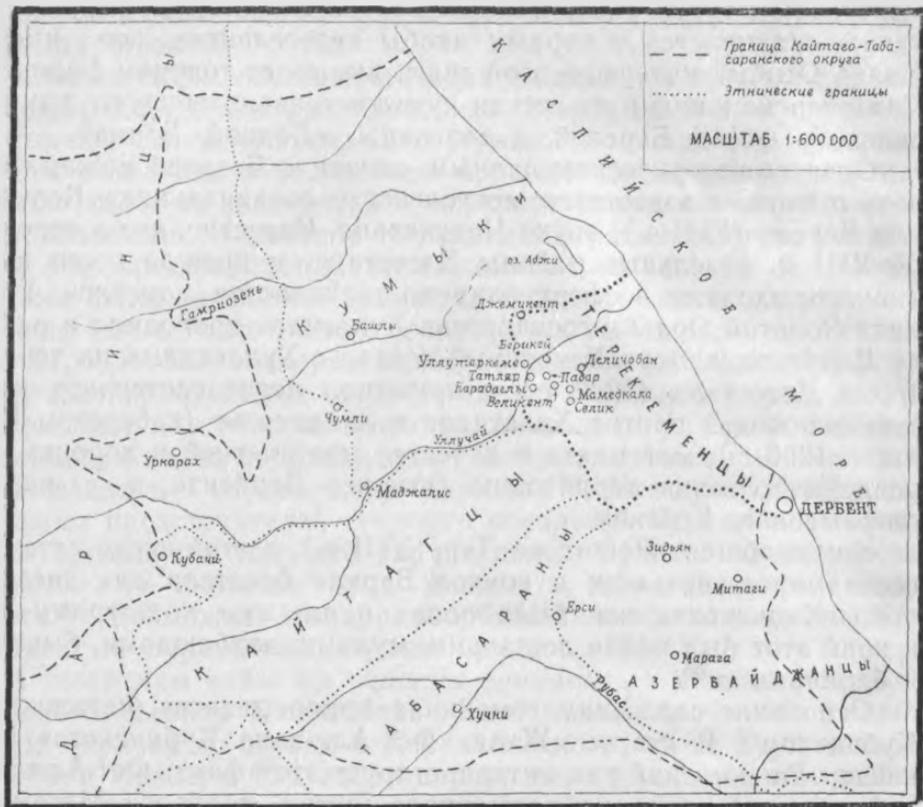
Судя по историческим данным, название Берекей можно связать с именем известного монгольского военачальника Беркая, или Беркея (XIII в.), внука Чингисхана. Известно, что в середине XIII в. отдельные районы Дагестана, и прежде всего равнинного, входили в сферу влияния государства монголов. Граница Золотой Орды и государства Хулагидов проходила в районе Дербента, и Беркей, который воевал с Хулагидами на территории Дагестана (1262 г.) и принимал непосредственное участие в походах против Хулагидов в Закавказье (к берегам Кумы, в 1266 г.), мог иметь в качестве многолетней и хорошо укрепленной ставки территорию севернее Дербента, т. е. район современного Берекея.

Как сообщает Рашид ад-Дин (XIII в.), в этой степи «ставки всех эмиров, вельмож и воинов Беркая блестели как звезды, степь Кипчакская вся была полна палатками и шатрами их, и край этот был полон лошадьми, мулами, верблюдами, быками и баранами...»⁶⁰.

Основание сел. Ханмагомедкала приписывается Феталихану Кубинскому. В статье «Жизнь Фет-Али-хана Кубинского» Искендер Ганжинский так интерпретирует этот факт: Фет-Али-хан «обратил внимание на племянника уцмия, храброго Магомед-Хан-бека, обиженного своим дядей, ласками и разными средствами привязал его к себе, и в 20 верстах от Дербента, к северу, построил крепость, которую назвал Магомед-хан-каласы. Сюда переселил он двести семейств из Кубы, назначив здесь местопребывание Магомед-хан-бека»⁶¹. Между прочим, предание о переселении части жителей вышеназванного селения из Кубы сохранилось и у самих сельчан.

Не вызывает сомнения, что терекеменцы Дагестана имеют близкое родство и с племенами, участвовавшими в формировании азербайджанского народа. Параллели в этнических и топонимических терминах на территории собственно Азербайджана и Терекеменского магала Дагестана — один из неоспоримых аргументов такого заключения. Безусловно, территория расселения и кочевания терекеменцев входила в область формирования народов огромной, этнически разнообразной области — Азербайджана. Близкое этническое родство предков терекеменцев и собственно азербайджанцев подтверждается не только языковой общностью, но и наличием у них общей этносоциальной, политической истории, сходными этническими традициями, отразившимися в их хозяйственной деятельности, в материальной и духовной культуре, в быту.

На чем же основаны все еще сохранившиеся в народной памяти предания, а также утверждения авторов о переселении ча-

Расселение терекменцев в XIX — начале XX в.

сти терекменцев из Кайтагского уцмийства («Хайдакъ Терекеме») на Терско-Сулакскую низменность, во владения северокумыкских князей? Как подтверждают архивные данные, часть терекменцев, до 300 или более семейств, а также 80 семейств евреев в первой половине XVIII в. переселяются во владения кумыкских князей (костекских и эндерийских).

Надо полагать, что это происходило в период опустошительных, грабительских походов Надир-шаха в Закавказье и Дагестан. Архивные материалы свидетельствуют и о непосредственных причинах этого переселения. В ответном письме на имя кизлярского коменданта «кумыкский воевода и бригадир» князь Алиш Хамзин (Хамзаев) пишет, что «терекменцы и жидаи и прочие люди во время Тамасханово... от нероду хлеба голодности приехали, и из них желающих ехать туда возвратно отпустили, а оставшиеся в нашем владении живут, и они вольные люди...»⁶². Аналогичные сведения сообщает и направленный астраханским губернатором к князю Хамзину ротмистр М. Макаров. Ему было поручено разобраться во всех делах, связанных с бегством терекменцев и евреев, и посоветовать костекскому князю Алишу Хамзину и эндерийским князьям Темиру Хамзину и Бам-

мату Айдемирову отпустить их к прежнему владельцу Амир-Гамзе Уцмию⁶³. Это переселение вызвало вражду между уцмием Кайтага и владельцами Эндери и Костека. Надо полагать, что этим обстоятельством был озабочен и сам Надир-шах, под властью которого находились и терпели ужасы произвола и насилия, как и все народы Дагестана, терекеменцы. Очевидно, с этим связано известное обращение Надир-шаха к своим войскам в Дагестане. Он говорил: «Не срам ли мне слышать, что многие персидские подданные из мужска и женска пола в плену у андреевцев, проданные дагестанцами, обретаются. Без освобождения их и отщипания андреевских обывателей оставить нельзя и тем имя персидское прославить»⁶⁴. И действительно, Надир намеревался напасть на владения названных выше кумыкских князей. Об этом недвусмысленно писал в своих письмах переводчик Российского двора и резидент при Надир-шахе С. Братищев. Он предупреждал в своих донесениях русское военное командование, что Надир-шах имеет намерение «нынешнею зимою (т. е. в 1742 г.— С. Г.) на Андреевскую деревню в расплех нападение учинить»⁶⁵. Чтобы совершить внезапный поход на Эндери, шах неоднократно направлял туда разведчиков с целью узнать о численности русских войск и их экспозиции «в приближении к Андреевской деревне»⁶⁶. Однако свой план нападения на Засулакскую Кумыкию Надир осуществить не смог, так как эта часть Дагестана по Гянджинскому договору, заключенному в 1735 г. между Ираном и Россией, рассматривалась как российские пределы. Русское командование через того же С. Братищева дало знать Надиру, что Россия не потерпит его вторжения в Эндери, и напомнило, что границы персидских владений, по заключенному в Гяндже трактату, не распространяются до владений кумыкских князей, расположенных за р. Койсу и находящихся под властью России⁶⁷.

Несколько позже, после поражения Надира в Дагестане, возвращения этих терекеменцев, как своих подданных, стал требовать и кайтагский уцмий. Как уже отмечалось, на этой почве стали осложняться отношения уцмия и кумыкских князей. Участились случаи захвата уцмием людей, направляемых этими владельцами по разным торговым и другим делам в Южный Дагестан или Азербайджан или возвращающихся оттуда через владения уцмия. Участились случаи проявления разбойничьего обычая, известного под названием «баранта» («барамта»), т. е. самоуправного, в виде залога, захвата любого имущества и даже людей.

Так, кумыкский воевода князь Алиш Хамзин в своих объяснениях Кизлярской комендатуре писал, что у кайтагского уцмия находятся их подвластные — «от андреевских и от костековских людей несколько нажиты и холопьев удержан да еще моих собственных четырех с четыре лошадами и триста шестьдесят рублей денег да еще четыре под золотым захватил»⁶⁸. Аналогичные объяснения в Кизляр направляли и эндерийские князья Темир

Хамзин и Баммат Айдемиров. В частности, они писали о каких-то терекемцах в числе «пятьсот или шестьсот подвластных», ушедших из кумыкских владений к уцмию, как о подданных кумыкских князей⁶⁹.

Обстоятельства, очевидно, складывались так, что кайтагский уцмий Амир-Гамза не сразу смог потребовать возвращения его подданных из кумыкских владений, так как фактически был отстранен от власти Надиром и, преследуемый последним, находился «в бегах».

Для понимания политической ситуации в Южном Дагестане, в том числе и в Кайтаге, в этот период определенный интерес представляет донесение М. Макарова. Он отмечает, в частности, что «терекемцы и жида не по призыву... Алиша пришли или не силой приведены. Сей их переход сделался, когда бывший персидский Надир-шах Хайдацкого владельца уцмия утеснил и разорил... в то время подвластные его, уцмиевы, терекемцы и жида пришли для спокойного пребывания к нему, Алишу, также к андреевским владельцам Темиру и Баммату сами собой добровольно...»⁷⁰. Из донесения также видно, что уцмий стал требовать этих терекемцев после того, как «Надир-шах от Хайдаков отступил и смерть ему приключилась... и как владелец уцмий по-прежнему в своем владении утвердился»⁷¹.

В сообщении М. Макарова отразились конкретные события этого периода — насилие, грабеж, узурпация власти местных владельцев, оккупация. Как отмечал А. Бакиханов, Надир «все разграбил и опустошил огнем и мечом», «уцмий заперся в Калакурейш, построенный на вершине горы, покрытой лесом, куда вела одна тропинка. Надир пошел против него. Уцмий три дня упорно защищался, наконец принужден был бежать в Аварию»⁷². Известно, что Надир-шах во время своих походов даже устраивался лагерем вблизи магала Терекеме (у сел. Ханмагомедкала), в 15—18 верстах севернее Дербента. Там Надир устроил укрепленную «высокими валами и башнями крепость»⁷³. По сведениям того же А. Бакиханова, здесь шах «оставался зимовать и, устроив балаганы для своего войска, перевел туда и свой гарем»⁷⁴. Но народы Дагестана оказали завоевателю упорное сопротивление и заставили его отступить. В связи с неудачами Надира это укрепление было впоследствии прозвано «Иран-Хараб» («Поражение Ирана») ⁷⁵.

Кайтагский уцмий неотступно требовал от русских властей возвращения кумыкскими князьями его бывших подданных или компенсацию за нанесенный ущерб в сумме 30 тыс. руб. Чтобы оказать давление на русское правительство, он вероломно захватил в плен известного ученого, академика Российской академии Г. Гмелина, «угрожал учинить над ним какое-нибудь злодейство, если в тридцать дней или беглые его терекемцы или тридцать тысяч рублей денег за них не будут отдано»⁷⁶. Называя поступок «злодейским», академик П. Г. Бутков писал: «Но как ему самому (уцмию Кайтага.— С. Г.) было известно, что ку-

мыкские владельцы хотя и почитаются в Российском подданстве, однако во внутренних своих распоряжениях всю свободу имеют, и мог он сам непосредственно с ними разобратся судебным по их обыкновению порядком; а он, получа таковой ответ, отозвался на оный Кизлярскому коменданту, что если нет намерения принудить кумыков к удовлетворению требования его, то бы заплачено ему было 30 тыс. рублей»⁷⁷. Кумыкские же князья, как мы уже отмечали, отказывались вернуть терекемцев, ссылаясь на их приход «по своей воле». Пока тянулась тяжба, Г. Гмелин умер в плену у уцмий в 1774 г.

Переселение терекемцев на Кумыкскую равнину не было единовременным актом. Могли иметь и, очевидно, имели место разновременные переходы, бегство групп терекемцев из магала Терекеме и возвращение их из кумыкских владений в Терекеме — в уцмийство. Не случайно на вопрос, о каких терекемцах идет речь: «О тех ли, о коих прежде требования были, или других, вновь перешедших и ушедших из его (Хамзина.— С. Г.) владения»,— М. Макаров отвечает, что уцмий требует «тех терекемцев и жидов, которых прежде он, владелец, имел, а не вновь перешедших»⁷⁸.

Итак, определенная часть терекемцев оказалась среди северных кумыков, которыми она впоследствии окончательно ассимилировалась.

В начале XIX в. в Засулакской Кумыкии, как свидетельствует Д. М. Шихалиев, терекемцы принадлежали «четырем княжеским родам: Казаналиповым, Айдемировым, Темировым и Алишевым»⁷⁹. По данным 1867 г., в Кумыкском округе (без сел. Чонтаул) всего насчитывалось «1257 терекемцев»⁸⁰.

Вначале, очевидно, терекемцы были расселены по хуторам. В 4—5 км от современного селения Чонтаул, например, один из участков до сих пор известен под названием Терекеме-отар («Хутор терекемцев»). В начале XIX в. терекемцы проживали в сел. Костек, где они образовали отдельный квартал — Терекеме-аул (терекемский квартал на земле костекских князей), в сел. Темираул и Чонтаул (на землях эндерийских князей). Любопытно, что самые старые могилы на Темираульском кладбище, расположенные с краю, особняком, называются «къажар сынлар» («каджарские надгробия») ⁸¹. Судя по данным Д. М. Шихалиева, под названием Каджар-аул существовал квартал в сел. Аксай ⁸². Известно, однако, что терекемцев каджарами не называли. Возможно, «каджарами» кумыки называли беглых солдат — шиитов из армии Надир-шаха. Следует отметить, что со временем число жителей этих аулов увеличивалось за счет переселенцев из других кумыкских аулов, покидавших прежние места своего обитания по разным экономическим и социальным обстоятельствам. Возможно, имело место переселение определенного числа семей и в принудительном порядке, по воле феодала.

Отметим, что термин «терекеме» в Северной Кумыкии со вре-

менем превращается из этнического в социальный. Им обозначают определенную категорию зависимого крестьянства. Социальный смысл наряду с этническим он приобретает и в Кайтагском удмийстве (см. ниже).

Терекеменцы, по крайней мере их часть, переселились в удмийство с уже сложившимися земледельческими традициями, хотя скотоводство также сохранялось в качестве важной отрасли их деятельности. Пожалуй, только этим можно объяснить сравнительно быстрое освоение ими в терекеменской равнине такой сложной и трудоемкой отрасли хозяйства, какой являлось рисоводство, не говоря уже о возделывании марены. Безусловно, немалую роль в этом отношении играли благоприятные природно-географические условия местности, плодородные почвы, богатые водные системы (р. Уллучай, подпочвенные воды) и, наконец, географическое положение, способствующее тесным контактам с окружающим оседло-земледельческим населением, имевшим многовековой опыт ведения разноотраслевого сельского хозяйства, в том числе поливного земледелия.

Известно, что терекеменцы Присулакской низменности также занимались рисоводством. Окружавшему их населению эта отрасль хозяйства была неизвестна. «Занятия их в Кумыкском владении,— писал Д. М. Шихалиев об этой группе терекеменцев,— состоят исключительно в посеве сарачинского пшена по берегам Сулака»⁸³. О роли рисоводства в хозяйстве северных терекеменцев свидетельствуют и архивные материалы. Судя по документам 1864 г., терекеменцы выращивали рис не только для собственных потребностей, но и как товарную продукцию, возили его для продажи даже на дальние рынки, например в Кизляр, считавшийся городом «внутренней» России. Словом, возможно, традиции рисоводства они приобрели еще в Ширване.

Процесс этнического развития терекеменцев был сложным и многоаспектным. В нем нашли отражение этнокультурные связи целого ряда племен, в той или иной мере принимавших участие в процессе формирования азербайджанского народа. В числе этнических общностей, сыгравших особую роль в этногенезе азербайджанского народа, в том числе дагестанских терекеменцев, следует отметить огузов. Образование ядра терекеменцев, а также части родственного им тюркского населения (представителей огузской группы языков) Южного Дагестана происходило на территории Азербайджана. Но чем больше отдалялись отпочковавшиеся ветви этих более крупных в свое время этнических и этнолингвистических общностей племен, чем дальше продвигались они на север, в прикаспийские степи и в предгорья Дагестана, тем сильнее они сливались как с более ранними тюрками, так и особенно с местным населением региона. При этом пришельцы либо сами растворялись в местной этнолингвистической среде, либо, напротив, ассимилировали аборигенов, передавая им свои тюркские (в отдельных случаях — иранские) языки и другие элементы культуры.

Направленность этого процесса зависела от многих факторов — таких, как политическая ситуация, численное соотношение аборигенов и пришлых, повторные миграции, доля тюркоязычного или ираноязычного (добавим еще — арабоязычного) населения и, что очень важно отметить, преимущества хозяйственного уклада. При этом следует учесть, что, хотя осколки отдельных распадавшихся или вновь складывавшихся тюркских, ираноязычных и других групп оседали здесь начиная с IV в., процессы проникновения и оседания иноэтнического населения продолжались и в более поздний период. Не требует специального доказательства, что более ранние переселения подготовили благодатную почву для последующих переселенцев с юга и для результативности процесса в целом. Древними и более поздними этнолингвистическими контактами, думается, можно объяснить наличие целого ряда аулов, население которых еще в XIX в. одинаково свободно говорило на двух языках; на родном и азербайджанском (таты, цахуры, часть табасаранцев, рутулов и агулов). В результате тюркский язык как основной язык межэтнического общения получил достаточно широкое распространение даже среди нетюркоязычного населения. Это двуязычие сыграло большую роль в укреплении хозяйственных и культурных контактов населения.

Вопрос об этнокультурных связях терекеменцев с окружающим их населением — кумыками, даргинцами, табасаранцами и другими — заслуживает особого внимания.

Прежде всего отметим, что важным результатом переселения тюркоязычного и другого населения из Азербайджана в Южный Дагестан в исторически обозреваемое время явился их интенсивный переход к оседлому образу жизни, включение их в единую систему культурно-хозяйственного комплекса Дагестана, а также в социальное развитие в рамках издавна существовавших здесь феодальных образований.

Связи терекеменцев, как и других тюркоязычных, ираноязычных и арабоязычных групп Южного Дагестана, с иноэтническим окружением развивались многосторонне. Они росли и укреплялись в процессе хозяйственного и культурного развития дагестанских народов. Оказавшись на обширных землях Южного Дагестана, с хорошо налаженной оросительной системой сельского хозяйства, терекеменцы стали жить лучше многих торцев. Не случайно на терекеменскую территорию потянулись малообеспеченные семьи из многих окружающих обществ. Здесь они нанимались в богатые хозяйства на всякого рода работы: летом на уборку урожая, весной — на строительство домов, зимой — на уход за скотом, доставку воды и т. д. Пастухами здесь также были преимущественно горцы. Многие бедные горцы приезжали с семьями на весь осенне-зимний сезон. Известны случаи, когда горские семьи, особенно с детьми, навсегда оставались здесь, освоив язык и весь хозяйственно-бытовой и культурный уклад терекеменцев. Между переселенцами с гор и тере-

кеменцами заключались браки. Так как терекеменцы-мужчины считались заботливыми семьянинами, соседи (южные кумыки, даргинцы, табасаранцы) без особых уговоров соглашались выдавать за них своих дочерей. Обязанностью терекеменских женщин считалась только домашняя работа, воспитание детей, но не работа в поле (жатва, косовица и др.). Так или иначе, в каждом терекеменском селении можно было увидеть несколько семей, породнившихся с кумыками, даргинцами, табасаранцами и лезгинами. Особенностью межнациональных браков терекеменцев было их ограничение для женщин пределами своего магала. Это, очевидно, объяснялось спецификой домашнего быта терекеменцев, большой устойчивостью патриархальных традиций в домашнем быту.

Таким образом, этнокультурные связи терекеменцев с окружающим их в течение веков разнонациональным населением неоспоримы. Это подтверждается целым рядом явлений историко-культурного характера (близость форм быта, общность принципов построения поселений, жилища, сходство обрядов, традиций и др.). В то же время азербайджанский этнический компонент имел решающее значение в становлении азербайджанцев-терекеменцев как этнической общности, в формировании их уклада жизни, быта, культуры.

Для современных терекеменцев характерно отсутствие существенных различий между их бывшими этническими локальными подразделениями. Этому, очевидно, способствовали интенсивные многовековые взаимовлияния и взаимодействия между отдельными локальными группами, процессы этнической консолидации, приводившие к постепенному стиранию как антропологических, так и культурно-бытовых различий.

Антропологически дагестанские терекеменцы довольно смешанны. Как показали исследования, проведенные Г. Ф. Дебецем, Н. Н. Миклашевой и А. Г. Гаджиевым, терекеменцы обнаруживают черты сходства главным образом с азербайджанцами и частично с южными кумыками (особенно с жителями сел. Каякент). В целом терекеменцы считаются представителями (хотя и нетипичными) каспийской расы⁸⁴. По сравнению с азербайджанцами терекеменцы выше ростом, более широколицы, несколько менее пигментированы, у них менее полные губы, менее волнистые волосы, не такие густые брови. Эти особенности являются следствием охарактеризованного выше смешения терекеменцев с соседними народами Дагестана, прежде всего с южными кумыками и даргинцами Кайтага. Можно предположить, что антропологический состав терекеменцев, как и всего населения Южного и Восточного Дагестана, представляет собой результаты смешения кавкасионской и каспийской групп популяций, входящих в разных пропорциях в состав каждого народа⁸⁵. В составе азербайджанского народа выделяются два главных типа, являющиеся отражением его этногенеза. Популяции северных районов Советского Азербайджана в несколько большей

чистоте сохранили тип албанских народов, южные же связываются с древней Атропатеной⁸⁶. То же самое, очевидно, можно утверждать по отношению к дагестанским терекеменцам⁸⁷.

Говорят терекеменцы на диалекте, близком к восточным диалектам азербайджанского языка — кубинскому и шемахинскому, отражающим в большей степени влияние языков кыпчакской группы. В терекеменском диалекте также сказывается сильное влияние кумыкского языка, отразившееся не только на его лексике, но и на его фонетике. Находясь на самой северной границе распространения азербайджанского языка, терекеменский диалект, так же как и дербентский, очень давно начал испытывать на себе влияние, особенно через кумыкский язык, кыпчакской языковой группы. Как справедливо отметил М. Н. Джафарзаде, «самые важные синтаксические отличия между полярными диалектными группами и диалектами объясняются генетической связью диалектов с различными тюркскими племенными диалектами»⁸⁸.

Применительно к терекеменцам в этом плане можно говорить о связях их диалекта главным образом с огузским и частично с кыпчако-половецкими элементами.

В настоящее время терекеменцы считают себя азербайджанцами не только по происхождению, но и по языку. В результате усиления связей терекеменцев с собственно азербайджанцами среди них расширяется сфера влияния азербайджанской письменности и литературы. Эти процессы получили новый импульс после Великой Октябрьской революции, когда в Дагестане была успешно осуществлена культурная революция и терекеменская земля покрылась сетью общеобразовательных школ. До революции литературный язык азербайджанцев, в том числе и терекеменцев, основывался на реформированной арабской графике. В 1928—1930 гг. последняя была заменена латинским алфавитом, а затем — русским. На азербайджанском литературном языке издается обширная художественная, научная и общественно-политическая литература. Вместе с тем терекеменцы, как и все остальные азербайджанцы, широко пользуются русским литературным языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно см: Народы Азербайджанской Советской Социалистической Республики.— Народы Кавказа. Т. II. М., 1962, с. 45 («Народы мира»); История Азербайджана. Т. I. Баку, 1958, с. 169—172; Алиев И. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959; Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. М., 1964; Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 170—171; Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в.— Сборник по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949, с. 185; Баскаков Н. А. Карапахахи, или Терекеме и изучение их языка.— КСИНА. Вып. 65. М., 1964; Он же. Тюркские языки. М., 1960; Ямпольский З. И. Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана.— Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 40; Гусейнов Р. А. О тюрках IV—VII вв. в зоне Кавказской Албании.— Вопросы истории Кавказской Албании.

с. 181—190; *он же*. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 375—381; *он же*. Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI—XII вв.— Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980, с. 348—352; *Юсифов Ю. Б.* К этногенезу азербайджанцев.— Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984, с. 331—338.

² История Азербайджана. Т. I, с. 203.

³ *Гордлевский В. А.* Силуэты Турции, Юруки.— Избранные сочинения. Т. III. М., 1962, с. 108.

⁴ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. Т. I. М., 1960, с. 73.

⁵ *Левиатов В. В.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 41.

⁶ Там же, с. 41.

⁷ *Агаджанов С. Г.* Огузская проблема и задачи ее изучения.— Тюркологический сборник. 1973 г. М., 1975, с. 19.

⁸ *Левиатов В. В.* Очерки из истории Азербайджана, с. 39; *Петрушевский И. П.* Государства Азербайджана, с. 185.

⁹ О «терекеме», «таракама» как о племенном названии применительно к концу XVII и началу XVIII в. см.: *Есаи Католикос (Хасан Джалолян)*. Краткая история страны Агван (пер. Т. И. Тер-Григоряна с армянского текста). Ер., 1868, с. 13. На этот трактат ссылается В. В. Левиатов (Очерки из истории Азербайджана, с. 64).

¹⁰ Под названиями «терекеме» и «карапахи» этнические группы азербайджанцев проживают также на территории Грузинской и Армянской ССР. См.: *Баскаков Н. А.* Карапахи, или Терекме, с. 26—29; *Загурский Л.* Поездка в Ахалдихский уезд в 1872 году.— ЗКОИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873, с. 52.

¹¹ *Левиатов В. В.* Очерки из истории Азербайджана, с. 40—41.

¹² *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. II. СПб., 1871, с. 359.

¹³ *Бакиханов Аббас-Кули-Ага, «Кудси»*. Гюлистан-Ирам.— Труды Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1926, с. 89.

¹⁴ *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам, с. 89.

¹⁵ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге (1901 г.).— Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в. Архивные документы. Составление, предисловие и примечание Х.-М. Хашаева. М., 1969, с. 190.

¹⁶ *Кумык [Шихалиев Д.-М.]*. Рассказ кумыка о кумыках.— Кавказ. 1848, № 43.

¹⁷ См.: *Князь Х-ъ [Хамзаев]*. Кое-что о кумыках.— Кавказ. 1865, № 68.

¹⁸ *Семенов Н.* Туземцы Северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 230.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 225, л. 84.

²⁰ Записано в 1957 г. в сел. Великент Дербентского района. По всей вероятности, выходцами из того же сел. Бёюкшихларкенты были шейхи, поселившиеся также в Джемикенте, Карадаглы и Великенте.

²¹ Согласно источникам, падары были переселены в Азербайджан из Ирана в XVI—XVII вв. Сефевидами. Часть их была размещена в северо-восточных, пограничных с Дагестаном районах. См.: История Азербайджана. Т. I, с. 266.

²² Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

²³ Там же. О современных селениях, называющихся Каракоюнлу (в Аксинском и Касум-Исмаиловском районах), см.: Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление. Баку, 1961, с. 30, 69.

²⁴ Там же, с. 226, 247, 260.

²⁵ Примечательно, что в Средней Азии еще в X—XI вв. туркменами называли ту часть степного населения, которая была более связана с оседлыми таджиками, а восточные авторы XI—XIII вв. туркменами именовали сельджукскую группировку огузских племен. См.: История Туркменской ССР. Т. I. Ашхабад, 1955, с. 174, 239.

²⁶ *Ибрагимов Д.* Феодалные государства на территории Азербайджана.

па XV в. Баку, 1962, с. 52; История Дагестана. Т. I. М., 1967, с. 210.

²⁷ *Мецопский Фома*. История Тимур-Ланка и его преемников. Баку, 1957; о пребывании в Южном Дагестане групп каракоюнлу см. также: *Ханыков Н. В.* Археологическое известие.— Кавказ. 1850, № 52—53; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. М., 1966, с. 204.

²⁸ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I, с. 204.

²⁹ *Ханыков Н. В.* Археологическое известие; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа; *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984, с. 272, 356—357.

³⁰ Записано от учителя географии Берикейской средней школы Х. Ханмагомедова.

³¹ См.: Тарих-и Дербент-наме. Перевод под редакцией Алиханова Аварского. Тифлис, 1898, с. 41.

³² *Махмуд Кашгарский*. Диван лугат ат-тюрк (Извлечения). Пер. И. Н. Лиманова.— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939, с. 309; *Рашид-ад-Дин*. Джамии-ат-Таварих (Извлечения). Пер. И. Н. Березина.— Там же, с. 494, 500.

³³ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов, с. 72—73. Интересно отметить, что, по османскому преданию, основание государства турок-османов приписывается вождю туркменского (огузского) племени Осману из племени Кайин. Подробнее см.: *Рансумен С.* Падение Константинополя в 1453 г. (Пер. с англ. Петрушевской Л. Б.). М., 1983, с. 3; см. также: *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов, с. 80.

³⁴ *Карпов Г. И.* Туркмены-огузы (материалы по этногенезу туркменского народа).— Известия Туркменского филиала АН СССР. Вып. I. Ашхабад, 1945, с. 4.

³⁵ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов, с. 71.

³⁶ Там же, с. 72—73.

³⁷ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 231.

³⁸ *Мукаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа.— МИА. Вып. 100, 1961, с. 76—77, 89, 94; *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД. Т. I, с. 121—134; *Гаджиев М. Г.* Новые данные о генезисе палеометаллической культуры Дагестана.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 году. Махачкала, 1978, с. 1—3; *Гаджиев М. Г., Маммаев М. Г.* Исследования Прикаспийской экспедиции.— Археологические открытия. 1977, М., 1978, с. 112—113; *Гаджиев М. Г.* Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане.— Археологические открытия. 1979. М., 1980, с. 101; *Гаджиев М. Г., Корневский С. М.* Металл Великентской катакомбы.— Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984, с. 7—27.

³⁹ *Гаджиев М. Г.* Отчет о работе Прикаспийской экспедиции. Махачкала, 1977.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 2, д. 600; *Котович В. Г.* Новые археологические памятники, с. 136—139, 145—148.

⁴⁰ *Комаров А. В.* Народонаселение Дагестанской области.— ЗКОИРГО, Кн. 8. Тифлис, 1873, с. 23.

⁴¹ Там же, с. 23.

⁴² Подробнее см.: *Федоров Я. А.* К вопросу об этногенезе кумыков.— Научные доклады высшей школы: Исторические науки. Вып. I. М., 1959; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 33—45; История Дагестана. Т. I, с. 103, 116—117.

⁴³ См.: *Эфендиев О.* Азербайджанское государство сефевидов в XVI веке. Баку, 1981, с. 171, 222.

⁴⁴ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 140, 203.

⁴⁵ *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию... а через Московию в Персию. СПб., 1906, с. 455.

⁴⁶ Там же, с. 484—485.

⁴⁷ Там же, с. 486.

⁴⁸ *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935, с. 243.

⁴⁹ Вахушти Б. География Грузии. Пер. Джанашвили. Тифлис, 1904, с. 119 и др.

⁵⁰ О татах Азербайджана подробнее см.: Гулиев Г. А. Таты.— Народы Кавказа. Т. II, с. 181—186.

⁵¹ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 255.

⁵² Подробнее см.: Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971, с. 127.

⁵³ Записано в июне 1965 г. в сел. Уллутерекеме от Азизова Иражаба (1870 г. р.).

⁵⁴ Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление, с. 30, 226.

⁵⁵ Карпов Г. И. Туркмены-огузы (материалы по этногенезу туркменского народа), с. 4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области, с. 24.

⁵⁸ О возникновении сел. Чонтаул существует такое предание: житель сел. Эндери по имени Чонту, убив человека, долго скитался на чужбине. Тухум убитого не прощал ему, не разрешал вернуться в родное селение. Тогда Чонту решил обосноваться в понравившемся ему месте: там было много воды и корма для скота. Вслед за ним здесь же поселились его родственники, чтобы обеспечить ему, как кровнику, безопасное существование. Это место вначале являлось хутором и называлось Къачалыкъ («Место для беглых»), а потом, с ростом числа жителей, за ним утвердилось название Чонтаул. (Записано в 1953 г. в сел. Хасавъюрт от сказителя Акавова Аяву.)

⁵⁹ Записано в 1966 г. от жителя сел. Каякент А. Султанбекова, 1866 г. р.

⁶⁰ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.—Л., 1941, с. 74.

⁶¹ Кавказ. 1847, № 48. Аналогичные сведения приводит и А. Комаров. Годом строительства Ханмагомедкалы он считает 1775-й и отмечает, что здесь «жили зимой члены уцмийского дома» (Комаров А. Список населенных мест Дагестанской области.— Сборник статист. сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869, с. 92).

⁶² ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. I, д. 464, л. 69.

⁶³ Там же, л. 66—67 (с об.).

⁶⁴ Цит. по: Юдин П. А. Россия и Персия в конце 1742 года по письмам Братищева к канцлеру кн. А. М. Черкасскому.— Русский архив. Т. 3, 1889, с. 282.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. СПб., 1869, с. 225.

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. I, д. 464, л. 69.

⁶⁹ Там же, л. 66 (с об.), д. 225, л. 84, 89.

⁷⁰ Там же, л. 66 (с об.).

⁷¹ Там же.

⁷² Бакиханов А. Гюлистан-Ирам, с. 122. По всей вероятности, в этот период основной резиденцией, «стольным городом» кайтагских удмиев был Башлы. Примечательно, что многие дагестанские владетели в опасное время свое богатство перевозили в Кубачи и другие хорошо укрепленные места.

⁷³ История Дагестана. Т. I, с. 267—268.

⁷⁴ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам, с. 122.

⁷⁵ Подробнее см.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с. 213—214, 217 и др.

⁷⁶ Полиектов М. А. Архивные данные о смерти на Кавказе акад. Готлиба-Георга Гмелина (младшего).— Известия Кавказского историко-археологического института. Т. III, с. 113—138.

⁷⁷ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с. 14—15.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. I, д. 464, л. 67 (с об.).

⁷⁹ [Шихалиев Д. М.]. Рассказ кумыка о кумыках.— Кавказ. 1848, № 43.

⁸⁰ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 42.

⁸¹ Каджары — тюркское племя в Иране. Термин «каджар» нередко применялся и по отношению ко всем иранцам.

⁸² [Шихалиев Д. М.]. Рассказ кумыка о кумыках.— Кавказ. 1848, № 43.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Еще Г. Ф. Дебецем, а затем Н. Н. Миклашевской и В. П. Алексеевым было высказано мнение, что в сложении населения Южного Дагестана большую роль играл каспийский тип, который прослеживается здесь с древнейших времен. Подробнее см.: Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане.— Антропологический сборник. Нов. сер. Вып. 1. 1956, с. 213; Миклашевская Н. Н. Антропологический состав населения Дагестана в ала-нохазарское время.— Вопросы антропологии. Вып. 5. 1960, с. 120; Алексеев В. П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа.— Уч. записки ИИЯЛ. Т. XIII (серия историческая). 1964, с. 155—172; Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965, с. 111—112. О происхождении азербайджанцев см.: Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 204—205; Касимова Р. М. Антропологическое исследование современного населения Куринской долины.— Вопросы антропологии. Вып. 5. 1960, с. 67, 69.

⁸⁵ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа, с. 207.

⁸⁶ Касимова Р. М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975, с. 49—52.

⁸⁷ Наши сведения об антропологических данных по терекеменцам уточнены у дагестанского антрополога А. Г. Гаджиева.

⁸⁸ Джафарзаде М. Н. Синтаксис диалектов и говоров азербайджанского языка.— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Баку, 1981, с. 57.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Зерновые культуры

Ведущим занятием населения было земледелие. Оно носило многоотраслевой характер. Многие авторы, писавшие в конце XVIII — начале XIX в., отмечали разнообразие сельскохозяйственных культур, возделываемых жителями равнинной части уцмийства Кайтагского, в том числе и Терекеме¹. Так, Д. И. Тихонов еще в конце XVIII в. сообщал, что в равнинной части Дагестана, в том числе и во владениях уцмий Кайтагского, «произрастает довольно разных родов хлеба, хлопчатая бумага, мариона, сарачинское пшено, садовые же и лесные плоды, овощи и шелковичные черви весьма малой частью произрастают»². То же самое отмечал и А. И. Ахвердов в начале XIX в., когда писал, что жители приморской части, в том числе и Терекеме, «имеют довольно изрядный прибыток от своих земель, как то: на плоскости живущие хлебопашеством, посевом сарачинского пшена и хлопчатой бумаги, шелководством»³.

Основное место в хозяйстве все же занимало производство зерновых культур, в основном пшеницы — сары-бугда (арнаутка), аг-бугда и др. «Поля в Терекеме, — отмечалось в „Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге“ в 1901 г., — засеивали обыкновенно пшеницею, ячменем и чалтыком, причем $\frac{1}{3}$ пашни засеивают пшеницею и $\frac{1}{3}$ — ячменем и чалтыком, но чалтык — меньшая часть». Что касается кукурузы и проса, то их удельный вес был небольшим. Не случайно в этой же «Записке...» отмечалось, что жители Терекеме «кукурузу и просо сеют только в те годы, когда ожидают дурной урожай»⁴. Все же в изучаемое время кукуруза играла большую роль, чем просо, и ее значение стало особенно возрастать с начала XX в.

Находившийся в общественном пользовании земельный фонд — эллик торпаг, джамаат торпаг — терекемцы делили по угодьям: пашни, сенокосы, пастбища и лес. Пахотные земли, в свою очередь, делились на участки, отводимые под озимые, яровые и пар для залежи.

При использовании участков под пашни, сенокосы, пастби-

ша общества исходили из своего многолетнего опыта, местных условий обработки земли, качества почвы, возможностей орошения и т. д. В земледелии практиковались двухпольная, трехпольная и многопольная системы. При выборе того или иного способа обработки земли руководствовались величиной земельного фонда, плодородием земли и т. д. Для восстановления плодородия часть земель периодически оставляли под пар, отводя обычно эти земли под пастбища, залежи. Они назывались «сага ерлер» (целина), а также «гурамит ерлер», «хам ерлер», «барлаг ерлер» или «бош ерлер», «гоюлмуш торпаш». В одних случаях они отдыхали год (гурамит ерлер), в других — 5—10 лет (сага, хам ерлер), в третьих — один сезон (с осени до весны и наоборот). Все зависело от возможностей и необходимости. Пахотная земля делилась на плуги. Полный плуг составлял чаще всего три-четыре пары буйволов. Для получения надела два, три или четыре хозяйства объединялись в «полный плуг», а потом делили этот надел между собой. Зажиточные семьи, имеющие возможность выставить «полный плуг», получали полный надел. Однако таких хозяйств были единицы. «Плугов» насчитывалось в сел. Падар — 8, в сел. Татляр — 8, в сел. Карадаглы — 5, в сел. Селик — 8, в сел. Ханмамедкала — 8, в сел. Великент — 25, в сел. Деличобан — 25, в сел. Берикей — 44, в сел. Улутерекеме — 6,5, в сел. Джемикент — 36⁵.

Получив надел, в том числе на разных участках, крестьянин мог использовать его по своему усмотрению: часть засеять сразу, часть оставить под пар — гугар. Пар мог быть осенним — пайыз гугар и весенним — язбаш гугар. Однако чаще земли, оставаемые под пар, вспахивали весной для осеннего сева, считая, что при весенней вспашке под пар сорных трав бывает меньше и земля лучше впитывает в себя азот. Значение, которое придавало местное население весенней вспашке, образно зафиксировано в пословице «Гугары олмаянын когалы олмас» (букв. «Кто не вспахал землю под пар, не может иметь сдобных лепешек») и др. Готовя почву для осеннего сева, крестьяне утверждали: «Почва должна видеть два лета (Торпак ики язы гёрме лазымдыр)». В связи с этим землю пахали для осеннего сева, особенно пшеницы, не только в мае или в начале июня, но и осенью. Маломощные крестьяне иногда ограничивались весенней вспашкой. В этом случае после осеннего сева производили глубокое боронование — мала чекен. Надо при этом иметь в виду, что терекеменцы не практиковали удобрения почвы. Собрав навоз во дворе, они вывозили его за аул и выбрасывали. Поэтому не случайно, что, даже по официальным данным, терекеменцы половину обрабатываемых под пашню земель ежегодно оставляли под паром. Так, в сел. Падар из 2640 сабу⁶ (220 дес.) земли оставалось под паром 1320, в сел. Карадаглы из 1650 сабу (137½ дес.) — 825 сабу. Почти такая же картина наблюдалась и в других селениях⁷.

Участки под пастбища отводились после уборки хлебов, ког-

да обильное солнце выжигало остатки растений, сорняков, в результате чего создавался слой перегноя. Общинники, и особенно члены супряги, старались засеять наделы одинаковыми культурами, которые поспевали одновременно. В чередовании культур соблюдались различные агротехнические приемы, но чаще два года подряд сеяли пшеницу, потом ячмень или кукурузу или же рис. На третий или четвертый год земля обычно отдыхала. Потом снова засевали пшеницу, как более прихотливую культуру. Практиковались и иные севообороты: рис, потом пшеница и снова рис, пшеница, кукуруза.

Как уже отмечалось, основной зерновой культурой в хозяйстве терекеменцев была пшеница. Терекеменцы культивировали несколько видов пшеницы: сары-бугда (она же истамбул-бугда), аг-бугда, наргыз-аба и др. Самой популярной по своим вкусовым качествам была сары-бугда, самой высокоурожайной — наргыз-аба, хотя в засушливые годы последняя быстро выгорала. Сорт аг-бугда в отличие от других сортов можно было сеять не только осенью, но и весной.

Пшеница, выращенная терекеменцами и известная под названием «терекеме будай» (терекеменская пшеница), славилась во всем регионе — и у южных кумыков, и у даргинцев, и у лезгин. Урожай пшеницы составлял в среднем сам-10 (в засушливые годы значительно меньше). Из ячменя высокоурожайными и засухоустойчивыми качествами выделялся сорт гара-арпа (ячмень с черными колосьями). При благоприятных погодных условиях он давал урожай до сам-20—25 и даже 30. Кукурузу сеяли как культуру высокоурожайную, а рис главным образом сортов гара-гылчыг, аг-гылчыг. Бывали засушливые годы, когда зерновые давали очень низкие урожаи — сам-3—4.

Большое значение терекеменцы придавали совершенствованию сортов семян. Народные приемы селекции заключались в следующем: из собранных снопов (дэрз) отбирали молодые колосья — сямбюллер с крупными, полными зернами. Их обмолачивали отдельно. Этими семенами засевали особый участок, урожай с которого поступал в семенной фонд, затем семенами из этого фонда засевали участок хорошей земли, причем обязательным условием было отсутствие на этом участке в предыдущий год посевов ячменя. Урожай с этого участка молотили и хранили отдельно до осеннего сева. Такой прием во избежание измельчания семян повторялся периодически, т. е. через каждые 3—4 года. Другим способом селекции был отбор семян путем провеивания (деневер атыб, бугда атыб) обмолоченного зерна на току. Для этого мужчины деревянной лопатой подбрасывали зерно вверх. При этом крупные, полноценные зерна падали около вейтеля, а мелкие — дальше от него. Полновесные зерна хозяин откладывал для семян. Таким же путем отбирали семена риса и ячменя. Иногда зерно просеивали через специальное сито.

Для семян кукурузы — гъажи бугда⁸ отбирали крупные по-

чатки с полновесными зернами. Из них делали связки — «косы» (сачлар) и вешали сушить под крышей на веранде, высоко под потолком и в хозяйственных помещениях. Когда наступал период сева, початки выбивали палками или (чаще) снимали зерно руками.

Для пахоты терекеменцы применяли тяжелый деревянный плуг — котан, в который впрягали три-четыре пары буйволов. Как все кавказские плуги, в том числе азербайджанский и кумыкский, терекеменский передковый плуг состоял из трех основных частей: рабочей (собственно плуга), колесной — чархлар и яремной — боюнса, боюндурат.

Участки с рыхлым грунтом могли вспахивать и более легким плугом — хыш, в который впрягали одну пару буйволов. Но таких земель в Терекеме было мало, преимущественно в садах, огородах или на опушках леса. Кроме того, хыш использовали в процессе культивации на землях, оставляемых под паром для осеннего сева. Культивация осуществлялась вслед за севом. Как и его разновидности, представленные в предгорном и нагорном Дагестане, а также в Азербайджане, терекеменский хыш состоял из полоза, пяты, отвала, рукояти, вставляемой в пяту, железного лемеха, ярма. Недаром азербайджанский крестьянин так характеризовал легкость и удобства хыша:

Гурбан олум, эйри хыша
Гет о баша, гэл бу баша.

Буду твоей жертвой, кривая соха,
Тебя можно легко повернуть и в ту,
и в другую сторону⁹.

В конце XIX в., с проведением Петровской ветви Ростовско-Владикавказской железной дороги, в Дагестане стали появляться более легкие и удобные железные плуги. «В селениях прилегающих к ней (железной дороге.— С. Г.) округов постепенно вводятся в употребление усовершенствованные железные плуги... Результаты вспашки этими плугами получались отличные, между тем как для работы ими требовалось только две пары буйволов, для прежних же плугов — четыре пары. Благодаря этому в конце года явилось значительное число последователей по замене старых плугов новыми»¹⁰. Однако в рассматриваемое время эти дорогие новшества были недоступны подавляющему большинству хозяйств терекеменцев, еле сводивших концы с концами. И тем не менее роль привозных плугов, как и других сельскохозяйственных орудий, в торговом земледелии росла по мере развития капитализма в деревне. Касаясь проблемы использования машин в земледелии пореформенной России, В. И. Ленин писал, что, «с одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»¹¹.

Выше отмечалось, что в тяжелый деревянный плуг — основ-

ное орудие пахоты — запрягали 3—4 пары буйволов. Чтобы составить полный плуг, крестьяне, обычно 2—3 хозяйства, объединялись в супругу — ортаг. Бывало, хотя и реже, что ортаг включал до четырех хозяйств. Как свидетельствуют наши полевые материалы, ортаг имел несколько разновидностей: 1. Тенг ортаг объединял равное число тягловых животных и работников, скажем, две-три головы скота (буйволов) и двух-трех работников. Если собственных рабочих рук не хватало, прибегали к найму работника со стороны. 2. Ортаг, когда одно хозяйство выставляло две пары буйволов, другие два — по одному. 3. Когда все три хозяйства выставляли по два буйвола. 4. Когда все четыре хозяйства выставляли по одному буйволу и т. д. Иногда недостаток рабочего скота у одного из супружников мог компенсироваться дополнительным работником. При образовании супруги учитывалось и наличие сельскохозяйственного инвентаря, в первую очередь плуга и семенного фонда. Владелец плуга имел при этом право на два пая, за счет тех, у кого его не было.

В супругу объединялись для совместных полевых работ — пахоты, сева, жатвы и молотбы или только для пахоты. Наиболее рациональным считалось объединение усилий для ведения всех полевых работ. Все виды работ и доля труда каждого супружника регулировались согласно установленным нормативам. Самым трудоемким видом полевых работ была, конечно, пахота, особенно в природных условиях Терекеме с его тяжелым грунтом, требующим большого плуга с трех-четырепарной упряжкой. Самой тяжелой была работа пахаря (котанын гуйругун тутан), который, держа за обе ручки плуг, направлял его по бороздам и регулировал глубину вспашки. Эту работу поручали самому опытному из супружников или членов их семей. Погонщиками буйволов чаще бывали молодые, но обладающие определенными навыками люди. Если же все супружники были опытными пахарями, то они по очереди выполняли разные виды работы.

Пахали обычно с раннего утра и до сумерек, с трехчасовым перерывом на обед — гюн орта, примерно с 12 до 3 часов дня. Буйволов на это время распрягали и вели на пастбище. Обед пахарям (обычно мясной, обильный) приносили из дома одного из супружников или же готовили прямо в поле.

Закончив пахоту на всех участках, отведенных обществом, крестьяне приступали к севу. Сеять должен был самый опытный и, как говорили терекемцы, всеми признанный удачник — эли берекетли (букв. «руки богатые»). Для этого специально приглашали признанных «виртуозов» сеяния. Со стороны последних это была безвозмездная помощь. Сеятель — экинчи, наполнив семенами переметные сумки — хурджун, повесив их на плечи, равномерными движениями разбрасывал горсти семян. После сева тут же производилось боронование — мала эйлемек.

Борона — мала представляла в своей основе массивный ду-

бовый брус или балку (толщиной 10—15 см, шириной 15—20 см, длиной 2—2,5 м), куда вбивали 9—11 кольев-зубьев — дишлер. Сверху к зубчатому брусу через оставленные отверстия прикреплялись 2 или 3 поперечных планки и арканом привязывалась большая широкая метла из дубовых прутьев — шахлар. Назначением зубчатого бруса было рыхление, выравнивание почвы и заделка в нее семян. Для обеспечения необходимой тяжести на борону — метлу клали камни, насыпали землю и нередко сажали даже детей. Борона имела приспособление для запряжки буйволов. В пореформенный период зажиточные крестьянские хозяйства нередко приобретали в Дербенте зубчатые, квадратные и треугольные бороны заводского производства.

Засеяв и пробороновав поле, крестьяне старались быстрее полить его, пока на поливную воду не появился большой спрос в связи с завершением сева. Завершался осенний сев и полив обычно не позднее начала ноября, до наступления заморозков. Но соблюдать рациональные сроки полевых работ удавалось далеко не всем. Поэтому маломощные крестьянские хозяйства, у которых не хватало тягловой силы или скот был плохой, оставались в поле до заморозков и часто возвращались с поля, не завершив всей работы из-за холодов.

Осенью сеяли пшеницу и ячмень. Ячмень и просо были менее прихотливыми культурами по сравнению с пшеницей. Предпочитали сеять засухоустойчивый сорт ячменя гара-арпа, который давал сам-12 и даже сам-15 урожая. Из яровых, как было отмечено, главным образом культивировали кукурузу и рис. Однако, когда предвиделся неурожай осенних культур, весной сеяли пшеницу аг-бугда, а также ячмень.

Состоятельные терекеменцы всех аулов занимались и рисоводством. Рис являлся очень трудоемкой культурой. Поэтому его возделывали супрягой. Приемы, применяемые терекеменцами при возделывании этой культуры, в основном соответствовали общеазербайджанским.

Рис сеяли ранней весной — в конце марта или в начале апреля, когда начинала цвести айва. Хозяйство сеяло примерно 3—4 сабу. В хорошие урожайные годы он давал сам-15, в среднем сам-10, а в засушливые годы — сам-5—6. Сеяли его по возможности на целинных прикутаных землях (арендованных у беков), залежных, даже на заболоченных землях, в том числе солончаковых. Одним из необходимых условий рисоводства являлось наличие обильной проточной воды. Поэтому многие, особенно бедные семьи, рис не сеяли.

Убирали рис после всех других зерновых, глубокой осенью (в октябре и ноябре), когда не хватало солнечных лучей. Поэтому обмолоченный рис нередко сушили в теплых помещениях, рассыпая его тонким слоем на паласах, а после просушки убирали в сухое и прохладное место.

Величина рисового чека зависела от рельефа местности, т. е. от уровня воды. Были чеки на полсабу (10 кг) семян, на саг

(2—2,5 кг) и т. д. Каждый чек имел свои границы, которые возводились лопатой в виде низких валов. Валы сооружались опытным рисоводом, а доделывались его помощниками. В стенках каждого чека оставляли отверстия для протока и вывода воды. Разбивку участка по чекам начинали с одного конца. При этом предусматривались возможности стока воды и ее экономного расходования. Каждый чек до сева должен был определенное время оставаться под водой (примерно дней 10). Затем воду спускали и давали возможность почве в течение 3—4 дней подсохнуть. Одновременно шла подготовка семян к севу. Для этого семенной рис — тум высыпали в большие глиняные сосуды или медные котлы, бочки, смачивали и держали там трое суток. Затем семена высыпали в кучу во дворе, плотно закрывали толстым слоем стеблей бузины — гандалаш и оставляли там до прорастания на 4—5 дней. Готовый к севу рис вывозили в мешках в поле. К этому дню чеки наполняли свежей водой и сеяльщик, надев на ноги легкую сыромятную обувь, залезал в воду. Из передника, наполненного семенами, он горстями разбрасывал рис по мокрой земле. Эта работа требовала большого мастерства и поэтому доверялась далеко не каждому рисоводу. Через несколько дней появлялись побеги и корни, после чего воду выпускали и давали почве подсохнуть. На протяжении процесса роста рис многократно поливали.

Развитие земледелия было неразрывно связано с искусственным орошением. Основным источником орошения обширной терекемской земли была р. Уллучай (старое название Бувам). Она берет начало далеко за пределами основного района расселения терекемцев, в горах, у северо-западного окончания хребта Кокма, выходит на равнину у сел. Маджалис, пересекает весь терекемский участок с запада на восток и впадает в Каспийское море. В летний период воды реки почти полностью идут на орошение. Для этих же целей использовались, правда в меньших масштабах, воды р. Дарвагчай, также протекающей по юго-западной части территории терекемцев (у совр. совхоза Геджух). Еще в своих верховьях р. Дарвагчай в значительной мере служила для орошения. Некоторым дополнительным источником орошения исстари являлись и грунтовые воды гара су, выходящие на поверхность в виде родников¹². Грунтовыми водами частично орошали свои посевы лишь жители близлежащих сел Деличобан, Берикей и Селик.

На базе всех этих природных запасов воды терекемцы искусно возводили широкую сеть оросительных каналов. Основной своей кормилицей они считали р. Уллучай, на основе которой была создана разветвленная сеть каналов — гобу, ганав, арх. В начале нашего века (1905 г.) в Кайтаго-Табасаранском округе протяженность более или менее крупных каналов достигала 147 верст. На территории Нижнекайтагского участка, в который входила и терекемская земля, канал длиной в 112 верст орошал 8935 десятин посевной площади¹³.

Строительство, а затем постоянная очистка ложа каналов, ликвидация прорывов и другие работы требовали много сил и времени у земледельцев. Для этого почти ежегодно, обычно ранней весной, по одному человеку от семьи, иногда с арбами для доставки лесоматериалов, камня, выходили на общественные работы. Жители вырубали в лесу крупные и мелкие дубовые деревья, подвозили к берегу и в нужном месте реки строили плотину, поднимая уровень воды. Вода сперва поступала в большие каналы — кою или ганав, а из них — в менее крупные — арх, затем в еще более мелкие, откуда вода распределялась уже между крестьянскими хозяйствами. В жаркие периоды, когда воды одновременно для всех не хватало, устанавливали строгую очередность полива путем жеребьевки — чѐп. В начале же лета в период паводков и сильного таяния снегов полив осуществлялся одновременно всеми крестьянами.

В целом по Уллучаю было сооружено четыре магистральных канала (Великентский, Татлярский, Джемикентский и Берикейский), каждый из которых разветвлялся на мелкие сельские каналы. Из Великентского канала воду брали (кроме Великента) общества сел. Селик, Мамедкала; из Татлярского — Татляр, Карадаглы, Падар; из Джемикентского — Джемикент, Уллутрекеме и др.

Вода распределялась по аулам по определенной системе. На терекеменской земле были созданы своеобразные водорегулирующие и водораспределительные устройства типа щитов, которые назывались «бенд» или «арх баши». Сперва вода распределялась по башам. Водным башем терекеменцы называли такое количество воды, которое отпускалось на каждые 8 хозяйств на несколько суток, в зависимости от уровня воды в реке и канале. Получив эту воду, пайщики, в свою очередь, распределяли ее внутри группы по традиционному установленным нормам, по жребью или (чаще) подряд, в зависимости от расположения посевов. Такая доля на хозяйство называлась «нѐвбет су». В ряде селений при распределении воды исходили из числа рабочих буйволов. Для тех, у кого была пара волов, выделялось воды, скажем, на одни сутки или половину суток, днем или ночью, у кого две пары — в два раза больше и т. п. При таком принципе распределения основными потребителями воды выступали преимущественно зажиточные крестьяне и помещики. В отдельных селениях сохранялся уравнительный принцип распределения воды. Самым удобным моментом для полива считалась ночь, когда вода не подвергалась сильному испарению.

За правильным распределением воды между аулами и помещичьими имениями следили избранные обществами распорядители — мирабы. Кроме того, пользователи каждого баша сами строго следили за тем, чтобы никто не отводил в сторону их воду. Около распределительных шлюзов или щитов ставили межсельскую стражу. Свои поля терекеменцы поливали осенью и весной, а некоторые культуры — летом. Осенний полив счи-

тался самым полезным для злаков. «Пайыз су-юз су» (букв. «Осенняя вода — стократная вода»), «Пайызда верен су, яз сувдан юз дэфэ файдалыдыр» (букв. «Осенний полив в стократ полезней летнего полива»), — утверждали крестьяне и всеми силами старались получить воду осенью.

Все же осенним поливом дело не ограничивалось, да и не всем осенняя вода доставалась в необходимом количестве. Поливали и весной, когда после таяния снегов в горах р. Уллучай бывала многоводной. Эти воды называли «гар сулар» (снеговые воды). Лучшим временем весеннего полива считался период цветения груши. Такой полив терекеменцы считали столь же полезным, как и осенний.

Большие надежды земледельцы возлагали на дождь. Самым полезным для посевов считали первый весенний дождь — лейсан, в период примерно с конца марта по 5—10 мая. Если зимой снега не было или было мало и осенний полив не производился, лейсан приобретал особое значение. «Лейсан алтын кибиди» («Дождь лейсана подобен золоту»). Он смягчает почву, от него оживает вся природа, исчезают болезни растений: «Пловун устюне яг тёкен де кибиди олады» («Подобен маслу, которым заправляют готовый плов»); от летних дождей мало толку, утверждали опытные крестьяне, опираясь на свои многолетние наблюдения.

Особенно много труда требовал полив риса, который, по существу, до самой уборки должен был находиться в воде, причем с постоянным ее притоком. Однако при всех обстоятельствах уровень воды не должен был быть выше стеблей. Рисоводство требовало умения знать точную меру воды, постоянной ее смены, особых знаний о способах полива, много труда по сооружению чеков с учетом особенностей рельефа и т. д. Недаром терекеменцы говорили: «Чалтык суда битен шейди» («Вода — основная среда выращивания риса»). Окончательно слив воды с рисового поля производился за 10—15 дней до уборки, чтобы земля подсохла и появилась возможность для жатвы.

Огородно-бахчевые и кукуруза также требовали полива летом по возможности 2—3 раза. Все культуры требовали и прополки. Прополка — ала эйлемек обычно была делом каждой семьи. Этим занимались в основном подростки, а иногда и женщины, реже приглашали друзей на помощь — эврез. Орудиями прополки служили маленькие железные мотыги с длинными деревянными ручками — ала гыран.

Посевы тщательно охранялись от потравы скотом. Для охраны общество специально выделяло двух-трех платных конных объездчиков — тургаклар. Они охраняли поле с ранней весны до глубокой осени. Если случалось, что чей-то скот нанес ущерб посевам, объездчики тут же загоняли его в специально построенный загон — чалы и держали его до тех пор, пока представители общества не определяли размер нанесенного хозяину посева ущерба. Штраф — джериме, төлев за потраву бывал довольно

большим, поэтому хозяева старались не оставлять скотину без присмотра.

Летом, с конца мая или с начала июня, начинали поспевать зерновые — сперва ячмень, потом пшеница (примерно на 10—20 дней позже) и далее кукуруза и рис.

Еще до жатвы зерновых, примерно в начале мая, выходили на сенокос — от чалымы. Сенокосные участки считались общинными и делились лишь перед уборкой. Опытные крестьяне измеряли землю шагами, исходя из предполагаемого сбора сена по арбам. У кого скотины, особенно лошадей, было больше, уходили косить и далеко, к руслам рек, каналов, т. е., как говорили терекемцы, в места, где не было хозяина. Для сенокосения использовалась коса — чалгы. Время от времени косарь подтачивал свое орудие особым кремнем. Скошенное сено привозили домой и, подсушив во дворе, складывали на сеновалы. Способ сенокосения и скирдования были единым во всем Дагестане¹⁴. Основным кормом для крупного рогатого скота были мякина и солома, для лошадей — сено.

Выход на жатву — экин бичме был массовым, так как урожай поспевал одновременно. Жали только серпом с зубчатым (чаще) или гладким (реже) лезвием. Серпы обычно покупали у даргинцев общества Харбук. Фабричные орудия — молотилки, веялки имели, как правило, только богатые члены общества, занимающиеся торговым земледелием на больших площадях.

Еще до массовой уборки те, у кого запасы были на исходе или кончались вовсе, могли произвести частичную уборку и обмолот зерна нового урожая. Этот период назывался гьабуга. Зерном нового урожая они могли поделиться с нуждающимися соседями или родственниками.

Массовая жатва обычно длилась 20—30 дней. Зажиточные крестьянские дворы обязательно прибегали к найму жнецов — бичинчи из других районов Дагестана. В связи с большим спросом на рабочих к терекемцам устремлялись жнецы — бедняки, порою и середняки, преимущественно из горских обществ (верхние кайтагцы, даргинцы, табасаранцы, лезгины, агулы и др.). Часть этих поденщиков не имела своих посевов и представляла, по существу, сельский пролетариат. *«Большинство зажиточных крестьянских дворов, — писал В. И. Ленин в работе „Развитие капитализма в России“, — пользуется наемным трудом в тех или других формах. Необходимым условием существования зажиточного крестьянства является образование контингента батраков и поденщиков»*. При этом В. И. Ленин отмечал, что в «низших группах число хозяйств, нанимающих поденщиков, всегда превышает, и во много раз, число хозяйств, нанимающих батраков»¹⁵. Только самые зажиточные крестьянские дворы постоянно держали батраков. Бывало, что одни и те же люди ежегодно, в течение 15—20 лет, нанимались одним и тем же хозяином. У многих горцев в Терекеме были кунаки, у которых они останавливались до найма на работу. Не имевшие кунаков шли

обычно на площадь — учер с серпами на плечах и там заключали договор — шэртлэшмэк. Окончательно такой договор подтверждался на участке, где должна была определиться плотность посевов, наличие или отсутствие сорняков и др. Если участок был чистый и зерновые густые, высокие, жнец получал $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть из убранных им снопов.

Сжатый хлеб сперва собирали в снопы — дэрз, а потом (обычно по 20 снопов) складывали в копны — хара, которые старались во избежание дождя и палящего зноя на поле долго не держать. Молотьба зерновых (кроме кукурузы) производилась на токах — харман неподалеку от сел. Каждый более или менее состоятельный хозяин имел свой ток (закрепленный за ним участок). На месте предполагаемого тока снопы складывали в скирды — тая по сортам и видам колосовых (ячмень, сарыбугда, аг-бугда). При этом ставились и круглые конусообразные скирды, напоминающие юрты кочевников, и продолговатые. Складывали обязательно колосьями внутрь, для предохранения их от влаги.

Для тока выбирали ровный участок, с которого снимали дерн, затем поливали водой и обкатывали катком. Молотили при помощи молотильных досок — вэл, в которые запрягали пару лошадей, реже — буйволов. Молотильные доски были общедагестанского и даже общекавказского образца. Терекемцы использовали обычно парные доски. Каждая доска изготовлялась из цельного, обычно дубового ствола с приподнятым передним краем; в нижнюю, рабочую поверхность доски вбивали на определенном расстоянии друг от друга кремневые камушки (на одну доску примерно от 100 до 400 кремневых осколков)¹⁶. Затем обе доски соединялись особыми приспособлениями. Буйволов или лошадей, запряженных в молотильные доски, часами гоняли по рассыпанным по всему току снопам. Периодически колосья переворачивали вилами, чтобы отделить солому от зерна. Когда молотьбу производили с помощью лошадей, хозяин становился обычно в середине круга и гонял их длинным кнутом, когда же с помощью буйволов — погонщик ходил обычно по кругу рядом с ними.

После молотьбы тут же, на току, колосовые провеивались. Для этого сперва отделяли солому, а затем, определив направление ветра, зерно подбрасывали вверх специальными деревянными лопатами — кюрек. В безветренные дни крестьянам нередко приходилось откладывать этот процесс на долгое время. Лучшие, полновесные зерна отбирались для семян, отходы подвергались ручной очистке и впоследствии обменивались на фрукты, на всякие мелочи, необходимые в доме. Здесь же, на току, крестьяне измеряли урожай с помощью сабу — деревянной мерки для сыпучих тел. Солому и мякину собирали в отдельные стога и затем перевозили в аул.

Из зерновых культур позже всех созревал рис. Жали его также серпом, но складывали и сушили в поле сравнительно не-

большими кучками по 7—10 колосьев — бафа (один обхват руки). Из бафа вязали снопы — дэрз, а из 5—7 дэрз складывали копны — хара. Затем копны перевозили на ток — харман и собирали в скирду для предстоящей молотбы. В отличие от пшеницы и ячменя скирды складывались колосьями вверх. Молотили рис не молотильными досками, а непосредственно копытами лошадей. Для этого лошадей гоняли по раскиданным на току колосьям в течение 5—7 часов, обычно с 6 часов утра. В перерыве рис переворачивали вилами и поднимали наверх необмолоченные колосья. Завершив молотбу и отделив вилами и граблями солому, рис провеивали на ветру, так же как и другие зерновые. В результате рис делился на отборное зерно, которое обычно откладывали как семенной фонд, среднее зерно, которое шло на питание и продажу (самое большое количество), и худшее зерно. Если урожай принадлежал членам супруги, то делили его тут же, на току, и каждый супругник — ортаг получал свою долю.

Процесс очистки зерна и получения из него собственно риса был достаточно сложным. Рис очищали в специальных ступах — динг (ножных — аяк динг и водяных — су динг). Водяные динги появились лишь во 2-й половине XIX в. и были распространены главным образом у терекеменцев, проживающих в Северном Дагестане (Темираул и Чонтаул). Чаще использовались ножные ступы (их было в каждом селении по 5—7), которыми все сельчане пользовались бесплатно. Работа на ступах представляла собой очень сложный процесс. Предварительно в удобном для хозяйки месте, чаще во дворе, выкапывалась ямка, куда помещали деревянную выдолбленную ступу. Большой каменный или деревянный продолговатый гладкий пест прикреплялся к длинному горизонтальному шесту или доске; другой конец доски опирался на невысокую подставку. Поднимая и опуская доску ногами, пест приводили в движение. В некоторых случаях пест прикреплялся к вертикальному шесту, который приводился в движение ногами при помощи привязанной к нему веревки.

В водяных ступах пест приводился в движение водой при помощи колеса. Они устраивались у специально вырытых для этого канав. Водяные ступы были двух видов: вертикального и горизонтального сбоя. Вода при помощи колеса диаметром 3,5 м поступала в деревянный желоб, имеющий ответвления для каждой ступы (5—7 ступ работали одновременно). Первая такая ступа с турбиной у терекеменцев Кумыкской равнины (в сел. Чонтаул) была построена князем А. Казаналиповым, а у терекеменцев Южного Дагестана — Ш. Аюбовым. Это было большим достижением, но турбинных устройств было так мало (7—8 на всю Кумыкскую равнину), что не меняло картины в целом. В одной ножной ступе, при условии, что два человека работали с утра и до вечера, можно было очистить около пуда риса, а в водяных — примерно 20—25 лудов. Рис очищали трижды, чере-

дую очистку с провеиванием. На рубеже XIX—XX вв. у северных терекеменцев помещики начали механизировать этот сложный процесс, для чего приобретали машины-рисорушки.

Рисоводство, таким образом, являлось одной из наиболее трудоемких отраслей хозяйственной деятельности терекеменцев, хотя и самой доходной, значительно пополняющей бюджет семьи. Рис терекеменцев находил большой спрос не только в округе (в Кайтаге, Табасаране, в Башлах, Дербенте), но и далеко за его пределами — в Темир-Хан-Шуре, Кизляре, Порт-Петровске. В границах округа терекеменский рис обменивался на зерно из расчета 1 сабу риса на 3 сабу пшеницы.

После уборки риса поля оставляли без обработки. Поле высыхало постепенно, и постепенно восстанавливалось его плодородие. Бывшее под рисом поле иногда пустовало 4—5 лет и тем самым превращалось в пастбище для рогатого скота. Такие полузаболоченные места особенно привлекали буйволов, где они могли летом лежать часами. Все же через несколько лет бывшие рисовые поля снова входили в севообороты, их начинали использовать под пшеницу, ячмень, кукурузу или же снова под рис.

Перевоз обмолоченного зерна и корма для скота (соломы и мякины) в аул обставлялся большой торжественностью. Зерно нагружали на обычные арбы, а мякину — саман — на арбы, снабженные большими плетеными корзинами — чалы. Во дворе дома или на улице каждое хозяйство имело мякинохранилище или саманник — алачыг, куда и выгружалась мякина. Выгрузка мякины считалась обычно делом подростков. Солому, также доставляемую на арбах, складывали в виде скирды во дворе.

Пшеницу и ячмень обычно засыпали в глубокие ямы — кую. Этим занимались мужчины и юноши. На усадьбе богатых многосемейных хозяйств для засыпки зерна имелось 6—7 и более кую. Запасы же бедняков были настолько невелики, что убирать их в кую не имело смысла.

После уборки пшеницы и ячменя, примерно в сентябре, поспевала и кукуруза. Появившись у терекеменцев сравнительно поздно, она долго не играла заметной роли в их хозяйстве. Однако постепенно ее значение возрастало. Кукуруза требовала постоянного ухода, ее два-три раза поливали, два раза производили прополку. Отдельные хозяева тщательно очищали початки от насекомых — гусениц, кукурузных жуков и др. Убирали кукурузу двумя способами: срезали сначала початки, а затем острым серпом или кинжалом — стебли или же одновременно срезали стебли с початками. В первом случае початки доставлялись домой (под навес) в специальных корзинах — четен или чалы. Во втором случае весь урожай грузили на арбу, и уже во дворе женщины и подростки отделяли початки от обверток и стеблей.

Кукурузные початки сушили на солнце, а затем молотили вручную. Для этого початки сваливали в большую кучу или

заполняли ими мешки и били по ним из всех сил длинными палками, переворачивая время от времени всю массу. Те, у кого кукурузы было много, приглашали на помощь — эврез молодежь. Однако в отличие от соседей-кумыков, у которых эврез был распространен очень широко, терекеменцы к подобной помощи молодежи прибегали довольно редко.

Помол зерна терекеменцы, как и все другие народы Кавказа, производили на водяных мельницах — такка дэйирман — с горизонтальной турбиной. Строились такие мельницы у каналов, водоемов или других мест, в которых искусственно поднимали уровень воды. Вода на мельницу поступала через длинный деревянный желоб. Сила падения воды приводила в движение горизонтально лежащее в нижней части мельницы колесо, от которого шла вверх ось, вращающая каменный жернов — дейирман дашы. С жернова мука высыпалась в углубление, откуда каждая хозяйка насыпала муку в мешок. Имея в виду мельницы уцмийства Кайтагского, Д. И. Тихонов в конце XVIII в. писал: «Мельниц мучных тамошними жителями сделано в довольном количестве. Стоят на каналах, проведенных из текущих речек близ самых гор... желобы деревянные, по каскаду вода сильное течение имеет. В сутки муку получают 2 четверти с небольшим: молоть же более не в состоянии по причине малости сих камней. Берут сии камни лучшие на речке Большом Буаме при деревнях Карагурайш и Катъечено»¹⁷. Мельничные камни, или камни для жерновов, привозили не только с Кайтага, но (хотя реже) и с Уллубуйнака (совр. Уллубийаул), а иногда даже из Гянджи. Позднее, в начале нашего века, у терекеменцев, как и во всем равнинном Дагестане, появляются «русские», более усовершенствованные мельницы с вертикальным колесом — орус дейирман. Но они были далеко не в каждом селе, в то время как число мельниц традиционного образца в Кайтаго-Табасаранском округе в начале нашего века достигало 528¹⁸. Часть из них из-за маловодья, образования льда в зимнее время не работали совсем, а «летом при высокой воде» их часто сносило¹⁹. В результате требовалась постоянная восстановительная работа.

Кроме водяных мельниц у терекеменцев широко бытовали и ручные мельницы — эль дейирман. На них производили крупчатый помол зерновых, а также помол стручкового перца. Ручная мельница состояла из двух горизонтально расположенных жерновов — верхнего и нижнего. В круглом отверстии (в середине нижнего жернова) укреплялась ось. На эту ось надевался верхний жернов, имеющий в центре отверстие. Через это отверстие засыпали в мельницу зерно. Верхний жернов в отличие от нижнего был подвижным и имел ручку. Женщина левой рукой засыпала зерно небольшими порциями, а правой рукой приводила жернов в движение. Ручных мельниц в каждом ауле обычно было несколько, при желании их могли переносить из дома в дом.

Огородно-бахчевые культуры Садоводство и виноградарство

Плодородные, хорошо орошаемые земли позволяли терекеменцам успешно возделывать огородно-бахчевые культуры. Особенно прославились терекеменские дыни и арбузы. Обильное солнце, наличие воды, разработанная для своего времени агротехника (своевременный полив, прополка и т. д.) обеспечивали крестьянину сравнительно высокие урожаи огородно-бахчевых культур — арбузов, дынь, тыквы, огурцов, перца, фасоли, лука и пр.

Отбору семян для огородно-бахчевых культур уделялось большое внимание. Так, терекеменцы специально оставляли несколько десятков из признанных лучшими сортов огурцов до полного их созревания, выбирали семена и подсушивали их для сеянного фонда. Семена же тыквы, арбуза и дыни они отбирали, когда их резали для стола и варки (тыквы), по вкусовым качествам. Тыквы терекеменцы выращивали трех видов. С твердой коркой — сары кабаг, с тонкой коркой (белая тыква) — аг кабаг, а также удлиненные и суженные к середине тыквы с тонкой коркой — бал кабаг. Каждый из этих видов имел особые свойства, отличался вкусовыми качествами. Наиболее популярным видом была белая тыква. Из нее пекли пироги, варили кашу, ели на десерт и т. д. Тыкву с твердой коркой чаще пекли в хлебной печи, в то время как два других вида варили в котле.

На арбузы и дыни терекеменцев был большой спрос; они имели товарное значение. Сами терекеменцы ели арбузы и дыни в свежем виде, из арбузов делали также мед — гарпыз душаб.

Следует отметить, что бахчи имели далеко не все, а только более состоятельные крестьяне, хорошо обеспеченные скотом, работниками, которые могли не только сажать, поливать, полоть бахчевые культуры, но и обеспечивать их круглосуточную охрану. Бахчи обычно располагались далеко от населенных пунктов, там, где была хорошая земля и вода.

Хозяин бахчи, по обычаю гостеприимства, должен был щедро угостить проезжающих мимо дарами бахчи и предложить с собой. Недаром терекеменцы говорили: «Бустан экдим, чох олду, гедиш-гелиш да чох олду. Ерде бустан гутарды, салам алейкум гутарды» («Посадил бахчу, дала она богатый урожай, и посетителей стало больше. Как не стало бахчи, и приветствия прекратились»).

Огородные культуры — чеснок, лук, фасоль, стручковый перец — выращивались недалеко от дома или непосредственно на приусадебном участке. Стручковый перец — ставут сушили и молотили на ручных мельницах, добавив семена кинзы — кишниш.

Отдельные крестьянские хозяйства, главным образом владельцы мюльковых земель, имели также сады и виноградники. В садах они выращивали персики, абрикосы, алычу, груши, яблоки, сливы, терн, айву, тут, грецкий орех и др. Первое место

среди садовых культур занимал тутовник, листья которого шли на подкормку шелкопряда. Он рос и на полях, и на пустырях, и вдоль дорог. Большим разнообразием отличались выращиваемые терекеменцами сливы (ал-бухара, кара-кукан, сари-кукан). Чтобы иметь хорошие плодоносящие сады, терекеменцы проводили определенную селекционную работу. Для получения новых, хороших сортов или восстановления старых (утерянных), для повышения урожайности терекеменцы делали прививку— гаям, главным образом культурными черенками от родственных пород. Омолаживали деревья и путем прививки новых побегов к старым деревьям. В каждом селении были признанные садоводы, которые, пользуясь народной практикой, не только сами проводили селекционную работу, но и давали советы односельчанам. Сады требовали постоянного ухода, своевременного полива, расчистки. Весной срезались высушенные ветки, окапывались деревья.

Виноградники имели лишь отдельные хозяйства. Выращивали виноградные лозы— юзюм при усадьбе. Отдельных плантаций почти никто не имел, кроме, конечно, помещиков и беков.

Первое крупное и образцовое для своего времени виноградное хозяйство было создано в 80-х годах XIX в. в имении Воронцовых в местности Геджух. Здесь к середине 90-х годов под виноградниками было занято 80 дес. В 1895—1897 гг. на сборе и на обработке винограда под сусло здесь работали 1119 поденных рабочих, а на обрезке — 756²⁰. Создавая виноградарское хозяйство, Воронцовы выписывали черенки лучших сортов винограда из Крыма, где находились их самые крупные винодельческие хозяйства промышленного типа²¹. Виноградники промышленного значения на терекеменском участке имели и В. С. Кривенко (10 дес.), братья Тумаевы (12 дес.), капитан Н. И. Волков (8 дес.), П. И. Лазарев (20 дес.)²². Некоторые состоятельные и предприимчивые терекеменцы старались перенять опыт выращивания винограда у своих соседей — русских помещиков, а также местных дербентских виноградарей. В результате отдельные богатые терекеменцы возделывали, например, такие сорта винограда, как агадаи, риш баба, гилаби, хятме, гоз юзюм, гара изюм и др. Но виноградарство здесь не имело товарного значения. Опыта по выращиванию винограда у терекеменцев было мало, улучшением сортов они почти не занимались, эффективных методов борьбы с вредными насекомыми не знали. От вредителей-насекомых страдали не только местные виноградники, но и сады, особенно яблоневые.

Технические культуры

Из технических культур терекеменцы возделывали преимущественно марену — бояг. Из ее корней получали ярко-красные, бордовые и другие красители, которыми окрашивали шелк, хлопчатобумажную пряжу, а также другие изделия. Терекеменские

женщины искусно владели приемами получения разных оттенков цвета.

Марена использовалась не только как краситель в крестьянском хозяйстве, но и шла на продажу. В целом культура марены, как и во всем равнинном Дагестане и Азербайджане²³, имела преимущественно товарное значение и потому возделывалась на огромных площадях. Посетивший эти места еще в начале XIX в. А. И. Ахвердов, характеризуя предгорную и равнинную часть уцмиевских владений, в которые входило и Терекеме, писал, что здесь марены «так необыкновенно много растет, что никогда и не воскапывают, а когда осенью под пшеницу и весной под просо и прочее пашут землю, выворачивают плугом... Иные пахари в одну весну вырезают марены на четыреста рублей серебром, но таких немного, а почти вообще всякий не менее двухсот рублей серебром ежегодно получает»²⁴. Хотя автор, видимо, преувеличивает размеры дохода от марены, но факт, что она составляла один из значимых источников дохода населения кайтагской низины еще на рубеже XVIII—XIX вв., представляется очевидным и заслуживающим внимания.

Близкое свидетельство оставили нам и М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. В частности, они отмечали в числе главных источников дохода, «немаловажной прибыли», жителей «Каракайтагского округа» дикую марену, «которая здесь растет в чрезвычайном изобилии»²⁵. Для приморского Дагестана марена являлась очень древней культурой и с давних пор играла немаловажную роль в международной торговле. Судя по описаниям арабских авторов, дагестанская марена, так же как и закавказская, еще во времена Хазарского каганата вывозилась на восточные рынки, в том числе и в Индию²⁶. К началу XIX в. роль этой культуры во всем равнинном Дагестане была все еще значительна. Это отмечали М. Клапрот²⁷, И. И. Березин²⁸ и др. Особенно процветало мареноводство здесь до 70—80-х годов прошлого века. О роли данной культуры в экономике терекемцев свидетельствуют самые разные источники, а также феодальная подать с нее.

В адатах, фиксирующих отношения терекемцев к уцмиям кайтагским, указана в числе других специальная подать с марены— пудбаши или бель-баши (букв. «голова пуда», «голова лопаты»), т. е. рента с лопаты и пуда. В тех же адатах отмечалось, что, когда раяты выкапывают дикую марену, «тогда платят беку при продаже оной с пуда сушеной по 50 коп., при продаже засеянной марены платят тоже»²⁹. Мареноводством главным образом занимались состоятельные лица — промышленники, торговцы. Во время заготовки марены широко привлекался наемный труд. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» (1901 г.) отмечалось, что «бедные люди из всех магалов, за исключением Ирчамуль и Кара-Кайтаг (т. е. предгорный Кайтаг.— С. Г.), ходят на заработки в Терекеме... во время выкопки марены, покоса и жатвы»³⁰. Начальник главного управ-

ления главнокомандующего гражданской частью на Кавказе в этой связи в 1868 г. писал министру финансов о Прикаспийском крае, что «на добывание из земли марены и на приготовление ее в продажу мареноводы употребили в дело огромное число горцев»³¹.

Марена была известна двух видов: дикая и культурная. В своем отчете за 1846—1848 гг. наместник на Кавказе М. С. Воронцов отмечал, что «во многих местах она (марена.— С. Г.) находится в диком состоянии», доставляя некоторым жителям «значительный доход»³². Иногда и культурная марена малопродуктивных и заброшенных плантаций становилась дикой.

Сеяли марену весной, в апреле—мае. Копали лопатой (иногда сохой) глубокие ряды канав, оставляя между ними расстояние около 1 м. Затем в канавы бросали семена марены и засыпали частью вырытой земли. Каждую осень марену, стебли которой достигали 1,5 м высоты, окучивали, так что ряды напоминали земляные валы. Поливали марену 1—2 раза в лето, при этом осуществлялся полив между рядья. Хорошо обработанные плантации не поливали ни разу, поддерживая влажность почвы окучиванием. Ежегодно в начале осени с цветков марены снимали семена, которые шли на новые посевы и пользовались большим спросом на рынке. На четвертый год в начале осени марену выкапывали лопатой и помещали в большие земляные печи — бояг тандыр для сушки или копчения. По описанию информаторов-очевидцев, печи имели особую конструкцию. Их величина зависела от потребностей мареновода, но глубина обычно достигала — 2—2,5 м. В нижней части печи располагалась топка. Топили хворостом или кизяком. В печь марену для сушки, или парки, как назывался этот процесс в официальных источниках, закладывали слоями. Каждый слой марены помещали на плетенках, чтобы дым проходил равномерно. Топили слабо; в результате процесс сушки продолжался в течение 3—4 дней. Поступление дыма регулировалось специальной задвижкой. Подобные печи мареноводы возводили на окраине села. Иногда марену оставляли в печах лет на 5—10, закрыв толстым слоем камыша и замазав слоем глины. При вывозе марены открывали один конец тандыра, откуда извлекали необходимое количество, оставшуюся же часть плотно закрывали, считая, что от проникновения воздуха марена теряет свои качества. Все зависело от спроса на рынке.

Нередко корень высушенной марены перемалывали в порошок на специальной мельнице и в таком виде отправляли в кожаных мешках — харал на рынок. Первая маренная мельница в г. Дербенте, судя по источникам, была построена в конце 1840-х годов, когда кн. Воронцов послал дербентскому градоначальнику чертежи и описание такой мельницы для перемола марены³³.

Мареноводство в Дагестане стало процветать с середины 40-х годов XIX в., когда Дербент становится крупным торговым

центром. В этот период под мареной в равнинном Дагестане, и особенно в районе Дербента и Терско-Сулакской низменности, заняты обширные площади и торговля этой культурой принимает огромные размеры, что отражало и потребности русской текстильной промышленности. Русские фабриканты Барановы, Зубовы, Лепешкины и другие переводят в дагестанское мареноводство большие капиталы, заключают с плантаторами длительные контракты, часто закупаая урожай марены на корню (причем на несколько лет вперед), входят в торговое «товарищество с ханами-земледельцами, снабжая их капиталами»³⁴. Крупные мареноводы снабжали мелких местных торговцев различными товарами в обмен на небольшие партии марены. В результате цены на маренный корень возрастали из года в год. Стремление к наживе было настолько велико, что многие из местных плантаторов делали большие капиталовложения, а некоторые, у кого не хватало средств, «брали даже в долг деньги для этой цели на громадные проценты, точнее 20—25% на 100»³⁵. Безудержно росло ростовщичество.

Хотя мареноводством занимались главным образом крупные землевладельцы и торговцы, нередко в отрасль вовлекались и рядовые общинники. В частности, в производстве марены широко применялся наемный труд, росла эксплуатация трудового крестьянства. Точными данными по Терекеменискому участку мы не располагаем. Но данные по Хасавюртовскому округу, где в 1875 г. на маренных плантациях размером в 3192 дес. в течение 40 дней работали на копке 3990 человек³⁶, преимущественно из горных районов Дагестана, достаточно наглядно характеризуют состояние этой отрасли хозяйства во всей приморской полосе Дагестана.

В 70—80-х годах XIX в., с изобретением за границей и чуть позднее в подмосковном селе Лобановка искусственного красителя — ализарина, обладавшего многими качествами естественного красителя, мареноводство у терекеменцев, как и во всем Дагестане и в целом на Кавказе, приходит в упадок. Из года в год падают цены на марену. Так, если в 1870 г. дербентские купцы на Нижегородской ярмарке реализовали свой товар по 11 р. 66 к. за пуд, то в следующем, 1871 г. им пришлось, «чтобы не возвращаться назад с непроданною мареною, сбыть ее фабрикантам по 4 руб. 80 коп. за пуд». Убыток составлял громадную сумму. В результате как в окрестностях Дербента, так и на терекемениской, башлинской землях оставались нераскопанными огромные плантации с «миллионным капиталом»³⁷.

Тревожное положение, создавшееся в мареноводстве, не могло не привлечь внимание официальных властей. Кавказская администрация неоднократно обращалась в высшие органы, в том числе в Петербург к министру финансов, с запиской «О поддержании кавказского мареноводства», в частности дербентских и кубинских мареноводов. Посыпались прошения и самих плантаторов, вложивших большие капиталы в эту отрасль и извле-

кавших из этого огромные прибыли. Они просили предотвратить проникновение «конкурирующих с мареною, привозимых из-за границы разных наименований красительных веществ»³⁸ или обложить их налогом и т. д.

В результате всех этих жалоб, в частности дербентских мареноводов, пошлина на ввозимый ализарин в 1875 г. «была... повышена с 4 руб. 50 коп. до 15 руб. золотом»³⁹. Эта мера, конечно, не могла предотвратить упадок мареноводства в Дербентском уезде, в том числе в Терекеме.

Для поддержания наиболее нуждающихся местных мареноводов кавказское начальство отпустило 50 тыс. рублей из местных доходов края. Но и это не могло иметь существенного значения при общем упадке спроса на эту культуру. Дело дошло до того, что московские купцы, которые щедро субсидировали дагестанских мареноводов, пока был большой спрос на эту культуру, после появления на рынках искусственного красителя и падения цен на марену решительно отказались «взять на погашения долгов марену» и требовали назад деньги, предъявляя векселя «ко взысканию в окружных и у мировых судей»⁴⁰. В связи с упадком спроса на марену даже специальные мельницы в Дербенте, оборудованные в свое время под переработку марены, были превращены в простые мукомольные.

Таким образом, наибольший расцвет мареноводства в Дагестане, в том числе и у терекемцев, падал на 50—60-е годы. К началу 80-х годов мареноводство как особая торгово-промышленная отрасль земледелия в Дагестане прекратило свое существование. Занятые ранее под марену земли перепахивались под другие культуры, в основном зерновые. В целом же падение мареноводства нанесло огромный ущерб экономике области, способствовало полному разорению мелких плантаторов.

Другой технической культурой, широко распространенной в Терекеме, было шелководство. В отличие от других отраслей хозяйственной деятельности, где основную роль играл труд мужчин, оно было исключительно занятием женщин. Как отмечает А. Р. Шихсаидов, «некоторые селения Дагестана, в частности в районе Дербента, еще в XIV—XV вв. занимались производством шелка»⁴¹. Со второй половины XIX в. шелководством занимались в большинстве случаев мелкие крестьянские хозяйства, этот промысел все чаще привлекал и зажиточные элементы села. Об этом говорит разведение специальных тутовых рощ отдельными предпринимателями.

Интересные сведения о роли шелководства содержат феодальные адаты о податях терекемцев. В них специально оговаривается, что те, у кого есть «тутовые сады и они занимаются шелководством, платят бекам с большого сада — по 2—4 каляфов⁴² шелку-сырцу, с малого сада — по одному каляфу шелка или же платят шелком-сырцом, т. е. коконами, $\frac{1}{10}$ сбора». При этом отмечается, что в селениях Падар, Татляр и Карадаглы

имевшиеся тутовые сады «уничтожены, как говорят жители, потому что у них не хватает времени заниматься шелководством»⁴³. Думается, что приведенное свидетельство о сокращении тутовых рощ говорит не только о нехватке «времени заниматься шелководством», но и о падении роли местных, самодельных шелковых тканей и тканей дербентских предприятий кустарного типа в связи с широким проникновением изделий текстильной промышленности из России.

Во многих терекеменских селах шелкопряда — гурт тута выращивали в больших масштабах с целью реализации коконов или готовой шелковой пряжи на рынке. Разведением тутового шелкопряда особенно славились жители сел. Джемикент, у которых шелк-сырец составлял «довольно значительную часть дохода»⁴⁴. В хозяйстве местных жителей натуральные и крашенные нити применялись для приготовления повседневной одежды, ажурных поясов на станке и т. д. Кроме того, терекеменцы плели «косички» (сач) из крученых ниток, срезая для этого один конец бобины. Шелк также использовался при изготовлении тесьмы, шнура, плетенок, которые шли на отделку и украшение одежды, а также на вышивание. На рынок в основном шел шелк-сырец (коконы), а также уже готовые изделия из шелка — пояса, сутажи, нитки и др. Терекеменские женщины кроме продажи коконов изготавливали для этих же целей шелк-пряжу (в крученом и некрученом виде) в бобинах — кэлэф и в мотках — юмаг.

Процесс выращивания шелкопряда начинался примерно с конца марта, как и всюду на Кавказе, с оживления грен — гуртун туму. Отобрав нужное количество грен, их клали в теплое место, на белую плотную ткань или бумагу. Выведшихся мелких гусениц переносили на подносы и начинали кормить — сначала размельченной крапивой. По мере роста гусениц их переносили с подносов на чистый пол специально отведенного для этого помещения. С появлением на тутовых деревьях листьев гусениц начинали кормить ими. Процесс выращивания шелкопряда длился 30—40 дней. В течение этого времени, по мнению терекеменок, гусеницы шелкопряда три раза засыпают. Если на первых порах их кормят раз в сутки, то после третьего сна — 3—4 раза. Чем гусеница больше ест, тем коконы будут лучше, плотнее и крупнее, утверждают опытные шелководы.

Процесс выращивания гусениц предполагал постоянный уход, уборку помещения. Заметив первые завивки коконов — барама, хозяйка клала в помещение сухие пучки сурепки — сары-чечек, а также бурьяна из семейства метелковых с тонким и жестким стеблем — шах-сюпюркэ, который рос в солончаковых полупустынных местах. Стебли, на которые заползали гусеницы, назывались «шаг гоймаг». В течение 10—15 дней, пока шла завивка коконов, гусеницы находились на шаг гоймаг. В последние 2—3 дня стебли ставили вертикально, считая, что коконы от этого будут крепче, что шелкопряд в таком положении лучше

завершит завивку шелковой массы. Затем коконы сортировали: отбирались, в частности, лучшие, плотные экземпляры — ипег и мелкие, неполноценные — кежи. Среди тех и других встречались белые и желтые коконы, в зависимости от породы гусениц. Лучшими считались плотные, суженные к середине коконы — бели баглы. Их переносили на поднос, посыпанный мукой, и оставляли на нем до тех пор, пока из коконов не появлялись бабочки — кепенег и не откладывали грены, предназначенные для использования на следующий год. Остальные коконы подвергались просушке на воздухе. Сухие коконы могли храниться до переработки в пряжу или реализации на рынке.

Согласно данным, относящимся к другим районам Кавказа, за границей, в частности в Турции, в начале XX в. «за пуд сухих коконов платили по 120—150 рублей»⁴⁵. Однако коконы не всегда доходили даже до внутреннего рынка. Купцы нередко снабжали хозяек шелковичной греной и необходимыми для семьи товарами на дому на крайне выгодных для себя условиях и затем забирали всю продукцию. То же самое делали и ростовщики.

Выращивание шелкопряда было процессом сложным. Во-первых, не хватало тутовых деревьев. Нередко за листьями приходилось ездить в дальние тутовые рощи. Во-вторых, шелковичные гусеницы нередко болели — от грязных листьев, от мух, муравьев. Чтобы предотвратить это, хозяйки регулярно чистили пол, убирали больных гусениц, меняли подстилку. При этом они говорили, что шелкопряда кто-то сглазил, и старались не допускать в помещение никого из посторонних. «От сглаза» они держали сосуд с водой из источника, которую они считали целебной, — гёз су (букв. «вода от сглаза») или глину от этого же источника — гёз палчиг («глина от сглаза»).

Урожай коконов мерили сахом, а если их было много — сабу. Считали, что из саха коконов можно получить один хороший моток — юмаг или бобину — кэлэф.

Искусством изготовления пряжи владела далеко не каждая женщина. Для этих целей приглашали опытных женщин за определенное вознаграждение или в порядке взаимопомощи. Процесс получения пряжи был общим для всех шелководов Дагестана. В кипящий котел опускали определенное количество коконов, предназначенных для размотки (обычно один сах). Помешивая палочкой, получали общую густую массу шелка, и котел снимали с огня. Мастерница искала начало нитей и начинала вытягивать их. Сидящая с ней рядом помощница наматывала нити на мотовило — манжилаг. Мотовило иногда делалось на подставке, которая приводилась в движение рукой. Таким образом из котла выбирали весь шелк, а мертвые куколки или гусеницы оседали на дно. Если шелк предназначался для реализации на рынке, его оставляли в бобинах, если же для домашних нужд, то пряжу подвергали еще ручному кручению — эшмек. Эти нитки потом отбеливали в кипящей мыльной воде или

красили, используя для этого корень марены, кору дуба, луковую шелуху, семена травы залгар и др.

2. СКОТОВОДСТВО

Важнейшей отраслью хозяйственной деятельности терекеменцев являлось скотоводство — малдарчылыг, имевшее в основном мясо-молочное направление. Благоприятные условия, мягкий климат, наличие богатых обширных летних и зимних пастбищ, особенно по руслам каналов, а также корма в виде соломы (мякины) на зимний период способствовали развитию этой важнейшей отрасли народного хозяйства. Еще в первой половине XIX в. А. А. Неверовский отмечал, что в приморском Дагестане «богатые пастбищные места, особенно около берегов Каспийского моря, где бывает круглый год подножный корм, позволяют содержать значительные стада. По сей причине скотоводство составляет на плоскости один из главнейших предметов промышленности»⁴⁶. Данную автором характеристику можно целиком отнести и к терекеменской земле, границы которой доходили до самого моря. Однако не каждая крестьянская семья могла содержать свой малочисленный скот в отдаленных местах, и далеко не каждая зима с ее морозами, ветрами, толстым слоем снега позволяла содержать скот на подножном корме.

Ведущей отраслью скотоводческого хозяйства являлось разведение крупного рогатого скота. В составе стада крупного рогатого скота, как и во всем равнинном и предгорном Дагестане⁴⁷, значительную роль играли буйволы — гомуш — незаменимая тягловая сила при вспашке полей тяжелым плугом. Развитию буйволоводства способствовали условия местности: умеренный климат, наличие богатой кормовой базы, болотной растительности, в том числе зарослей камыша на орошаемой земле. Буйволы высоко ценились и как скот, дающий «великолепное молоко, масло, мясо, кожу и т. п.». На долю буйволов в Кайтаго-Табасаранском округе в 1912 г. приходилось 31,7% общего количества крупного рогатого скота⁴⁸. Если исключить при этом горную часть округа, где буйволов обычно не разводили, то этот показатель для терекеменского участка окажется выше.

Коневодство играло второстепенную роль. Лошадей использовали для верховой езды и как тяговую силу, в частности во время молотбы зерновых. Овцеводство было развито в ограниченных размерах.

О роли скотоводства и его отдельных видов в хозяйственной деятельности терекеменцев свидетельствуют данные переписи 1886 г. По этим данным, на 69 хозяйств сел. Падар приходилась 281 голова крупного рогатого скота и 34 лошади, овец не было вовсе; в сел. Ханмагомедкала на 40 хозяйств — 196 голов крупного рогатого скота, 26 лошадей и 219 голов овец и коз; в сел. Берикей на 226 хозяйств — 1187 голов крупного рогатого ско-

та, 221 лошадь и 404 овцы и т. д., в сел. Великент на 150 хозяйств — 1352 головы крупного рогатого скота, 120 лошадей и 320 голов овец и коз; в сел. Карадаглы на 25 хозяйств — 242 головы крупного рогатого скота, 69 лошадей и 2734 овцы⁴⁹, в сел. Селик на 37 хозяйств — 188 голов крупного рогатого скота, 19 лошадей, овец не было; в сел. Татляр — на 68 хозяйств — 300 голов крупного рогатого скота, 34 лошади и 94 головы овец и коз; в сел. Уллутерекеме на 35 хозяйств — 226 голов крупного рогатого скота, 36 лошадей и 108 овец и коз; в сел. Джемикент на 159 хозяйств — 730 голов крупного рогатого скота, 168 лошадей и 146 голов овец и коз, в сел. Деличобан на 110 хозяйств — 860 голов рогатого скота, 100 лошадей и 273 овцы и козы⁵⁰.

Как видно из приведенных данных, наибольшую роль в скотоводческом хозяйстве терекеменцев играл крупный рогатый скот, значительно меньшую — лошади и еще меньшую — овцы и козы.

Большой удельный вес крупного рогатого скота, в частности рабочего, объясняется его значением для крестьянского хозяйства. Однако с развитием капиталистических отношений, способствовавших глубокому классовому расслоению крестьян, скот все более концентрировался в руках богатой части общества. Это наглядно видно из тех посемейных списков, согласно которым многие хозяйства имели только по одному буйволу или по одной корове или вовсе не имели скота. Немногочисленные же состоятельные хозяйства, напротив, владели большим поголовьем.

Что же касается поголовья овец, то оно почти целиком находилось во владении лишь нескольких зажиточных хозяйств, имеющих возможности для содержания отар на нагорных — летних, а также кутанных — зимних пастбищах.

Зимой, в период сильных морозов, снегопада, скот находился в основном на стойловом содержании, но в хорошую погоду — всегда на подножном корму. Крупный рогатый скот, находящийся на стойловом содержании, кормили мякиной — саман, соломой — лэмбэ, а также кукурузными стеблями — таяг, лошадей же — мякиной и сеном (бичан) с ячменем (арпа). Утром и вечером скот выводили на водопой. Уход за скотом был обязанностью мужчин и подростков. Только доение молочного скота составляло важнейшую хозяйственную функцию женщин. Для каждого вида скота во дворе имелось особое помещение или отдельные отсеки в общем помещении. В зимний период лошадей и буйволов на ночь обычно помещали в хлевах — аран, расположенных внизу жилого дома, остальной скот держали под навесом.

Зажиточные терекеменцы, имевшие много скота, зимой содержали его на богатых растительностью пастбищных местах, вдали от населенных пунктов. На этих пастбищах для скота строили полуподземные помещения — газма с двускатной крышей из камыша, засыпанной сверху глиной. Ухаживали за

скотом обычно наемные рабогники или мужчины семьи. Летом весь скот находился во дворе, внутри оград (чалы), построенных отдельно для каждого вида скота. Общество круглый год держало наемных пастухов, причем отдельно для крупного рогатого скота (коров, быков, буйволов и буйволиц), отдельно для лошадей и отдельно для телят. Отдельно формировалась и отара овец. Пастухов нанимали дважды: с октября до весны и с весны до осени. Зимой скот выпасали обычно горцы (в основном даргинцы), а летом — табасаранцы. Последние легче переносили летний зной, чем жители гор. Во многих селениях яловый скот, кроме ездовых лошадей, все лето (4—5 месяцев) содержался на специальных лугах, вдали от населенных мест. Такими местами были Кафары, Исмаил-кутан и другие, богатые сочными травами, или же залежные земли общества — курамит ерлер. Ночью скот загоняли в загон — гезив чалы, огороженный высоким земляным валом — хандаг и колючим кустарником.

На таких пастбищах скот пасли по очереди сами общинники. Они выводили его на луга, на водопой, приводили в загон, охраняли. Охрану несли по 3—4 человека в течение 2—3 дней. Реже такой скот пасли наемные пастухи. Общинники-скотоводы выходили с арбами на строительство и ремонт загонов. Для охранников строили полуземлянки, где они отдыхали в прохладное время или укрывались от дождя. Кроме того, возводили двухъярусные шалаши — чардах для дневного отдыха и охраны.

Труд пастуха обычно оплачивался зерном: за каждую голову взрослого скота платили 3 сага пшеницы или 4 сага ячменя за квартал, за телят — немного меньше. Кроме того, хозяева скота по очереди приглашали пастухов на ужин, включавший жидкое блюдо. На день пастуха снабжали чуреком. Пастух нес перед обществом ответственность за порученное ему поголовье. Он выпасал его в течение целого дня и отгонял в середине дня на водопой. Если пастух допускал потраву посевов, то общественная охрана посевов — тургак немедленно загоняла нарушивший границу скот в специально огороженное место, а на пастуха накладывали штраф. Пастух отвечал также за пропажу скота.

Доили стельных коров и буйволиц два раза в день — рано утром и вечером, по их возвращении домой. Уже говорилось, что это входило в обязанность женщин, как и работа по переработке молока — приготовлению сметаны, кислого молока, творога, сбиванию масла.

Несколько сложнее была организация овцеводства — гоюнчулуг. Овцы целый год содержались на подножном корму. Терекменцы разводили преимущественно породу косман, которая давала много шерсти. Шерсть такой овцы также называлась «косман» и шла на изготовление теплых одеял, матрацев. Порода хепер, дающая мягкую шерсть, легко свертываемую в войлок, популярностью не пользовалась. Для улучшения породности овец терекменцы приобретали баранов-производителей в Ширване и горном Дагестане, чаще в сел. Куруш.

Овцеводство носило отгонный характер. Хозяева держали овец зимой на кутанах — ятаг. Кутанов на территории Терекеме, как мы уже отмечали, было много. В дозволенных казной или беками ложбинных местах терекемцы строили для зимовки овец специальные загоны из камыша, хвороста, которые сверху засыпали глиной. Местонахождение отары того или другого владельца называлось «гэмрэ» (гэмрэ такого-то). Кутаны были рассчитаны на 500—1000 и более овец. Обычно кутан арендовал серкар — наиболее богатый овцевод, который брал в свое стадо и овец более мелких овцеводов. Так создавались коши — объединения овцеводов во главе с серкаром. Серкар арендовал пастбища, нанимал чабанов, обычно из числа опытных горцев — овцеводов, заботился о содержании соответствующих помещений и сохранности поголовья. С членов коша серкар брал определенную плату за каждое поголовье, в зависимости от стоимости кутана, оплаты труда чабанов и т. д. Все члены коша по очереди резали овец для питания чабанов, доставляли продукты (муку, сыр, масло и т. д.) для общего котла. Старший чабан отвечал за поголовье, за продукты и являлся непосредственным помощником серкара, который бывал на кутане лишь время от времени.

За свой труд старший чабан — бюук чобан получал обычно 15 тоглу (годовалых овец) и валуг (молодняк), обувь — чарыки из сыромятной кожи и бурку. Рядовые чабаны в зависимости от опыта получали за год 8—9 голов молодняка. Среди чабанов были и такие, которые приводили в стадо и своих овец, что вызывало у них особую заинтересованность в охране и выпасе отар.

Спустя некоторое время после ягнения овец, что происходило обычно в апреле — середине мая, отары перегонялись в горы, на летние пастбища — яйлаги. Для этого серкар обычно договаривался с обществом или индивидуальными владельцами горных пастбищ о праве и условиях перегона на следующий год. Иногда терекемский овцевладелец брал на свое попечение отары овец горных овцеводов, когда те перегоняли их на плоскость, на территорию Терекеме. Весной же после ягнения овец их метили — обычно надрезом на ухе определенной формы. Каждый член коша ставил свою метку. Знаками собственности терекемцев являлись как надрезы (для мелкого рогатого скота), так и клеймо (для крупного рогатого скота и лошадей). Как правило, близкая родственная группа (семья, патронимия) пользовалась одним и тем же знаком.

Перед перегоном в горы овец стригли (обычно во дворе хозяев). Это время — гоюн гырха — отмечалось торжественно: резали овец, готовили праздничные блюда. Стригли обычно те же чабаны особыми ножницами. При этом шерсть каждой овцы свертывали отдельно.

Перегоняли овец отдельными отарами: отара молодняка — гузу, старые овцематки — ана гоюну и, наконец, бараны — гоч.

Терекеменцы перегоняли свои отары, как правило, к агулам, на пастбища общества Буршаг, или к курахским лезгинам. Перегон происходил по определенному маршруту, определявшемуся заранее, и длился около месяца с остановками в определенных местах для отдыха овец. При большой остановке — баркут, которая продолжалась 4—6 дней, сооружали временный шалаш для чабанов. Серкар выделял овцу для убоя, устраивал угощение (обычно хинкал) для чабанов. На летние пастбища везли запасы муки, соли (как для овец, так и для чабанов) и другие продукты, необходимые для приготовления пищи, а также уварь, теплую одежду, бурки, войлоки и т. д.

На горных пастбищах пастухи доили овец (обычно в бурдюк), а затем делали сыр. Туши овец, которые по тем или другим причинам подлежали убою, здесь же провяливали. Заготовленный на пастбищах сыр распределяли между членами коша из расчета количества молока, надоенного от овец каждого члена коша. Полный пай составлял 4 бурдюка сыра.

В сентябре, нагрузив имущество и бурдюки с сыром на лошадей, чабаны двигались с отарами на равнину, где располагались зимние пастбища. Возвращение овец с горных пастбищ в целости и сохранности, с окрепшим приплодом торжественно отмечалось и сопровождалось обильной трапезой и приглашением гостей. Осенью, так же как и весной, перед перегоном в горы принято было стричь овец и подсчитывать поголовье.

Терекеменцы, как и другие народы Дагестана, придавали большое значение улучшению породности скота. Богатые животноводы с этой целью приобретали породистых быков, жеребцов. У некоторых крупных помещиков, живших в районе расселения терекеменцев или поблизости от него, были свои «конезаводы». Конские табуны имели, в частности, Армирчопан Уцмнев, помещики П. Лазарев, П. Калантаров. Принадлежащие им табуны имели большое товарное значение — лошади продавались на дербентском рынке, участвовали в местных конных скачках. По свидетельству некоторых старожилов, один П. Калантаров (его ферма находилась в районе современного поселка Герга Каякентского района) приводил на скачки 25—30 лошадей. Судя по источникам, в 1855 г. в Дербентской губернии насчитывалось «60 конских заводов»⁵¹, под которыми имелись в виду табуны. Буйволов и буйволиц для улучшения породы терекеменцы приобретали на Кумыкской плоскости (чаще в сел. Костек), овец — в Табасаране и Ширване.

Однако работа по улучшению поголовья скота велась слабо, от случая к случаю. Зоотехнического обслуживания крестьянского скота, по существу, не существовало, а ветеринарная служба, организованная при канцелярии губернатора области и «состоявшая из четырех ветеринарных врачей, занималась преимущественно сбором статистического материала»⁵².

Бывало, что зимние морозы, усугублявшиеся недостатком кормов, приводили к массовой гибели скота. «Достаточно,— от-

мечалось в „Обзоре Дагестанской области за 1897 г.“ применительно ко всем районам,— чтобы в течение недели или двух держалась гололедица, или глубокий снег, или продолжительная метель, наконец, чтобы были морозы, и животные издыхают от голода и холода тысячами, так что за неделю зажиточные овцеводы становятся почти нищими»⁵³. Погибал скот и в результате эпидемий.

Существенное значение в хозяйстве терекеменцев имело птицеводство. Разведением птицы — кур, гусей, уток — занимались женщины. Зерновое хозяйство, наличие садов, огородов, позволяли обеспечить птицу кормом. Птица снабжала семью мясом, яйцами и пухом. Некоторое количество яиц и пуха шло на продажу.

3. ПЧЕЛОВОДСТВО, ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО

Довольно широкое развитие во всех обществах терекеменцев получило пчеловодство. Разводили преимущественно желтую пчелу. Пчел содержали в ульях типа плетеных корзин, цилиндрической формы, обмазанных сверху глиной. «Горская сапетка представляет собой плетеную корзину с куполообразным верхом... Снаружи улей обмазывается глиной, смешанной с навозом»⁵⁴. Такой же формы и конструкции были и ульи терекеменцев. Сапетки устанавливали обычно рядами на веранде, зимой их укрывали войлоком или стеганым одеялом. Мед извлекали, открывая дно сапетки, обычно весной и осенью. При отделении меда от воска применяли и способ подогревания — от дегдирип, и способ выжимки сот — от дегмеен бал, причем мед, отделенный вторым способом, ценился выше. Мед и воск широко применялся не только в пище, но и в народной медицине.

Большим подспорьем в хозяйственной жизни терекеменцев была охота. В низовьях Уллучая, в камышовых зарослях для ловли водоплавающей птицы устанавливались сетевые ловушки. Приманкой при этом служило зерно. Некоторые предприимчивые терекеменцы для ловли уток устраивали искусственные озера — нига и держали их постоянно на правах собственности⁵⁵. Ловля дичи в больших масштабах была хищнической и вела к ее истреблению.

Охота на лесную дичь — овчулуг — носила коллективный характер. Объектами охоты у терекеменцев были лисы, волки, шакалы, кабаны, барсуки, зайцы. Охотились с собакой, соколом, ястребом. Терекеменская земля, ее лучшие охотничьи угодья, была местом охоты и членов удмийского феодального дома. Последние приезжали сюда с большой свитой, с борзыми собаками. Известные охотничьи угодья в конце XIX в. принадлежали генералу П. Лазареву.

Рыболовство не имело существенного значения для терекеменцев. Ловили рыбу — балыг преимущественно на р. Уллучай, реже на р. Дарвагчай, а также на берегу Каспия, в специально

устроенных запрудах, сетями. Морской ловлей рыбы с лодок терекеменцы не занимались. Из речной рыбы ловили кутумов — кютюм, сазанов — сазан, усачей — сары ганат и мелкую рыбу.

С середины XIX в. так называемые Терекеменские рыбные воды перешли в ведение Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области. Морские рыболовные участки стали сдаваться казной на откуп крупным русским промышленникам, которые охотно привлекали в качестве рабочих на кабальных условиях и терекеменскую бедноту. Так, в 1846 г. эти воды были сданы купцу Кафтанникову⁵⁶. В дальнейшем на терекеменском берегу было создано много участков (ватаг) — батага. Если в 1903 г. в Терекеменских водах насчитывалось 17 ватаг⁵⁷, то в 1904 г. число рыбных ватаг в округе достигло 44⁵⁸. Еще в 1903 г. на 11 из них были произведены в г. Дербенте торги — на сдачу в аренду с 1 мая 1903 г. по январь 1909 г., причем арендная плата за это время поднялась с 6840 до 49 640 руб. 83 коп.⁵⁹ С развитием промышленного рыболовства и роста спроса на дагестанскую рыбу доступ терекеменцев к рыбным богатствам моря был закрыт. Они должны были довольствоваться лишь ловлей речной рыбы, и только для собственных нужд. Промышленное рыболовство велось хищническими методами. Рыба вылавливалась без разбора, масса мелкой рыбы просто выбрасывалась на берег. В своем рапорте военному губернатору Дагестанской области от 13 мая 1913 г. начальник Кайтаго-Табасаранского округа отмечал, что рыбопромышленники Ахундов и Федоров на арендованных ими рыболовных водах, в том числе и терекеменских, совершают злоупотребления, «исключительно истребляют сельдь», излишки «зарываются в землю», нарушают «санитарные правила на рыбном промысле» и т. д.⁶⁰

4. ДОБЫЧА СОЛИ И НЕФТИ

Большое значение в экономике терекеменцев имели соль и нефть. В приморской части Терекеме было много богатых солью участков земли, где соль нередко выкристаллизовывалась и поднималась к самой поверхности. В ряде мест существовали открытые «соляные родники» — дуз булаглар (или соляные озера — дузлаг), где велись специальные разработки.

Когда в 1831 г. в описании Кайтага М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг отмечали, что здесь «находятся соленые озера и несколько колодцев серной горячей воды»⁶¹, очевидно, имелись в виду именно эти источники. В том же году в рапорте на имя графа Паскевича подполковник Меддокс писал: «...в Каракайтахской провинции близ моря и деревни Дели-чобан есть соляной родник, из коего воду жители выпускают в устроенные для сего места, которые принадлежат разным селениям. Отсюда довольствуются солью почти все жители Каракайтахской про-

винции и многие горские народы»⁶². Терекеменцы добывали соль не только для потребностей своего хозяйства, но и для реализации ее на стороне. На местные «соляные родники» имели право не только терекеменцы, но и жители Башлы и Урчамиля (кайтагцы). Кайтагцы Урчамиля, по данным письменных источников, могли пользоваться солью «два весенних месяца» и даже с апреля по июль⁶³, т. е. в течение четырех месяцев. Часть соляных озер принадлежала местному беку Уцмиеву.

Способ добычи соли был довольно примитивным. Вокруг соляных озер летом (июнь — август) делали чеки — лек, окружая края участков невысоким валом. К ним через небольшие узкие канавки — арых подводили воду из соляного озера и наполняли их до краев. В течение 5—6 дней происходил процесс естественного испарения, отложения соли на дне. Затем снимали верхний чистый слой соли и отдельно — нижний. Последний содержал и немного глины. Чтобы очистить нижний слой, его промывали соленой водой из озера и сушили. Соль, добытая методом создания чеков — лек-дуз, считалась лучшей и шла в пищу. Недостаточно промытая и плохо очищенная соль добавлялась в корм скоту. Соль также добывали из неглубоких источников, когда они время от времени высыхали и образовывался кристаллообразный слой почвы. Эта соль считалась горькой — аджи-дуз. Такую соль терекеменцы скармливали скоту, а также засыпали ею глинобитные крыши, чтобы предотвратить прорастание травы. Созданные своими руками чеки терекеменцы рассматривали как частную собственность. Размер собственности определялся числом и величиной чеков. Были хозяева, которые имели 5—10, а некоторые предприимчивые члены больших семей, по сведениям наших информаторов, — даже 100—200 чеков. Излишки соли терекеменцы продавали горцам на еженедельных базарах Маджалиса, Дербента и других мест.

Таким образом, для отдельных хозяйств соль была весьма доходной статьей бюджета, а для некоторых (в основном бедняцких) — и единственным. С развитием капиталистических отношений, особенно после строительства Петровской ветки Владикавказской железной дороги, спрос на соль значительно возрос. Как казна, так и местные беки стали сдавать соляные источники в аренду посторонним лицам, хотя у терекеменских обществ формальное право на пользование ими сохранилось. Так, в 1874 г. эти соляные источники находились на откупе у армянского промышленника Мирзоева, которым было добыто в том же году 343 700 пудов соли⁶⁴. Число охотников на соляные источники росло из года в год, росло и число эксплуатируемых на добыче ее сезонных рабочих. Так, в 1896 г., по данным официальных источников, добыча поваренной соли «из соляных озер Кайтаго-Табасаранского округа (т. е. на Терекеменском и Рукельском участках.— С. Г.) равнялась 20 700 пудам»⁶⁵. Спустя же шесть лет, т. е. в 1902 г., на одном только источнике — Рамазан-кутан, расположенном на Терекеменском участке, было

добыто соли 7822 пуда, причем на ее добыче было занято 423 сезонных рабочих⁶⁶.

Отдача на откуп соляных источников лишала бедноту средств существования. «С незапамятных времен население,— пишет военный губернатор в 1909 г. в канцелярию наместника Кавказа,— жило исключительно на доходы от добываемой соли, а потому с уменьшением добычи благосостояние населения сильно пошатнулось. Привыкнув смотреть на соляные источники как на исключительно им принадлежащие, население считает аренду этих источников захватом». При этом губернатор ссылался на соответствующее прошение жителей Каракайтагского и Нижнекайтагского участков. Как явствует из документа, персидский подданный Алихан Гайдар-оглы, взявший в аренду эти источники на 4 года, построил там технически оснащенные солеварни, что привело к почти полному упадку промыслов у жителей ряда обществ. «Вследствие истощения источников,— отмечается в этом же документе,— чеки их стали оставаться пустыми и накопления их соляным раствором приходится ждать очень долгое время». Возмущенные всем этим жители ряда селений нанесли промышленнику Гайдар-оглы немалый материальный ущерб, разрушив некоторые из его сооружений⁶⁷.

Терекеменцы занимались и добычей нефти. Их земля издавна была известна как нефтеносная. Еще в начале XVIII в. член посольства в Персии в 1715—1718 гг. А. И. Лопухин в «Журнале путешествия через Дагестан» отмечал, что в этих местах «бежит нефть»⁶⁸. Нефть, однако, не имела здесь промышленного значения и потреблялась лишь для местных нужд. Нефтью пользовались для освещения помещений, наполнив ею глиняные или медные светильники и воткнув в нее фитиль. Она шла также на смазку деревянных частей домов, хозяйственного инвентаря. Нефть использовалась и как лечебное средство, особенно при кожных заболеваниях, а также в ветеринарной практике.

Терекеменцы брали нефть из естественных выходов, главным образом на открытых участках у сел. Берикей, где она била фонтанами. Вокруг этих фонтанов делались ямы, из которых неочищенную черную нефть извлекали ковшами. Затем ее переливали в глиняные кувшины и бурдюки и перевозили на арбах, поместив емкости в плетеные корзины.

В конце прошлого века официальная печать констатировала, что в Кайтаго-Табасаранском округе добыча нефти производится «из мест естественных выходов нефти», что «вся добыча ее в сыром виде идет на потребности местного населения и не вывозится за пределы области». Вместе с тем та же официальная печать отмечала, что «нефтяное дело в области, несмотря на печальное положение, с окончанием ныне разрабатываемой железной дороги, которая проводится по району нефтеносных земель Дагестана, быстро оживится»⁶⁹. С развитием капиталистических отношений и строительством Петровской ветки Владикавказской железной дороги нефтяные участки Терекеме, как

и всего прибрежного Дагестана, становятся объектом эксплуатации со стороны нефтепромышленников. Из года в год растет число заявок на добычу нефти. В 1893 г. было начато глубокое разведочное бурение нефти в районе Берикея. В 1894 г. здесь уже возникают промыслы русских предпринимателей Козляковского, Любимова, Балабанова⁷⁰.

Нефть Дагестана стала привлекать внимание и иностранных капиталистов. Так, в 1899 г. «Англо-русское нефтяное общество» имело в районе Берикея 2278 десятин⁷¹. Наиболее значительной иностранной фирмой, эксплуатировавшей нефтяной район Берикея и Каякента в начале XX в., было «Товарищество братьев Нобель». В 1902 г. на Берикейских нефтяных промыслах этой фирмой было добыто 60 000 пудов нефти с использованием труда 61 рабочего, а промышленником О. Бенкендорфом — 1876 пудов с использованием труда 6 рабочих⁷². Через два года, т. е. в 1904 г., «Товариществом братьев Нобель» было добыто нефти уже 1 879 558 пудов с использованием труда 70 рабочих⁷³. Постепенно здесь возникли и другие компании, часть которых стала успешно конкурировать с «Товариществом братьев Нобель».

В целом добыча соли и нефти велась примитивными способами. В погоне за максимальной прибылью откупщики и не думали об улучшении оборудования, о замене ручного труда машинным. В условиях тяжелой эксплуатации, без всякой охраны труда, за нищенскую заработную плату работала на них деревенская беднота, в том числе и терекеменская. Рабочие жили в грязных бараках, плохо питались, что способствовало широкому распространению среди них эпидемических и других заболеваний. Штрафы, увольнения по всякому поводу были обычным явлением.

Однако промышленная разработка недр имела большое положительное значение. Здесь рабочие впервые познакомились с более усовершенствованными методами добычи сырья и его переработки. Развитие промышленности способствовало формированию рабочей прослойки из числа крестьян-терекеменцев, а следовательно, развитию социальной структуры общества.

5. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И ремесла. ОТХОДНИЧЕСТВО

Ремесло в Терекеме не получило заметного развития и в силу земледельческой направленности хозяйства, и в силу существовавшего в Дагестане территориального разделения труда. Терекеме не являлось ни центром ковроделия, ни центром художественной обработки металла или гончарного производства. Это был центр зернового хозяйства Южного Дагестана. Сравнительно большое значение имели домашние промыслы. Они носили разнообразный характер и сохранялись устойчиво. «Домашние промыслы,— писал В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки кото-

рого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»⁷⁴. Домашние промыслы основывались на переработке «сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»⁷⁵, и удовлетворяли исключительно местные нужды. Здесь, в частности, были признанные мастера по обработке дерева, железа, по производству сельскохозяйственных орудий, инвентаря, транспортных средств, предметов домашнего обихода. В начале века такими известными мастерами по обработке дерева, изготовлению сельскохозяйственных орудий были Иса Агарагимов (сел. Берикей), Магомед Исафилов (сел. Великент), Ханмамед Ханмагомедов (сел. Джемикент), Гаджи Исафилов (сел. Падар) и многие другие. Почти в каждом селении были и свои кузнецы — демирчи. Помимо изготовления и починки плугов, серпов, кос, топоров, многих других орудий труда они делали подковы, снабжали сельчан и другими предметами хозяйственного назначения такими, как ножицы для стрижки овец, ножи, щипцы и т. д.

В начале XX в. самым прославленным кузнецом на Терекменском участке был Магомед Мирзаханов (сел. Берикей). В его кузню — мешхана приезжали крестьяне со всего Терекеме. В то время как мастеров по изготовлению орудий из дерева было в больших селениях пять-шесть, число кузнечных мастерских на территории Терекеме не превышало 1—2. Хорошо известен был здесь и кузнец из сел. Башлы Салах, у которого многие терекемцы покупали готовые лемехи — котан-демир. В некоторых селениях (Берикей, Уллутерекеме и др.) кузнецам отводились «особые участки... обрабатываемые обыкновенно теми из поселян, которым кузнец обязан производить починку... бесплатно»⁷⁶.

Обычно кузница размещалась под навесом первого этажа. В ней были горны с мехами, наковальня, инструменты, необходимые для работы, точильное колесо и другие орудия.

Ремесло не было отделено от земледелия окончательно, и среди местных ремесленников трудно было найти такого, который занимался бы только ремеслом и не имел своей пашни, скота и т. д. Что касается изделий ремесленного производства (медных, гончарных, отчасти и деревянных), то терекемцы приобретали их у соседних горских народов. Существовал главным образом натуральный обмен. Чаще всего горцы-ремесленники приезжали в Терекеме и на месте обменивали свои изделия на зерно. Следует отметить, что лужение медной посуды, изготовление утвари, модной обуви на твердой подошве находилось почти всецело в руках лакских мастеров, приезжавших на сезон, а иногда и на постоянное жительство в терекемские селения.

Более широкое развитие в Терекеме получили домашние промыслы, связанные с обработкой шерсти, кожи, шелка. Основное место среди домашних промыслов принадлежало обработке овчин и шкур крупного рогатого скота. В отличие от многих

других районов, где обработкой овчин — дери занимались женщины, в Терекеме этот промысел был сугубо мужским занятием. Так же как во всем Дагестане, шкуру сперва расстилали, затем засыпали солью, подсушивали, потом основательно мыли. Затем мездру покрывали особой кашицей — эрик, изготавливаемой из кислого молока, муки и соли. После этого шкуру свертывали шерстью наружу и оставляли на 3—4 дня. Потом ее разворачивали, расстилали и подсушивали. Наконец, очищали мездру с помощью маленького скребка и мяли. Обработанные таким способом овчины шли на шубы и шапки. Кроме того, овчина обрабатывалась для бурдюков — мотал дериси или тулуг, в которых держали сыр — пендир и особым образом приготовленный творог — шор или деген шор. Для бурдюка шкуру снимали с барана целиком и накрепко перевязывали разрезы у ног и пупка. Шерсть слегка подстригали и, вывернув шкуру шерстью внутрь, вешали подсушить. Затем в приготовленный таким образом бурдюк через оставленное отверстие — горловую часть — клали сыр. Почти таким же способом изготавливали терекемцы и другой бурдюк — хузири, используемый для хранения небольшого количества зерна, вяленого мяса, колбасы. В этом случае разрезы обычно не завязывались, а зашивались и на них накладывались круглые заплатки из той же овчины. Овчинами, обработанными домашним способом и подстриженными, прикрывали сверху большие мешки для зерна — габ. Обработка кожи была в основном обязанностью мужчин. Только шитье шуб из обработанной овчины считалось женским занятием. Мужскую обувь, шапки шили мужчины. Наиболее сложной считалась обработка шкуры крупного рогатого скота, которая шла на изготовление обуви.

Шкуру коровы, быка или буйвола сперва подвергали той же обработке, что и овчину (промывали, квасили и т. д.). Потом ее разрезали на полосы — зол, каждая из которых была рассчитана на 3—4 пары обуви. Таких полос из одной шкуры выходило 5—7. Сняв ножом шерсть и разделив заготовку на более мелкие куски, рассчитанные на одну пару, их подвергали размягчению. Последняя операция производилась при помощи подставки из бруска и особой колотушки — тохмаг. Из обработанной таким способом кожи шили некоторые виды обуви.

Терекемцы, как и все женщины Дагестана, пряли, ткали, вязали и шили одежду для своей семьи. Лишь некоторые изделия из шелковой пряжи (гашники, готовая крученая нитка, вышивки и др.) частично шли на продажу и приносили небольшой доход мастерице.

В этих целях вымытую, вычищенную шерсть расчесывали на специальном железном гребне — дараг. Нитки шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные — ип пряли чаще на ручном веретене — элик, иногда на прядке с колесом — джэгхрэ, широко распространенной на всем Кавказе⁷⁷. Для пряжи овечьей шерсти выбирали мягкий сорт — хепер. Более жесткий сорт — кусман

шел на изготовление теплых стеганых одеял, матрацев, подушек для сидения и т. д. Из шерстяной пряжи вязали главным образом носки и чулки, обычно одноцветные. Ковроткачество в изучаемое время здесь существенного значения не имело. Только некоторые женщины, по сведениям информаторов, занимались изготовлением безворсовых ковров и мешков для зерна.

Традиции же изготовления мелких предметов хозяйственного обихода и одежды из хлопчатобумажной пряжи, сумок — хэйбэ, чанта для ношения на плече продуктов, переметных сумок — гаш хэйбэ, обмоток для мужской кожаной обуви — долаг сохранялись сравнительно устойчиво. Станок для тканья этих предметов назывался «хана агадж». Он был вертикальным и в принципе мало отличался от общераспространенного в Дагестане ткацкого станка такого типа, хотя был меньше по размеру. Такой станок представлял собой прямоугольную раму длиной до 1,2—2 м и шириной не более 40—50 см. Посередине он имел горизонтально расположенную перекладину, как бы делившую его на две части, так что можно было на нем ткать и мелкие по размеру наплечные сумки, обмотки, натянув нити лишь в нижней половине, и сравнительно большие предметы, в частности переметные сумки, натянув пряжу по всей высоте станка. На основу ткани — узатмасы использовалась обычно белая пряжа — аг-ип, и на уток — арчагы — синяя — гёк-ип. Шелковая пряжа (в крашеном и натуральном виде) шла главным образом на одежду, на вышивки — гюлебетин, на плетение всевозможных шнуров — чал, тесьмы — буфта и т. д. Особое развитие в Терекеме получило тканье и плетенье нарядных гашников из шелковой пряжи — иштин-багы, или туман-багы. Для тканья гашника применялась рама размером 30×60—70 см. Плели и ткали гашники разной ширины и толщины, в виде сетки, иногда с узором. В то время как на нарядные гашники шла шелковая пряжа, гашники повседневного пользования, имевшие форму узкой ленты, делались из хлопчатобумажной пряжи.

Каждая семья, где росла дочь, должна была заготовить десятка два нарядных шелковых гашников, концы которых отделывались золотыми или серебряными нитками, иметь большое число вышитых кисетов для табака, детских вышитых шапочек, сумочек в виде конвертов — бухча для предметов женского рукоделия. Изготовление подобных предметов для девушек-невест было характерно не только для терекемской семьи, но распространено по всему краю. Женщины из знатных семей много внимания уделяли золотошвейным работам по бархату, сукну, шелку. В числе других предметов золотым шитьем или шитьем разноцветными нитками украшались и женские башмаки. Как пряжу, так и готовые изделия часто окрашивали в черный, серый, синий, коричневый и другие цвета. В качестве красящего вещества широко использовали корни марены, луковую шелуху, медный купорос, а также различные семена трав.

В рассматриваемое время хозяйство терекемцев все боль-

ше приобретало товарный характер. Как отмечалось, основным продуктом, который частично производился на продажу, было зерно. Одновременно сокращались домашние промыслы, особенно прядение и ткачество. Сбывая излишки продуктов на рынке, главным образом в Дербенте, терекеменцы там же приобретали себе товары первой необходимости. Кроме того, в их селения везли изделия своих домашних промыслов, в частности сукна — шал, хлопчатобумажные ткани — сигези, обработанные кустарным способом кожи и овчины, готовые овчинные шубы и т. д., табасаранцы, лезгины, даргинцы и жители других горных районов, нуждавшиеся в зерне. Вязаные шерстяные носки, чулки, а также овечья шерсть приобретались преимущественно у табасаранцев. Терекеменцам с хорошо налаженным (для своего времени) зерновым хозяйством было выгоднее и дешевле приобретать ряд изделий, в том числе ткани, обработанную кожу, разную обувь и т. д., на стороне, чем производить их на месте. Богатые терекеменцы в Дербенте приобретали бархат, атлас, парчу и другие дорогостоящие шелковые ткани, поступавшие из восточных и европейских стран. Приток различного вида тканей, а также других изделий фабрично-заводской промышленности особенно усиливается после присоединения Дагестана к России. Помимо дорогостоящих изделий широкое распространение получили и дешевые бумажные ткани: ситец, бязь, сарпинка, нанка, хлопчатобумажные платки и т. д., которые были доступны и широким массам крестьян.

Это не исключало того, что некоторые виды домашних промыслов, связанные с изготовлением одежды и обуви, головных уборов, продолжали сохраняться до начала XX в.

Отходничество в Терекеме не получило широкого развития, если не считать отход на нефтяные и рыбные промыслы. Исключение составляет такой вид отхожего промысла, как извоз — кире, которым терекеменцы занимались в свободное от полевых работ время, обычно глубокой осенью и зимой. Для этого они объединялись в артели и отправлялись на своих арбах чаще всего в Дербент, откуда перевозили товар в Маджалис, Уркарах, Дешлагар, Порт-Петровск и даже в Темир-Хан-Шуру. При наличии груза извозчики зарабатывали и на обратном пути. Часть их груза составлял провиант, поставляемый в войсковые части. После строительства Петровской ветки железной дороги территория извоза ограничивалась главным образом внутренними районами Южного Дагестана. Широкое развитие получила и доставка на железнодорожные станции сельхозпродуктов. На вырученные деньги извозчики приобретали в городах предметы фабрично-заводской промышленности, кондитерские изделия и т. д.

В силу специфики хозяйственной деятельности по производству зерна (для богатой верхушки общества оно приобрело, особенно в пореформенный период, товарное значение) само Терекеме привлекало рабочую силу из числа горской бедноты.

Основным транспортным средством терекеменцев была двухколесная арба, в которую запрягали двух буйволов. Значительно реже использовались сани — кирше и волокуши. Незаменимой в хозяйстве была верховая лошадь — ат. Верхом ездили только мужчины, женщинам-терекеменкам верховая езда запрещалась адатом. Мягкие, набитые пухом кожаные седла с войлочными подстилками, с вышитыми суконными чепраками, а также уздечки, украшенные серебряным набором, богатые терекеменцы покупали у своих соседей-даргинцев, а нарядные коврики, которыми покрывали седла, — у табасаранцев. В дальнюю дорогу к седлу привязывали переметные сумы — гаш хэйбэ с продуктами и бурку — япунжу на случай непогоды.

Для изготовления арбы использовали крепкие породы древесины, такие, как карагач — гара-агач, дуб — палут и др. Терекеменская арба, как и арба других жителей равнины, была большой, просторной и делалась целиком из дерева. Она состояла из трех частей: кузовной — арба, колесной — чарлар и яремной — боюнса, боюндуруг. Только во второй половине XIX в. при изготовлении арбы начинают применяться некоторые металлические детали, в частности железные обручи на колесах. Кузов традиционной арбы состоял из дна — диби в форме равнобедренного треугольника, сделанного из трех-четырёх продольных и одного поперечного (в конце остова) шестов — арышлар, и бортов — чербентлер, мижерлер в виде лестницы, поставленной на боковое ребро и прикрепленной к дну. В ряде случаев для увеличения высоты на них устанавливали продольные планки — орчербентлер, вставляемые в стойки.

Колесная часть арбы состояла из деревянной же оси — кёчерагач, или ох, и насаженных на нее двух колес — чархлар. Ободья колес составляли 3—4 толстых, плотно пригнанных один к другому деревянных бруска — тогайлар, связанных внутренними шипами; в ободья вставлялось 16—18 спиц — гегейлер. Важной частью колеса являлись также ступицы и болванка — топ с винтами — гулаг. Собственно ярмо арбы было образовано параллельными подвижными планками, располагавшимися одна над другой, тщательно обработанными, изготовлявшимися из древесины твердой породы, а также пятью вертикальными стержнями с головками — чомачалар, вставляемыми в планки. Чтобы арба не скрипела, ось и ступицу время от времени смазывали черной нефтью.

Арба имела и ряд дополнительных приспособлений, которые использовались при необходимости. Так, при дальних поездках женщин, детей, стариков устанавливался плетеный навес — индираг, который покрывали паласом от солнца. При перевозках кукурузных початков, бахчевых, а также мякины на арбу ставили плетеные корзины — себет или большие плетеные сооружения во всю длину — чалы.

Сани как легкий вид транспорта использовались преимущественно зимой, когда землю покрывал толстый слой снега, для перевозки дров из леса, для поездки на мельницу и т. д. Волокуша использовалась для транспортировки бревен, жердей, древесины и т. д.

В конце XIX — начале XX в. у богатых терекменцев появляются русские пароконные фургоны — фургун. Фаэтоны или тачанки имелись лишь в одном-двух хозяйствах в целом ауле.

В изучаемое время большое значение в экономической жизни терекменцев приобрела торговля. Ее роль значительно возросла после присоединения Дагестана к России и особенно строительства железной дороги, пересекавшей всю территорию терекменцев и связавшей их с южными и северными соседями. Большое значение для развития торговли имела и ликвидация различных феодальных барьеров, в том числе и торговых пошлин. На торговых отношениях терекменцев, как и других народов Дагестана, положительно сказывалась традиция рационального географического разделения труда в крае, зональная специализация населения по производству сельскохозяйственной продукции, изделий домашних промыслов и кустарной промышленности⁷⁸. Терекменцы в рассматриваемое время вели оживленную торговлю в соседних аулах, в Дербенте, в торговых целях посещали города Закавказья (Гянджу, Баку и др.) и Северного Кавказа. Поскольку Терекеме являлся одним из районов сравнительно развитого земледелия в Дагестане, главным предметом торговли его жителей было зерно (пшеница, ячмень, рис и др.). Определенное место в торговом обмене терекменцев занимали крупный рогатый скот, соль, шелк-сырец, марена, нефть, лес. Перечень товаров, которые терекменцы приобретали у горцев (даргинцев, кубачинцев, казикумухцев, табасаранцев, верхних лезгин), был шире. Это овечья шерсть, сыр, свежее и вяленое мясо, гончарная, деревянная, медная утварь, холодное оружие, серпы, косы, ткани домашнего производства (шерстяные и хлопчатобумажные), бурки, готовые овчинные шубы для мужчин, папахи, тканые мешки, переметные сумы, ковры, паласы, шорная упряжь, обувь, выделанная кожа и др. Иногда в Терекеме из Табасарана и Верхнего Кайтага приезжали мастера по пошиву шуб и шапок с полной арбой сырья и заготовок. Нередко они привозили и готовые, ранее заказанные шубы, шапки. Происходила примерка, выбор товара по вкусу. Кроме того, выделанной кожей и сафьяном (чаще в обмен на необработанные шкуры, зерно или на деньги) снабжали терекменцев и горские евреи из Дербента и селений Янгикент и Маджалис Кайтаго-Табасаранского округа.

В терекменских селениях также имелись лавки, хозяева которых, ориентируясь на спрос жителей, доставляли все необходимое (ткани, платки, кожу, готовую обувь и т. д.), но по повышенной цене. Нередко по аулам Терекеме ходили коробейники, которые охотно реализовали свои товары в долг до убор-

ки хлебоб. Когда наступало время, эти мелкие торговцы являлись за своим долгом прямо на ток, где крестьяне молотили зерно. Многие мелкие производители, расплатившись с долгами, уходили домой без зерна. По такому случаю в народе говорили:

Атын сат, окюзюн сат,
Уч ай гышда эвде ят.

Продай коня, продай быка,
Лежи три зимних месяца дома.

Глиняную посуду обычно обменивали на то количество зерна (ячменя, пшеницы, кукурузы), которое вмещалось в эту посуду. Приехав со своей продукцией, нагруженной на лошадей и на арбу, горец-торговец, как правило, останавливался у своего кунака, во двор которого тут же приходили покупатели. Иногда о приезде торговца извещала сельчан и детвора, которая перечисляла товар и называла его торговый эквивалент. Нередко товары сбывались в долг, с условием получить зерно в период обмолота.

Терекемцы вывозили свое зерно, а также другую сельскохозяйственную продукцию и на еженедельные базары, функционирующие в близлежащих аулах (Маджалис, Уркарах, Башлы), а также в селениях Цудахар, Акуша, Уллуая и др. На этих базарах товар реализовывался как за деньги, так и в обмен на другие товары. Огромную роль в развитии торговых отношений терекемцев играл недалеко расположенный Дербент. В начале XIX в. Дербент представлял собой центр оживленной торговли, крупный перевалочный, транзитный пункт. В нем насчитывалось «420 лавок, принадлежащих 80 торговцам, три караван-сарая. Торговлей с другими городами занимались 25 человек»⁷⁹. Сюда терекемцы пригоняли скот, привозили зерно, марену, шелк-сырец, древесный уголь, соль и другие товары. Взамен они приобретали различные металлические изделия, листовое железо, хлопчатобумажные и шелковые ткани, посуду (стеклянную, фаянсовую, фарфоровую), писчую бумагу, сахар, чай и другие бакалейные товары, позумент, мотки канители (золотые и серебряные нити для вышивания), мыло и т. п.

Первое место по вывозу за пределы Дагестана среди терекемских товаров в середине XIX в. занимала марена, под которой, как отмечалось, были заняты огромные земельные участки.

В Каспийской области урожай марены в 40-х годах был настолько обилен, что «в торговле появилось количество ее, превышающее спрос»⁸⁰. По официальным данным, в 1862 г., например, из области «было вывезено 213 200 пудов марены средней стоимостью по 7 рублей за пуд»⁸¹.

Дагестанская, как и кавказская в целом, марена отличалась высокими качествами и признавалась лучшей. В докладе начальника главного управления заместника Кавказа Крузенштерна кн. Барятинскому от 18 апреля 1860 г. отмечалось: «Главный предмет торговли Дербентской губернии (сюда же относилось до образования Дагестанской области и Терекеме.— С. Г.)

составляет марена. Посевы ее, принося плантаторам огромные выгоды, год от года увеличиваются. В Дербентском и Кубинском уездах (на местах низменных) она почти вытеснила хлебопашество»⁸². В качестве подтверждения в отчете приводились следующие данные: в 1847 г. было вывезено 41 397 пудов марены на сумму 206 985 руб., исходя из расчета за один пуд 5 руб., в 1859 г. вывезено 180 689 пудов на сумму 1 446 112 руб. из расчета по 8 руб. за пуд⁸³.

Разумеется, эти цифры не могут быть отнесены только к Терекемскому участку, но тем не менее они отражают возрастающее значение торговли мареной в Дагестане в тот период.

Русские и местные купцы вывозили дагестанскую марену главным образом на Нижегородскую ярмарку, как сухим путем через Дербент — Кизляр, так и морем через Дербент — Астрахань. Через Астрахань же марена транспортировалась в Нижний Новгород и Москву. Она не только успешно конкурировала со славившейся во всем мире авиньонской, но и вытеснила ее на ярмарках Нижнего Новгорода.

Марену у терекемцев торговцы-скупщики чаще всего закупали на месте, в аулах. Во многих случаях за марену они расплачивались редкими товарами на выгодных для себя условиях. Это были торговцы преимущественно из Дербента, реже — связанные с ними русские и другие купцы. Как свидетельствует автор конца XVIII в. Гербер, в Дербенте находилось много персидских, грузинских, армянских и индийских купцов⁸⁴. Значение Дербента как торгового центра для терекемцев было огромно. Его роль особенно возрастает с установлением регулярного пароходного сообщения между Дербентом и Астраханью (1858 г.). Астрахань уже в XVIII в. являлась международным торговым центром, оживленная торговля велась не только с промышленными городами Центральной России, Поволжьем, Средней Азией, но и с восточными странами: Персией, Индией и др.⁸⁵.

Говоря о торговле, нельзя не коснуться существовавшей в Терекеме системы мер и весов. Основной единицей измерения сыпучих тел являлись сах, или саг, и сабу. Сах равнялся 2,5 кг. Сабу обычно вмещал 7,5 саха или 19—20 кг пшеницы, 16—18 кг ячменя. Количество зерна измеряли еще мешками разного вида и размера: габ, вмещавший 3,5 пуда пшеницы, чувал — 10—12 пудов, харал — 15—20 пудов.

С присоединением Дагестана к России в обиход постепенно вошла система русских мер, весов, возрос курс русского рубля. В 1824 г. А. П. Ермолов указал военной администрации в Дагестане на необходимость «жителей приучать к весу российскому и иметь верные весы»⁸⁶. И тем не менее еще на рубеже XIX—XX вв. во внутренней торговле терекемцев, так же как и других народов Дагестана, большую роль продолжала играть традиционная система мер. Размеры земельных участков определяли количеством засеваемых семян: 5 сабунун ери (участок на 5 сабу), 10 сабунун ери (участок на 10 сабу) и т. д. Измеряли

землю и шагом. Сенокосные участки измерялись арбами сена, получаемого с них. «За неимением точных способов измерения площадей поверхности,—отмечалось в „Обзоре Дагестанской области за 1907 г.“,—пространство пахотных земель здесь исчисляется количеством засеваемого зерна, сады — числом корзин (сапеток) или весом собранных плодов, сенокос — числом вьюков скошенного сена и пастбища — числом выпасаемого на них скота. Результаты исчисления, получаемые таким образом, могут быть очень приблизительны, тем более, что количество засеваемого зерна крайне разнообразно»⁸⁷. Приведенная характеристика в основном отражает состояние дел и на терекемской земле.

Несколько точнее измерялась сельскохозяйственная продукция и товары. Мерой веса сыра, мяса, меда, а также шерсти, шелка-сырца служили батман (6 кг) и гирвенке (400 г). Мерой определения малого веса, например, шелка, служило куриное яйцо — юмурта. Для измерения масла, меда применялось еще денгене: гичик денгене (малое денгене) равнялось 400 г, беюк денгене (большое денгене) составляло 2,5 денгене, т. е. 1 кг. Марена обычно измерялась пудами, зерно — четвертями.

Мерой длины служило время, необходимое для преодоления пути: бир гюнлюк ёл (однодневный путь), эки гюнлюк ёл (двухдневный путь). Иногда и пахотная земля измерялась временем: бир гюнлюк ер (участок, который можно вспахать в течение одного дня), эки гюнлюк ер (участок для пахоты в течение двух дней) и т. д.

Ткани измерялись ханским аршином — аршун, составлявшим 0,71—0,80 м, кары — 0,2 аршина, дирсек (локоть) — 0,5 м.

Более мелкими мерами длины являлись карыш, равный расстоянию между растянутыми большим пальцем и мизинцем, суюм (пядь) — между растянутым большим и указательным пальцами, бармак — ширина одного пальца и т. д.

Что касается денежного обращения, то в описываемое время в Терекеме широко использовались серебряные монеты: манат (1 руб.), он шагьи (50 коп.), аббасы (20 коп.), уч шагьи (15 коп.), эки шагьи (10 коп.), бир шагьи (5 коп.) и др. Для измерения веса золота применялись мисгал (золотник), буртук (зернышко пшеницы или риса). После присоединения Дагестана к России, особенно со второй половины XIX в., постепенно утверждается единая русская денежная система.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728.— ИГЭД. М., 1958, с. 83; *Тихонов Д. И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г.— Там же, с. 133—134; *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана. 1804.— Там же, с. 216; *Ковалевский М. К.* и *Бларамберг И. Ф.* Описание Дагестана. 1831.— Там же, с. 310 и др.

² *Тихонов Д. И.* Описание Северного Дагестана, с. 129.

³ *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана, с. 216.

⁴ См.: Феодальные отношения в Дагестане, с. 196.

⁵ См. там же, с. 197.

⁶ Сабу — мера, в которую вмещалось 19—20 кг пшеницы или 16—18 кг ячменя.

⁷ См.: Феодальные отношения в Дагестане, с. 197.

⁸ Название «гъажи» эта культура, по народному преданию, получила потому, что впервые семена ее были привезены паломниками, совершившими хаджж в Мекку и Медину.

⁹ Цит. по: *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане.— Азербайджанский этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1966, с. 14.

¹⁰ Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903, с. 8.

¹¹ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 223.

¹² См.: *Зонн С. В.* Терекемский участок, 1929.— РФ ИИЯЛ, ф. 2, оп. 1, л. 557.

¹³ Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура. 1907, с. 9.

¹⁴ *Османов М. О.* Хозяйственная деятельность народов Дагестана в досоветский период.— Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971, с. 16.

¹⁵ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 100.

¹⁶ История Дагестана. Т. I, с. 32.

¹⁷ *Тихонов Д. И.* Описание Северного Дагестана, с. 134.

¹⁸ Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905, с. 38—39.

¹⁹ Там же.

²⁰ История Дагестана. Т. II. М., 1968, с. 175, 182.

²¹ Подробнее см.: *Индова Е. И.* Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалу вотчинного архива Воронцовых. М., 1955, с. 40.

²² История Дагестана. Т. II, с. 175.

²³ См.: *Сумбат-заде А. С.* Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, с. 200—204.

²⁴ *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана, с. 216.

²⁵ *Ковалевский М. К.* и *Бларамберг И. Ф.* Описание Дагестана, с. 310.

²⁶ См.: *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Ал-Мукаддасий.— СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908, с. 98.

²⁷ *Klaprhot M.* Tableau historique, ethnographique et politique du Caucase et des payses limitrophes entre la Russie et la Perse. Lpz., 1827, с. 136.

²⁸ *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. I. Казань, 1849, с. 65.

²⁹ Адаты об отношении терекемских раят к своим бекам.— Феодальные отношения в Дагестане, с. 33.

³⁰ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 228.

³¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 5, д. 7820, л. 7.

³² АКАК. Т. X. Тифлис, 1859, с. 867.

³³ См.: *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 227.

³⁴ Там же, с. 226.

³⁵ См.: О мареноводах и кризисе.— Терские ведомости. № 34.

³⁶ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 4, д. 73, л. 24.

³⁷ *Козубский Е. И.* История города Дербента, с. 276.

³⁸ См.: ЦГИА ГрузССР, ф. 5, д. 7820, л. 8; ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 4, д. 73, л. 1—2, 22, 24, 30—31.

³⁹ *Козубский Е. И.* История города Дербента, с. 276.

⁴⁰ О мареноводах и кризисе.— Терские ведомости. № 34.

⁴¹ См.: *Шихсайдов А. Р.* Дагестан в X—XV вв. Махачкала, 1975, с. 180.

⁴² Каляф (кэлэф) — количество шелковой пряжи, равное весу куриного яйца.

⁴³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 199, 204.

⁴⁴ Там же, с. 204.

⁴⁵ Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913, с. 89.

⁴⁶ *Неверовский А. А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847, с. 42—43.

⁴⁷ Подробнее см.: *Окладников А. П.* К вопросу о буйволоводстве в Дагестанской республике и о составе молока буйволиц.— Материалы к изучению Дагестана. Вып. XII. Махачкала, 1928; *Гаджиев М.-Г. А.* Народные традиционные навыки по уходу и содержанию крупного и мелкого рогатого скота в Южном Дагестане во второй пол. XIX — нач. XX в.— Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв., с. 48—49.

⁴⁸ *Окладников А. П.* К вопросу о буйволоводстве в Дагестанской республике, с. 138.

⁴⁹ Овцы в основном принадлежали известному беку Амирчопану Уцмиеву.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 41, л. 401—405; д. 45, л. 693—699, 783—788; д. 47, л. 670—685; д. 48, л. 152—169, 319—353, 554—571; д. 51, л. 12—31.

⁵¹ История Дагестана. Т. II, с. 34.

⁵² *Гусейнов С. И.* Горский скот Дагестана и пути его преобразования. Махачкала, 1961, с. 19.

⁵³ Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898, с. 34.

⁵⁴ Кавказский календарь на 1914 год, с. 116.

⁵⁵ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 194.

⁵⁶ ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 8480, л. 10—15.

⁵⁷ Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904, с. 76.

⁵⁸ Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905, с. 32.

⁵⁹ Обзор Дагестанской области за 1903 г., с. 76.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 70, л. 24, 25; ф. 2, оп. 3, д. 66, л. 2.

⁶¹ *Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф.*, с. 309.

⁶² АКАК. Т. 7. Тифлис, 1878, с. 518.

⁶³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 227, 190.

⁶⁴ Кавказский календарь на 1877 год. Тифлис, 1876, с. 101.

⁶⁵ Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897, с. 21.

⁶⁶ Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903, с. 35.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 25, л. 3.

⁶⁸ *Лопухин А. И.* Журнал путешествия через Дагестан, 1718.— ИГЭД, с. 56.

⁶⁹ Обзор Дагестанской области за 1896 г., с. 21.

⁷⁰ История Дагестана. Т. II, с. 196.

⁷¹ *Милованов Г. И.* Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963, с. 23.

⁷² Обзор Дагестанской области за 1902 г., с. 35.

⁷³ Обзор Дагестанской области за 1904 г., с. 35.

⁷⁴ *Ленин В. И.* Первые стадии капитализма в промышленности.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 328.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 191.

⁷⁷ См.: *Лисициан С. Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении.— Этнографический сборник. Вып. 1. М., 1955, с. 207, рис. 17; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, с. 196, 198, рис. 37—38; *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981, с. 18, рис. 3 б, в.

⁷⁸ Подробнее см.: *Османов М. О.* Хозяйство.— Материальная культура даргинцев, с. 50.

⁷⁹ Цит. по: *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 115.

⁸⁰ *Радде Г.* Кавказ.— Живописная Россия. Т. 9. 1883, с. 227.

⁸¹ Там же.

⁸² АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904, с. 443.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.— ИГЭД, с. 86.

⁸⁵ См.: О нынешнем состоянии города Астрахани.— Собрание сочинений, выбранных из месящесловов за разные годы. Ч. VII. СПб., 1791, с. 27—28.

⁸⁶ АКАК. Т. VI, ч. II. Тифлис, 1875, с. 68.

⁸⁷ Обзор Дагестанской области за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1908, с. 4.

instituteofhistory.ru

1. ПОСЕЛЕНИЯ

Терекеменцы проживают компактными группами в селениях — кенд. Хуторская система им не была известна. Когда возникли первые оседлые поселения терекеменцев на данной территории и на основе какого принципа (территориального, родственного и т. д.), установить не удалось.

Как мы уже отмечали, с основанием каждого селения терекеменцы связывают различные предания, которые, надо полагать, в определенной мере отражают реальные исторические события. Основание одних приписывается определенным лицам (Джемикент), топонимика других связывается с этнической принадлежностью их жителей, или с местами, откуда они прибыли (Татляр, Падар), или же, наконец, с именем завоевателей (Берикей) и т. д.

Народная память сохранила и сведения о перемещениях с места на место жителей ряда аулов, о неоднократных разрушениях, разорениях и грабежах, которым подвергались поселения терекеменцев в результате междоусобных войн феодалов Дагестана и Северного Азербайджана (Кубы). Основываясь на устных преданиях, терекеменцы перечисляют 13 населенных пунктов. 10 из них существуют и в настоящее время, что же касается остальных трех — Шебеде, Шахбаз, Мехреж, — то, как гласят местные предания, они были разрушены в разное время и превращены в покосные и пастбищные участки. Эти сведения подтверждаются и архивными источниками. Но когда именно и почему они перестали существовать, точно установить трудно. Однако ряд исторических сведений позволяет высказывать некоторые гипотезы. Так, костекский владетель, капитан Хамза Алишев в своем письме на имя кизлярского коменданта генерал-майора Потапова от 1 апреля 1765 г., подробно описывая события, связанные с междоусобной борьбой феодалов Дагестана и Северного Азербайджана, в частности уцмья Кайтагского и Кубинского хана, между прочим сообщает: «Семь деревень, называемые Терекеме, жгли, скотинов и баранов всех... ограбили»¹. Терекеменские селения подверглись «грабежу и разорению» и чуть позднее, в 1777 г., в результате столкновений того

же уцмня Кайтагского с Фатали-ханом Кубинским и пришедшим ему на помощь отрядом царских войск². Таким образом, вероятнее всего, три вышеназванных селения в числе других были разрушены до основания в результате сложных событий, происходивших в Южном Дагестане в 60—70-х годах XVIII в., т. е. в один из периодов ожесточенной борьбы феодальных группировок за власть.

Правда, народная память сохранила и другие сведения относительно селений Шебеде, Шахбаз и Мехреж. Согласно преданиям, шахбазцы переселились в Деличобан из-за убийства членом их общества жителя соседнего селения Селик. Место, где располагался старый Шахбаз, и сейчас называется Эскикенд («Старое селение»). По тем же народным преданиям, мехрежцы переселились в Великент из-за частых столкновений с горными обществами Кайтага. В самом деле, в микротопонимике района Великента, в том месте, где, как полагают старики терекеменцы, находился старый Мехреж, до сих пор есть участки, известные под названием Мехрежкент (Уллумехрежкент и Кичикмехрежкент) или Эскикент. Шебединцы, по преданиям, жили в гуще леса на берегу р. Уллучай, недалеко от сел. Уллутерекеме, западнее сел. Татляр, и покинули свое селение в поисках более защищенного места. Так они оказались в Деличобане. Предания о переселении существуют и относительно жителей селений Селик и Уллутерекеме. Селикцы оставили свой обжитой аул и построили новый под тем же названием недалеко от старого. Жители Уллутерекеме после грабежа их селения построили новое в двух километрах от старого. Старейшие жители свидетельствуют о том, что Уллутерекеме было самым первым и самым крупным селением терекеменцев, другие же селения возникли позднее, в результате отселения части уллутерекеменцев. Старейший, ныне покойный терекеменец Ираджаб Азизов, ссылаясь на воспоминания своего отца, говорил: «Наше селение вначале было самым крупным... По рассказам отца, оно было кем-то ограблено и разрушено. Часть жителей оставила его и основала другие селения, часть ушла за Койсу, многие обосновались в Гяндже. Мой отец не успел уйти вовремя, как и многие другие. Оставшиеся жители создали рядом со старым (в полутора километрах) новое селение, где мы живем и сейчас. Наше селение было самое старое, основное (бинекенд) и самое большое. Первое селение мы и сейчас называем Эскикенд. Теперь Уллутерекеме стало небольшим селением. Говорят, что в том месте, где теперь находится Уллутерекеме, прежде жили какие-то святые (шейхи). Они покинули эти места с приходом наших предков, при этом проклинали их: „Я аз олмасын, я чох“ (букв. „Чтобы и не уменьшились численно, и не увеличились“)»³. В качестве доказательства особой роли Уллутерекеме в образовании других селений терекеменцев старейшие жители приводят и такие свидетельства, как наличие близ этого селения самого старого кладбища, куда привозили хоронить умерших и из дру-

гих селений. В пользу того, что Уллутерекеме первоначально являлось самым крупным поселением на этой территории, говорит и само название Уллутерекеме («Большое Терекеме»). Возможно также, что название селения может свидетельствовать о наличии второго Терекеме, сравнительно меньшего по размерам. Может быть, на этой территории первоначально кочевало две группы терекемцев — большая и малая.

Так или иначе, в феодальный период терекемцам жилось тревожно. Разрушенные селения, согласно обычаю, воссоздавались на новых землях, хотя и поблизости. Очевидно, легче было возводить дома на новом месте, используя строительные материалы, сохранившиеся в старых аулах, чем разгребать развалины. Возможно, здесь сказывались и давние кочевые традиции.

И наконец, из некоторых селений терекемцы в разное время группами уходили в Северный Дагестан — на Кумыкскую равнину, где переселенцы вначале создавали временные поселения (Терекеме-отар), а затем образовали постоянные села Чонт-аул, Темираул и квартал в сел. Костек. Некоторые из переселенцев, судя по документам, возвращались обратно в «старое» Терекеме — по своей воле или «по настоянию их прежнего владельца уцмия Кайтагского»⁴.

О характере терекемских поселений мы можем судить лишь на основе письменных источников, относящихся ко второй половине XIX в. По данным этих источников, в Терекеме существовало 10 селений, в основном небольших. Так, по переписи 1886 г., в Падаре числилось 69 хозяйств, в Ханмамедкале — 40, в Карадаглы — 25, в Селике — 37, в Татляре — 68, в Уллутерекеме — 35, в Деличобане — 110. Более крупными были селения Берикей, Великент и Джемикент, где соответственно насчитывалось 226, 150 и 159 дворов⁵. Еще И. Березин, сделавший в 1822 г. кратковременную остановку в Терекеме по пути из Тарки в Дербент, успел заметить, что Великент — небольшая деревушка в 200 домов, раскинутая на берегу Малого Бувама (Уллучая)⁶. В конце XIX в. на терекемском участке в целом насчитывалось 4294 жителя, а в среднем на аул приходился 421 житель⁷. Небольшая численность населения в селениях сохранялась и в начале XX в.

Селения терекемцев располагаются на равнине, в местах, удобных для хозяйственной деятельности, вблизи большой и полноводной реки Уллучай. Здесь множество родников, плодородных земель, обширных угодий для пашни, покосов и пастбищ, лесных массивов и т. д. Особенно хорошо обеспечено питьевой водой сел. Великент. Кроме главного водоисточника (Кёхнебулаг или Ковхалыбулаг), находящегося в самом ауле, оно имело и родники, расположенные вблизи села: Таггабулаг, Паркарбулаг, Биттибулаг, Алтыэвбулаг, Джужебулаг, Макубулаг, Шабанбулаг, Огулбулаг, Кызылагачбулаг, Командантбулаг. Кроме великентцев эти родники снабжали и некоторые другие

селения, и не только питьевой водой, но и водой для орошения садов и пашен. Жители сел. Берикей пользовались питьевой водой из трех источников: Аскербулаг (на западной окраине села), Хасанбулаг (на восточной окраине села), Ахмадбулаг (на южной окраине села). Аул, таким образом, находился в кругу родников. Недаром берикейцы, гордясь своим селом, говорили: «Берекей берекетди, дёрдде яны булагды, ичи янан чырагды» (букв. «Берекей — место изобилия. С четырех сторон окружен родниками и подобен светящей лампаде»).

Располагаясь на одном из самых лесистых участков, рядом с так называемым Уллумеше («Большим лесом»), жители Терекеме имели большие возможности и для удовлетворения своих потребностей в топливе и строительных материалах. По всей вероятности, И. Березин, когда писал, что возле Великента «растет дубовый лес»⁸, имел в виду именно Уллумеше.

Для поселений Терекеме была характерна южная или юго-восточная ориентация. Обращенные фасадами к солнцу, дома хорошо обогревались. В соответствии с условиями рельефа, т. е. равнинной местности, селения имели горизонтальную планировку. В некоторых селениях дома располагались скученно, вплотную один к другому, кварталы нередко пересекались узкими извилистыми улицами и тупиками. И тем не менее при внимательном изучении можно проследить определенную систему планировки улиц, наличие главной улицы и отходящих от нее улочек и переулков. Сравнительно четкой планировкой отличалось сел. Берикей. Здесь все улицы или соединялись между собой почти под прямым углом, или располагались перпендикулярно одна к другой. В нем почти не было тупиков, хотя дома, как и везде, нередко плотно примыкали один к другому и имели небольшие дворы. Каждый двор терекемцев составлял вполне самостоятельную планировочную ячейку.

Чем объяснить скученное расположение домов на терекемской земле при низкой плотности населения и наличии свободных земель? Основной причиной, побуждавшей терекемцев селиться компактно, даже скученно, пожалуй, следует считать необходимость в защите от нападений извне. Ведь, как уже отмечалось, терекемские земли располагались в открытой местности, на пути передвижения населения как с юга на север, так и с севера на юг. Кроме того, земля являлась собственностью феодалов, запрещавших самовольное строительство за чертой аула. В этих условиях рост численности населения, нежелание нарушать родственный принцип расселения способствовали скученности, образованию тупиков. Тем не менее терекемцы руководствовались определенными правилами планировки селений.

Селения были разбиты на кварталы (магалы). Их число зависело в основном от величины селения. Например, в сравнительно крупном селении Великент было 5 магалов. Магалы обычно включали в свой состав часть широкой улицы — куча,

элчи с отходящими от нее переулками — тыгрыг и тупиками — аралыг. Были и небольшие магалы, состоящие из одной улицы или ее части.

Магалы создавались преимущественно по родственному признаку, но в XIX в. они уже носили смешанный, территориальный характер, т. е. объединяли разные семейно-родственные группы (тухум, урлук).

Названия некоторых магалов указывают и на этническую принадлежность их жителей. Так в сел. Джемикент наряду с такими магалами, как Шихмехле (Магал, где жили шейхи), Чаймехле (Речной магал), Саритопракмехле (Желтоглиняный), Куватмехле (Многолюдный, сильный магал), был и Карачаймехле (Магал карачаевцев), жителей которого местное предание считает пришлыми из Карачая⁹.

Достаточно часто магалы получали свое название по роду занятий их жителей или по событию, которое когда-то произошло в квартале. В сел. Берикей, например, один из магалов назывался Бакаламехле, так как в нем жили пришлые из даргинских аулов отходники; название второго — Самурсагмехле («Чесночный магал») — было связано с тем, что его жители выращивали чеснок для продажи. В селениях Великент и Деличобан были кварталы под названием Кевхалымехле, так как из тухумов, живших в этих магалах, постоянно выбирались старшины или сборщики феодальной ренты (кевха).

В черте аула (в центре или на окраине) большую площадь обычно занимал главный родник, о чистоте и благоустройстве которого терекеменцы постоянно заботились. Родник имел форму небольшого глубокого бассейна, обнесенного со всех сторон каменными стенками и плотно закрытого сверху, вода из которого вытекала по каменному или деревянному желобу, как и в других аулах Дагестана. Под этим желобом устанавливалось выдолбленное из ствола дерева длинное корыто, используемое для водопоя скота.

Центром общественной жизни были аульные или квартальные площади — майдан (обычно при мечетях), где собирался джамаат или просто группа мужчин для обсуждения важнейших хозяйственных или общественных дел. Традиционным местом общения, обмена новостями и отдыха мужчин служила небольшая площадка — учер. Их было несколько в каждом ауле. Собиравшиеся на майдане или учере рассаживались на больших камнях с гладкой поверхностью или бревнах, досках, положенных на камни.

В целом терекеменские селения по своему типу и планировке были близки к другим дагестанским, особенно поселениям южных кумыков и предгорных даргинцев, но в то же время устойчиво сохраняли исконные этнические особенности, свойственные в большой мере общеазербайджанской домостроительной традиции.

2. ЖИЛИЩЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Жилище — эв¹⁰ было представлено тремя основными типами: одноэтажное — ерден эв, полутораэтажное (приподнятое или на цоколе) — курсили эв и двухэтажное — эки мертебели эв. Наличие того или другого типа чаще всего зависело от экономического положения владельца.

Характерной особенностью одноэтажного дома было свободное размещение надворных хозяйственных построек, возводимых даже под отдельной крышей. Хозяйственные помещения либо примыкали к жилому дому, либо располагались на другом конце двора. В преобладающем типе домов — двухэтажных, жилые комнаты располагались на втором этаже, а хозяйственные службы — на первом. Традиционный терекеменский дом с плоской глинобитной крышей, вытянутой прямоугольной планировки, с помещениями, расположенными в один ряд, был обращен фасадом, как правило, на юг.

Число жилых комнат как в одноэтажном, так и в двухэтажном доме зависело от материального благосостояния, численного состава и структуры семьи. Терекеменцы строили чаще всего двухкомнатные дома, при этом одна из комнат считалась парадной и предназначалась для гостей. Встречались и трехкомнатные дома, а также многокомнатные дома, где жили неразделенные семьи. Они обычно имели Г- или П-образную планировку. Во всех случаях квадратные или прямоугольные в плане помещения объединялись широкой верандой — хаят, построенной вдоль фасада дома. Как правило, соседние дома (чаще всего они принадлежали родственникам) примыкали друг к другу торцами. Дома строились по обе стороны улицы: по одной стороне они возводились в глубине двора, фасадом к улице, а по другой — у красной линии улицы, но фасады последних были обращены во внутренние дворы. На соседний двор дом всегда был обращен задней или торцовой стороной. Оба типа планировки были характерны и для северо-восточной (Куба-Шемахинской) зоны Азербайджана¹¹.

Развитие социально-экономической жизни сопровождалось некоторыми изменениями типа жилища терекеменцев. С конца XIX в. состоятельные терекеменцы начинают по примеру соседних народов¹² строить дома с навесными балконами, обращенными к улице, подводить их под железную крышу, использовать различные строительные элементы из дорогостоящих материалов. Наличие леса позволяло терекеменцам своевременно заготавливать деревянные части дома (балки, столбы, оконные коробки и ставни, двери, карнизы и т. д.). Лесоматериалы обычно заготавливали в зимний период, так как считалось, что в этот период дерево сухое. «Дерево спит», — говорили терекеменцы, имея, очевидно, в виду сокодвижение в древесине. Заготовка леса прекращалась после дня весеннего равноденствия (21 марта).

Доставленный во двор лес сушили, очищали от сучьев и коры. Одновременно сушили и очищали камыш, который шел на покрытие крыши. Кирпич-сырец готовили весной или летом, обычно за селом, перемешивая глину с мякиной (для этого использовали буйволов). Затем смесь формовали и сушили на солнце. Обжиг не применялся. Размеры кирпича были различны, чаще около 36×16×16 см. По сведениям старейших жителей, в прошлом размер кирпича был больше (около 54×26×26 см) и соответственно стены толще. Хотя дом строили из саманного кирпича, но фундамент, а нередко и цокольную часть, делали из камня — гарадаш, которым изобиловало русло Уллучая.

Строили дома, как правило, мастера, приглашенные из даргинских или табасаранских районов. Один из них считался главным — уста, остальные (2—3 человека) — помощниками — фехле. Их труд обычно оплачивался зерном — пшеницей или ячменем.

Техника строительства дома была сравнительно простой. Сначала из крупного речного булыжника возводили фундамент — уршу, скрепляя его глиняным раствором. Фундамент клали обычно на 40—60 см (иногда и более) над уровнем земли, делая небольшой цоколь. Заглубленную часть фундамента сооружали из худшего камня, наземную — из отборного гладкого галечника, который укладывали «в елочку». Стены возводили из кирпичей, скрепляемых тем же глиняным раствором. Кладку вели в полтора кирпича, так что стена имела толщину 50—60 см. Внутренние стены дома имели такую же толщину. Судя по сохранившимся старым домам, внутренние стены прежде делались нередко турлучными — чепер (плетень). При этом плетеная основа обмазывалась с двух сторон толстым слоем глины. На широкое применение терекемцами турлучного способа в домостроительстве в прошлом указывал еще начальник Кайтаго-Табасаранского округа П. Петухов. В 1867 г. он, в частности, писал: «Дома везде в округе строятся из камня, исключая плоскостной магал Терекеме, где они турлучные, из хворосту и глины»¹³. В старых домах, кроме того, в целях максимального использования полезной площади для хозяйственных нужд (стойла для рогатого скота, конюшня, телятник и т. д.) внутренние стены в первом этаже зачастую вообще не возводились. Однако для опоры стен второго этажа ставили массивные опорные столбы.

Закончив кладку стен первого этажа, возводили перекрытие из потолочных (обычно грубо строганных) балок, размещаемых на расстоянии примерно 0,5 м одна от другой. Поверх них укладывали два-три слоя камыша (при этом стебли очищенного камыша искусно перевязывались и скреплялись). Таким образом получалась своего рода циновка, поверх которой стелили еще солому, а затем насыпали глину (толщина глиняного настила достигала 20—30 см.). Под балки перекрытий на саман-

ные стены обычно клали (очевидно, для крепости) лежни. Потолочные балки первого этажа опирались на массивные столбы, обычно из дуба. Их ставили в один ряд, и на них опиралась веранда второго этажа с ее колоннами из балок. В одной из стен оставляли нишу для дымохода и камина. Если предполагалось строительство двухэтажного дома, то на перекрытии из балок устраивали накат из дубовых плах. Потолок, крышу второго этажа возводили таким же образом: укладывали ровными рядами балки, сверху настилали камыш, а на камыш — слой соломы; затем насыпали толстый слой сухой глины. Крыша обычно имела наклон, но небольшой, так как дождь и тающий снег могли легко смыть верхний слой глины. Возведение крыши требовало большого мастерства, и она во многом предопределяла архитектурный облик жилой части строения.

Фасад возводился по возможности из лучших материалов. Наиболее тщательно обрабатывались деревянные архитектурные элементы второго этажа, нередко их покрывали резьбой. Широко практиковалась и укладка балки «в вилку» столба. На открытой веранде по фасаду второго этажа устанавливали ряд деревянных столбиков — колонн (у зажиточных крестьян их украшали резьбой), балки и длинный продольный прогон под балками. На колонны опирался карниз крыши. Большой карниз (с выносом на 0,4—0,5 м), как и у многих других народов, окаймлял крышу со всех сторон и выполнял как функциональную (предохранял стены от потоков воды), так и эстетическую роль.

Двери и ставни окон делались в прошлом из толстых тесаных дубовых досок и небольшими по размеру. Они вращались на выступах-шкворнях, вставленных в гнезда и внизу и вверху проема. Постепенно их заменили окна городского типа и двустворчатые филенчатые двери, навешенные на железных петлях. Такие двери изготавливались из привозного строганого леса, обычно из сосны. Эти изменения в строительной технике стали появляться с конца XIX в., когда через земли терекеменцев прошла железная дорога, соединяющая Северный Кавказ с Закавказьем.

Вдоль одной из стен комнаты (как правило, напротив входной двери) возводились 2—3 подпорки из кирпича высотой примерно 1,5 м каждая, на которые затем клали толстую длинную доску. Это сооружение называлось «юктахта» и использовалось для постельных принадлежностей. Под такой тахтой сооружали глинобитное возвышение в виде длинной скамейки. Вдоль поперечной стены, ближайшей к двери, на высоте около 40 см сооружалась полка в виде ступеньки для кувшинов, умывальных принадлежностей и другой хозяйственной утвари. Вдоль одной или двух стен на расстоянии примерно 0,5 м от потолка во всю длину стены возводили полку-карниз. Ее обмазывали несколько раз (когда один слой подсыхал, делали второй и т. д.). Украшали карниз желобовидными параллельными линиями. Эта

полка-карниз (тахча) предназначалась для дорогой фарфоровой, фаянсовой, медной и другой посуды.

В конце веранды возводились ступеньки, которые вели на второй этаж. Они складывались из сырцового кирпича, иногда обмазанного толстым слоем глины, или (реже) из больших плит песчаника; очень редко ступеньки делали из досок. Иногда лестница сверху закрывалась дверцей.

После завершения основных строительных работ, которые выполняли мастера, терекеменцы приступали к обмазке дома — как внутри, так и снаружи. Обмазка производилась женщинами в два приема. Сперва обмазывали глиной (с примесью саманной сечки) все стены (внутренние и наружные), пол, крышу дома. Особой тщательности требовала обмазка камина, карниз-полки, которые придавали своеобразие интерьеру комнаты. При обмазке камина сначала обрабатывали сплетенный из камыша и прутьев заслон, которым прикрывали дымоход. С большим мастерством оформлялся сам камин, который служил и для приготовления пищи, и для обогрева, а также являлся декоративным элементом интерьера жилища. Камин и надкаминную стену обрамляли фигурными лепными колоннами, разного типа арочными сводами, выступами и т. д. Важным элементом камина была глиняная полка, как бы разделяющая топку и дымоход. Ее строили над самой топкой и украшали желобовидными лепными линейными узорами, на нее обычно ставили светильник — чираг. Судя по сохранившимся до недавнего времени образцам, терекеменцам были известны два основных типа каминов: угловой камин (очевидно, более ранний и простой тип) и камин с дымоходом в стене.

Вторую обмазку дома производили по мере высыхания первой. Для этой цели выбирали лучший сорт желтой глины — сарыпалчыг, которую предварительно пропускали через редкое сито. В глину добавляли свежий лошадиный навоз. Обмазывали тонким слоем также стенки камина. Эта работа, как правило, выполнялась опытными женщинами. Потом белой глиной — агпалчыг белили стены, а земляной пол покрывали серой глиной — шире. Перед тем как производить побелку, все деревянные конструкции обмазывали нефтью для предохранения их от гниения, а также для придания им большей цветовой выразительности.

Внутреннее убранство домов у всех терекеменцев было однотипным, хотя экономическое состояние семьи наглядно сказывалось на качестве и количестве утвари — ковров, паласов, постельных принадлежностей, медной, деревянной, гончарной посуды. Определенное место во внутреннем убранстве комнаты занимала полка с постелью. На нее клали матрацы — дюшек, набитые шерстью, на них одеяла — юрган, а сверху укладывали большие подушки — ясдыг. В парадных комнатах между матрацами и одеялами по всей длине полки стелили полотнища — канават из гладкой шелковой ткани, шириной около 50 см, поч-

ти полностью закрывающие матрацы. С полки до самого пола свисала плотная занавеска, чаще безворсовый тонкий и длинный ковер — дум или палас. Под этой занавеской на глинобитном возвышении размещались постельные принадлежности повседневного пользования, а иногда и высокие гончарные хумы с мукой, зерном, тыквы и т. д.

Обычно эта стена бывала рассчитана на размещение четырех стандартных матрацев, маленького сундучка и узла с одеждой хозяйки. На эту деталь в убранстве жилой комнаты, правда у соседей-кумыков, обратил внимание П. Пржецлавский еще в середине XIX в. Он писал: «Уборка комнат следующая: параллельно к камину положена, на трех каменных или кирпичных столбах, широкая доска от половины и во всю длину стены, завешенная длинным паласом (ковром) или сукном яркого цвета; на доске этой укладывается: свернутый и перевязанный симметрически двумя из белого коленкора лентами тюфяк, поверхность которого делалась из цветного бархата или материи, а нижняя часть из синей камки, сложенное на лицевую сторону одеяло на вате, шелковое на ситцевой подкладке, и сверху, в стоячем положении, огромного размера подушка»¹⁴. В традиционном терекеменском доме стены комнат могли быть завешены пестрыми тканями в зависимости от достатка — ситцем, сатином, парчой, золотым бархатом и т. д. Одна из стен (а порою и две) в богатых домах обычно завешивалась ковром, поверх которого размещалось богатое оружие хозяина. Пол целиком покрывался паласами, а в богатых домах — коврами.

Лучшие ковры, постельные принадлежности, городская мебель (если таковая имелась) размещались в кунацкой. На стене кунацкой на самом почетном месте висело оружие хозяина. Признаком зажиточности семьи было наличие в парадной комнате фарфоровой лампы со стеклом и абажуром. Такие лампы стали проникать в быт терекеменцев только со второй половины XIX в., с появлением «белой нефти» — продукции нефтеперегонных заводов на Кавказе — в Моздоке и Сураханах. В большинстве домов вплоть до начала XX в. основным осветительным прибором служил керамический светильник с добываемой на месте неочищенной нефтью и фитилем из куска ткани.

Мебели в собственном значении этого слова терекеменцы (за редким исключением) не имели, если не считать табуреток, приобретаемых населением у соседних даргинцев — кайтагцев. Даже в парадных комнатах мебель заменяли небольшие матрацы и подушки, на которых размещались гости и хозяева на отдых, на трапезу. В больших домах комнаты назывались либо по их расположению или назначению — ашэв (столовая), янэв (крайняя комната или боковая комната), юхарибашэв (комната первая с верхней или северной стороны), ашагабашэв (первая снизу с южной стороны), орталыгэв (серединная комната), безэгэв (убранная, или парадная, комната), либо по именам

сыновей, снох, родителей — Алини эви (комната Али), Велини эви (комната Вели), Хаджанин эви (комната Хаджи) и т. д.

В каждом доме содержалась запасная медная луженая посуда и утварь, расставляемые в определенном порядке в нишах, на выступах или вывешиваемые на стенах плотно друг к другу. На полке под потолком устанавливали мелкую, но дорогостоящую посуду: пиалы, тарелки, чаши. Характеризуя убранство дома терекеменцев, П. Петухов писал: «По выступу карниза уставлена фарфоровая и стеклянная посуда, а по стенам развешаны медные блюда и другая медная посуда»¹⁵.

Наиболее часто используемыми предметами утвари из меди — мес были разных размеров и видов котлы — газан, подносы — лэгэр и сосуды — хумы: хаба, кюпче, бести, бадия (высокие сосуды для молока), сатыл — сосуд с медной же крышкой, сарниж — для надоя молока. При приготовлении пищи применялись дуршлаг — кепкир, сковородка с ручкой — ялгуча, половник — чемче, большая цедилка в виде миски с решетчатым дном — аш сюзен.

Непременными принадлежностями домашнего обихода являлись и медные кувшины для воды: гутга — большой кувшин, фарш — кувшин средней величины, мешефе или афтафа с узким сливом — кувшинчик для умывания; тазы: тешт — большой таз для купания и стирки белья, леген — маленький таз для умывания и других нужд, ашлав — таз средней величины для небольшой стирки. Медные изделия были двух видов: лагжмис — утварь, изготовлявшаяся в местности Лагич в Азербайджане, и тахтамис — утварь, изготовлявшаяся из листовой меди в Дербенте и в некоторых крупных населенных пунктах (Каякент и др.). Дороже ценились изготовленные из меди предметы первого вида. «Богатые хозяева, особенно из татар (т. е. азербайджанцы.— С. Г.) щеголяют свою большую коллекцию медной посуды, отсутствие которой считается признаком бедности»¹⁶.

Широкое бытование у терекеменцев, как и у их соседей, имела деревянная и гончарная утварь. Из дерева изготовлялись подносы — табаг, миски для теста и других нужд — чанаг, небольшие миски — чанагча, корыта для теста — техне, лопаты для раскатывания теста и других нужд — канга и многое другое. Из гончарных изделий — сулавкен габ наибольшее применение имели маслбойка — негре, всевозможные хумы, чашки, тарелки, кувшины разных размеров и форм и т. д. Деревянную и гончарную утварь и посуду терекеменцы приобретали у даргинцев, в соседних обществах.

Во многих семьях терекеменцев можно было встретить изделия из фаянса и фарфора, особенно пиалы разных размеров, изготовленные на известной фабрике Кузнецова, а иногда даже изделия из китайского фарфора.

Качество кухонной утвари, посуды, их разнообразие определялось имущественным положением крестьянской семьи. В за-

житочных семьях шире использовалась дорогостоящая медная чеканная утварь, а также привозная фарфоровая и фаянсовая посуда. В бедных же семьях преобладали изделия из дерева и керамики. Ложки и вилки, приобретаемые у даргинцев — кайтагцев общества Катаган и у табасаранцев, как правило, были деревянными.

Запасы продуктов (мука, зерно, сыр и т. п.), а также утварь (редкого пользования) хранились в хозяйственных помещениях. В них находились большие хумы — кюп с мукой, деревянные закрома — захур, мешки — харал с зерном и др. Большие плетеные, обмазанные глиной и побеленные зернохранилища — кенди иногда размещались в хозяйственных помещениях, иногда вне их, под навесами во дворе или непосредственно на веранде первого этажа — эйет. «В коридорах, — писал П. Петухов о хозяйственных помещениях и о верандах первого этажа терекеменцев, — стоят корзины, обмазанные глиной, для сбережения пшеницы и муки, потребной для ежедневного расхода. Здесь же стоят кувшины с водой, лопаты, ярма и прочий скарб»¹⁷.

Для разнообразных хозяйственных потребностей перед домом по периметру двора устраивались навесы или же отдельные сооружения, где хранился сельскохозяйственный инвентарь, складывались дрова. Для скота во дворе сооружали загон, огороженный плетнем — товарчалы (для телят — бузовчалы). В зимний период скот переводился в закрытое помещение в нижний этаж дома — аран, тевле. Домашняя птица содержалась в специальном помещении — демег из саманных кирпичей. В нем на определенной высоте от пола размещалось несколько горизонтальных жердей (насестов). В летний же период птица проводила ночь на специальном плетеном навесе — асты, высоко подвешенном под перекрытием первого этажа. Под одним из навесов хранилась ножная мельница для очистки риса — динг, ручная рушилка для зерна — элдегирман.

Сено и солому хранили под открытым небом — на помосте на сваях. Для скирдования сена укреплялся длинный шест, вокруг которого уплотняли сено, придав верхней части скирды конусообразную форму. Это делалось в целях предохранения сена от влаги. Иногда сено скирдовали прямо на крыше дворовых построек и навесов. Мякину хранили в специальном круглом помещении — алачыг, иногда располагавшемся даже за чертой села. Этот вид хозяйственной постройки имел широкое распространение и у соседних народов (азербайджанцев, кумыков, предгорных даргинцев и др.¹⁸). Материалом для алачыг служили жерди, которые вбивались в землю на определенном расстоянии друг от друга, и гибкие прутья орешника, из которых сплетали стены. В центре такой постройки вбивалась высокая массивная опорная жердь, на верхний конец которой надевалось деревянное колесо — ободок. От карниза верхнего круга плетеной стенки (на определенном расстоянии друг от друга) ставили шесты, которые закреплялись у названного ободка, что опреде-

ляло коническую форму покрытия. Поверх жердей крыши настилался толстый слой соломы. Алачыг имел обычно два отверстия: одно небольшое наверху (в виде окошка) для складывания мякны с арбы, другое побольше внизу — для извлечения корма для скота. Наряду с конусообразной круглой в плане постройкой терекеменцы сооружали и овальные хранилища для мякны из саманных кирпичей.

Алачыг во многом напоминал остроконечное жилище кочевника. И действительно, под этим названием было известно летнее жилище кочевого или полукочевого населения Азербайджана в прошлом. Еще в XVII в. Адам Олеарий описывал такое жилище: «19-го февраля мы проехали еще 8 миль дальше... вплоть до Шемахинских гор, где для нас были раскинуты три аладжух или круглые хижины»¹⁹. Надо полагать, что при оседлом образе жизни оно, потеряв свою былую основную функцию, постепенно превратилось в сооружение хозяйственного назначения.

Во дворе же под особым навесом сооружалась большая печь для выпечки хлеба — кёрюк. Она почти ничем не отличалась от хлебной печи соседних кумыков²⁰. Так же как у кумыков, ее возводили и поддерживали в порядке женщины. Низ печи представлял собой довольно высокий постамент (40—60 см над уровнем земли), который делали из сырцового кирпича, самую же печь с ее сводчатой крышей сооружали из круто замешанной глины с добавлением мякны. Печь условно делилась на два отделения: для топки и для выпечки хлеба. Каждое из них имело снаружи отдельные проемы. Поверхность отделения для выпечки хлеба покрывалась тонкой огнеупорной плиткой из песчаника — эне. Узкое отделение для топки делалось чуть ниже уровня дна первого, большого отделения. Над проемами печи возводился особый, вылепленный из глины зонт и над ним высокая труба для вытяжки дыма. В отделении для топки разжигали огонь, и пламя, обходя свод печи, раскаляло каменную плиту, на которой выпекался хлеб — чуреки. Перед топкой на земле имелось углубление для сбора золы.

В отдаленном прошлом для выпечки хлеба народ пользовался тандыром, а также щитовидным кругом — саж из специальной глины, имевшими широкое распространение в Азербайджане и в Южном Дагестане (дербентские азербайджанцы, табасаранцы, лезгины и др.).

В числе хозяйственных сооружений терекеменцев необходимо упомянуть и специальные ямы для зерна — гую. Они также располагались под навесом или в защищенном от дождя, снега сухом месте под верандой. Глубина такой ямы, круглой в плане, достигала 2—2,5 м. Ее стенки укрепляли слоем камыша, а дно выстилали толстым слоем соломы. Высыпали зерно в гую обычно после его обмолота и просушки на току. Яму наглухо закрывали дубовыми досками и обмазывали сверху глиной. Без особой надобности ее не открывали до весны.

Свой двор терекеменцы ограждали глухим забором, сложен-

ным из сырцового кирпича на доколе из речного камня, или плетнем из орешника. В богатых дворах забор всегда возводился целиком из камня. Саманные заборы требовали постоянной обмазки.

Непременным элементом ограды являлись ворота, которые могли быть трех видов. 1. Нарат гапы — капитальное строение под крышей с карнизом (как и сам дом), опирающееся на две боковые стены и имеющее две створки (иногда из дуба), часто покрытые резьбой. Такие ворота свидетельствовали о богатстве, общественном престиже хозяев. 2. Айгыз гапы — одностворчатые ворота-плетень из орешника, такие же, как и ограда. В этом случае две балки вбивали в землю на определенном расстоянии одна от другой. Створка ворот прикреплялась к одной из балок. 3. Догаз гапы — конструкция из двух столбов, также вбитых в землю по обе стороны въезда во двор, с двумя или тремя жердями, устанавливающимися в горизонтальном положении, параллельно друг другу. Столбы имели сквозные отверстия, куда вставляли концы жердей, продвигаемые при открывании и закрывании ворот. Второй и третий типы ворот были характерны для дворов терекеменской бедноты.

При строительстве дома, как и в других случаях жизни, терекеменцы широко прибегали к взаимопомощи — эврез. Взаимопомощь осуществлялась, в частности, во время заготовки лесоматериалов, кирпича, при перевозке заготовленного материала к месту строительства, при подготовке глины и, наконец, при обмазке дома. Соседи, родственники поочередно приносили и угощение для мастеров — строителей. Когда стены дома поднимались до уровня второго этажа, хозяева дома укрепляли в стене высокий шест и вешали на нем полотнище дорогой ткани или платок. В ответ родственники и друзья, по обычаю, посылали застройщикам отрезки тканей, платки, полотенца и т. д., которые также навешивались на шест. Чем многочисленнее была семья, тем больше появлялось на шесте подарков. Иногда над строящимся домом развевались полотнища, прикрепленные к нескольким шестам.

В целом жилище терекеменцев в изучаемое время было в своей основе единым, хотя и имело ряд вариантов. По своим планировочным, конструктивным и художественно-композиционным приемам, по общему облику оно было близко жилищу других народов Дагестана, особенно южных кумыков и предгорных даргинцев. В значительной мере терекеменцы сохранили и азербайджанские домостроительные традиции.

В конце XIX — начале XX в. под влиянием социально-экономических сдвигов у терекеменцев, как и у других народов Дагестана, происходят некоторые изменения и в жилище. С изменением семейного быта увеличивается число двух-трехкамерных жилищ. Усиливается проникновение русской городской культуры, что вносит ряд изменений в быт. Совершенствуется строительная техника, увеличивается завоз строительных мате-

риалов. В частности, почти исчезает турлучный способ возведения стен домов, несколько модифицируется техника обработки камня, возникают новые конструктивные приемы, входит в быт оконное стекло²¹. В богатых домах появляются филенчатые двери, деревянные полы, навесные деревянные балконы, а в их гостиных — железные печи, которые частично вытесняют камин и меняют тем самым облик жилого помещения.

Определенные изменения претерпевает внутреннее убранство жилища и его утварь. Кое-где состоятельные семьи приобретают городскую мебель, привозную фаянсовую и фарфоровую посуду (чаще пиалы и тарелки), эмалированные изделия, тульские самовары, зеркала, сундуки фабричного изготовления. Однако в условиях дореволюционного Дагестана подобные изменения происходили очень медленно.

3. ОДЕЖДА

Одежда терекеменцев определялась характером и условиями их деятельности, социальными и половозрастными различиями, эстетическими вкусами и делилась на будничную, праздничную и обрядовую (свадебную, траурную). В ней нашли отражение и этнокультурные связи терекеменцев с остальным населением Азербайджана²², и особенно Ширвана. На окончательное формирование традиционного костюма терекеменцев большое влияние оказала одежда народов Дагестана, и прежде всего их ближайших соседей — кумыков, табасаранцев, кайтагцев и др.

По традиции, одежду из тканей кроили и шили только женщины, а одежду из шкур крупного рогатого скота и овчины — преимущественно мужчины.

Мужская одежда

На мужскую одежду шла бязь (белая и крашеная), сатин, миткаль, тафта, сукно, овчина и т. д. Одежда делилась на нижнюю (нательную) и верхнюю. Нательную одежду — алт палтары составляли рубаха — кённек (или кёйнек) и штаны — ишдан, шалвар. Рубаху шили обычно из белой бязи или миткаля, а поясную одежду — главным образом из более плотных тканей (для зимы — из сукна), так как в дореволюционный период мало кто имел нижнюю поясную одежду.

Рубаха имела туникообразный покрой, спущенную пройму, прямой вертикальный разрез в нагрудной части и стоячий высокий воротник. Она была широкой, прямой и длинной — почти до колен. Рукава были длинными, прямыми, чуть суженными книзу. Иногда рукав у запястья собирали в сборку и снабжали узким манжетом — гысма. В боковые швы нередко вставляли расширяющиеся книзу клинья, а под мышки — ромбовидные ластовицы — хишдек. Если рубаху шили без клиньев, то для удобства боковой шов делали до бедра. Для прочности на спине, по

плечам и вдоль грудного разреза рубахи с изнанки подшивали прямоугольный кусок ткани.

Штаны шили длинными и широкими. По линии талии прошивался подгиб, в который продевали гашиник — штанбаг с кистями на концах. В шагу для удобства движения вшивался клин. Штанины сужались книзу и нередко имелись штрипки — озенги. Обычно штаны заправляли в голенища или в носки.

Верхняя одежда состояла из бешмета — дон, черкески — чуха и меховой шубы — кюрк.

Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой можно было ходить дома, выйти на улицу, работать в теплое время года в поле. Носили бешмет и взрослые и дети. Его шили из однотонных шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей: из частанай — шерсти с блеском, напоминающей плотный атлас, ганваз — канауса, настек — ластика, чит — ситцевой ткани, магут — крашеной бязи и т. д. Нарядные бешметы для молодежи и подростков делали из дарай — тафты, чаще бордового цвета. Для зимы бешметы шили из кустарного горского сукна — шал. Последнее доставляли терекеменцам преимущественно даргинцы (акушинцы и кубачинцы). Все бешметы делались на подкладке из дешевых тканей, чаще из бязи. Бешмет шили чуть ниже колен. Он плотно облегал талию, имел длинные узкие рукава, невысокий стоячий воротник, накладные нагрудные и прорезные боковые карманы. К цельнокроеному в своей основе бешмету у талии вшивалось несколько узких, расширяющихся книзу клиньев — чапыг, образующих складки или фалды. Молодежные бешметы на груди, карманах, рукавах и воротнике украшались галуном — бафта или цветным шнуром, а бешметы мужчин старшего возраста обшивались тонкой тесьмой под цвет ткани. Застегивался бешмет на петли и пуговики, сделанные из тонкой тесьмы, причем наглухо, от ворота и до талии.

Сверху дона или (реже) рубахи терекеменец надевал черкеску — чуха. Шили черкеску чаще всего из горского сукна, а состоятельные терекеменцы для этого приобретали и фабричное сукно — исхалла (так называемое гвардейское сукно) или магут шал. Черкеска была приталенной, в основе цельнокроеной, расклешенной ниже талии за счет вставных, расширяющихся книзу трапециевидных и треугольных клиньев. Ее кроили несколько длиннее и шире, с более широкими и длинными, чем у бешмета, рукавами, которые во время работы (для удобства) слегка отворачивались. Подкладку пришивали под лиф и под рукава ниже локтя. Нагрудная часть черкески имела треугольный вырез, и из-под нее всегда были видны бешмет или рубаха. Полы черкески по бокам имели разрезы, которые скреплялись плетеной тесьмой (под цвет сукна), не позволяющей им расходиться при ходьбе. Тесьмой обшивались края рукавов, подол, полы, грудной вырез. На нагрудную часть нарядной черкески с двух сторон нашивались газырницы. Они кроились в виде кармана и вертикально прострачивались так, чтобы в образо-

вавшиеся таким образом пазы можно было помещать газыри — везне. Будничные черкески шили и без газырниц. Носили черкеску обычно весной, осенью (в общественных местах и летом), подпоясав ремнем, на котором спереди закреплялся кинжал.

Зимой поверх бешмета надевали меховую нагольную шубу. Шубы различались как покроем, так и мехом. Их шили из шкур ягнят — гузу кюрк (это были самые нарядные шубы), из овчины — дери кюрк, из хорька — киш кюрк. Наиболее распространенной была шуба обычного покроя — гийме. Она имела почти тот же покрой, что и черкеска, т. е. была цельнокроеной в основе. Ее шили чуть приталенной и расширяющейся книзу, длиной до середины икр (или еще длиннее), с прямыми вшивными рукавами обычной длины, с шалевым воротником. Рукава и полы оторачивались лучшим мехом. В суровую зимнюю пору правую полу шубы запахивали на левую и придерживали рукой, а при посещении общественных мест люди среднего возраста и молодежь подпоясывали ее ремнем.

Встречались и шубы — накидки — мазулу кюрк или ковел. Такая шуба была широкой, расклешенной книзу, длинной (нередко почти до пят), имела длинные ложные, сильно суженные книзу и лишённые утилитарного значения рукава. Разновидностью шубы такого типа была шуба без рукавов с большим воротником (типа пелерины), спускающимся почти до талии.

Шубы гийме считались местными, традиционными, шубы мазулу терекеменцы покупали в готовом виде — чаще у даргинцев, реже — у лезгин и верхних табасаранцев. Эти шубы широкого распространения не имели. Ими пользовались в основном весной и осенью, когда приходилось ночевать в поле, или во время пребывания на учере.

Самой нарядной считалась шуба из шкур ягнят. Недаром в песне пелось:

Аг алма алланьтды,	Белое яблоко стало алым,
Будагдан салланьтды,	Оно свисает с ветки.
Гардашын гузу кюрки	Корпейная шуба брата
Чигниден салланьпды.	Свисает с его плеча.

Безрукавной накидной одеждой у терекеменцев являлась и бурка — япунжы. Ею широко пользовались и зимою и летом, в непогоду. Известны бурки двух видов: простые, небольшого размера, из обычной шерсти без начеса — муэри япунжы, которые терекеменцы приобретали у даргинцев-муэринцев, и большие, из черной качественной шерсти с начесом — анди япунжы. Их покупали на дербентском рынке у андийцев или торговцев — перекупщиков. Бурки муэри были почти в каждом доме. Их надевали пастухи, пешие путники, а также перевозившие грузы на арбе. Бурки анди — нарядные, предназначались для всадников и были сравнительно мало распространены. Можно полагать, что бурки такого типа имели всего несколько человек в ауле. Они делались со швами на плечах, с подкладкой из крашеной бязи, доходящей до пояса, и обшивались сафьяном (гор-

ловина, борта до пояса), а особенно нарядные — еще и золотым или серебряным галуном.

Головной убор терекеменца составляла меховая шапка — папах. Шили папаху из овчины — дери папах, из мелкой смушки — кёрпе папах, из среднеазиатского каракуля — бухара папах. Этот каракуль был доступен лишь зажиточным терекеменцам, так как стоил намного дороже, чем местная овчина. Папаху носили нескольких видов. Она имела полусферическую, конусообразную форму, форму усеченного конуса или цилиндра. Папахи цилиндрической формы в изучаемое время нередко имели суконное доньшко. Думается, что в более ранний период они, как и все другие виды папах, делались целиком из овчины. Нарядные папахи шились на плотной стеганой матерчатой подкладке. Обычные же (рабочие) папахи имели подкладку из стриженной (чаще из некачественных кусков) овчины. Со второй половины XIX в. некоторое бытование в Терекеме, как и во всем Дагестане, получают шапки с более низкой тульей, расширяющейся кверху. Если в старину доньшко папахи пришивалось по верхнему краю тульи, то в этот период оно прикреплялось по нижнему ее краю. Папаха стала состоять как бы из двух самостоятельных частей: маленькой круглой шапочки из материала на стеганой подкладке (доньшко) и пришитой к ней почти по краю широкой полосы меха, также на стеганой подкладке. Доньшко нарядных молодежных папах часто делалось из фабричного сукна, бархата ярких цветов, украшалось золотым или серебряным позументом, который обычно нашивался крест-накрест. Этот вид папахи не утратил своего значения и в настоящее время. Он продолжает оставаться любимым головным убором части населения, но уже преимущественно пожилого возраста.

Терекеменцы старшего возраста широко пользовались и так называемыми ночными шапками. Шапку такого типа шили в форме колпака, из материала, а также из стриженной овчины (для зимы). Ее носили не только ночью, но и в дневное время, отдыхая или работая дома, во дворе, в саду и т. д.

Отправляясь в путь в непогоду или в зимнюю стужу, терекеменец поверх шапки надевал и матерчатый башлык — башлыг, который имел форму остроконечного капюшона с длинными концами, завязывающимися у шеи. Шили башлыки обычно из сукна, нарядные — из белого. Нередко их украшали галуном или тесьмой, а прорезь на затылке — ажурной плетенкой из золотых или серебряных ниток. Белые башлыки, украшенные таким образом, являлись неотъемлемой частью парадного костюма представителей местного административного управления, нукеров — свиты бека, а позднее — начальников Кайтаго-Табасаранского округа и Терекеменского участка. В этих случаях башлык закреплялся на шее шнуром, а капюшон и концы висели на спине.

Обувь терекеменцы носили только кожаную. Наибольшее

распространение имели чарыхи (или дирихи) — обувь, которая шилась из целого прямоугольного куска буйволиной, коровьей, бычьей или конской кожи, без шва. По краям заготовки продевались отверстия, через которые продевался плетеный шерстяной шнур или кожаный ремешок. Таким образом зашнуровывалась передняя часть обуви (носок), что придавало куску кожи форму обуви с загнутым кверху концом у носка. В задник тоже продевался шнур, который завязывался на пятке. Чарыхи носили с шерстяными вязаными носками — джораб или (чаще) обмотками со шнурами на концах, которые завязывались выше щиколотки.

Другим видом обуви из толстой сыромятной кожи домашней выделки (гон) или кожи, обработанной кустарным способом с применением дубильных веществ (качалай), был тов чарых. Эта обувь имела тот же покрой, что и чарыхи всех других дагестанцев. Их шили из одного прямоугольного, сравнительно большого куска кожи, сложенного вдвое и с подрезанными у носка и пятки углами. Шов проходил от конца носка вверх к подъему и по заднику. Тов чарых представляли собой род полуботинок; в высоту они достигали щиколотки, носок загибался кверху. У щиколотки они собирались на длинный кожаный ремешок, продеваемый в нескольких местах спереди, по бокам и сзади. Тов чарых надевали поверх шерстяных носков, обмоток из куска ткани. В качестве стельки использовали особую, перезимовавшую под снегом мягкую траву — хаж.

Оба вида обуви были легкими и очень удобными, особенно во время полевых работ.

В качестве голенищ терекеменцы, как и все горцы Дагестана, использовали тканые на специальном станке плотные хлопчатобумажные обмотки — долаглар, приобретаемые в основном в кумыкском селении Каякент. Иногда обмотки украшались по краю вышивкой или аппликацией из кусков ярких тканей.

Были распространены также мягкие сафьяновые сапоги — мест, которые шили на заказ приезжие мастера, в основном лакцы. Покупали готовые сапоги и в Дербенте. Там же терекеменцы приобретали или шили на заказ повседневную уличную обувь — галоши — гаты дабан галуш и башмаки — башмаг на твердой подошве. Последние были двух видов: нарядные — сары башмаг и обычные — кумуг башмаг. Нарядные, как правило, поступали из Азербайджана, изготовлялись из лучших материалов и украшались вышивкой и аппликациями, вторые шили на продажу лакцы либо сами терекеменцы. Башмаки надевали обычно при посещении соседей, родственников, живущих поблизости. Старики, кроме того, надевали их, отправляясь в квартальную мечеть. Под башмаки надевали обычно вязаные шерстяные носки или мягкие сапожки. При изготовлении последних выкраивали отдельно союзку в виде чувяка с язычком на подъеме и голенище, затем сшивали все части с изнанки. Такие чул-

ки служили домашней обувью. Не случайно П. Ф. Свидерский, характеризуя обувь жителей Кайтаго-Табасаранского округа, отмечал, что «у дверей комнаты стоит обыкновенно несколько пар иной обуви, похожей на туфли, надеваемой поверх мачи (т. е. легкой обуви.— С. Г.) при выходе из комнаты и снимаемой при входе»²³, т. е. имел в виду кожаную обувь на подошве, в частности башмаки и галоши.

Позднее у терекеменцев, как и во всем Дагестане, стали распространяться мягкие сапоги — дюймели чарых, состоявшие из двух самостоятельных частей — глубоких чувяков на мягкой подошве и голенища, соединяемых уже на ноге при помощи петель и пуговок из того же сафьяна.

Основным украшением костюма мужчины было его оружие, и прежде всего кинжал, прикрепляемый спереди к ремённому поясу. Кинжал носили все мужчины и достигшие совершеннолетия юноши. Рукоятки, ножны кинжалов у зажиточных мужчин имели серебряную оправу. Украшался и пояс, обычно накладными металлическими (медными или серебряными) фигурными пластинками и подвесками. Равным образом украшением мужского нарядного костюма были газыри, которые в изучаемое время уже потеряли свое бывшее функциональное назначение пороховниц. Представители местной администрации, особенно военной (нукеры, есаулы), в качестве парадного оружия иногда носили еще пистолеты — кайтаг тапанча, шашки — шошге. Оружие изготовляли кубачинские мастера на заказ, иногда в серебряной оправе, с позолотой, с накладными резными пластинками слоновой кости.

Женская одежда

На женскую одежду шли почти исключительно покупные ткани: ситец, бязь, калакмер, кашемир, сатин, шелк, бархат и т. д.

Нательная одежда терекеменских женщин по покрою чаще повторяла мужскую. Она состояла из двух основных элементов — из широкой длинной рубахи — кённег и длинных же штанов — иштан туман. Рубаху и штаны обычно шили из ситца, как пестрого, так и однотонного, в богатых же семьях нередко — из плотного шелка с узором — хара и однотонной тафты — дарай. Рубаха имела две разновидности: прямая рубаха — дюз кённег туникообразного покроя и отрезная рубаха — бюзме кённег — с отрезной талией и присборенная. На изготовление туникообразной рубахи шло 3—4 м, а на рубаху с отрезной талией, с широкой и длинной юбкой, с лифом на подкладке — 7—8 м.

Туникообразная рубаха по покрою была сходна с мужской, только несколько длиннее, делалась со вставными клиньями по бокам, с узкими манжетами на рукавах. Рубаха имела на груди разрез, застегивалась на мелкие пуговицы; на пуговицы застегивались и манжеты в форме планки. Нередко женщины на-

девали и ту и другую рубахи. В таких случаях дюз кённег шили короче и уже, с узким же рукавом.

Штаны женщин-терекеменок также были двух видов — с широкими штанинами — генг балаг иштан и с узкими штанинами — дар балаг иштан. Последние по покрою были близки мужским штанам, только шире и длиннее. На дар балаг расходовалось 2—2,5 м ткани, генг балаг же обычно кроили из 7—8 м. Каждую штанину шили из 4, иногда даже 7 или 8 полотнищ. При этом верхняя часть штанов кроилась намного уже (обычно из 2 м), а к ней затем пришивались сложенные складками штанины. Судя по сохранившимся еще в 40-х годах нашего столетия образцам, каждая штанина имела более 3 м ширины. Штаны шили чаще из пестрого ситца, реже — из дорогих шелковых тканей. Нижнюю часть штанин по возможности оторачивали полосой из дорогих тканей, и прежде всего французским рытым золотым бархатом, персидской парчой. На бедрах штаны стягивались плетеным (в виде кружева) гашником из шелковых, крашенных в разные цвета нитей — иштан багы или туман багы домашнего изготовления. С концов гашника обычно свисали кисточки — чолпу, украшенные золотой или серебряной канителью.

Тот и другой тип штанов носили вне зависимости от сезона. Однако в зимний период узкие штаны часто надевались под широкие, т. е. использовались как нательная одежда. В этом случае их делали короче и уже.

Поверх нательной одежды женщины Терекеме, как и их соседи (кумычки, табасаранки, кайтачки и др.), носили длинное распашное платье — дон. Дон шили по фигуре. Он имел широкую прямую юбку (обычно из 5 полотнищ — тахта), узкий лиф — беден (юбка пришивалась к нему мелкими складками), разрезные, откидные ниже локтя рукава. Лиф и откидную часть рукава делали на подкладке. Зимний дон старались шить целиком на подкладке. Дон, как основной элемент верхней одежды, обычно шили из хороших, модных тканей. Богатые терекеменки приобретали для этого парчу — зерлы хара, шелковый бархат — мехмер. Некоторые дорогие ткани были известны у терекеменцев под поэтическими и юмористическими названиями: гедже гюндюз (букв. «ночь и день»), Гаджи мене бах («Гаджи, смотри на меня»), шемси гемемер («солнце и луна»), гоншу гёзюн чыхартан («ослепляющая соседку»), гёрме, яндырам («не смотри, сожгу»), гайнана яндыран («сжигающая, убивающая свекровь»).

Украшали дон галуном, ажурной тесьмой. С двух сторон грудного разреза до пояса и на откидные рукава нашивались мелкие подвески в форме колокольчиков — чарпаз дюгме. Иногда рукава, ворот, полы и подол отделялись узкими серебряными трубочками — сарма, которые предварительно нанизывали на нитку, а потом пришивали к одежде. Дон застегивался на талии мелкими ажурными серебряными пряжками (2—3 пары) —

кечирме или гармаг, реже — крупными пряжками — чарпаз, приобретавшимися у кубачинских или дербентских ювелиров.

В начале XX в. получает распространение эсме — платье на кокетке, с отрезной талией, присборенной юбкой из клиньев и присборенным же рукавом, оканчивающимся манжетом.

Шубу терекемки, как и женщины многих других народов Кавказа, не носили²⁴. Для зимы они обычно шили дон со стеганым на вате лифом, а старые женщины иногда и целиком на вате. Зимний дон чаще назывался «астар».

В XIX в., особенно со второй его половины, некоторое распространение в Терекеме получает платье со вставкой спереди — ганга энгли осетин. Оно, по всей вероятности, проникло сюда из южнокумыкских селений, в частности из Башлы, Янгикента и Маджалиса, с населением которых терекемцы поддерживали наиболее тесные культурно-экономические и семейно-брачные связи.

Наиболее распространенными головными уборами терекеменок, как и всех других дагестанских женщин, были чутгу и платок. Чутгу имело вид мешка, не зашитого сверху и снизу; к верхнему краю пришивали ленты. Сначала женщина продевала в чутгу косы, а затем, натянув убор наголову, она опоясывала теменную часть лентами и завязывала их узлом на затылке. Чутгу шили из тонкой черной ткани. Самым модным считалось чутгу из черного кашемира с красными цветочками — кишмир шал. Нижнюю часть нарядного чутгу состоятельные женщины отделявали бахромой из серебряной канители — гюмюш сачаг. Головную часть убора для прочности делали на подкладке. Длина его доходила до пояса, а у щеголих даже до бедер. Носили чутгу с 5—6 лет, причем только дома, и то в отсутствие мужчин старшего возраста. Во всех остальных случаях на чутгу надевали платок. Будничные платки для теплого времени года женщины шили из тонких белых тканей — они представляли собой род одинарной треугольной косынки — фте (фите). Широкое распространение получили кашемировые платки — шал и тонкие шелковые с каймой — гюльменди или келагай. Последние изготовлялись в Азербайджане, в г. Гянджа. Шелковые платки домашнего изготовления — мореге шал терекемки приобретали и у даргинцев общества Мюрего. Зажиточные женщины в своем гардеробе имели и дорогие платки русского и восточного производства. Особенно славилась плотные шелковые платки — хара шал с тканым узором, тонкие газовые, почти прозрачные платки — наз-нази с золотым узором и каймой, кружевные шелковые косынки — торлама. Некоторые женщины, особенно из состоятельных семей, для зимы имели и теплые фабричные шали — кёрпе шал. Их надевали, выходя на улицу, поверх обычного, более легкого платка.

Женская обувь не отличалась особым разнообразием. Широкое распространение имели шерстяные носки, как однотонные — сая джорап, так и орнаментированные — нахышлы. Постепенно

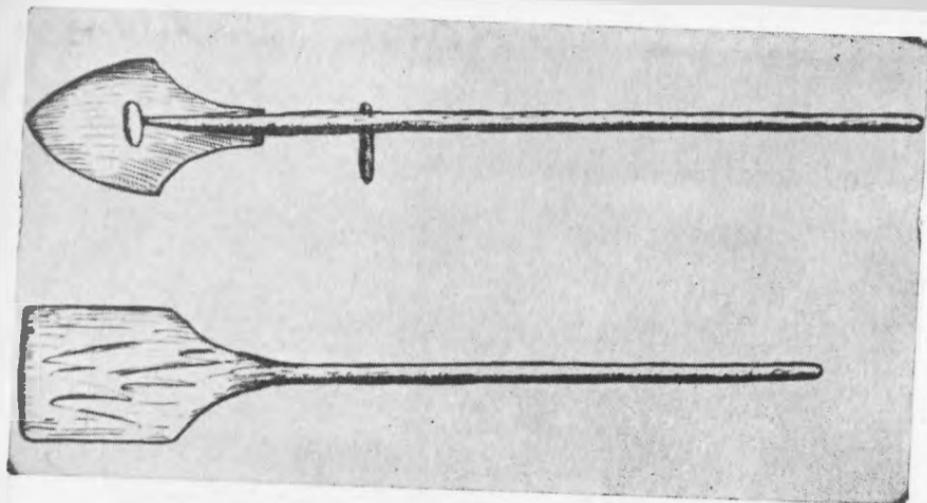

Рис. 1. Железная
и деревянная лопаты

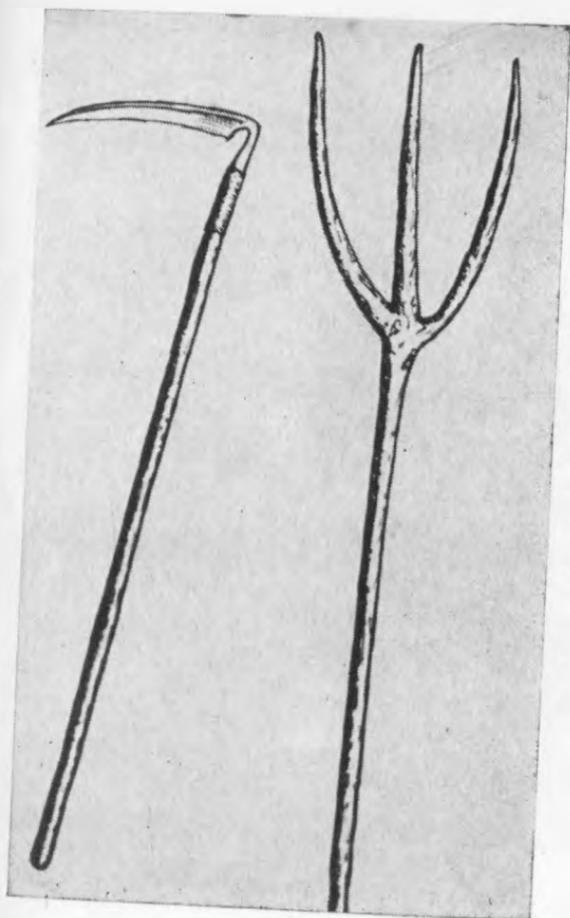

Рис. 2. Коса и вилы

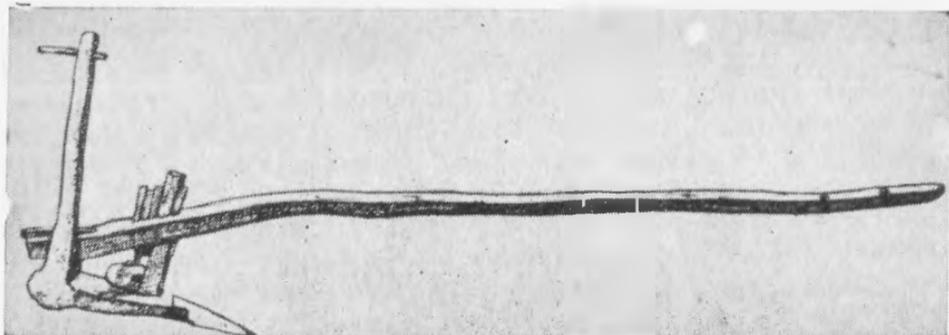
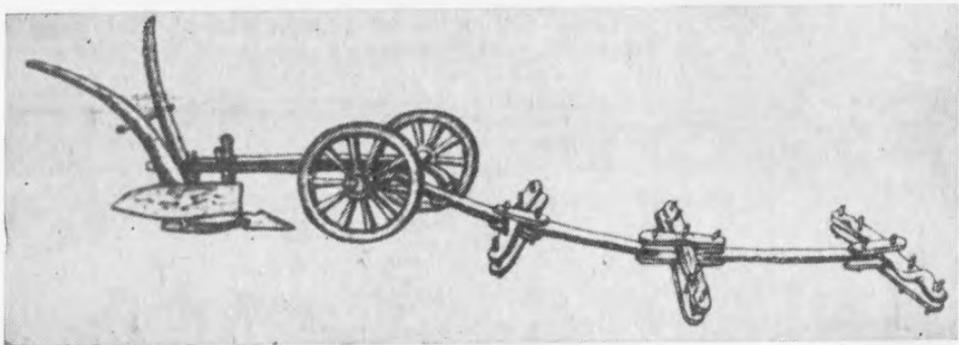

Рис. 3, 4. Тяжелый и легкий плуги

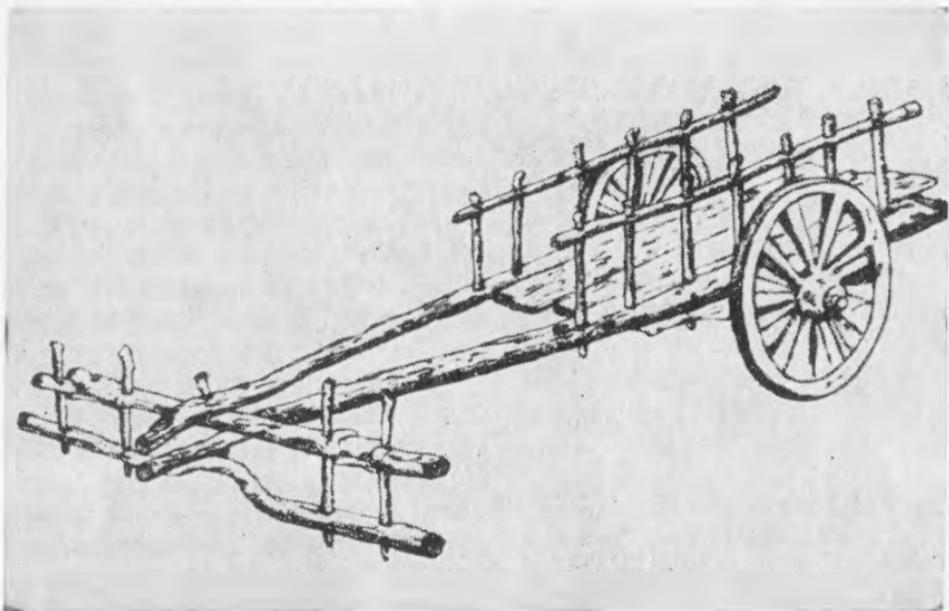

Рис. 5. Арба

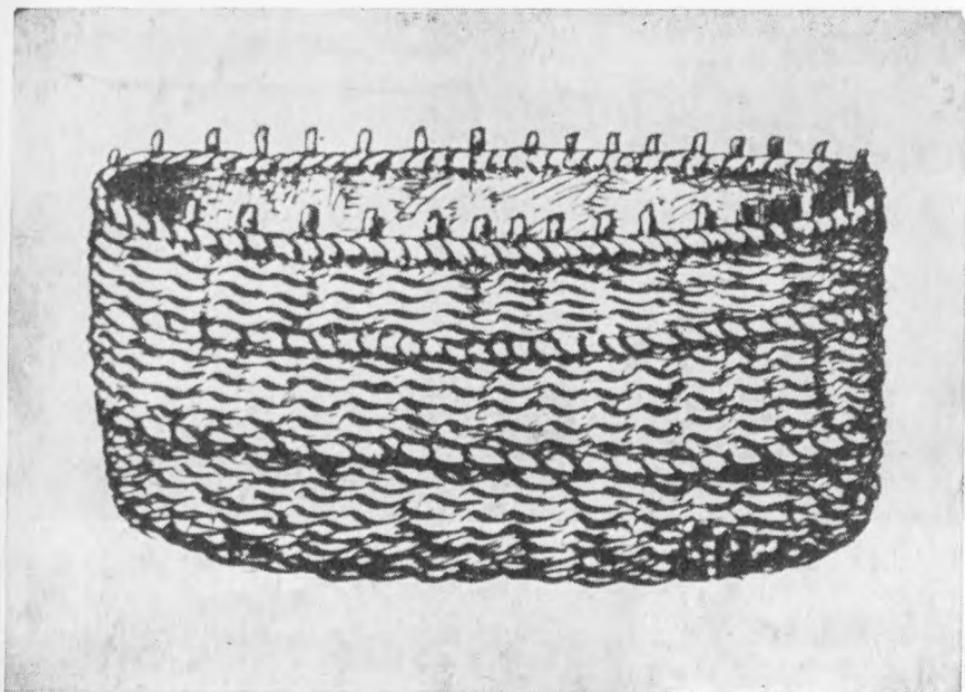
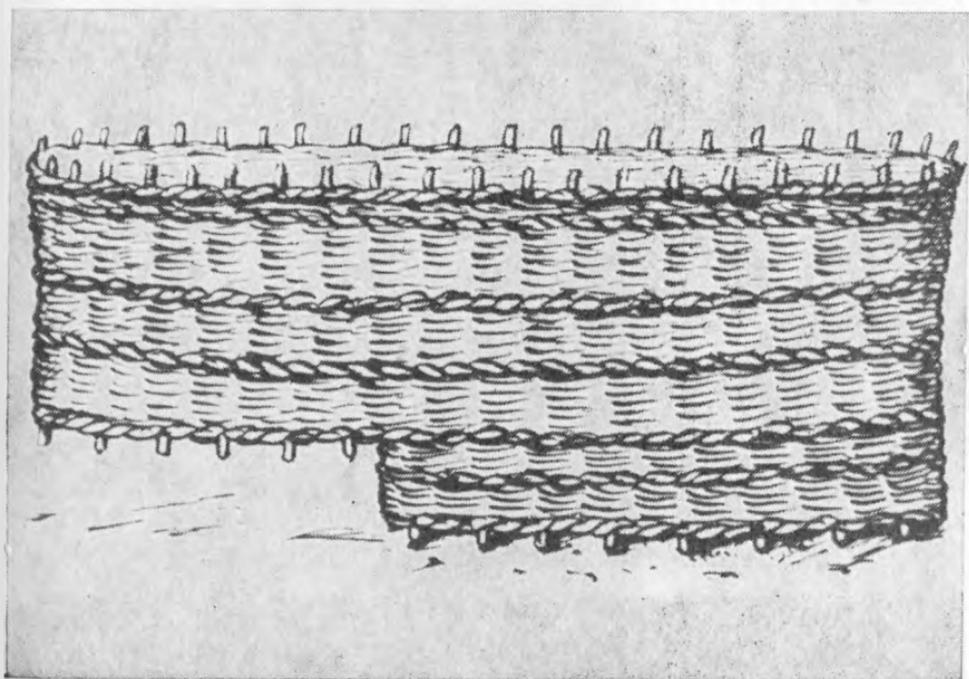

Рис. 6, 7. Маленькая и большая корзины

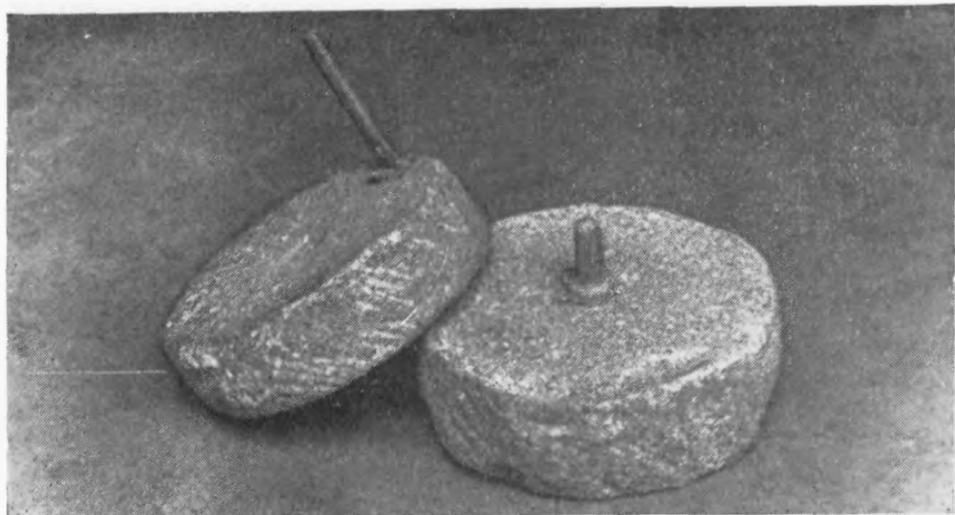

Рис. 8. Жернова

Рис. 9. Молотильные
доски

Рис. 10.
Мерки для жидкостей
(1 л. и 80 мл),
сел. Великент

Рис. 11. Рисорушка

Рис. 12. Фрагмент дома
с балконом,
сел. Падар

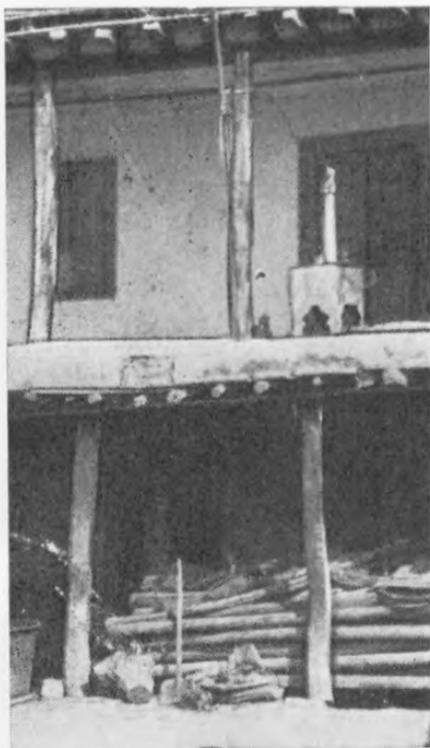

Рис. 13. Фрагмент
двухэтажного дома,
сел. Джемикент

Рис. 14. Традиционный двухэтажный дом, сел. Великент

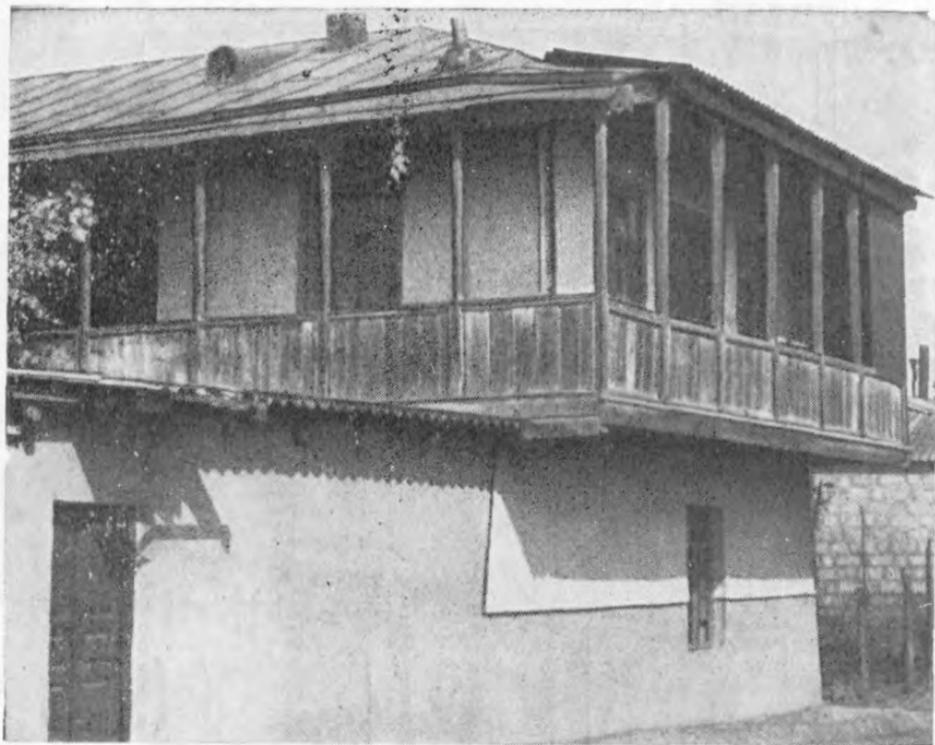

Рис. 15. Дом с балконом, сел. Джемнкент

Рис. 16. Старинный одноэтажный дом, сел. Берикей

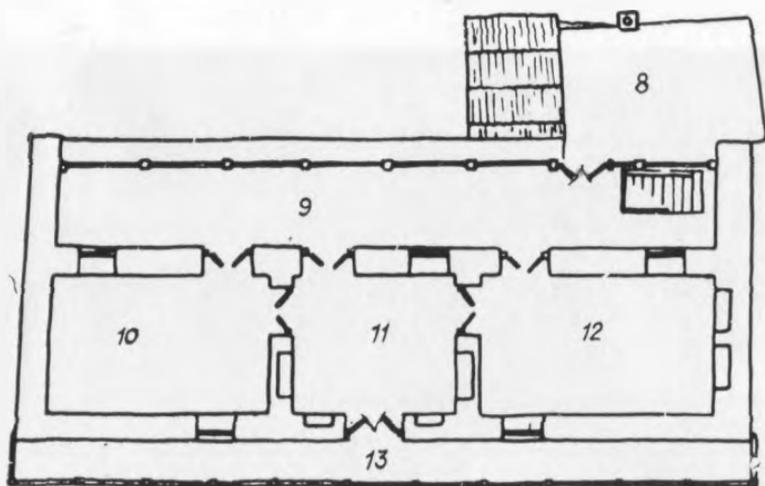
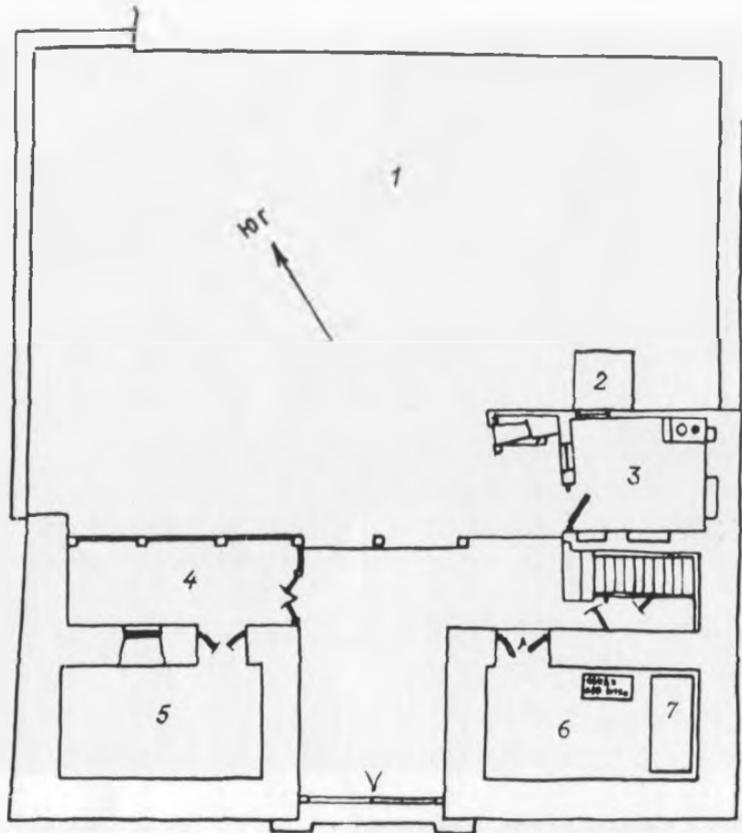

Рис. 17, 18. Поэтажный план двухэтажного дома, сел. Великент: 1 — двор, 2 — кѣрюк, 3 — зимняя кухня, 4 — веранда, 5 — комната, 6 — кладовая, 7 — ларь для зерна, 8 — крыша над лестницей, 9 — веранда, 10—12 — комнаты, 13 — балкон

Рис. 19. Современный дом и родник, сел. Деличобаи

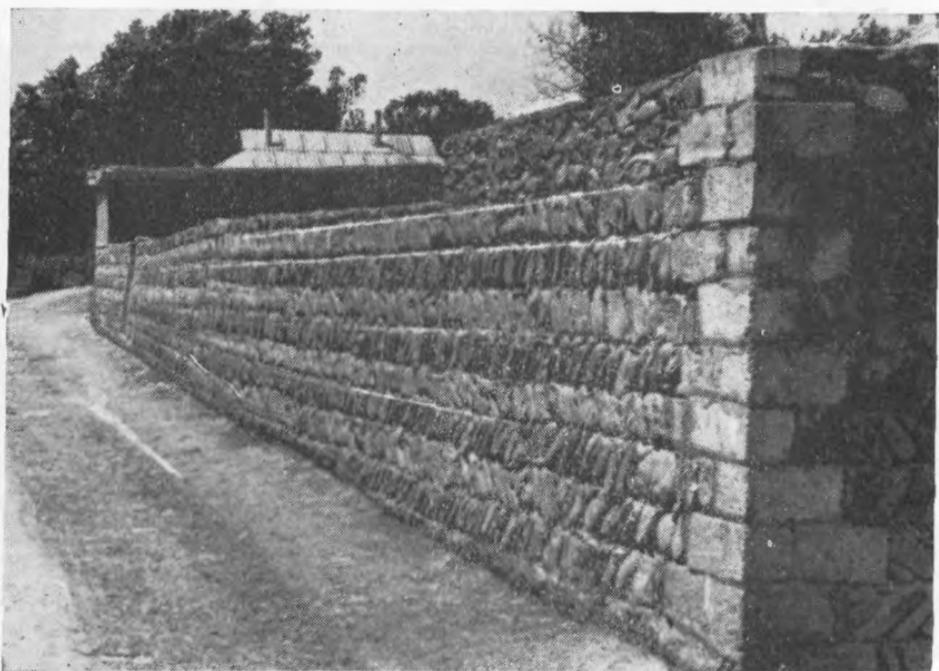

Рис. 20. Образец кладки каменного забора, сел. Падар

Рис. 21, 22. Резные деревянные поставцы для столовых приборов

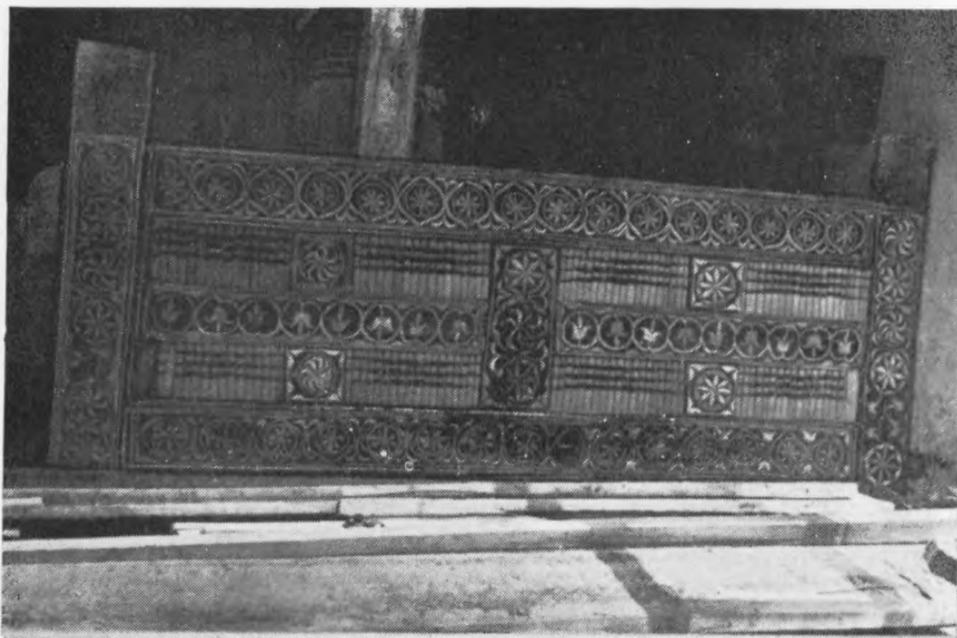

Рис. 23. Резной деревянный ларь для зерна

Рис. 24. Хранилище для мякины

Рис. 25. Дервянный ларь для зерна

Рис. 26. Обмазанное глиной хранилище для зерна (кенды), сел. Падар

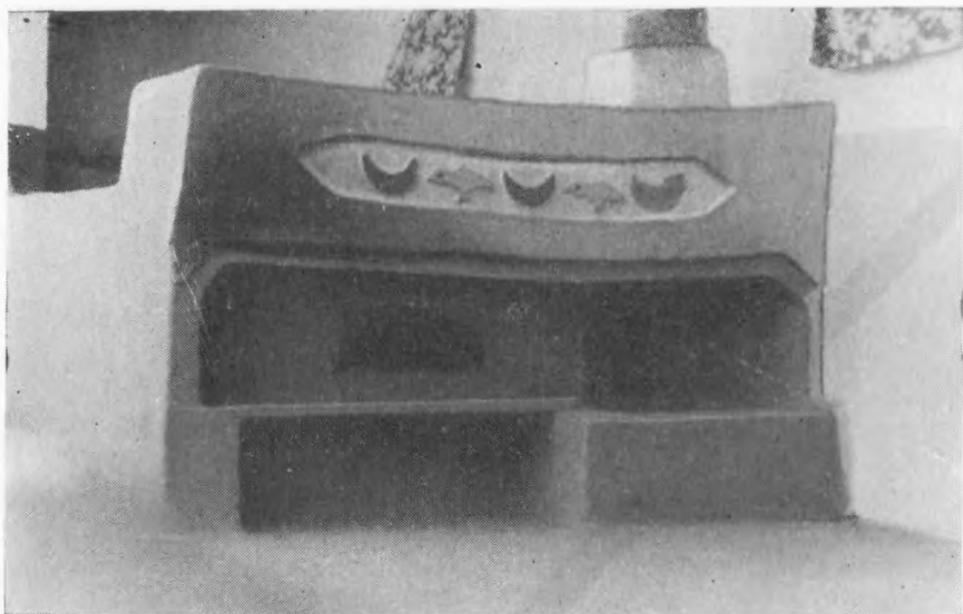

Рис. 27. Хлебная печь (кёрюк), сел. Уллутерекеме

Рис. 28. Надворная хлебная печь (кёрюк), сел. Деличобан

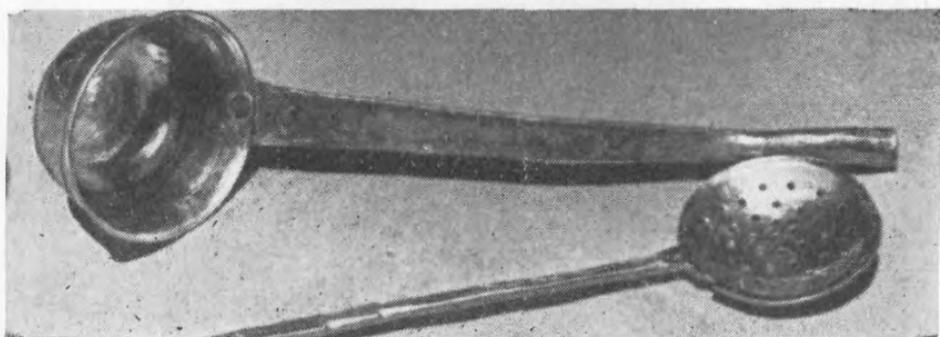

Рис. 29, 30, 31. Медная утварь и посуда, сел. Великент, Падар

Рис. 32, 33. Медные котлы для плова, сел. Берикей

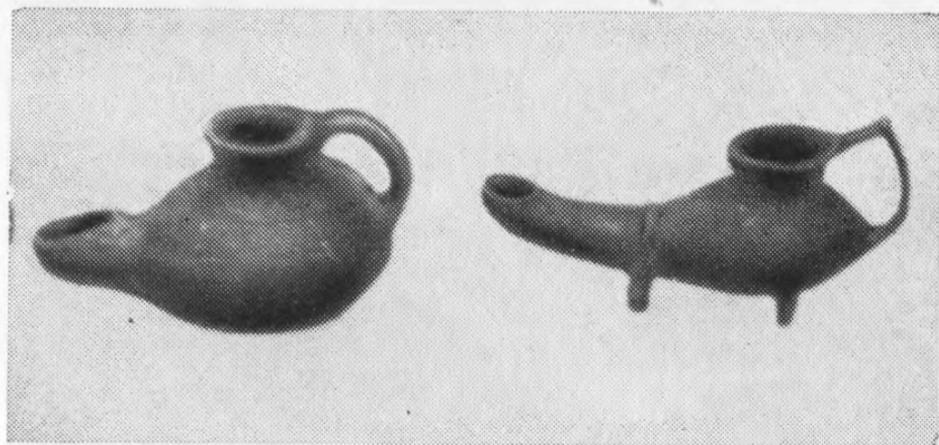

Рис. 34. Светильники

Рис. 35. Глиняная
маслобойка (негьре)

Рис. 36. Ступка
для толчения чеснока

Рис. 37. Глиняные сосуды (хумы) для хранения зерна, сел. Деличобан

Рис. 38. Теркеменка
за хлебопечением
(сел. Великент)

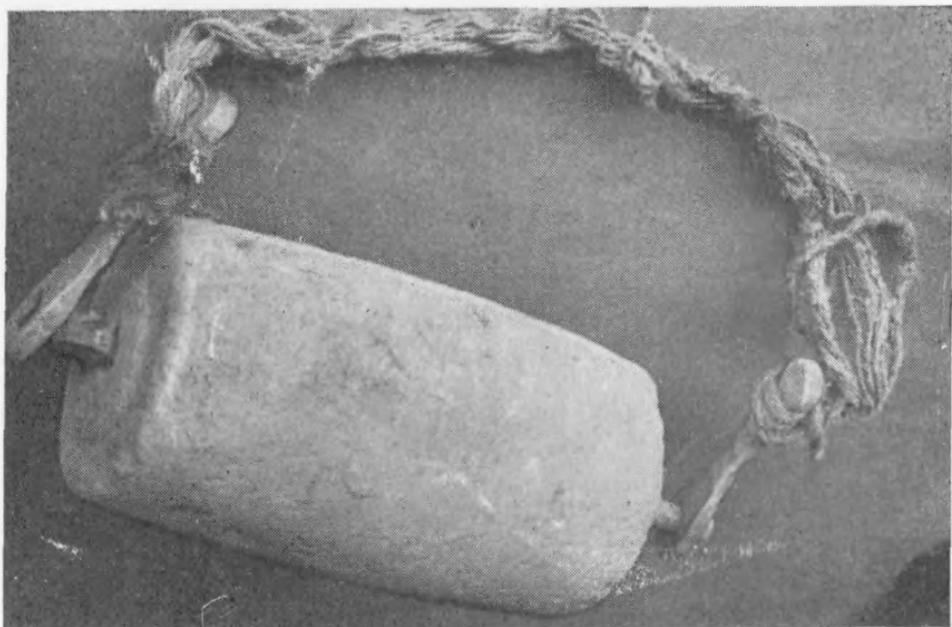

Рис. 39. Каток для укатывания глинобитных крыш

Рис. 40. Таз и кувшин
для умывания, сел. Падар

Рис. 41. Медный колпак
для плова

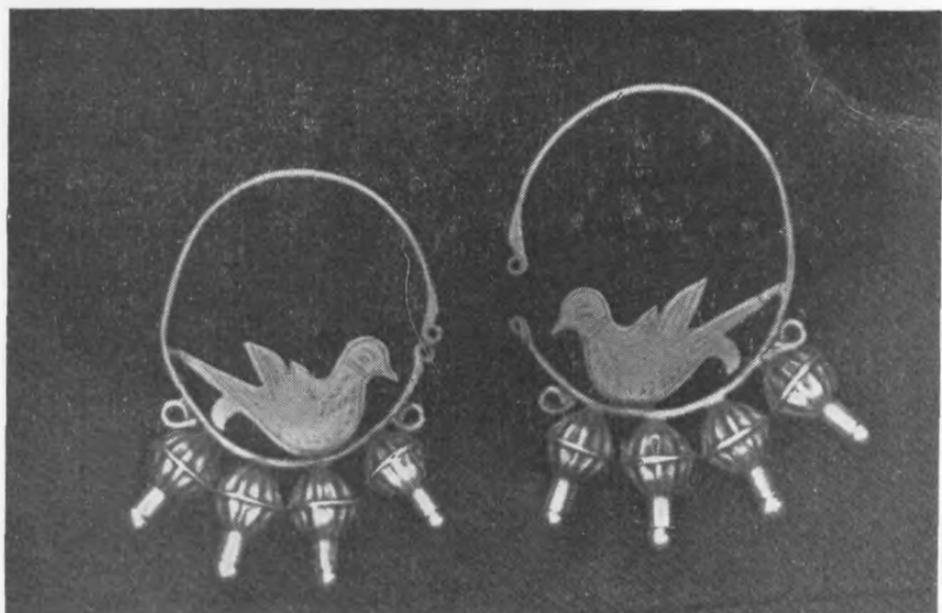

Рис. 42. Серьги

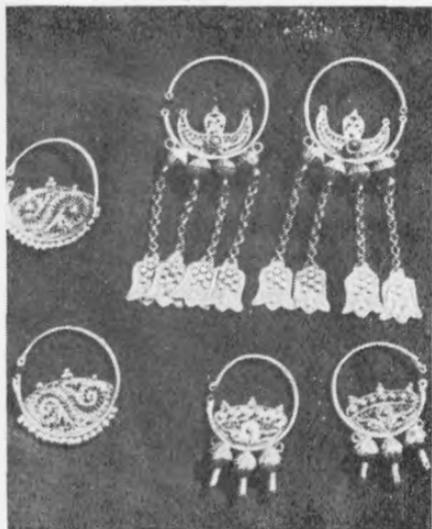

Рис. 45. Серьги

Рис. 46. Женская обувь —
башмаглар

Рис. 47. Терекменка
в традиционной
одежде

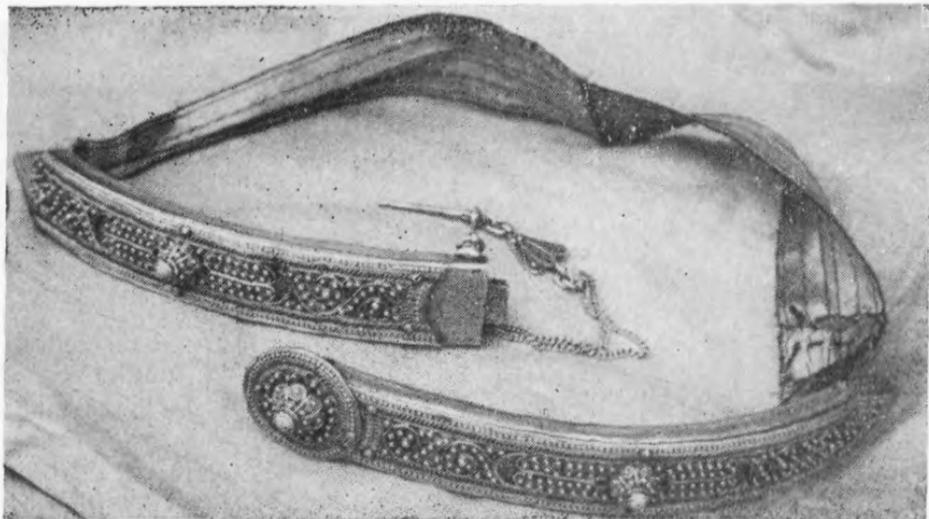

Рис. 43. Женский пояс

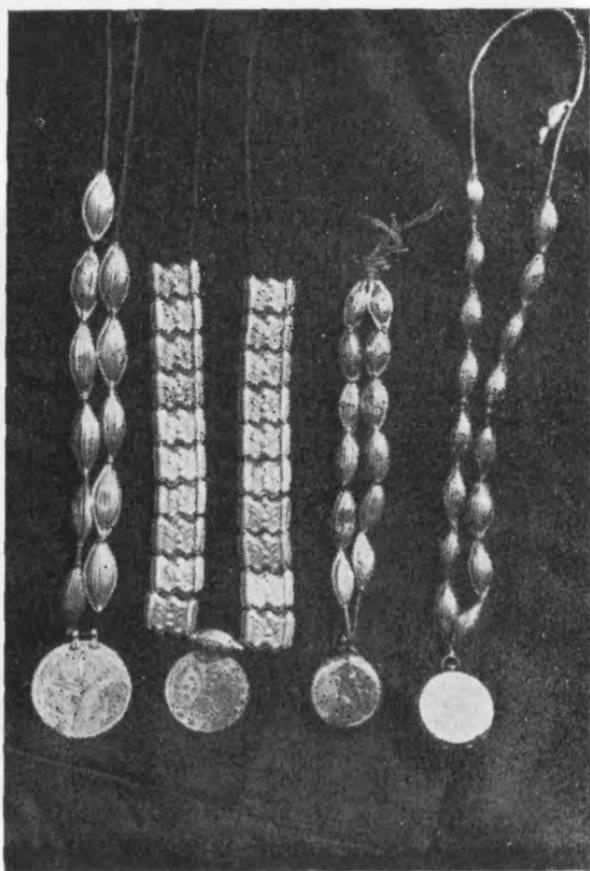

Рис. 44. Ожерелья

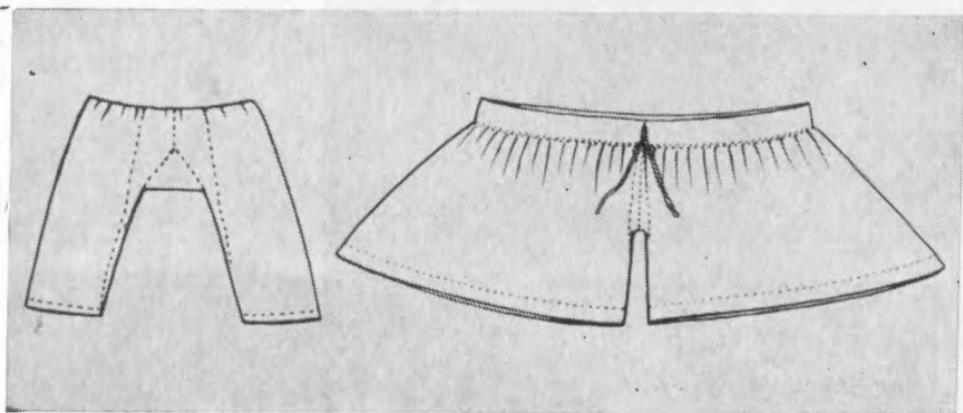
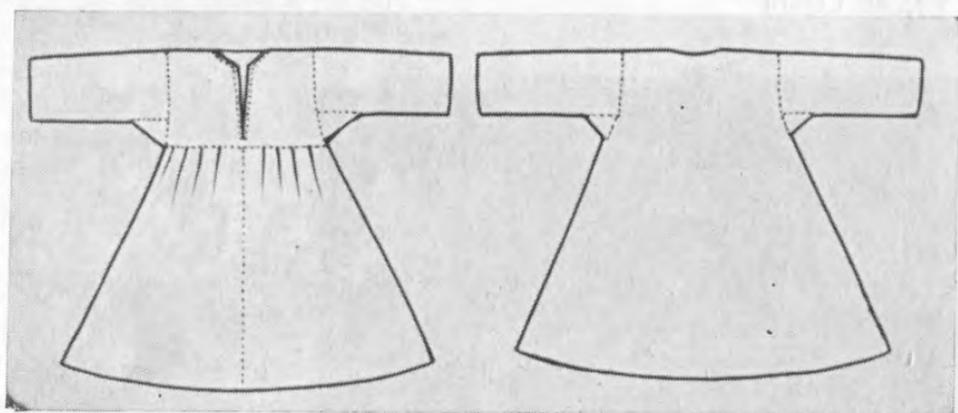
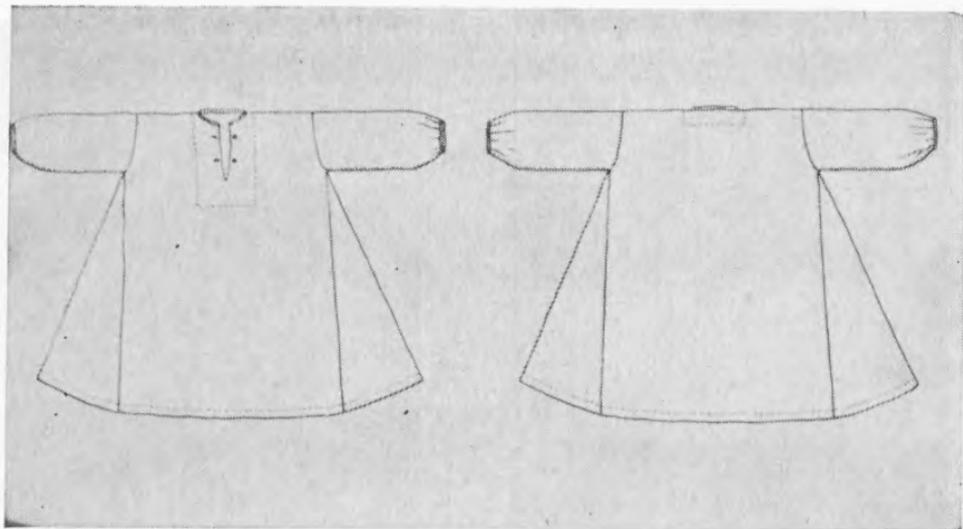

Рис. 48—50. Женские рубахи (туникообразная и с отрезной талией) и штаны (прорисовка)

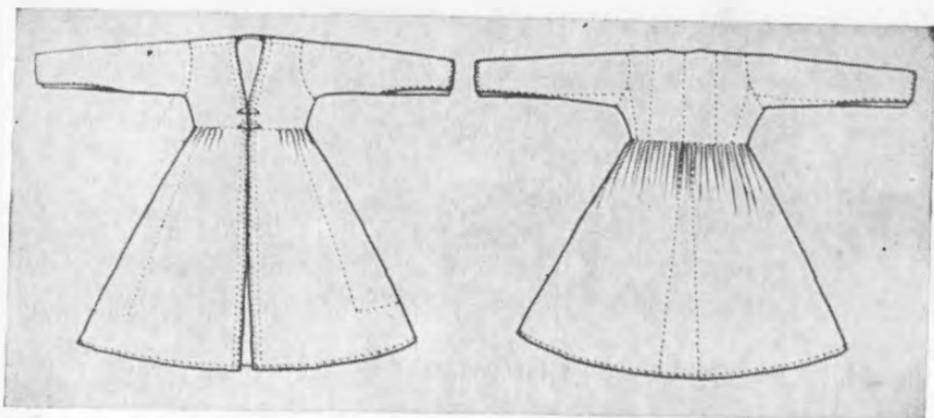
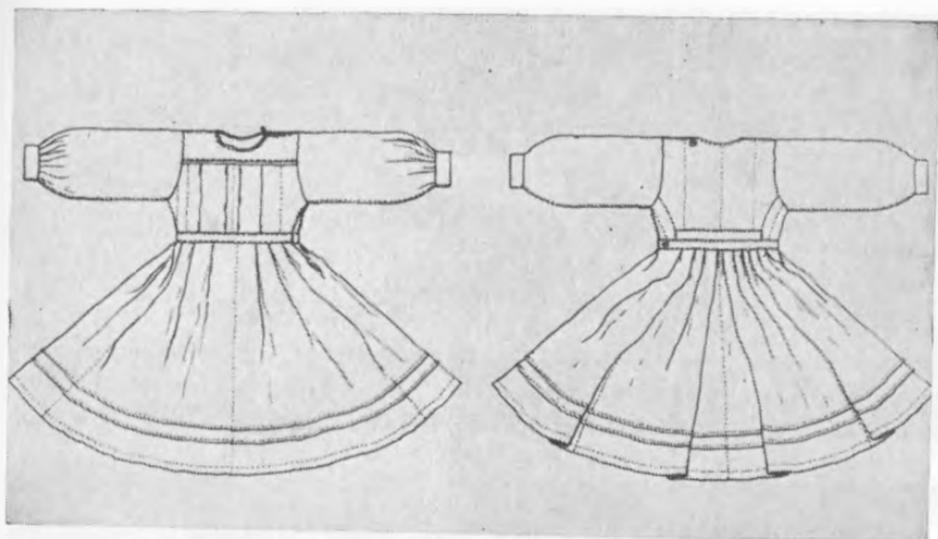

Рис. 51, 52. Женское платье эсме и дон, вид спереди и сзади

Рис. 53. Женский головной убор — чутгу

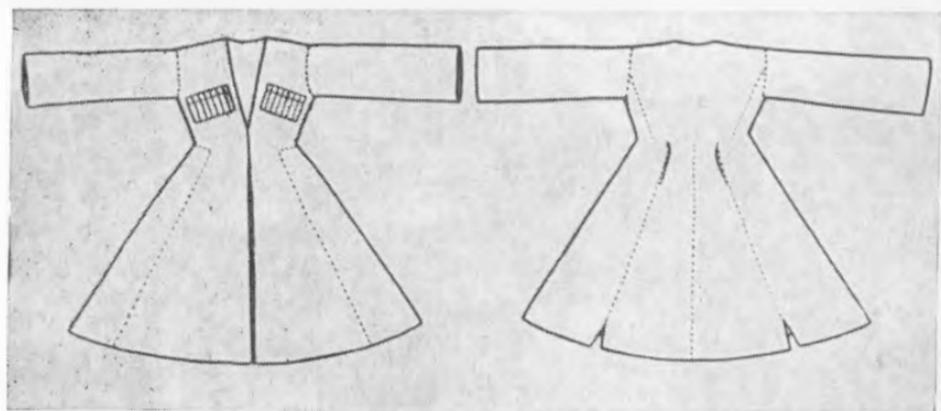
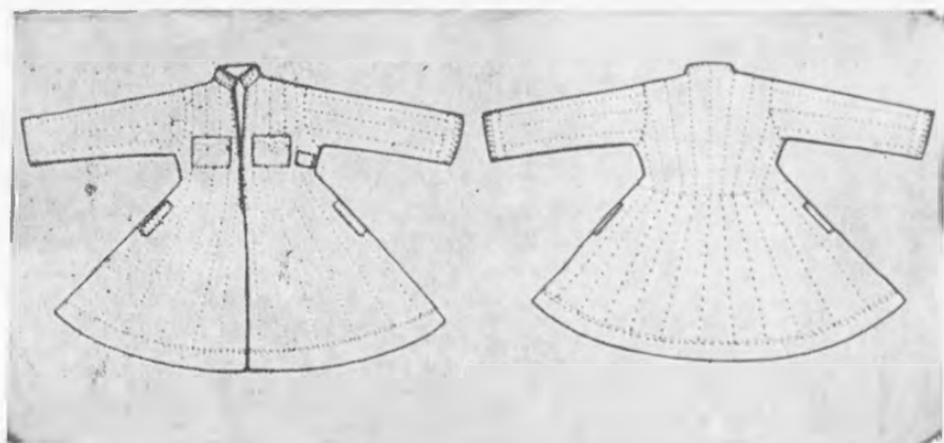

Рис. 54, 55. Бешмет и черкеска (прорисовка)

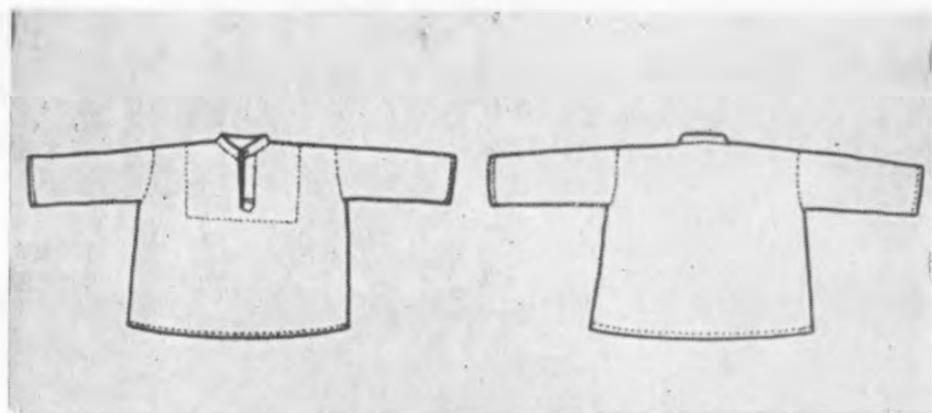

Рис. 56. Мужская туникообразная рубаха, вид спереди и сзади (прорисовка)

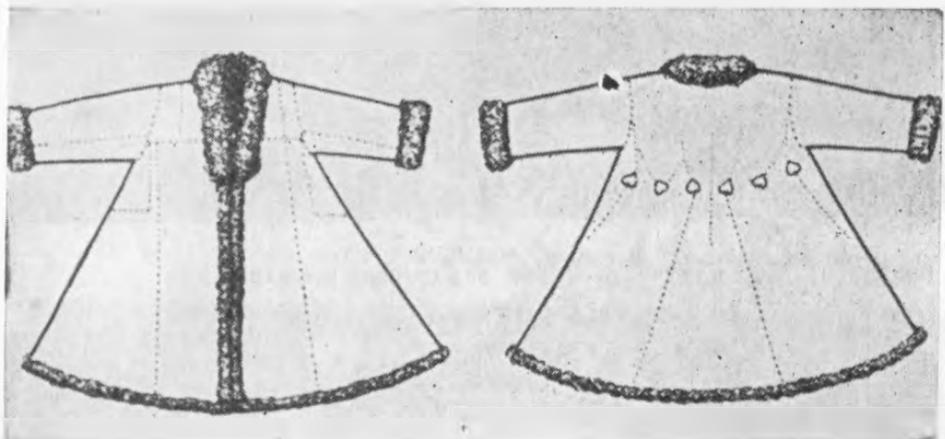
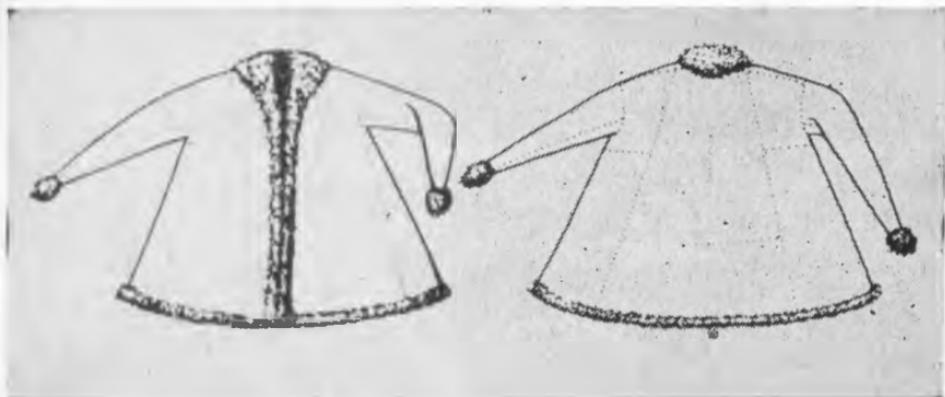

Рис. 57, 58. Мужские шубы с ложными и вшитыми рукавами (прорисовка)

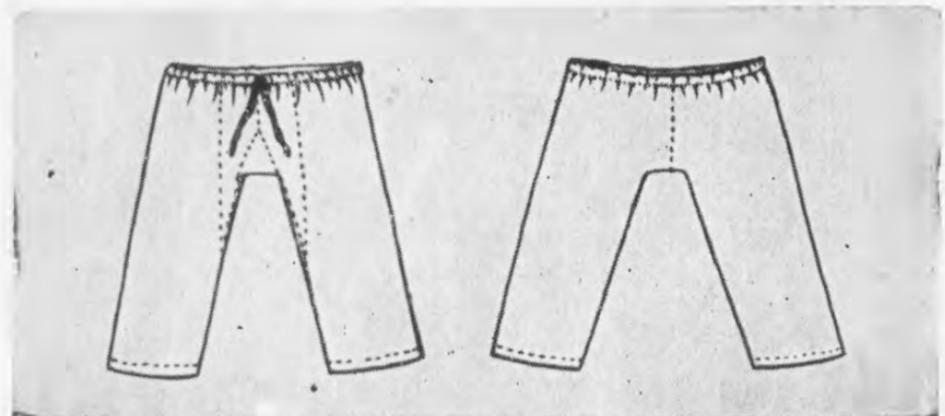

Рис. 59. Мужские штаны, вид спереди и сзади (прорисовка)

Рис. 60, 61. Мужская шуба — гиме, вид спереди и сзади

Рис. 62, 63. Мужская шуба с ложными рукавами, вид спереди и сзади

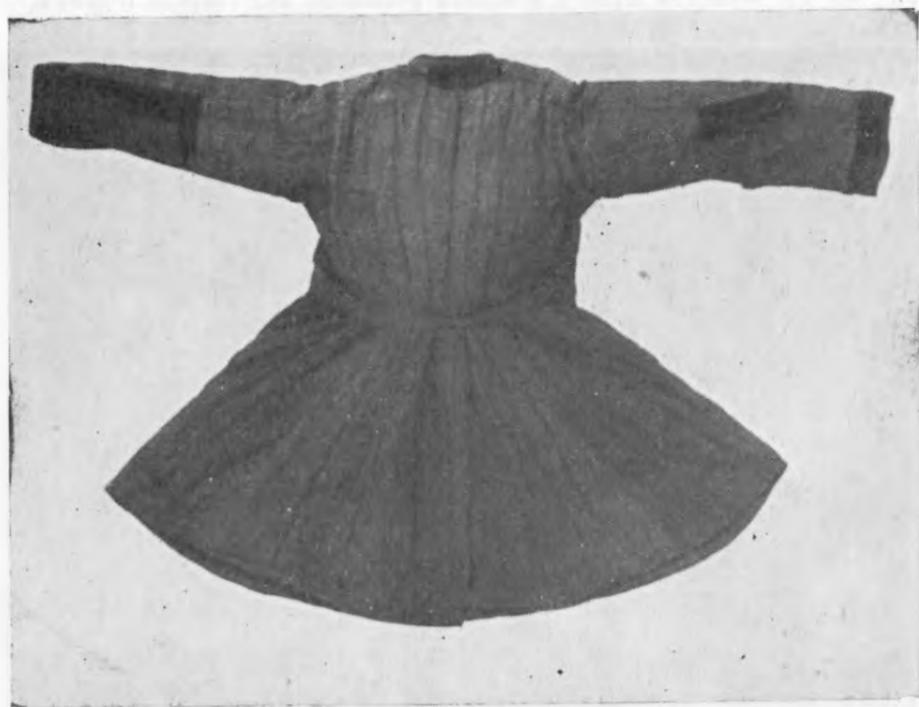

Рис. 64, 65. Бешмет — дон, вид спереди и сзади

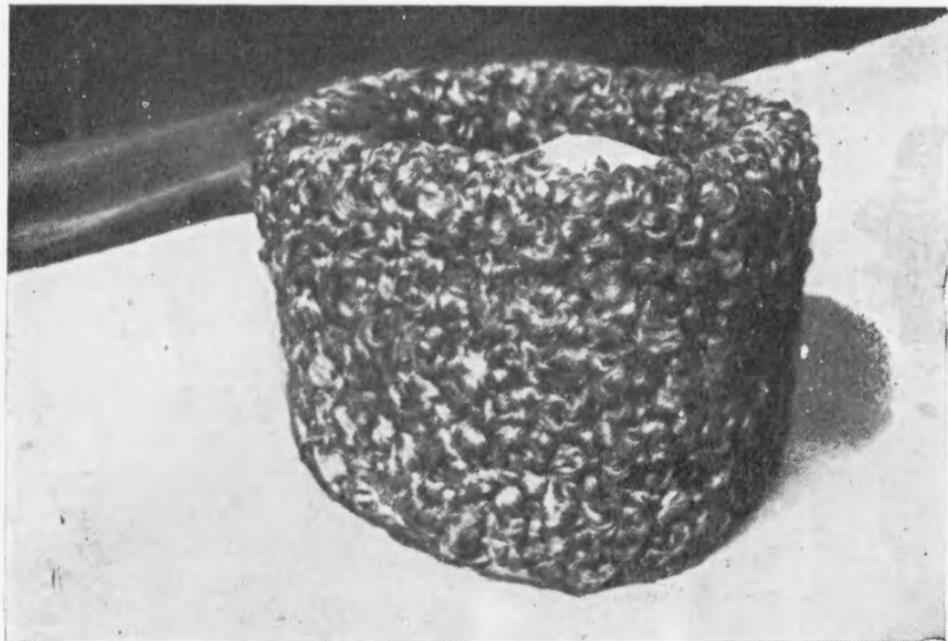

Рис. 66. Папаха с матерчатым донышком

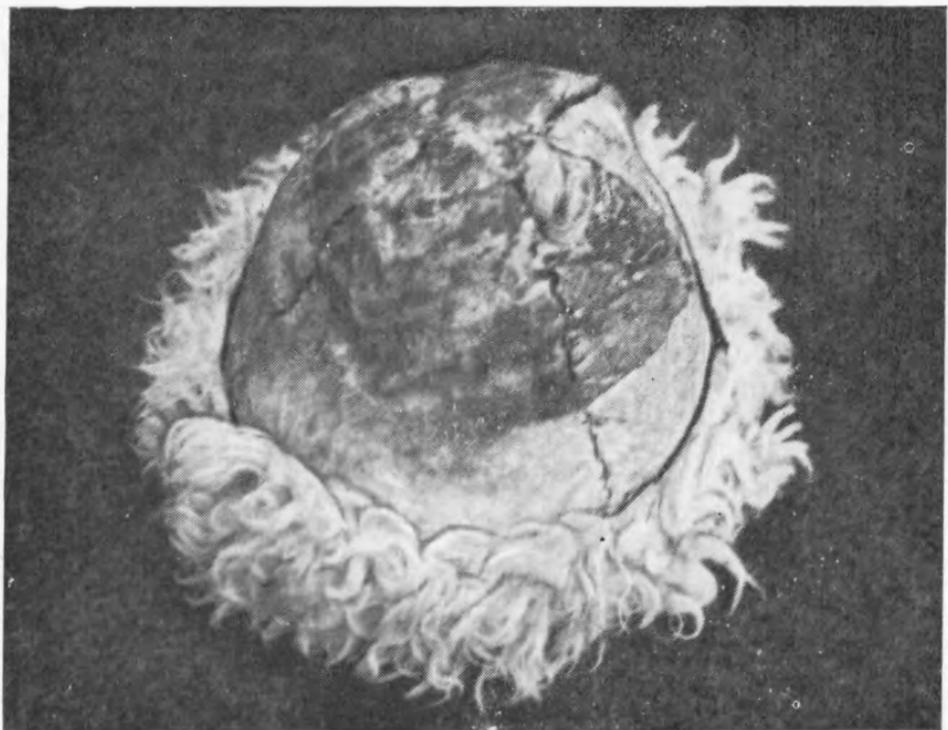

Рис. 67. Мужская почная шапка

Рис. 68. Терекменец в традиционной одежде, сел. Великент

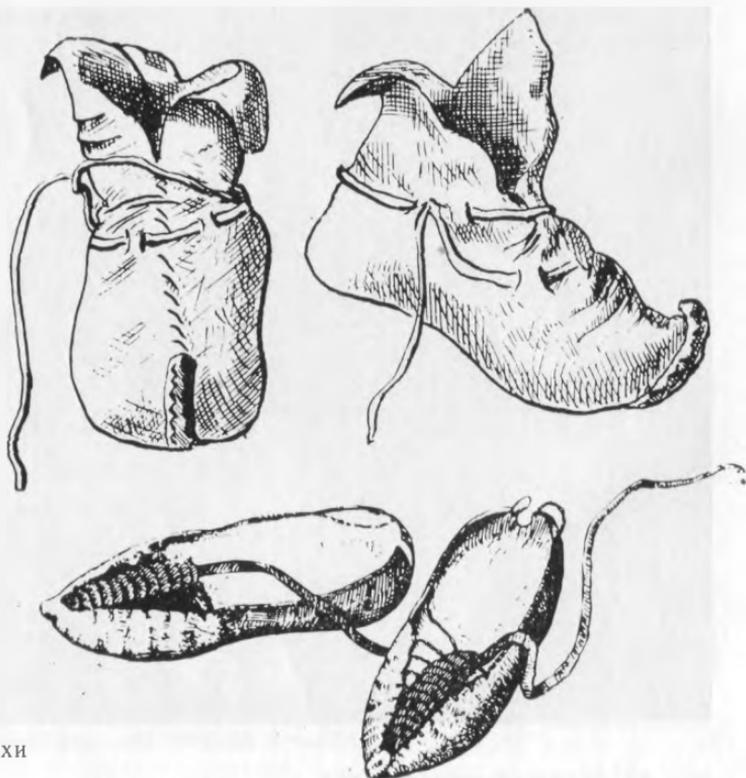

Рис. 69. Обувь: дирихи и товчарых

Рис. 70. Мягкие сафьяновые сапоги

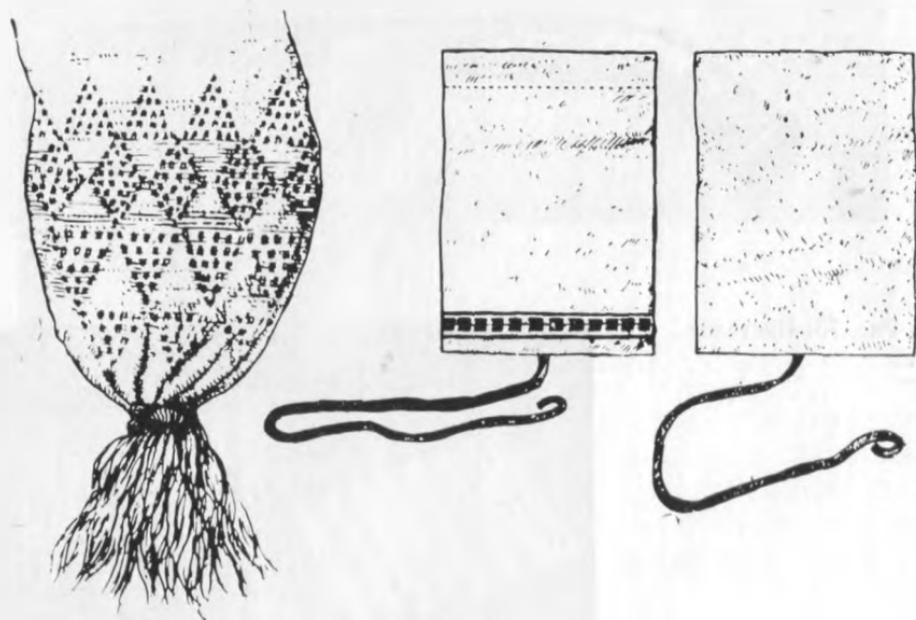

Рис. 71. Фрагмент мужского гашника и обмотки

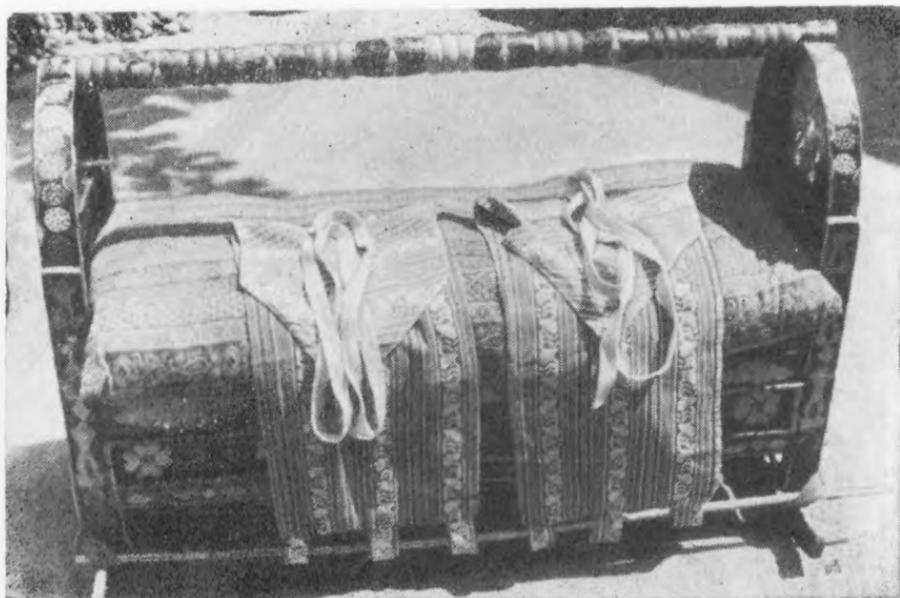

Рис. 72. Резная деревянная люлька

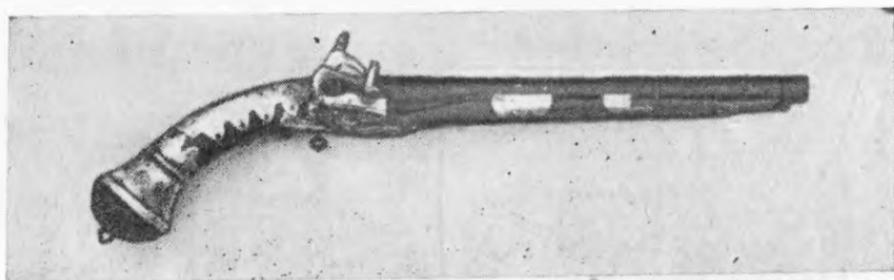

Рис. 73. Пистолет

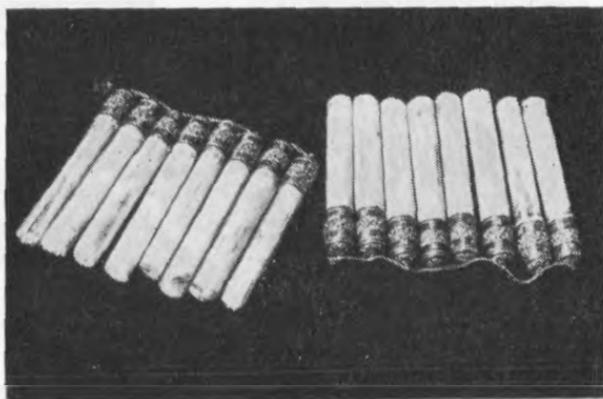

Рис. 74. Газыри

Рис. 75. Фрагменты шашки и кинжала

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Рис. 76. Кинжал

Рис. 77. Современная
большая семья
(сел. Деличобан)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Рис. 78. Житель
сел. Уллутерекеме

в аулы терекеменцев стали проникать и чулки фабричного производства.

Главным видом обуви были сафьяновые глубокие чувяки — сахтиян чарых, тумадж чарых. Нарядные, особенно свадебные, чувяки шили из красного сафьяна — гырмызы чарых и окантовывали зеленым сафьяном или золотой тесьмой. Повседневные чувяки были, как правило, из черного сафьяна — гара чарых.

Выходя на улицу, терекеменка надевала поверх чувяк кожаные галоши — гаты дабан галош или обувь без задников на каблуке — башмаг, которые либо покупали, либо шили на заказ. Модными считались хромовые башмаки — сагры башмаг с семью шипами на набойке каблука — едди диш сагры. Не менее модными были башмаки и галоши с расшитым золотом по коже, бархату или сукну верхом — дегег башмаг. Такие вышивки терекеменки делали сами или заказывали их у дербентских золотошвеек. Затем такую вышитую заготовку отдавали сапожникам. В качестве повседневной обуви терекеменки пользовались обычными башмаками, нередко с деревянной подошвой.

Детская одежда в основном была однотипна с одеждой взрослых, хотя и имела некоторые особенности. Мальчики до 3—5 лет обычно носили тубетейки, в том числе и стеганные на вате, а не меховые шапки. Вместо шубы им шили куртки или бешметы. Одежду для девочек шили из пестрых тканей, чрезмерно украшать ее было не принято.

Большим разнообразием отличались женские украшения. Почти все женщины (порою и девочки-подростки) носили серьги — сирга самой разнообразной формы. Они могли иметь вид колец с подвесками из цепочек, заканчивающихся бляшками. К нижней части внутренней стороны кольца припаивалась литая фигурка птички. Число подвесок — аяг иногда доходило до 12. Встречались кольцевидные серьги с тремя-четырьмя неподвижно закрепленными отростками с внешней стороны (вместо подвесок). Обычно отростки украшались бирюзой. С внутренней стороны они также имели фигурку птички. Некоторые кольцеобразные серьги украшались тонкой ажурной плетенкой. Наконец, бытовали серьги в виде колокольчиков (иногда граненых), покрытые разноцветной эмалью и украшенные мелким жемчугом.

Шейные и нагрудные украшения — боюн багы были представлены коралловыми, янтарными, сердоликовыми, монетными ожерельями. Все они застегивались сзади и либо плотно охватывали шею, либо свободно свисали на грудь. Среди украшений этой группы особенно популярным было бугаз арты — плотно облегающее шею ожерелье из ажурных пластинок, нанизанных на крученые нитки. Зажиточные терекеменки носили золотые и серебряные украшения. Ювелирные изделия приобретались у кубачинцев и в Дербенте.

Почти все терекеменки носили серебряные кольца — узюк, а в торжественных случаях надевали браслет — гол багы.

Принадлежностью выходного костюма терекеменок являлся и серебряный пояс — кемер. Особенно нарядным считался серебряный пояс, состоявший из 10—12 круглых или прямоугольных пластинок, соединенных между собой колечками или шарнирами. Пояс имел массивную фигурную пряжку. Лучшие пояса выполнялись в технике ажурной накладной филигрании и зерни с позолотой, с инкрустацией из бирюзы, рубинов или (чаще) цветного стекла. Под филигрань подкладывалась цветная фольга. Такие серебряные пояса, да еще с позолотой, стоили очень дорого и потому были доступны только состоятельным женщинам. Значительно шире были распространены пояса из красного и черного бархата, сукна на плотной подкладке с нашитыми на них серебряными пластинками или монетами. Они застегивались либо на массивную пряжку, либо на мелкие металлические крючки. Украшали костюм терекеменки и серебряные фигурные застежки с чернью, а иногда и с эмалью, с позолотой.

Терекеменские женщины большое внимание уделяли гигиене тела, особенно следили за чистотой волос. Недаром понятие «купание» часто отождествлялось с мытьем головы. Днем мытья головы чаще всего была пятница. Волосы заплетали в косы, обычно их число достигало 12. Кроме того, молодые женщины на лбу носили челку — лепеке, а вдоль щек небольшие локоны — бирчег. Время от времени волосы покрывали хной. Это делалось как для красоты, так и для укрепления корней волос и даже лечения от головных болей.

Определенное внимание молодые терекеменки уделяли и косметике. В качестве косметических средств они употребляли румяна — энгилик и белила — киршан или ова. Многие женщины, кроме того, красили ногти хной.

4. ПИЩА И НАПИТКИ

Своими корнями традиционная кухня терекеменцев была связана с азербайджанской кухней. На их пищу определенное влияние оказала и пища соседних народов, в том числе и дербентская городская кухня. В свою очередь, терекеменская кухня, как и в целом азербайджанская, оказала влияние на кулинарию своих соседей.

Пища терекеменцев была разнообразной, что обуславливалось прежде всего многоотраслевым характером их хозяйственной деятельности и в определенной степени межэтническими контактами. Основными продуктами, шедшими на приготовление пищи, были пшеница, ячмень, кукуруза, рис, мясо, рыба, масло и сыр. Значительно разнообразили пищу огородно-бахчевые культуры (лук, чеснок, баклажаны, огурцы, дыни, арбузы, тыквы), фрукты, орехи. Широко использовалась в питании и всевозможная зелень, которая входила в состав многих традиционных блюд либо в качестве начинки, либо в качестве ароматной приправы. Это были съедобные дикорастущие травы: крапива —

гжиткен, щавель — гозу гулагъы, мята — рейган от, дикий лук — халияр, дикий чеснок — ганку и др.

В пищевом рационе особое место принадлежало хлебу — эппег. Терекемские женщины были, пожалуй, самыми искусными мастерицами по выпечке хлеба во всем Дагестане. Их хлеб, особенно из пшеницы сары бугда, славился своими вкусовыми качествами в соседних селениях и среди горожан Дербента. Однако бедные крестьянские семьи часто довольствовались зимой и весной ячменным или кукурузным хлебом. Пекли хлеб преимущественно из заквашенного теста — кюнде эппег, реже из пресного теста — джир эппег. В качестве закваски — ажитме использовали старое тесто, которое в полужидком виде каждая хозяйка хранила постоянно. Чуреки готовили круглой формы, толщиной в два-три пальца.

Для торжественных случаев готовили особые чуреки — каллар, сютлю эппеглер из сдобного теста. Для этого тесто замешивали на молоке с добавлением в него масла и яиц и пекли на легком огне. Для праздников делали и особые калачики — ширин кете и шура галач. Для шура галач раскатывали тонко тесто и, намазав его теплым маслом, разрезали на куски, а затем, положив на каждый кусок заранее приготовленную смесь из муки, масла, яиц с добавлением соли, придавали этому куску форму калачика и пекли на легком огне. Для ширин кете смесь готовили с добавлением сахарного песка, а не соли. Терекемки пекли и слоеные чуреки — кюлче галач или яглы эппег. Для их изготовления также раскатывали тесто в большие круги, намазывали каждый из них теплым маслом, а затем, разрезав каждый круг на сектора, складывали куски так, чтобы слой масла чередовался со слоем теста. Затем тесто снова раскатывали, смазывали яйцом или кислым молоком и пекли на легком огне. На праздники выпекали различное обрядовое печенье для детей — гелинлер в форме женских фигур; из теста же, смешанного с сажей, лепили брови, глаза, рот, косы и др. Так же делали гагумалар — в форме барана с закрученными рогами, внутри которого запекали куриное яйцо.

Терекемские женщины знали много приемов выпечки хлеба и сдобных изделий. Хлеб, сдобное и несдобное печенье, пироги пекли в надворных печах — кёрюк. Нередко такой печью пользовались женщины всего квартала.

В теплое время года хлеб пекли ежедневно, чаще под вечер. Зимой, чтобы сэкономить топливо, его выпекали сразу на два дня.

Хлебопечением в Терекеме занимались, как правило, старшие женщины семьи. Молодым снохам с детьми «главная хозяйка» не всегда доверяла эту почетную обязанность. Печь, как правило, топилась непрерывно, и легкие чуреки из заквашенного теста быстро выпекались. У печи собиралось обычно несколько женщин, ожидающих своей очереди и беседующих на разные темы. Иногда место у печи в знак особого уважения отводи-

лось самой опытной женщине, которой передавали готовое для выпечки тесто.

В богатом ассортименте терекеменских блюд одно из первых мест занимали супы — шорпа. Их готовили с мясом, на молоке, с рисом, с фасолью, с лапшой, с пшеничной крупой и т. д. Все эти виды супов имели свои названия, зависящие от состава заправки и основных продуктов: дюги шорпа — суп с рисом, эриште шорпа — суп с лапшой, умач шорпа — суп, заправленный крошкой из теста, и т. д. Во время рамазана (месяц поста) часто готовили пити — полужидкое острое блюдо из баранины и гороха, с добавлением лука, перца, алычовой приправы. Пити готовили в специальном глиняном сосуде — пити галгасы, который зарывали в горячую золу и оставляли до поздней ночи — времени приема пищи.

Самым любимым блюдом терекеменцев, как и всех других дагестанцев, был хинкал — блюдо из мелко нарезанного тонкого пресного теста, отваренного в мясном бульоне или в воде. Его подавали с мясом и подливой. Хинкал имел ряд разновидностей: узме хингал — из толсто раскатанного мягкого теста, юха хингал — из тонко раскатанного теста, эшме или элек хингал — из теста в виде трубочек, гажи бугда хингал — с тестом в виде небольших галушек из кукурузной муки. Хинкал требовал особой технологии и навыков приготовления. Готовый хинкал вынимали дуршлагом из бульона и, разложив по тарелкам, заливали острой подливкой. Подливу — дузлук готовили с жареным мясным фаршем (если хинкал отваривали не в мясном бульоне, а в воде), из кислого молока или сметаны, толченых орехов, томатов и т. д. Во все подливы обязательно добавляли чеснок (толченный в деревянной ступке), а также уксус из молочной сыворотки или винограда. Иногда вместо уксуса добавляли уруб — приправу из алычи, терна или кизила.

Вообще приправе в терекеменской кухне придавалось большое значение. Для приправы употреблялся лук (зеленый или репчатый), чеснок, красный перец, алыча, кизил, барбарис, сок незрелого винограда, уксус из молочной сыворотки, кинза, петрушка, мята и другие травы.

Не менее популярным у терекеменцев был и плов. Его обычно готовили на праздники и для почетных гостей. При изготовлении плова отваренный рис откидывали на специальной ситке — аш сюзен. Потом его пересыпали в котел с растопленным маслом. Предварительно в котел клали небольшое количество отваренного риса, перемешанного с сырым яйцом, чтобы на дне котла образовалась корка — газмаг. Потом поверх этого первого слоя высыпали весь рис и, закрыв крышкой, ставили котел на треножник на горячие угли. Время от времени хозяйка открывала крышку и сливала с нее капли воды, оседавшие от пара. В то же время она тщательно следила, чтобы не было дыма, который давал нежелательный привкус. Когда плов был уже почти готов, сверху его заливали горячим топленным мас-

лом — яг вере и давали время пропитаться им рису. Одновременно готовили густую мясную подливку — буглама с добавлением крупно нарезанного лука, приправы из алычи, красного перца, кинзы.

Терекеменцы готовили несколько видов плова. Сутлы аш делали на молоке с добавлением в масло шафрана, эвелик аш требовал добавки в рис щавеля. Для плова чобан аш (чабанского) сперва обжаривали куски мяса и резаный лук в котле, затем добавляли нужное количество воды, высыпали туда промытый рис и варили на легком огне. Нигар аш готовили с добавлением в рис кроме мяса тыквы и орехов. Обычно в котел клали слой тыквы, слой мяса, слой риса, слой толченых орехов. Добавив немного воды, варили на легком огне. В хамурлы аш добавляли предварительно высушенную и слегка поджаренную лапшу из тонко раскатанного теста. Для этого плова готовили мясную подливу — чыгыртма, типа бозбаша (см. ниже), но заправленную яйцами.

Терекеменские женщины старались, чтобы плов был рассыпчатым, не переваренным. Когда плов подавали гостям, его обычно приносили покрытым «медным вылуженным колпаком пирамидальной формы»²⁵.

Традиционными блюдами терекеменцев считались также бозбаш, долма, шишлик и кюрзе. Бозбаш был в определенной мере обрядовым блюдом (его ели на свадьбе, похоронах, календарных праздниках и т. д.). Готовили его из жирного мяса, нарезанного мелкими кусками, с добавлением лука, красного перца, алычевой приправы и воды. Это полужидкое блюдо подавали в больших пиалах; ели бозбаш, макая в него вилкой куски хлеба.

Долму делали из мелко рубленного мяса, чаще баранины, добавив также мелко рубленный лук, рис, а также кинзу и другие специи. Долму готовили трех видов: ярпаг долма, келем долма и баклажан долма. В первом случае небольшие порции фарша заворачивали в свежие или соленые виноградные листья, во втором — в листья капусты (келем), а в третьем — вместо листьев использовались баклажаны. Из мяса птицы (кур, уток, гусей) терекеменские женщины готовили чыгыртма — полужидкое кушанье. Сперва мясо обваривали и тушили, добавив лук и немного воды. Готовое блюдо заливали взбитыми яйцами.

К числу традиционных блюд терекеменцев следует отнести также шашлык — шишлик — куски мяса, поджаренные на вертеле — шиш на раскаленных углях, и люля-кебаб. Для шашлыка обычно выбирались мягкие куски баранины, реже — реберные части. Перед тем как готовить шашлык, мясо мариновали в виноградном уксусе с добавлением лука, перца и соли. Люля-кебаб готовили из мелко рубленного мяса. Придав мелким порциям фарша форму сигар и нанизав на вертел, их поджаривали на раскаленных углях.

Кюрзе (или чуду хинкал) представлял собой род пельменей,

фарш для которых готовили преимущественно из баранины, также обильно добавляя в него лук, перец, уксус, приготовленный либо из молочной сыворотки, либо из сока незрелого винограда — гора. Из пресного теста раскатывали маленькие кружочки и, положив в каждый из них порцию фарша, защипывали края, а затем отваривали в кипящей воде. Кюрге ели обычно с чесночной подливкой. Разновидностью кюрге являлось душбере. Это были как бы мелкие пельмени, сваренные в бульоне. Фарш готовили так же, как для кюрге, и заворачивали в нарезанное квадратиками тонкое тесто. В бульон добавляли кинзу, кислую приправу или виноградный уксус.

Терекеменцы готовили, кроме того, вареники — кюрге с творогом (пендер хингал), с молоком и яйцами (юмурта хинкал), с крапивой (гижиткан хингал) и др. Начинка каждого из этих видов вареников делалась из определенных компонентов. В одну клали лук, перец, зелень (кинзу, укроп и т. д.), в другую — яйца, масло, зелень.

Кухню терекеменцев значительно разнообразили всевозможные пироги — чуду. Делали чуду с мясом — эт чуду, с требухой — ичгарын чуду, с творогом — пендир чуду, с тыквой — габаг чуду, с разной зеленью, в том числе с крапивой — гижиткан чуду и диким луком — халыяр чуду.

Начинку для габаг чуду делали из сырой или вареной тыквы. В первом случае тыкву, сняв предварительно с нее корку, разрезали на мелкие тонкие ломтики и, хорошенько растерев с солью, оставляли на некоторое время для отделения сока. Затем в отжатую тыкву добавляли толченые орехи, поджаренный в масле лук, молотый красный перец, перемешивали, раскладывали тонким слоем на раскатанное в виде круга тесто и, закрыв сверху таким же кругом теста, пекли в печи. Терекеменки умели печь и буршина чуду или синие тѣкэн чуду. Это — чуду типа блинов на молоке или простокваше. Для них замешивали жидкое тесто, добавив в него масло, яйца, соль. Потом тесто выливали в сковородку и ставили в печь; когда верх начинал румяниться, чуду переворачивали и, залив сверху сметаной, снова ставили в печь, но на легкий огонь, чтобы сметана постепенно впиталась в тесто. При другом способе приготовления этого чуду то же жидкое тесто выливали на предварительно испеченный круг тонко раскатанного теста.

Не менее популярным блюдом, приготовляемым на скорую руку, было гагума, или хайгина, род яичницы с кинзой или луком. Его также могли готовить в хлебной печи. Для этого предварительно чуть запекали тонкое тесто, придав ему форму сковородки или глубокой тарелки. Затем в эту форму наливали приготовленную смесь и снова ставили в печь. Это блюдо чаще всего готовили для детей.

Определенное место в питании терекеменцев занимали каши из риса, пшеничной муки и крупы. Кашу готовили обычно в тех случаях, когда в доме не было готового хлеба и надо было

быстро накормить семью. Иногда кашу поливали пчелиным медом или патокой — душаб из виноградного, арбузного сока.

Если душаб варили из винограда, то виноград засыпали в мешок и, поместив его в большое корыто, давили ногами до тех пор, пока не выжимался весь сок. Последний выливали в большой глиняный сосуд — кюп, перемешивали в определенной пропорции с особой глиной — узюм палчыг (узюм торпаг) и оставляли на сутки или чуть больше, чтобы выделилось прозрачное сусло. Очищенный таким образом сок выливали в котел и варили. Душаб из арбуза — гарпуз душаб готовился проще. Арбуз с предварительно снятой коркой разрезался на куски и из них выжимали сок, который кипятили до полной готовности.

Большое, пожалуй главное, место в питании терекеменцев занимали молочные продукты. Из коровьего и буйволиного молока готовили кислое молоко — гатыг, добавив в теплое кипяченое молоко в качестве закваски ложку перекишенного молока или старую сметану. Молоко шло также на приготовление сметаны — гаймаг, сюзме, творога, сыра, сливочного и топленого масла — яг.

Процесс сбивания масла был очень трудоемким. Молоко, залив в глиняные сосуды — хума или в медные луженые — мес, мес хума, оставляли на два-три дня; летом же ставили сосуды с молоком в прохладном месте, чаще в яму — гую, и держали там до получения густой простокваши — чий. С простокваши снимали слой сметаны — гаймаг, из которой сбивали сливочное масло с помощью глиняной маслобойки — негре. Затем масло перетапливали. Иногда масло сбивали из кипяченого заквашенного молока. Пахту — айран, оставшуюся после сбивания масла, пили как легкий, хорошо утоляющий жажду напиток.

Терекеменцы готовили два вида сыров для длительного хранения: шор и пендир из коровьего и буйволиного молока. Для шора из простокваши готовили творог, его хорошо отцеживали, потом, придав ему форму чурека, ставили на долгое время под пресс. Хранили его, зарыв в соль. Такие круги — баш пендир обычно готовили в осенне-летний период, когда было много молока. Потом по мере надобности круги вытаскивали из соли, натирали на специальной терке. В полученную массу (примерно 15—20 кг) добавляли семена особых ароматных трав — гара чёрек — растения, специально высеваемого терекеменцами для приправы сыра. Добавив воды, а иногда еще немного свежего творога и тщательно перемешав всю массу, ее перекладывали в бурдюк — мутал или тулуг для хранения. Во время еды в пендир часто добавлялась сметана. Этот сыр терекеменцев несколько напоминает курт, или гурт, других тюркоязычных народов²⁶. Практиковали и такой способ приготовления сыра: сняв каменный пресс, творог разрезали на куски и держали в рассоле — дузлуг.

Наряду с шором, пендиром, хотя значительно реже, тереке-

менцы употребляли и овечий сыр. Овечий сыр они готовили весной и летом, главным образом в горах, когда овцы паслись на летних пастбищах. Овечьё молоко сливали в большой чабанский котел и в теплом виде заквашивали сычужным ферментом новорожденного ягненка. Когда молоко свертывалось, густую массу — делеме перемешивали и сливали в редкий домотканый мешок из козьей шерсти — гыл торба. Мешок вешали на крюк, чтобы из него полностью вытекла сыворотка. Затем сыр разрезали на куски, клали в бурдюк и, залив подсоленной сывороткой или молоком, плотно перевязывали отверстие веревкой. Примерно через месяц сыр считался готовым. Так как овец имели немногие терекеменские хозяйства, овечий сыр был большой редкостью. Состоятельные хозяйства чаще выменивали сыр на зерно. Особенно славился даргинский сыр — лага, который привозили сюда продавать или выменивать на зерно акушинцы.

В летний период терекеменцы употребляли обычно творог со сметаной в свежем виде. Со свежим творогом, как отмечалось выше, готовили пироги и вареники.

Из сладостей первое место занимала халва разных видов: дуги халва — халва из рисовой муки, ун халва — халва из пшеничной муки, гоз халва — халва из орехов, умаж халва — халва из мелких крупинок теста и др. Для всех видов халвы (кроме ореховой) муку сперва обжаривали в топленом масле, затем, дав ей остынуть, добавляли в нее мед — бал или виноградную патоку — душаб. Процесс приготовления халвы из орехов был более сложным. Смешав в определенной пропорции душаб и яичные белки, их долго перемешивали. Когда образовывалась тягучая масса, в нее высыпали очищенные орехи и слегка подогрели ее.

Для торжественных случаев (календарные праздники, свадьба и т. д.) халву готовили заранее и в большом количестве. Халву в горячем виде клали на большой поднос, разрезали на куски квадратиками или ромбами, а затем по мере надобности подавали на стол.

Любимым лакомством терекеменских женщин была известная на всем востоке пахлава, а также слоеный калач, начиненный мучной халвой — гюлеме, или шюре галач.

Некоторые блюда считались в народе лечебными. Например, хашил — мучная каша, которую варили на воде и, залив сверху смесью горячего меда или душаба и масла, давали роженицам, чилав — каша из риса и щавеля, или семене — сладкое блюдо, приготовляемое путем долгого кипячения сока густо проросшей толченой пшеницы (салат), заправленного пшеничной мукой. Готовое семене имело темно-золотистый или даже коричневый цвет, несколько напоминающий цвет повидла из абрикосов.

Большую роль в питании терекеменцев играли огородно-бахчевые культуры (арбузы, дыни, огурцы, баклажаны, фасоль), а также фрукты (яблоки, груши, сливы, айва и т. д.), которые в изобилии произрастали на терекеменской земле.

Наиболее употребительными безалкогольными напитками терекеменцев были исстари распространенный у многих народов Востока айран²⁷, черный чай, который пили с сахаром, медом, душабом, вареньем из айвы, кизила, терна и, наконец, разбавленный водой душаб. Их пили главным образом летом для утоления жажды. Несмотря на религиозные запреты, на свадьбах и других торжествах терекеменские мужчины употребляли и алкогольные напитки, прежде всего сухое вино — чахыр, которое они обычно приобретали в Дербенте. Чаще пили более легкий виноградный напиток — джаба, который привозили главным образом из кайтагских селений. В богатых семьях для торжественных случаев приобретали и водку — араг. Сами же терекеменцы готовили из муки и ячменного солода широко распространенный во всем Дагестане напиток — бузу²⁸. Однако все эти напитки употреблялись в очень ограниченных количествах и только в особых случаях.

Все необходимые продукты для зимы и весны терекеменцы заготавливали осенью. Принято было прежде всего запастись мукой на весь зимний период, так как местные водяные мельницы замерзали надолго. Примерно в ноябре делали запасы мяса на всю зиму. Разделав тушу, куски мяса основательно солили и оставляли приблизительно на двое суток в глубоком деревянном корыте. Потом его вялили на воздухе, подвесив на специальных крюках. Из мяса готовили впрок и колбасу — ичег или долдурма, добавив в фарш лук, красный перец, барбарис и уксус из сыворотки. Одновременно делали и запасы масла, сыра. В числе заготавливаемых на зиму продуктов был и стручковый перец — исти от. Его сперва выдерживали два-три часа в кипятке, чтобы удалить горечь, потом клали под пресс (круглый плоский камень). После этого перец складывали плотными слоями в сосуд и заливали сверху соленым раствором, добавив в него уксус и стебли кинзы и чеснок. На зиму запасались и молотым перцем. Для помола его использовали ножные мельницы для очистки риса — аяг динг. При помоле в перец добавляли семена кинзы. Уксус — сирке, который служил приправой для многих кушаний, готовили из кипяченой сыворотки, виноградного сока и белого тутовника. Айву, яблоки, груши хранили чаще в свежем виде, подвешивая сетки с фруктами к потолку или просто помещая их в кладовую. Иногда фрукты держали на крыше домов или в соломохранилищах, зарыв в солому. Некоторые сорта груш, залив водой, «консервировали» в больших глиняных сосудах, плотно закрытых крышкой, иногда еще и обмазанных слоем теста или глины. Виноград же сохраняли, подвешивая гроздь к потолку.

Делали запасы и сухофруктов. Сушили их обычно на солнце или (реже) в хлебной печи. Из сливы, алычи, кизила, терна готовили впрок кислую пастилу или лаваш — эрик лаваш, используемый в качестве приправы к ряду мясных блюд. Для приготовления долмы весной солили и молодые виноградные

листья — япраг. Лучшими для этого считались листья летнего винограда — кишмиш узюм и агадаи.

Ели терекеменцы три раза в день, причем понемногу. Завтрак — сабах хорек состоял, как правило, из хлеба и сыра (творога) или молока. В сезон полевых работ мужчинам готовили на завтрак обычно мясной суп или рисовую кашу на молоке или на воде и заправляли маслом. На обед — гюн орта хорек ели хлеб с сыром, простоквашу, сметану, яйца или яичницу — гайганак. Основной трапезой считалась вечерняя, когда вся семья была в сборе. Ужин — ахшам газаны (букв. «вечерний котел»), как правило, включал сытное, калорийное блюдо: суп, бозбаш, долму и т. д. После еды в сезон подавались на стол фрукты, арбузы или дыни, зимой — часто отварная тыква.

Праздничное застолье старались устроить побогаче. На стол подавали плов, долму, пельмени и т. д., а также сладости и фрукты. Перед едой и после нее один из молодых мужчин — членов семьи обходил гостей с кувшином и тазом, чтобы те сполоснули руки.

Разумеется, рацион питания во многом зависел от времени года. Летом и осенью большую роль в питании населения играли свежие овощи, фрукты, свежие молочные продукты. В зимний же период чаще пользовались вяленным мясом, сыром, сухофруктами и т. п.

При приеме пищи соблюдался установленный обычаем порядок, связанный с половозрастной структурой семьи. Старики занимали за трапезой самое почетное место; взрослые сыновья чаще всего ели вместе с ними. При гостях женщины устраивались в другом помещении и ели обычно после мужчин. При особо почетных гостях отдельно ели и юноши. В обычных условиях и в малых семьях, состоящих из родителей и малолетних детей, трапеза совершалась сообща и без особых церемоний. Во всех случаях, как для приема пищи, так и для отдыха, члены семьи устраивались на полу, на паласах, в богатых домах — на коврах, подложив под себя подушечки — налча, набитые шерстью. В гостиных богатых домов для этого расстилались матрацы — дошек. Во второй половине XIX — начале XX в. в знатных семьях начала появляться городская мебель и гостей стали принимать за столом.

В целом пища терекеменцев была весьма разнообразна, калорийна, а культура питания — для своего времени достаточно высокая. Хотя далеко не все из перечисленных выше блюд были доступны для повседневного питания большинства населения, тем не менее все терекеменки хорошо умели их готовить. Славилась терекеменки не только как искусные мастерицы кулинарного дела, но и чистотой, соблюдаемой при приготовлении пищи.

* * *

Таким образом, в целом материальная культура терекеменцев XIX — начала XX в. генетически была связана с культурой

азербайджанского народа и племен, участвовавших в его формировании, развивалась на самобытной основе, но в то же время существенно модифицировалась. После переселения терекеменцев на новую территорию их материальная культура, сохраняя основные традиционные черты, претерпевает значительные изменения, обусловленные как прогрессивным социально-экономическим и культурным развитием самого народа, так и постоянными контактами с соседним населением. Влияние местной культуры особенно сильно сказалось на домостроительной технике, архитектурных традициях (планировочные, конструктивные, художественно-композиционные приемы и т. д.), представляющих в изучаемое нами время единое целое с общедагестанскими строительными традициями. Самобытные черты культуры терекеменцев в значительно большей мере сохранились в таких ее элементах, как одежда и особенно пища.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 564, л. 82об.
- ² История Дагестана. Т. I. М., 1967, с. 379.
- ³ Записано в 1965 г. в ссл. Уллутерскеме от Ираджаба Азизова, 1870 г. р. Аналогичный рассказ записан в том же селении в 1979 г. от Шихшабека Дадашева, 1894 г. р.
- ⁴ Об этом свидетельствует переписка кумыкских владетелей с комендантом Кизляра. См.: ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 464, л. 66, 67.
- ⁵ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 41, л. 377, 405; д. 45, л. 626—700, 720—789; д. 48, л. 152, 169, 319—353, 554—571; д. 47, л. 670—696; д. 46, л. 690—733.
- ⁶ Березин И. Путешествие по Востоку. Т. I. Казань, 1849, с. 114.
- ⁷ См.: Свод статистических данных о населении Кавказского края. Кайтаго-Табасаранский округ. Тифлис, 1893.
- ⁸ Березин И. Путешествие по Востоку, с. 114.
- ⁹ Один из наших информаторов, Хабибулла Гаджиев, 1908 г. р., житель этого магала, считает себя потомком карачаевцев.
- ¹⁰ В основу характеристики жилища положена наша статья, написанная совместно с А. Ф. Гольдштейном (см.: Жилище дагестанских терекеменцев XIX—нач. XX в.— Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974, с. 45—68).
- ¹¹ Кобычев В. П. Крестьянское жилище Азербайджана в XIX в.— Кавказский этнографический сборник. Вып. III. М.—Л., 1962, с. 10.
- ¹² См.: Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с. 110.
- ¹³ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.— Кавказ. 1867, № 13.
- ¹⁴ Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане.— Военный сборник. 1869, № 4 (том XII), с. 277.
- ¹⁵ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.
- ¹⁶ Кавказский календарь. Тифлис, 1913, с. 98.
- ¹⁷ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.
- ¹⁸ См.: Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков. XIX—XX вв. Махачкала, 1960, с. 57.
- ¹⁹ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию... а через Московию в Персию. СПб., 1906, с. 482.
- ²⁰ См.: Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков, с. 83.
- ²¹ Стекло терекеменцы покупали в Дербенте, куда оно поступало из Греции и с Украины. Примерно в 1914 г. братья Малышевы стали выпускать (кустарным способом) стекло и на месте, в Дагестанских Огнях, где в первые же годы советской власти был создан стекольный завод «Дагестанские Огни».

²² См.: Азербайджанцы.— Народы Кавказа. М., 1962, с. 121—126; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев, с. 123—180; *Трофимова А. Г.* Обзор коллекции одежды народов Азербайджана Государственного музея Грузии.— Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971, с. 161—172; *Мустафаев А. М.* Материальная культура Ширвана. Баку, 1977, табл. III, IV, VI и др. [на азерб. яз.].

²³ *Свидерский П. Ф.* Материалы для антропологии Кавказа. СПб., 1898, с. 37.

²⁴ Эта традиция связана с тем, что женщины редко отлучались из дома, особенно в зимний период, т. е. со своего рода элементами затворничества.

²⁵ *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 1. СПб., 1871, с. 544.

²⁶ См.: *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев, с. 237; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 141; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976, с. 202 и др.

²⁷ У автора первой половины XVII в. Абу-л-Гази читаем: «И еще весь народ во главе с Коркутом, сказал Эрки: „Ты устроил той на целый месяц, а пища у тебя не иссякла. Кумыса и айрана у тебя в хаузах больше, чем воды в озере“» (цит. по: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского (Исследование, тексты, перевод). М.—Л., 1958, с. 58).

²⁸ О бузе см.: *Омаров А.* Как живут лаки.— ССКГ. Вып. 3. Тифлис. 1870, с. 32; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура кумыков, с. 159.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И БЫТ

1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Кайтагское уцмийство, куда входило и Терекеме, являлось одним из наиболее крупных феодальных владений в Дагестане. Время наивысшего его расцвета принято относить к XIV—XV вв.¹, когда в результате длительного процесса феодализации обширные земли в горах и на равнине оказались в руках кайтагских уцмиев. Очевидно, это был период, когда уцмии именовали себя «владельцами Каракайтага и семи волостей» или владельцами «Башлы, Каракайтаг, Тама, Терекеме и проч.»². В этот период уцмии периодически распоряжались землями вплоть до Тарков, «управляли крепостями в Докуз-пара, Табасаране», а после похода Тимура в Дагестан — Зарихгераном, представлявшим ранее самостоятельную, сравнительно сильную политическую единицу³. Однако и после XV в. Кайтагское уцмийство продолжало оставаться одним из влиятельнейших феодальных владений в Дагестане.

«Усмей,— писал И. Г. Гербер в 1728 г. о Кайтагском уцмии Ахмедхане,— после шамхала всегда знатнейший у здешних народов», от него зависимы владетель Утамышы Султан-Мамут, общества Кубачи, Акуша и некоторые другие⁴. Знатность и большую власть уцмия отмечали представители царской администрации и в более поздний исторический период. Так, в рапорте Булгакова на имя Гудовича от 5 января 1807 г. указывалось, что «уцмий Каракайтагский есть из первых и сильнейших почти владельцев в Дагестане»⁵.

На сословно-иерархической лестнице феодального общества Кайтага уцмий занимал высшую ступень. Селениями или отдельными частями владения управляли члены его дома — беки. В руках уцмия была сосредоточена вся верховная политическая и административно-судебная власть. «В государстве — без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войне — без разумного, в селе — без головы — добра не будет», — утверждали «Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана» (начало XVII в.)⁶. Верховный владетель старался быть в дружбе со всеми беками уцмийского рода, держать их под неослабным вниманием и контролем, так как они составляли его со-

циальную и политическую опору. Он стремился налаживать отношения между беками, разрешать их споры. Однако в условиях все возрастающей феодальной раздробленности уцмью не всегда удавалось это осуществить.

Сепаратистские настроения беков давали о себе знать довольно часто. Бывало, что враждующие между собой линии уцмийского дома выдвигали на престол своих ставленников. Так случилось, например, во второй половине XVIII в., когда янгикентская ветвь, поддерживаемая башлинцами, гамринцами и частью жителей Уцми-Дарго, объявила уцмием Устархапа, а маджалисская ветвь, поддерживаемая кайтагцами, урчамильцами и терекменцами,— его брата Эмиргамзу⁷.

Резиденциями кайтагских уцмиев в разные периоды являлись Калакурейш, Уркарах, Маджалис и Башлы. Наиболее крупной резиденцией было сел. Башлы, где владельцы Кайтага в XVII—XVIII вв. жили постоянно. «А сам усми живет в деревне подле самых гор, которая поселена на косогоре, имя ей Баршлу»,— писал, например, в 1718 г. А. И. Лопухин⁸. «Уезд... состоит во многих хороших и великих деревнях, между которыми знатнейшая именован Башло, в которой усмей сам живет»,— отмечал И. Г. Гербер в 1728 г.⁹.

Сел. Башлы как резиденция уцмиев в XVIII в. пользовалась такой известностью, что его нередко называли городом. Оно вело обширную торговлю с городами, в частности «торги с Кизляром»¹⁰.

Власть уцмья была наследственной и переходила к старшему в роде. Тот, кто должен был сменить уцмья на посту и получить власть и титул после его смерти, именовался «гаттым». Церемониал провозглашения нового уцмья происходил обычно в сел. Башлы при большом стечении народа. Согласно церемониалу, на голову наследника возлагали специальный головной убор как знак власти¹¹. Примечательно, что этот головной убор хранился у одного из знатных тухумов в магале Урчамиль, а привилегия исполнения обряда торжественного возложения его на голову нового уцмья принадлежала старшему в башлинском тухуме Гасанбека¹². Более того, согласно официальным документам, «в избирании на уцмийское достоинство башлинцы имеют главное влияние»¹³.

В руках уцмья находились огромные материальные ценности. Через своих чиновников он собирал налоги (оброк и барщину) с подвластного населения, а также пошлину с торговых караванов, проходящих через Кайтаг, доходы от аренды зимних и летних пастбищ, нефтяных источников и соляных озер, штрафы с жителей за проступки и т. д.

По словам Гербера, на одни только зимние пастбища уцмья Ахмедхана горцы ежегодно перегоняли «более 100 000 баранов», от чего владелец получал «немалые доходы»¹⁴. По сведениям Д. И. Тихонова (1796 г.), уцмий получал с каждой повозки с товарами, провозимыми через его земли, по 2 руб. 50 коп.,

с повозки с фруктами— 1 руб. 30 коп., с пуда марены— по 2 руб. 50 коп., за каждую лошадь— 50 коп., с 20 голов овец и рогатого скота— по одной голове овец и рогатого скота, с едущего верхом на лошади или идущего пешком торговца— по 1 руб.¹⁵ По данным конца XVIII в., от сбора пошлины за провозимые через владения товары уцмий имел доход 45 тыс. руб. в год¹⁶.

Последний из уцмиев, Адильхан, лишенный титула в 1820 г., только от терекеменских нефтяных источников («нефтяные черные колодцы»), находившихся на откупном содержании, имел в год доход от 500 до 700 руб. серебром. Кроме того, от таможенной тамги в Дербенте, находившейся также на откупе, он имел по 1000 руб. серебром, а от 13 ятагов (пастбищных участков)— от 700 до 1000 овец. Имел он и многие другие источники обогащения¹⁷. Доходы уцмий пополнялись и за счет сдачи на откуп соляных озер, пошлины на марену с селений Деличобан, Великент, Татляр, Карадаглы, Мамедкала и Падар, жители которых не имели права свободной реализации этого товара¹⁸.

Известно, что после присоединения Дагестана к России местные владетели (шамхал, уцмий, ханы, старшие князья и др.) стали подчиняться власти высшей военной администрации на Кавказе.

Проводя колониальную политику, царская администрация свою социальную опору видела в лице феодальной верхушки и потому всячески поддерживала ее земельные и другие притязания. Как справедливо отмечал А. В. Фадеев, «утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев»¹⁹. «Покровительствовать туземной аристократии, конечно, мы вынуждены для того, чтобы через влиятельных в народе лиц держать и самый народ в повиновении. Г-н главнокомандующий разделяет мнение Вашего превосходительства и находит весьма основательным Ваше предложение, чтобы некоторых из достойнейших князей... употребить ближайшими орудиями в управлении краем»,— писал граф В. А. Милюшкин графу Н. И. Евдокимову в 1857 г.²⁰ «За ревностное служение» дагестанские феодальные владетели получали военные и придворные чины, большое жалованье, щедро награждались орденами и медалями. Так, уцмий Рустемхан в числе некоторых других владетелей Дагестана еще в 1799 г. был пожалован «в 4-й класс чинов государственных» и стал получать 2000 руб. серебром в год²¹. Жалованья и чины получали и его потомки: так, Адильхан Уцмиев имел чин генерал-майора русской армии, этот же чин получил и его внук Амирчопан Уцмиев; Ахмедхан Уцмиев имел чин полковника и т. д.

Каждый из дагестанских владетелей, заняв высокий пост, обычно принимал присягу верности Российскому престолу в городах Кизляре или Дербенте. В 1804 г. в Дербенте проходила процедура присяги уцмий Алихана. «Принявши над владением сим управление,— писал Алихан в письме кн. Цицианову в мар-

те того же года,— как сам, так и все народы наши, желаем слу-
жить Е. В. Государю и быть в числе его верных»²².

В случае измены присяге владетели тотчас лишались власти и покровительства. Так, за измену и отказ явиться в комендатуру в Дербенте уцмий Адильхан был лишен власти. Одновременно был навсегда упразднен титул «уцмий». В послании к гр. Нессельроде от 10 января 1820 г. генерал Ермолов писал об уцмии Адильхане: «Сего, как подлейшего изменника, прокламациею удаляю с сыном от уцмийского достоинства»²³. «Навеки уничтожено достоинство уцмия»,— повторил Ермолов, когда в 1824 г., после смерти Адильхана, его старший сын с матерью явился к нему с повинной²⁴.

Одновременно с упразднением титула подлежали конфискации в пользу государства и все доходы уцмия, «как с родовых его имений, так и с деревень, по достоинству уцмия плативших ему подать»²⁵. Были изъяты в пользу казны имения и тех беков, которые присоединились к уцмию Адильхану.

На терекеменском участке, согласно распоряжению главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова, в ведение казны перешли селения Великент, Селик, Падар, Карадаглы, Татляр и Шахбаз²⁶, а также ряд зимних пастбищ, нефтяных и соляных источников. С 1824 г. эти селения стали вносить подати уже в государственную казну.

С этого времени А. П. Ермолов учреждает в Терекеме приставство в ведении дербентского коменданта²⁷. «В селениях же Терекемейских, принадлежащих уцмию...— писал в 1820 г. Ермолов барону Вреде,— определить непременно пристава, которому и иметь пребывание в одном из селений, по назначению нашему... Одну роту из войск, стесненных в Дербенте, можно вывести в сие селение... Офицер, начальствующий сею ротой, может назначен быть приставом»²⁸. Приставу, в свою очередь, надлежало «быть в полной зависимости от Дербентского коменданта и по всем частям хозяйства исполнять в точности его распоряжения»²⁹. Местом пребывания пристава было определено сперва сел. Берикей (принадлежавшее Амиргамза-беку), а затем изъятое у уцмия Адильхана сел. Великент. При этом учитывалось удобное географическое расположение последнего «на... большой дороге». Одновременно указывалось на необходимость благоустройства этой дороги и строительства через р. Бувам (Уллучай) «прочного моста»³⁰.

Высшая царская администрация на Кавказе щедро раздает бекам конфискованные у уцмия Адильхана и его сторонников имения на Терекеменском участке. Это особенно широко практиковал генерал Ермолов. Как справедливо отмечал еще П. В. Гидулянов, «уничтожая в 1820 году достоинство Кайтагского уцмийства, Ермолов санкционирует права беков на управление деревнями и получение с них доходов»³¹.

При этом в одних документах награждение деревнями и пастбищными местами обозначается термином «представляются

во владение», в других — «деревни и ятаги представляются в управление»³². Но независимо от характера оформления документов владельцы этих дарственных имений распоряжались ими на правах полной собственности, точно так же, как и прежние феодалы³³.

В 1820 г. генерал Ермолов в своем обращении к каракайтагскому народу и Гамриозенскому обществу извещал: «Народ должен управляться беками и кевхами, как до сих пор...», или, как он отмечал, «обязанности относительно к беку изменяются в том только, что без воли Российского правительства не должен он требовать от общества войска. Доходы должен он требовать от общества те же и с той же деревни, как и прежде»³⁴.

Царская администрация продолжала успешно пользоваться услугами членов уцмийского дома. В 1824 г. наибом в сел. Башлы (вместе с Кубачинским и Гамриозенским обществами) был назначен Амиргамза-бек, двоюродный брат лишеного власти Адильхана³⁵. В 1834 г. сыну Адильхана было доверено управление верхним Кайтагом³⁶. Более того, с упразднением в 1841 г. приставства было создано Кайтагское владение, которым с 1843 по 1857 г. (до самой смерти) управлял Джамавбек Адиль Уцмиев, имевший при себе помощника из числа армейских офицеров. Постепенно уцмийским бекам возвращались и родовые имения. Так, еще в 1831 г. Джамавбеку, которого именовали «почетным», «за заслуги» было возвращено три терекеменских селения, конфискованных у его отца: «Карадаглы, Татляр и Падар с пастбищными местами»³⁷, а также кутаны: Геджух, Гарымкарт, Дашкичи, Уцмикутан, Ахтерек, Уллуистису и Палашкутан³⁸, принадлежавшие в свое время обществам Терекеме, Башлы и Урчамиль. Еще раньше, в 1820 г., Ермоловым за усердную службу, «храбрость, оказанную при изгнании... изменника Адильхана»³⁹, были переданы Ибах-беку селения Деличобан и Шахбаз, отнятые за измену у Султанахмед-бека, находившегося «в бегах» с бывшим уцмием Адильханом. После смерти Ибах-бека эти селения были оставлены за его детьми⁴⁰. Таким же образом в 1826 г. получает «во владение» селения Великент, Селик и Ханмагомедкала Ханмагомедбек. После его смерти два последних селения с пастбищными местами переходят к его сыновьям и братьям. Что касается Великента, то вместо него наследники Ханмагомедбека получили Джемикент.

Эта форма владения отличалась только тем, что введение в наследование имений подтверждалось новыми документами администрации. Последнее часто вытекало из того, что члены уцмийского дома все шире привлекались на службу в органы местного административного управления, составляя социальную опору царской администрации на местах. Вместе с тем командование на Кавказе не допускало чрезмерного усиления отдельных феодальных владетелей Дагестана.

Между влиятельными членами уцмийского рода шла постоянная борьба за верховную власть, за расширение своих владе-

ний. С. Броневский писал о Дагестане: «Соперничество до ненависти и непримиримой злобы, допускаемое между владельцами единокровными так, что вооружение брата на брата, сына против отца, не почитаемо у них за диковинку»⁴¹.

Русская военная администрация как нельзя лучше пользовалась противоречиями между членами уцмийского дома, натравливая одних на других, лишая феодальных прав одних и награждая ими других. «Эмир-Гамза живет спокойно в своих деревнях и, конечно, добра вам не желает»⁴², — писал в 1819 г. Ермолов уцмию Адильхану, удалившемуся в сел. Акуша (на хутор Гергмахи) со всем своим семейством и имуществом.

Уцмий Адильхан жаловался русской администрации на Кавказе «на непокорность и беспорядки, происходящие от его родственников и других беков»⁴³, живущих в его владении. Тот же Адильхан, как отмечал Н. Дубровин, «после смерти своего брата Амирхана... истребил всех его родственников и приверженцев, с единственною корыстною целью присвоить себе их имения»⁴⁴.

По ложному обвинению уцмий Адильхана русской администрацией был в 1815 г. «удален из края» (сослан в Сибирь) его старший племянник (сын сестры и двоюродного брата — Муртузали) Балабек (в других документах Искендербек). Чтобы отомстить за старшего брата, сосланного Балабека, Эмиргамзабек убивает и беглого Адильхана, заманив его на свидание и выстрелив двумя пулями в грудь⁴⁵.

Ожесточенная междоусобная борьба между противоборствующими группами — членами уцмийского рода Эльдарбеком и Устарханбеком — с особой силой проявилась в 1835 г., когда между ними произошла кровавая резня в одном из домов сел. Великент. «После нескольких выстрелов с обеих сторон началась страшная резня. В дыму, которым наполнилась маленькая комната, сражающиеся едва могли различать друг друга. Наконец пол покрылся убитыми и смертельно ранеными. ... Так в несколько минут погибло тридцать человек... Помощь приспела, но уже поздно. Никто не посмел после первых выстрелов войти в эту комнату, броситься в кровавую резню», — читаем мы в газете «Кавказ» за 1846 г. (№ 4). Народная молва твердила об отравлении Амирчопаном своего младшего брата Гебекбека.

Дочери последнего, молодой Набат-бийке, было предложено перейти на воспитание в дом дяди, Амирчопана. Перед этим обслуживавшие ее женщины (дигизе) открыли ей истинную причину кончины отца. Когда Набат-бийке в категорической форме было предложено отправиться в имение Амирчопана и за ней прибыли сопровождающие, она исполнила с плачем следующие причитания⁴⁶:

Ичгери Мычыгышгъа къар явса,
Оъз ичинден чыгъармыкен сувугъу?
Агъалары ишилери оьлтюрсе,
Ят гишилер болурмуken ювугъу?

Если снег выпадет на Внутреннюю Чечню,
То распространится ли холод за ее пределы?

Ичгери Мычыгышгъа къар явса,
Гуья, гьейлер, ити ессин хабармы?
Агъалары ишилерин оьлтюрсе.
Ят гишилер тьубек алып чабармы?
Озенгилер авур тартгъан тогъагъа,
Вёв адаршай сеиден болгъан агъагъа!
Насибинге улан тувмай къыз тувдум,
Бек къарышып оьлюр эдим ягъанга.
Къапулардан гирес ймик къашгъа атлым,
Къапталлагъа гирмес ймик яврувлум,
Яврувуна хан гьубелер сыймагъан,
Ягъасына душман къаллар тиймеген.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Если старшие братья убьют
младших,
Посторонние станут ли близки-
ми?
Если снег выпадет на Внутрен-
нюю Чечню,
О люди, укусит ли собака свое-
го хозяина?
Если старшие братья убьют
младших,
Выйдут ли посторонние на по-
мощь, взяв ружья?
Стремна стали тяжелыми для
упряжки,
Проклятие старшему (дяде),
подобному тебе!
На твоё счастье я родилась не
парнем, а девушкой,
Иначе я погибла бы, вцепив-
шись в твой ворот!
Имевший белобокого коня, ко-
торый еле-еле вмещался в во-
рота,
Широкоплечий мой, который и
в ханские кольчуги не вме-
стился бы,
Ворот которого вражьи руки
не касались.

Песня как нельзя лучше характеризует междоусобицу в уц-
мийском феодальном доме.

Второе место после уцмий в сословной иерархии феодального общества Кайтага занимали беки. Все дети и внуки бека носили титул бека чуть ли не с рождения. Задолго до XIX в. Кайтагское уцмийство вступило в период феодальной раздробленности и было разделено на ряд мелких владений — уделов (беглик). Этому процессу способствовала и политика царского правительства, которое, выступая против чрезмерного усиления крупных владетелей, нередко делало ставку на средние слои класса феодалов. Так, в начале XIX в. за последним уцмием Адильханом практически числилось только шесть деревень в Терекеме⁴⁷, а остальные, надо полагать, являлись уже уделами беков. Судя по всему, уцмий в это время уже не мог сохранить неделимым земельный фонд своего владения. Трудно сказать, были ли в Кайтагском уцмийстве майораты, или такого института здесь не существовало. В XVIII и в первой половине XIX в. в праве залога и продажи своего имения беки были ограничены. В то же время отчуждение ненаселенных родовых земель (ерлер) принимает широкий размах, особенно в пореформенный период, с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Уцмий выделял своим родственникам-бекам как населенные, так и ненаселенные («свободные») земли в наследственное владение и управление. В качестве уделов выделялись не только се-

ления, но и их части (кварталы). Часто бывало, что в Терекеме селение делилось на несколько частей в зависимости от того, какие дворы каким членам уцмийской фамилии, бекам, становились подвластными и какие феодальные подати платили.

Так, например, жители сел. Деличобан в конце XIX в. были обязаны платить подати и нести повинности в пользу потомков Ибахбека Уцмиева — детей Абдулмеджидбека и детей Мирзабека⁴⁸. При этом четвертую часть ренты получало потомство Мирзабека, остальное — потомство Абдулмеджидбека. Во владении Абдуллабека с братьями находилось сел. Татляр и по несколько дворов в других селениях. В сел. Падар 44 двора вносили подати и повинности Ахмедханбеку, 2 двора — Абдуллабеку с племянниками; в сел. Татляр 36 домов — тому же Ахмедханбеку, 10 дворов — Абдуллабеку; в сел. Карадаглы 17 дворов вносили подати Амирчопанбеку, 4 двора — тому же Абдуллабеку с племянниками; в сел. Селик 26 дворов — Амирчопанбеку, 5 дворов — Абдуллабеку; в сел. Ханмагомедкала — в основном Шамсулварабеку с братьями, 3 двора — Абдуллабеку с племянниками и 2 двора — Халиту и Нуцалу, сыновьям Кахруманбека из рода Шурабеков. Сел. Берикей считалось казенным селением, но и здесь часть жителей продолжала нести феодальные повинности: 12 дворов — Гатамбеку с племянниками, 7 дворов — Батырханбеку и т. д.⁴⁹. Необходимо отметить и то, что при разделе между наследниками прав на получение податей с раят феодалы распределяли владения не по количеству земли, на которой жили подвластные, а по числу их дворов. Бывало, что более сильный из наследников всякими путями «завладевал большей частью, чем ему следовало»⁵⁰ по адату.

Беки уцмийской фамилии делились на два разряда. Первый разряд составляли рожденные от равного брака, т. е. от матерей и отцов из феодальных же фамилий — уцмийского, шамхальского, ханских и княжеских и других знатных домов. Они считались чистокровными и полноправными беками — халис бий, халис бек. Второй разряд составляли беки, рожденные от неравного брака бека, бия с узденкой-крестьянкой — кума катын. Такие потомки уцмий назывались чанка или чанка-беками⁵¹.

Положение прослойки чанка в феодальном сословии достаточно хорошо обрисовал известный исследователь обычного права Дагестана А. В. Комаров. Он писал: «Чанка. Так называются дети от неравных браков владетелей и беков. Права чанков не определены положительно; большею частью они пользуются значением, которое придают им их отцы, и те из них, которые произошли от матерей непростолюдинок, именуется тоже беками. Дети же чанков, происходящие от жен простого сословия, не имеют права на звание бека и, хотя называются чанками, в правах ничем не отличаются от обыкновенных узденей»⁵².

Выделяя в самостоятельную феодальную прослойку чанка-беков, источники, в свою очередь, подразделяют их как бы на две группы: группа, тесно связанная в изучаемое время с феодаль-

ной верхушкой,— группа знатных чанка-беков, и группа, связывавшая свое происхождение с уцмийским родом, но уже давно потерявшая с ним близкое родство и растворившаяся в крестьянской (узденской) среде. Чанка этого разряда населенных земель, в том числе в Терекеме, не имели и жили в Башлах и в некоторых селениях горного Кайтага⁵³.

Предполагается, что такая дифференциация сословия беков и определение их личных и имущественных прав была проведена в 1583 г. уцмием Султанахмедом, а потом якобы принята феодалными владельцами всего Дагестана⁵⁴.

Таким образом, беки первого разряда пользовались всеми правами своего сословия (владения, наследования имущества отца и т. д.), в то время как чанка-беки этих прав в полной мере не имели и во многом зависели от своих братьев — чистокровных беков.

Как свидетельствуют источники, чанка-бекам обычно выделялось «из недвижимого имущества отца: 12 дворов раят, 12 дворов евреев; 12 дворов чагар и один или часть ятага»⁵⁵ — зимнего пастбищного участка. Бывало, что чанка-беки получали наследство от своих отцов наравне с полноправными их детьми по «назру» (завещанию или договору дарения при их жизни).

Так, например, сыновья Джамавбека (сына уцмий Адильхана) были от двух жен, двух браков: Амирчопан от равного брака, а Шамсулвара, Гебек, Мехти — от брака Джамавбека с узденкой по имени Патимат. По праву наследования Амирчопан получил от отца три деревни, а трое его братьев (т. е. чанка-беки) вместе — всего лишь две деревни — Ханмагомедкала (терекемское селение) и Янгикент (кумыкское селение). Еще при жизни Джамавбек отдает в полное владение своему племяннику Ахмедхану два терекемских селения — Падар и Татляр, а также «три участка ненаселенной земли»⁵⁶.

Бекские владения слагались не только из земель, полученных в качестве уцмийских пожалований — уделов, но и путем открытых захватов земель, принадлежавших крестьянским общинам.

Уцмий иногда предоставлял во временное пользование земельные наделы лицам, происходившим из других феодальных домов, но пришедшим к нему на службу. Известно, например, что в конце XVIII в. племянник шамхала Тарковского Мехти, Шура-Гебек, попав в Кайтаг по кровной мести, перешел на службу к уцмию и получил от него в числе других пожалований «несколько дворов Терекемейских раят и один ятаг». Более того, «Шура-Гебек и его потомки пользовались при уцмиях особым положением»⁵⁷. И. Г. Гербер отмечал, что уцмий Ахмедхан «своих старшин и знатных людей жалует и одаривает»⁵⁸. Получивший такой удел во временное (чаще всего) или постоянное владение обычно также именовался беком и пользовался всеми правами бека, пока он находился у уцмий на службе.

Служилый бек, пользуясь налоговым иммунитетом на пожалованную ему землю, не имел, однако, права распоряжаться ею полностью, отчуждать ее, т. е. эта земля являлась его владением, а не мюльком. «Возведенные в беки с пожалованием населенного имения передавали свои права и потомству, если только вели себя сообразно видам хана; утверждение, впрочем, наследников в правах пожалованного бека означалось всегда особым повелением владетеля»⁵⁹.

Родовые беки, как отмечал еще П. В. Гидулянов, были более влиятельны и находились от уцмия в меньшей зависимости⁶⁰.

Беки, получив уделы от уцмия, либо поселялись на них на постоянное жительство, либо (чаще), проживая в других селениях уцмийства, с лучшими климатическими условиями, приезжали в Терекеме со всем семейством только на осенне-зимний период, когда требовалось много топлива (Терекеме славилось своими лесными участками). Сюда, как правило, они приезжали и во время сбора податей, суда над раятами и т. д.

Управляли беки своими владениями почти неограниченно, подчиняя раят своей деспотической власти. Беки имели даже право на удаление неугодных им раят из своего владения, лишая их при этом всего имущества, чиня суд и расправу. Еще в первой половине XIX в. суд в раятских селениях «производили сами беки безапелляционно: налапали на виновных штрафы в свою пользу, даже могли казнить смертью»⁶¹.

Такой суд бека, лишенный даже элементов справедливости, терекемцы называли «бегин зюльмюсю» (насилие, произвол бека). Не случайно в официальных документах отмечалось: «В отношении к подвластным лично раятам он (уцмий.— С. Г.) был полновластный господин, но таким же был и каждый бек в отношении к своим подвластным»⁶².

Право сбора с крестьян-раят ренты, право суда и расправы, таким образом, рассматривались в феодальной вотчине как исконные права землевладельца. «Бек-землевладелец в общих чертах был в Южном Дагестане правительственным лицом, уполномоченным наследственной властью взимать с отданных в его владение селений разные повинности натурою, деньгами и личным трудом, творить между жителями суд и расправу»⁶³. Неудивительно, что крестьяне главным образом именовались по владельцу: «раяты Рустамбека», «раяты Ахмедханбека» и т. д. Являясь полновластными хозяевами в своих уделах, решая все внутренние дела по своему усмотрению, беки, однако, были подчиненными уцмия как верховного правителя земли Кайтага. Это прежде всего относилось к воинской повинности беков. Беки «являлись на службу его во время войны, на коне или пешие, вместе со своими подвластными»⁶⁴ или «с известным числом вооруженных нукеров»⁶⁵. Известны случаи, когда отдельные беки выходили из повиновения уцмию. Так, в конце XVIII в., когда уцмий Амиргамза воевал с Феталиханом дербентским и нуждался в поддержке беков, его племянник Ханмагомедбек перешел

со своими подвластными на сторону неприятеля, изменив, таким образом, своему дяде⁶⁶.

«Часто сильные, могущественные беки,— писал хорошо знавший Кавказ и работавший начальником канцелярии управляющего Каспийской области Ф. Ф. Торнау— признавая себя хоть подвластными ханов, противились исполнению их требований, иногда даже сами властелины прибегали к своим подвластным с просьбой о защите и покровительстве»⁶⁷. Нечто подобное случалось и в уцмийском феодальном доме.

Уцмий Кайтагский, как и другие дагестанские владетели, не имел постоянного войска. Система несения воинской обязанности была своеобразна. По распоряжению уцмья каждый двор обязан был выделять для несения воинской обязанности по одному человеку. Д. И. Тихонов, например, отмечал в 1796 г.: «Уцмья владения все жители на случай надобности в войске на защищение границ своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмию их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит их согласия и с заплакою им за то денег, а насилием к таковой сторонней войне их не принудит»⁶⁸.

В то же время уцмий имел при себе и постоянные боевые дружины нукеров⁶⁹, составляющие основной костяк его военной силы. В XVIII — начале XIX в., судя по источникам, число нукеров уцмья достигало примерно 300 всадников (дружинников, телохранителей и т. д.)⁷⁰. Кроме постоянной охраны уцмья они должны были приводить в повиновение крестьянские массы, поддерживать «порядок» при взимании податей с раятского населения и т. п., т. е. составляли аппарат, принуждающий зависимое население выполнять волю социальной верхушки. В начале XIX в. уцмий Кайтага Адильхан, например, приезжал в Дербент в русскую комендатуру, «не иначе... как окруженный до 500 чел. и более конно-вооруженными, в панцирях нукерами»⁷¹.

Как уже говорилось, кроме постоянных нукеров, составлявших как бы личную гвардию, кайтагские владетели в случае необходимости (поход, междоусобные столкновения, защита от нападения извне и т. д.) собирали значительное число воинов — народное ополчение. «Каракайтатский владелец Алихан,— отмечается в списке владельцев Южного Дагестана в 1806 г.,— сильнейший из всех живущих около Дербента, могущий выставить своего войска до 4000»⁷². Неся вассальную службу уцмию, беки — удельные владельцы должны были являться по первому требованию уцмья со своими отрядами, состоявшими из нукеров и ополченцев, а во время походов непосредственно предводительствовать ими.

Что же представляли собой нукеры — ядро вооруженной силы уцмья в изучаемое время? В принципе уцмий брал себе нукеров из состоятельных слоев общества, но в то же время старался иметь в числе нукеров вне зависимости от их социальной принадлежности людей храбрых, уже отличившихся в раз-

ного рода схватках, даже убийц. Нукеров для уцмий обычно подбирали беки в своих владениях.

Поступая на службу к уцмию, нукер должен был иметь коня, оружие и приличную одежду. В ряде случаев всем этим снабжал нукера сам уцмий. Так, например, относительно нукеров из узденского селения Башлы, находившегося как бы под протекторатом уцмий, генерал-майор Хатунцов писал в 1815 г.: «По уверению здешних жителей, уцмий имеет в Башлах некоторых, собственно его нукерами называющихся, которые на случай войны уцмий с каким-либо неприятелем обязаны идти, тогда однако же, когда уцмий снабдит их лошадьми, оружием и деньгами, а без того не пойдут»⁷³.

Нукеры уцмий не были однородной массой. Среди них были и рядовые, и привилегированные, составлявшие круг как бы ближайших к нему лиц, военно-придворных чинов, постоянную его свиту во всех поездках, готовую пролить кровь в походах, в междоусобной борьбе за своего властелина. Своих любимцев уцмий щедро награждал землями, ценными подарками, правом собирать подати и повинности с населения подвластных деревень.

Однако земли, полученные нукерами в награду от уцмий, находились лишь во временном их пользовании. Если нукер оставлял своего господина, то он должен был вернуть ему обратно все, чем тот его одаривал (землю, лошадь, оружие и т. д.)⁷⁴.

Обычно нукеры жили в своих селениях. Когда же уцмий совершал поездки в Дербент или другие места, собирался на охоту, переезжал из зимней резиденции в летнюю, к нукерам рассылали гонцов с требованием явиться к уцмию, в его имение.

В ряде случаев институт нукеров носил наследственный характер, переходил от отцов к сыновьям. Из терекеменцев такие наследственные обязанности несла семья Габибовых (сел. Карадаглы), в которой в течение многих лет всегда кто-то был почетным нукером у уцмий.

Подобно уцмию, беки также имели своих нукеров. В нукеры, особенно рядовые, которые использовались на самой различной физической работе, терекеменцы часто попадали и против своей воли. Свидетельством того, что нукерами становились в принудительном порядке, является донесение начальника Каспийской области на имя главнокомандующего Кавказским краем. В нем говорится, что один из терекеменских беков, Ахмедханбек Уцмиев, в 1843 г. за отказ быть его нукером жестоко наказал подвластного ему жителя сел. Падар Пашу Юсуфоглы. Бек заковал его в кандалы, «вешал на веревке на дереве, угрожал смертью, причинил своеручно побои и отнял имущество»⁷⁵. Нукер-терекеменец «во всякое время по требованию бека обязан являться на коне с оружием для сопровождения его в поездках или для посылок, куда прикажет бек, хотя бы понадобилось ему отправить нукера по своим делам в Тифлис»⁷⁶. Некоторым ну-

керам беки давали «своих лошадей», но обычно они были «обязаны иметь собственных»⁷⁷. Число нукеров зависело от желания и возможностей бека. Чем знатнее был бек, тем больше было у него нукеров. С того, кто уклонялся от службы, кто не являлся к беку по его первому требованию, взыскивался «штраф — один отборный буйвол»⁷⁸.

Как мы отмечали выше, по своему социальному составу нукеры не были однородной группой. Среди них были нукеры, составляющие личную дружину уцмия, бека, т. е. привилегированную прослойку, и рядовые нукеры, которые использовались для всяких поручений, для выполнения малопрестижных работ при доме бека (уцмия) и т. д. Среди нукеров были и любимцы бека. Такими любимцами из терекеменских нукеров у бека Амирчопана Адиль-Уцмиева были Гасанбек из сел. Карадаглы, Нурали из сел. Татляр, Михраб из сел. Джемикент и др. Они имели на землях Амирчопана Уцмиева свои участки, которыми награждал их бек. Нукеры всегда сопровождали Амирчопана. «Когда Амирчопанбек отправлялся в путь, — вспоминает терекемонец Алимерден Пулатханов из сел. Великент, — он ехал в сопровождении почетного эскорта, который состоял из 50—60 всадников-нукеров. Обычно впереди бека ехали 15—20 человек, за ними следовал сам Амирчопан в фаэтоне, а позади — группа всадников. В фаэтоне вместе с беком ехали (один справа от него, другой — слева) самые любимые нукеры. Это были Аладди Токаев из сел. Маджалис и Гасан Габибов из сел. Карадаглы»⁷⁹. Многие нукеры, как уже было отмечено, щедро награждались беками землями, правом собирать подати и повинности с подвластных деревень, в том числе и терекеменских: «Бек, когда желает, раздаёт раятские дворы, т. е. раятов, своим нукерам из узденей с указанием, какой двор которому нукеру должен платить и служить. Беки давали нукерам много раятских домов», — говорится в адатах уцмиев⁸⁰.

Только уздень-нукер, любимец уцмия или бека мог рассчитывать на такой жест своего феодала. Что касается терекеменского нукера, стоявшего ниже, чем уздень, на сословной лестнице, то бек обычно ограничивался тем, что предлагал должностным лицам сельского управления (дарго, кевха) выделить «своему ближайшему нукеру, жителю того же селения» больший участок при переделах общественной земли⁸¹.

Такому нукеру обычно отводился участок хорошего качества, причем в хорошо орошаемом месте. Он обычно обеспечивался и водой для полива участка вне очереди. Беки выделяли преданным нукерам, кроме того, рабочий и молочный скот, коней, средства на строительство домов и т. д. С развитием феодальных отношений многие из бывших нукеров уцмийского рода за счет своей верной службы бекам становились достаточно крепкими землевладельцами, превращались как бы в дворян и тем самым пополняли ряды эксплуататорской верхушки терекеменского общества⁸². Не случайно, очевидно, в отдельных офи-

циальных документах сословно-поземельной комиссии нукеры времен феодализма в Дагестане даже выделяются как самостоятельное сословие⁸³. Так, например, беку Амирчопану Уцмиеву приписываются слова: «После бека в селении лучше всех должен быть устроен его верный нукер, чтобы дом был его высоким, двор полон скотом и сам всегда в форме, чтобы в любую минуту стать рядом со своим беком, защищать его от недругов»⁸⁴.

С утверждением царской администрации в Дагестане, с упразднением титула уцмия и его политической власти нукерство также приходит в упадок. Нередко кайтагские беки, переходя на русскую военную службу, сами выполняли ряд обязанностей, лежавших ранее на нукерах. При этом на службу они, как правило, поступали со своими нукерами. «Брат Джамавбека, Алибек, племянник его Ахмедханбек, другие родственники и нукеры,— писал барону Розену капитан корпуса жандармов Оленич 27 июня 1837 г.,— всегда служат с усердием, встречают и провожают проходящие войска, делают разъезды и конвоируют наших в случае нужды... При этом Алибек, с лучшими беками и нукерами, по сие время находится в действующем отряде при ген. Фезе»⁸⁵. Собственно нукеры чаще использовались уже в качестве военной охраны, караула для обеспечения безопасности дорог от разбоев. Из нукеров создавались небольшие конные части для конвоирования перевозимых денег и почты. Таких военных нукеров выставляли все общества терекеменцев, они же отбывали за них все повинности — натуральные и денежные⁸⁶.

Наряду с военными нукерами для выполнения полицейских и других обязанностей использовались чапары. Для этой цели Гамринский и Терекеменский магалы вместе выставляли 49 чапаров⁸⁷.

В целом нукерство в Дагестане, в том числе в Кайтагском уцмийстве, в своих истоках, в ранний период феодального развития, имело много общего с древнемонгольским нукерством или с древнерусскими, древнегерманскими дружинами. Применительно к общественному строю монголов XI—XIII вв. Б. Я. Владимирцов отмечал: «Нукеры, как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией и эмбрио-гвардией... Но кроме обязанностей воина древнемонгольские нукеры выполняли и другие поручения своих вождей. Их посылали, напр., гонцами и послами; занимались они и чисто хозяйственными делами»⁸⁸.

Монгольский нукер был неразлучен со своим феодалом или ханом. В его ставке он «оказывается прислужником, на войне или во время набега он воин, во время облавных охот — он помощник; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите; он же является ближайшим другом и советником своего предводителя»⁸⁹.

Говоря о том, какие же обязанности имел монгольский хан

или второстепенный феодал по отношению к своим нукерам, Б. Я. Владимирцов отмечает, что «древнемонгольский предводитель должен был содержать своих нукеров, предоставляя им кров, пищу, одежду и вооружение», что «в нукеры к разным предводителям шли часто молодые люди, попавшие в очень стесненное материальное положение, поэтому содержание нукеров... являлось часто хорошей приманкой для многих»⁹⁰. Вместе с тем он считает, что «нукерство знаменует... закабаление простого народа, который в конце концов и должен был содержать эти аристократические шайки»⁹¹.

Однако нукерство в Дагестане, как было показано выше, имело и свои отличительные особенности, тем более в период развития феодальных отношений, когда меняется само содержание понятия «нукер». Многие из слуг феодалов превратились в своеобразных служилых людей. За верную службу нукеры получали от феодалов в виде вознаграждения земли, скот и другие подарки. Среди нукеров были как уздени, так и феодально-зависимые раяты. В более привилегированном положении находились первые.

* * *

Как отмечалось выше, терекеменцы были поселены Кайтагским уцмием на этих землях в XVI в. на правах зависимых крестьян — раят. Не случайно, что терекеменцев отдельные авторы называли то колонистами⁹², то поселянами⁹³, имея в виду прежде всего их переселение сюда с других мест.

Характеризуя социальное положение раят в Терекеме, словесно-поземельная комиссия Южного Дагестана справедливо отмечала: «Хотя зависимость терекемейских раят произошла от пользования землями, принадлежащими бекам, но неустановившийся общественный строй прежнего времени, дававший большой простор произволу всякого сильного лица над слабым — а таким всегда являлся бек в отношении к раяту как по своему общественному положению, так и по материальным средствам,— изменил эти чисто арендаторские отношения раят до некоторой степени в личную зависимость. К этому послужила могущественным средством бесконтрольная административная и судебная власть, сосредоточенная в руках тех же беков-землевладельцев и сама по себе уже дававшая другой вид зависимости, кроме поземельной»⁹⁴.

Таким образом, терекеменцы, бывшие в начале заселения данной территории только податным сословием крестьян, постепенно становились и лично зависимыми — раятами. Задолго до изучаемого времени они служили феодальным владельцам «своими душами, лошадьми и арбами, платили им определенное количество урожая своих посевов и других сельских произведений»⁹⁵.

Раяты были феодально-зависимыми крестьянами, мало чем

отличавшимися от крепостных — чагар (бывших рабов, посаженных на землю). Как и чагары, они подвергались прямому внеэкономическому принуждению, хотя формально считались свободными. Феодал, правда, наделял своего раята землей, но сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя, вызывать (особенно женщин) для выполнения хозяйственной работы при доме. Раяты Терекеме были обложены многочисленными обязанностями по обслуживанию своих феодалов-беков. Владелец не мог продать своего раята как чагара, однако он имел право в любое время удалить неугодного с насиженного места. По своей воле раят мог уйти к другому владельцу, но тогда бек отбирал все его имущество, движимое и недвижимое, а затем высылал «его с семейством из своей деревни»⁹⁶. Когда же раят переселялся в другое место с согласия бека, ему разрешалось забрать движимое имущество, а недвижимое, как-то дом, сад, мельница и т. д., «оставалось в ведении бека»⁹⁷.

По своему экономическому положению крестьянство Терекеме не было однородным. Привилегированный слой составляли представители сельской администрации и верхушка духовенства. Социальная дифференциация особенно усилилась с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве. О тяжелом положении терекемских раят, о многочисленных их обязанностях перед феодальной верхушкой наглядно свидетельствуют приводимые ниже адаты.

2. ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В изучаемое время для терекемцев были характерны сравнительно развитые феодальные отношения. Из 10 магалов (участков) Кайтагского уцмийства Терекеме выделялся как территория, где феодальный способ производства получил наиболее ярко выраженные и довольно сложные формы⁹⁸.

Как уже отмечалось, почти вся земля в Терекеме принадлежала феодалам Кайтага — членам уцмийского дома. «Вся терекемейская земля с состоящими на оной лесом, кустарниками, камышом и водою,— говорится в „Адатах об отношении терекемейских раят к своим бекам“,— есть собственность бека. Жители терекемейских деревень на землю и воду права не имеют, а раздают оные жителям каждой деревни дарга, поставленный беком, и кевха»⁹⁹. Раят не мог пожаловаться на малый размер или плохое качество находившейся в его пользовании земли, а в обоих случаях должен быть доволен тем, что имеет¹⁰⁰.

По формам непосредственного пользования феодальные земельные угодья делились на три вида: 1) земли, находившиеся в личном распоряжении и пользовании уцмия и беков, нередко сдаваемые в аренду; 2) земли, отведенные сельским обществам и находившиеся в их пользовании; 3) сервитуты — земли, на пользование которыми как общества, так и владельцы (бек,

уцмий) имели определенные адатом права. Общество в таких случаях имело право пасти скот на указанных землях с весны до осени, а бек — отдавать их на откуп горским овцеводам в качестве зимних пастбищ (под кутан). Именно эту форму земле- владения и землепользования, очевидно, имел в виду П. Петухов, когда писал о Терекеме: «Между некоторыми беками и их райатами существует особый вид поземельных отношений, именно бекское право пастьбы, т. е. бек отдает в откуп горцам овцеводам землю для зимней пастьбы, получая в вознаграждение по барану с сотни или 2 рубля»¹⁰¹. Очень часто феодалы нарушали условия пользования, что вызывало многочисленные конфликты и жалобы.

Феодальные владения составляли огромный земельный фонд и делились на земли, находившиеся в непосредственном владении самого уцмийа и его семьи, и земли, распределенные между беками. Границы между этими видами собственности менялись в зависимости от ряда обстоятельств (роста пожалований, конфискаций земель у неугодных беков, у обществ и т. д.).

Следует отметить, что в отличие от ряда других феодальных владений в Дагестане, в частности на Кумыкской равнине (Аксайское, Костекское, Эндерийское княжества), в райтской части Кайтагского уцмийства (в Терекеме) населенные земли были четко разделены между членами феодальной фамилии сравнительно давно. В общем владении оставались, и то далеко не полностью, пастбищные земли (кутаны и ятаги). При этом владения беков делились на два вида: постоянные и временные.

Получившие земли на правах временного, условного владения не имели права переселять райт с места на место. Им предоставлялось лишь право собирать подати и контролировать исполнение повинностей. Сроки условного владения были различны. Земли, населенные и ненаселенные, давались как на несколько лет, так и пожизненно. Однако за нарушение награжденным условий службы владелец земли мог в любое время лишиться его этого пожалования. Со временем пожалованные земли все чаще начинают переходить в собственность держателей и передаваться по наследству.

Постоянные владения закреплялись за беками без всяких условий.

После присоединения Дагестана к России при измене местных владетелей земли их конфисковались царской администрацией. Так, в 1820 г. владения уцмийа Адильхана и присоединившихся к нему беков были переданы в казенное ведомство. После происшедшего в Великенте в 1835 г. побоища, в результате которого были убиты многие беки, все их выморочные имения также поступили в распоряжение казны. Часть их, однако, в разное время была возвращена тем же бекам или их потомкам, главным образом в виде вознаграждения «за верную службу». В 1824 г., например, были возвращены вдове Адильхана,

лишенного титула уцмия, сел. Янгикент и два пастбищных места ¹⁰².

С образованием в 1860 г. Дагестанской области, а затем и округов, в том числе Кайтаго-Табасаранского округа, политическая власть местных владельцев, в том числе уцмийских беков, сильно пошатнулась. Впервые была установлена единая система административного управления, которая явилась фактором, способствующим внутреннему сближению и устранению экономической раздробленности отдельных частей Дагестана. Эти административные преобразования в Дагестане, безусловно, имели прогрессивное значение в историческом развитии его народов, в том числе и терекеменцев. Крестьяне в какой-то мере освобождались от деспотической власти феодальных владельцев, от их бесконтрольного произвола и бесчинств.

Однако, проводя отдельные преобразования, царская администрация в Дагестане не внесла существенных изменений в социально-экономическое положение трудового крестьянства. Сосредоточив всю полноту власти в своих руках, она продолжала опираться на местную феодальную знать.

Лишая уцмия, беков, как и других феодальных владельцев Дагестана, былой политической власти, военная администрация вместе с тем оставила в их руках огромную земельную собственность, законодательно закрепила за ними права крупных землевладельцев и активно привлекла их к управлению на местах.

Наряду с крупной земельной собственностью, принадлежавшей уцмийскому феодальному роду, в Терекеме имелись и небольшие частновладельческие земли — мюльки, которые принадлежали отдельным семьям.

Мюльки в основном представляли собою участки, очищенные от кустарника, мелкого леса, камыша, а также огороженные у р. Уллучай небольшие пруды — нига, богатые дикими утками. Мюльки могли иметь преимущественно состоятельные многосемейные дворы, располагавшие материальными возможностями для их освоения (разведения на них садов, огородов, сооружения водоемов и т. д.). Владельцы мюльков считали их своей собственностью с правом передачи по наследству и отчуждения. Считая себя верховными собственниками подвластной им земли беки нередко предъявляли свои притязания и на эти мюльки. Как видно из многочисленных дел по тяжбе беков с мюльковладельцами-крестьянами, даже самый крупный мюльк терекеменца не превышал 30 сабу земли. Отдельные терекеменцы увеличивали свои мюльки и путем покупки. В этом отношении определенный интерес представляет объяснение по этому поводу самих крестьян Терекеме: «У нас так заведено, — говорили они членам сословно-поземельной комиссии, — что, когда человек беднеет, он продает свой мюльк, когда поправляется, он снова покупает для себя мюльк» ¹⁰³.

Считая мюльки раят «такой же своей собственностью, как и

общественные земли» (т. е. земли, находившиеся в общественном пользовании раят), феодальные владельцы нередко отвергали право крестьян на их отчуждение¹⁰⁴.

Земли на Терекеменском участке делились также на населенные, обжитые и ненаселенные, пастбищные. На пастбищных землях (ятаги или кутаны) зимой содержался скот. Севернее Дербента на Башлинско-Терекеменской равнине, например, было расположено 36 кутанов. Из них в середине XIX в. 8 принадлежали обществу сел. Башлы, 18 — бекам и 10 — казне¹⁰⁵.

Если в XVIII в. и ранее многие из пастбищных земель сдавались в аренду горским овцеводам под пастьбу скота и временно, то в XIX в., особенно с его второй половины, эти земли стали продаваться или дариться частным лицам. Ими щедро награждались военнослужащие и другие чиновники русской администрации. Так, согласно данным департамента государственных имуществ главного управления наместника Кавказа от 14 августа 1862 г., на Терекеменском участке из земель, числящихся за казной, было отведено для разведения садов, тутовых рощ, марены и других растений майору Григорьеву 200 дес. (на кутанах Урта и Сала.— С. Г.): статскому советнику Грисенко — 40 дес. (на кутанах Халимбек и Сала.— С. Г.) и надворному советнику А. С. Петухову — 300 дес. (кутан Калаган.— С. Г.)¹⁰⁶. Подобные выдачи осуществлялись в разных районах и на основании принятого в 1863 г. специального положения, предоставляющего кавказскому наместнику право раздавать участки свободных казенных земель в Терской и Дагестанской областях в частные руки под виноградные плантации¹⁰⁷. Достаточно отметить, что в конце XIX в. генерал П. И. Лазарев имел в местности Мамай-кутан 338 дес. земли, которую его наследники увеличили до 1724 дес.¹⁰⁸, помощник губернатора Дагестанской области, статский советник В. С. Кривенко в местности Гарымгарт — 973 дес., председатель дербентского городского суда, действительный статский советник Грисенко в местности Шабанкутан или Гадын-тала — 200 дес.¹⁰⁹. Братья И. Ф. и Г. Ф. Малышевы в той же местности Гадын-тала — 203 дес., Е. Е. Коженикова в местности Араб-Рамазан-кутан — 1000 дес., генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков в местности Геджух¹¹⁰ — 211 дес., капитан Волков — 306 дес., дворянин Витковский — 303 дес., Т. М. Гусаков — 309 дес., купцы Тумаевы — 806 дес. и т. д.¹¹¹. Эти земли назывались по именам их новых владельцев: Петканин-ерлери — по имени Петра Исаевича Калантарова, владевшего участком Каравул-кутан, размером в 83 дес., Гирвенкелер — по имени генерала Кривенко, Тумаевка — по фамилии купцов Тумаевых и т. д.

Не желая перестраивать свои хозяйства на капиталистический лад, феодальные владельцы старались продавать свои земли по частям. Таким образом значительная часть общественных земель в Терекеме и вокруг него постепенно переходит в частные руки. Такое положение не могли не заметить даже офи-

циальные власти Дагестана. «В настоящее время беку выгоднее отдавать землю посторонним промышленникам-капиталистам, чем оставлять ее в пользовании поселян, откуда появилось стремление у беков отбирать земли, находившиеся в пользовании поселян, что тем более было выгодно для них, что поселяне оставались при прежних повинностях», — отмечала сословно-земельная комиссия по отношению к терекеменцам ¹¹².

В пореформенный период с развитием капиталистических отношений процесс захвата общественных земель купцами, нефтепромышленниками, мареноводами и др., даже из числа проживающих далеко за пределами Дагестанской области (Владикавказ, Баку, Тифлис и др.), становится особенно интенсивным. Земельные угодья терекеменцев все больше превращаются в объект продажи и отчуждения.

В начале XX в. у членов уцмийского дома и других помещиков скупают земли многие торговцы и мещане: Л. П. Огаджанов со своими компаньонами — в размере 270 дес., Н. Р. Папаев вместе с А. Н. Беловой — 271 дес., П. И. Калантаров — 83 дес. (в местности Гызныкутаны), И. А. Бабаян и др. — 260 дес., торговый дом Бенкендорф и Компания — 698 дес.

При Рамазанкутане (у Мамедкалы) в рассматриваемое время возникает специальное поселение, известное под названием Петропавловск, с территорией в 450 дес. земли, которой владели 28 человек ¹¹³. В ряде мест создавались хозяйства фермерского типа, которые принадлежали главным образом, представителям царской администрации и промышленникам. Близ сел. Берикей на участках Тупсузкутан, Уллуистису, Неуткутан, известных под названием Берикейской казенной дачи, общей площадью в 2248 дес., начинает функционировать «Англо-русское нефтяное общество», осуществляющее разведку, бурение и добычу нефти. В 1902 г. правительство заключает договор с известной нефтяной компанией «товарищество братьев Нобель», акции которой находились в руках капиталистов стран Запада. За компанией числилось более 50 дес. земельной площади ¹¹⁴.

К министру земледелия и государственных имуществ с прошением о выдаче свидетельств на разведку нефти в Дагестанской области по доверенности князей С. Н. Трубецкого и А. Д. Оболенского обратились И. Стрижнов, И. Лазарев и др. Однако с признанием Берикейской казенной дачи нефтеносным районом разведка нефтяных источников частным лицам была запрещена ¹¹⁵.

Обеспеченность самих терекеменцев наделной землей была невысокой. Это видно из следующих данных. По переписи 1886 г., в терекеменских селениях насчитывалось 958 хозяйств. Закрепленный за обществами земельный фонд составлял 2854 дес. пахотной и покосной земли, т. е. примерно 2,98 дес. на двор. Кроме того, состоятельная часть терекеменцев ежегодно пользовалась землей, арендуемой у членов феодальной фамилии — кайтагских уцмиев, казны и помещиков. В 1886 г.

такие участки составляли 3704 дес., т. е. 3,8 дес. в среднем на двор. В целом же на хозяйство приходилось около 7 дес. пахотной и покосной земли¹¹⁶.

В начале XX в. на двор приходилось пахотной земли по обществу селений Падар и Татляр в среднем 4,8 дес., Карадаглы — 6,5 дес., Селик — 7,3 дес., Ханмагомедкала — 5,5, Великент — 5 дес., Деличобан — 8 дес., Берикей — 6 дес., Уллутерекеме — 6,5 дес., Джемикент — 8,2 дес.¹¹⁷.

Однако эти данные официальных источников нередко опровергаются другими источниками и не дают объективной картины. Так, например, военный губернатор Дагестанской области в 1900 г. писал в комиссию по разбору сословно-поземельных отношений в Кайтаго-Табасаранском округе: «Общество сел. Деличобан, располагая землей в количестве около 170 десятин, считая в том числе и неудобную, находится в крайне неблагоприятных земельных условиях, почему вынуждено прибегать к аренде земли у соседних владельцев на весьма тяжелых условиях, между тем в области означенного выше селения расположены два казенных участка земли под названием Улукутан и Ортасала, вполне пригодных к земледелию»¹¹⁸. Таким образом, недостаток пахотной и пастбищной земли вынуждал терекменцев арендовать участки у землевладельцев. Так, по данным 1871 г., общество Берикей арендовало землю у казны, общество Великент у того же Грисенко, Джемикент — у генерала Лазарева, Деличобан — у своего бека Гасанбека¹¹⁹ и т. д.

В связи с усилившейся классовой дифференциацией расширяется практика аренды земли. Арендаторами выступают богатые и многосемейные хозяйства, расширяя таким путем свои наделы за счет рядовых земледельцев. За арендованную землю крестьяне платили как натурой ($\frac{1}{4}$ урожая — издольная аренда), так и деньгами. Одним из крупных помещиков, сдававших свои земли в аренду терекменцам, был П. И. Лазарев, владевший, как отмечалось выше, 338 дес. Бедные крестьяне, в свою очередь, сдавали участки зажиточным и нередко нанимались к ним же в батраки. Таким образом, наличие богатых пахотных, покосных и пастбищных угодий отнюдь не исключало потребности в земле у трудового народа.

3. ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

Раяты Терекеме были опутаны сложной системой податей и повинностей, которые они несли в пользу своих феодалов. Материалы свидетельствуют, что феодальный гнет ужесточался из года в год, особенно в XIX в. Член Южнодагестанской сословно-поземельной комиссии майор Симонов отмечал, что беки «постепенно стали увеличивать повинности, преимущественно при русской власти»¹²⁰. Действительно, беки добивались санкционирования царской администрацией увеличения размеров ренты и нередко взимали ее с помощью военной силы — отрядов цар-

ских войск в округе. Не несла никаких повинностей только эксплуататорская верхушка терекеменского общества, в число которой входили 34 шейха, 15 мулл, 10 старост, 8 почетных членов общества, 10 чаушей, 90 бекских нукеров и 14 бекских кунаков¹²¹, т. е. всего 181 семейство.

В изучаемый нами период терекеменцам были известны все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная.

Основой всех этих форм феодальной ренты здесь, как и всюду, являлась феодальная собственность на землю. «Раяты за пользование бекской землей платят ему установленную подать — чихиш и служат ему», — гласили феодальные адаты¹²². В Терекеме феодал обладал почти полной собственностью на обрабатываемую раятами землю и неполной собственностью на работников производства. Из всех форм ренты преобладала продуктовая — чихиш, выплачиваемая пищевыми продуктами, сельскохозяйственным сырьем, изделиями домашних промыслов.

Это свидетельствует о степени развития здесь феодальных отношений. Как известно, К. Маркс отмечал, что «продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую степень развития его труда и общества вообще»¹²³. Раяты Терекеме выполняли и многочисленные барщинные работы. Денежная же рента большого распространения в Терекеме не имела.

Следует отметить, что в отличие от многих других народов Дагестана, у которых единицей начисления ренты считалось хозяйство («дым», «двор», «очаг» и т. д.), у терекеменцев размеры феодальной ренты определялись числом голов рабочего скота — буйволов, имевшихся в каждом дворе. Однако и хозяйства, лишенные скота, не освобождались от феодальных поборов.

Подати с раятского населения начислялись следующим образом: с каждой пары рабочего скота терекеменец платил беку или уцмию по 20 сабу пшеницы, 5 сабу ячменя и один чали самана. Если же семья не имела скота, она должна была платить оброк в размере 5 сабу пшеницы. От выращенных коконов полагалось дать беку десятую часть; вносили эту подать готовой пряжей¹²⁴. С фруктов, огородно-бахчевых культур, тутовых деревьев бек также взыскивал подать. Платили подать бекам и «с мельниц и толчей от 5 до 15 сабу пшеницы»¹²⁵. Если бек считал, что подать, взысканная с раят недостаточна для покрытия его расходов, он дополнительно брал «нужное ему количество пшеницы у тех своих раят, у коих хлеба больше, нежели сколько им нужно. Бек не покупает, когда у подвластных его много»¹²⁶, — читаем мы в сборнике адатов для терекеменцев. Когда бек держал лошадей, раяты должны были поставлять для них корм (траву и сено), а осенью — саман и ячмень. Кроме того, они обязаны были обеспечить пищей его конюха.

Если бек собирался жениться или женить сына или брата, он собирал с раят дополнительную, денежную подать в сумме от 5 до 20 руб., причем 2 раза — один раз при посылке невесте подарков (нишан), второй раз — во время свадьбы.

Если бекскому двору недоставало дойного скота, раяты должны были обеспечить и эту потребность — от 1 до 6 голов, обычно на весенне-летний период. Когда бек с семейством переселялся на зиму из горной деревни в Терекеме, раяты должны были предоставлять ему свои дома, обеспечивать его дровами, кормом для лошадей, чистить конюшни, охранять лошадей и прочий скот и т. п.

Если бек посылал «своих лошадей с 20 или с 30 нукерами весной на поля на свежий корм на кутанах» или же когда он ехал «на горячие воды со многими нукерами», раяты обязаны были доставлять всем им еду и даже воду.

Если бек требовал скот для убоя, раят должен был удовлетворить и это требование. В более ранний период (XVIII в.), когда в «терекемейских деревнях была торговля», бек с торговца брал плату до 200 динаров в зависимости от величины его капитала.

Обычно бек выбирал одного из раят в кунаки, останавливался у него, имел «стол на его же счет». При этом нукеры останавливались отдельно от бека — в домах у других раят. Раяты должны были «по очереди... кормить их лошадей и их на все время нахождения их в деревне».

В случае приезда к беку гостей из разных феодальных земель (Кайтага, Гапши, Ганка, Сюрга, Акуша-Дарга, Шамхальства) «по службе или для приятного препровождения времени, на все время их пребывания» раяты кормили их и их лошадей¹²⁷.

Как уже упоминалось, отработочная рента-барщина также была распространена в Терекеме. Барщинное хозяйство, по определению В. И. Ленина, характеризуется: 1) господством натурального хозяйства; 2) наделением непосредственного производителя средствами производства вообще и землю в частности, а также прикреплением крестьянина к земле, так как иначе помещик не имел бы гарантированных рабочих рук; 3) личной зависимостью крестьянина от помещика («внеэкономическое принуждение»), ибо «ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»¹²⁸. Формы и степени этого принуждения, как отмечал В. И. Ленин, могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина; 4) крайне низким и рутинным состоянием техники¹²⁹. Эту характеристику В. И. Ленина в полной мере можно отнести и к терекемским раятам.

Раяты должны были сообща пахать, сеять, поливать, жать и убирать урожай на барской земле (беглик), косить сено и везти его на феодальный двор и т. д.

В «Адатах об отношении терекемейских раят к своим бекам» читаем:

«Раяты обязаны для бека производить посев хлеба, исправлять и очищать канавы, поливать, жать и возить хлеба его на харманы и перевозить пшеницу в дом бека».

«Раяты засевают для бека на состоящих у них в пользовании землях 4 дышлыка, т. е. 20 сабу чатлыка, и полученный с этого семени урожай жнут, молотят и после обращения в пшено доставляют в дом бека».

«Когда бек пожелает построить себе дом, тогда раяты помогают ему с доставлением камней и глины и прочих нужных предметов, бек платит только каменщикам. Раяты служат беку с арбами и без арб во всем его деле».

«Если бек имеет табун кобылиц, то раяты всякий год устраивают для табуна его чалы на указанном месте и кормят табунщика».

«Если бек имеет стадо баранов и рогатого скота, то раяты всякий год делают для стада его на указанном им пастбищном месте чалы и конюшню».

«Когда в зимнее время на поле по сильному холоду не бывает для бекского скота и для кобылиц корму, тогда для прокормления во время зимы бек раздает их раятам и собирает их весною».

«Если бек имеет баранов, то раяты везут на ятаг бревна, хворост и все нужное для постройки зимовника для баранов»¹³⁰.

В пользу бека поступали и всевозможные штрафы— коду. «Кто уклоняется от службы беку или не выполнит службу, кто станет драться с даргою или кевхою или кто по требованию бека не явится к нему, с того взыскивается штраф — один отборный буйвол». Или: «Когда посредник нечаянно будет убит во время драки двух человек или только будет ранен, тогда бек взыскивает с виновного... в штраф одного буйвола». И далее: «За смертоубийство, за тяжелое поранение и даже за маловажное, когда вышла кровь и рана нанесена с обдуманном заранее намерением, за увод женщины, за взятие им руки ее, бек взыскивает в штраф одного отборного из буйволов у виновного. За воровство, даже за маловажное, бек взыскивает с виновного в свою пользу такого же буйвола»,— гласили адаты беков¹³¹.

Если раят решил переселиться, убежать от бека, что являлось одной из форм стихийного классового протеста против эксплуатации, все движимое и недвижимое переходило к беку, который считал, что он в лице ушедшего раята теряет податную единицу. В целом «Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам» содержали 36 пунктов, в которых перечислялись основные подати и повинности.

Как видно из приведенного и других источников, основные трудовые повинности составляли: распашка бекских земель, сев,

полив, жатва, молотья, сенокос «эврезом»¹³², доставка дров, строительство и ремонт дома, зимних помещений для скота бека, заборов вокруг его дворов и садов, заготовка и доставка «дельного» (строительного) леса при строительстве и ремонте дома бека и многое другое. Согласно архивным данным, райты «исполняют в усадьбе бекской различные работы по постройке, починке и т. п., выставляют для надобностей бека лошадей и арбы»¹³³. Чтобы более наглядно представить сложный характер каждого вида работ, приведем данные о доставке арб для нужд беков отдельными подвластными им обществами¹³⁴.

Наименование селений	Число дворов в селении	Число арб в селении	Сколько ежегодно выставляется арб		Всего число арб, ежегодно выставляемых	Сколько чередей каждой арбе приходится отбывать		Для всего вообщее каждой арбе в год
			для доставки дров	для других нужд		для доставки дров	для других потребностей	
Падар	46	32	572	167	739	18	5,2	23,2
Татляр	46	32	210	117	327	6,6	3,7	10,3
Карадаглы	21	20	214	44	258	10,7	2,2	12,9
Селик	31	29	60	113	173	2	3,9	5,9
Мамедкала	40	30	180	180	360	6	6	12
Деличобан	86	92	184	80	264	2	2	4
Джемикент	122	140	280	280	560	2	2	4
Среднее						6,7	3,6	10,3

Как видно из приведенных данных, на каждую арбу в Терекменском участке в среднем приходилось более 10 ездов (очердей). Наибольшее число выставляемых арб приходилось на селения Падар (23,2 очереди), Карадаглы (12,9), и Мамедкала (12). Жители первого селения отбывали повинность Ахмедханбеку, второго и третьего — Амирчопанбеку, пятого — Шамсулварабеку с братьями. В отличие от других терекменских беков названные беки проживали в своих селениях дольше — всю зиму и осень (6—7 месяцев) и соответственно больше требовали дров.

Объемы работ на барской пашне в адатах беков не были строго определены и зависели от многих обстоятельств. Это давало возможность бекам привлекать райт на барщинные работы произвольно. «Количество рабочих, выставляемых для бека, определяется числом дымов и мерою потребности беков. Количество плугов, выставляемых поселянами, определяется числом дымов, имеющих рабочий скот, и действительной потребностью бека... бедные дымы соединяются вместе, чтобы выставить один трех- или четырехпарный плуг. То же самое следует сказать и про аробную повинность»¹³⁵. Терекменские женщины по первому требованию владельцев выполняли все работы по дому (чистили зерно, мыли, чинили тару, производили обмазку и побелку дома и т. д.)¹³⁶.

Все же, как уже отмечалось, основной для терекемских феодалов была не отработочная, а продуктовая рента. Аналогичное положение являлось спецификой феодальных отношений и у ряда других народов Дагестана, Закавказья, а также зарубежного Востока¹³⁷.

Применительно к Азербайджану слабое развитие собственного (господского) хозяйства землевладельцев И. П. Петрушевский видит «в особенностях организации сельского хозяйства в условиях применения искусственного орошения, при котором освоение и обработка больших земельных массивов потребовала бы больших расходов и очень упорного труда барщинных или наемных рабочих и сделала бы ведение крупного хозяйства нерентабельным»¹³⁸. Думается, что сказанное в какой-то мере применимо и к феодальному хозяйству в Терекеме. Однако надо полагать, что это составляло только одну из причин слабого развития барщинного хозяйства. Другую причину, видимо, надо искать в самой истории феодальных отношений в том или ином районе, в степени развития здесь отношений зависимости (крепостничества). И с этой точки зрения очень важно то обстоятельство, что на особенности феодальных отношений в Терекеме огромное влияние оказывало наличие в Дагестане, в том числе в самом Кайтагском уцмийстве (Верхний Кайтаг), такой относительно многочисленной и малозависимой категории крестьян, как узденство.

Разумеется, виды податей с терекемцев и их размеры менялись под влиянием развития производительных сил, внутреннего и внешнего рынка, потребностей феодалов и т. д. Так, например, если в XVIII — первой половине XIX в. подать с марены представляла важную статью доходов феодалов, то во второй половине XIX и в начале XX в. с упадком спроса на эту культуру на внешнем рынке основной упор делается на оброк и барщину в зерновом хозяйстве (пшеница, рис, ячмень и др.).

Как мы отмечали выше, феодальные подати и повинности несли и те раятские хозяйства, которые вовсе не имели рабочего скота. На их долю падала преимущественно барщина и другие виды отработки. В среднем одни только подати (без натуральных повинностей), отправляемые поселянами в пользу своих беков, составляли в денежном выражении от 9 р. 87 к. (а вместе с натуральными повинностями — от 15 р. 11 к) до 17 р. 91 к. с каждого двора в год. При этом не учитывали подати на марену, на туговые (шелковичные) деревья, на мельницы, на толчеи и некоторые другие¹³⁹.

Поскольку многие из податей не были четко регламентированы и размеры и сроки их взимания всецело зависели от произвола беков, крестьяне сталкивались постоянно с непредусмотренными сложностями и конфликтными ситуациями. Этого не могли не замечать даже официальные органы управления в Дагестане и на Кавказе. «Повинности, отбываемые раятами бекам,— отмечалось в „Объяснительной записке к проекту основ-

ного положения о поземельном устройстве жителей Южного Дагестана“ в 1874 г.,—чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Они зависели от личных качеств, силы и влияния беков-владельцев; даже поселяне, зависимые от одного и того же бека и живущие в разных селениях, отбывали ему повинности неравномерно, и всегда в большем размере отбывали их раяты, живущие с беком в одном селении. Некоторые же беки в показаниях своих, данных комиссии, не перечисляя подробно повинности, отбываемые им раятами, говорят, что беки имели право требовать от раят все, что пожелают, и что иногда требования эти были до того обременительными, что раяты вынуждены были бежать с места жительства»¹⁴⁰.

«Можно сказать безошибочно,—говорится в другом документе начала XX в.,—что раяты были представлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных, которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей, и нередко в их же пользу; последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не соотнося ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят». Здесь же отмечалась и несостоятельность управления раятскими обществами и после присоединения Дагестана к России, после образования органов управления в округах. «Специальных органов надзора, занятых поселянскими делами, разрешениями возникающих недоразумений, вроде мировых посредников,—констатировал далее документ,—в Дагестане не существовало, местные же власти... сплошь и рядом назначались из беков и потому всегда поддерживали бекское сословие. Нередко они сами в своем же участке являлись получателями раятских повинностей, т. е. лицами заинтересованными»¹⁴¹.

Таким образом, раятская зависимость в Дагестане приобрела в рассматриваемое время характер сложной социальной проблемы.

Селения Берикей, Великент, Уллутерекеме были введены в состав казенного ведомства (хотя в них оставалось по несколько дворов, отбывающих повинности бекам). Вследствие этого они вносили чихиш в казну, вначале также натурой. По официальным данным 1864 г., эти три селения вносили в качестве подати: пшеницы 198 четвертей, ячменя 181 четверть, шелку-сырцу на 12 руб. 50 коп. и риса на 150 руб. серебром¹⁴². В 1860—1870 гг. эти подати в денежном выражении составляли в среднем 3 руб. 59 коп. с дыма¹⁴³. Размер податей жителей казенных деревень, таким образом, был значительно меньше. Это отмечалось и в официальных документах. «Сравнивая стоимость поземельного налога, приходящегося на каждый двор поселян трех селений (речь идет о казенных селениях Берикей, Великент и Уллутерекеме.—С. Г.), отбывающих оный в казну, с налогом, приходящимся на каждый двор поселян, отбывающих оный бекам,—читаем мы в „Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге“,—можно видеть, что последние (т. е. бекские раяты)

платят относительно казенных почти втрое более»¹⁴⁴. В то же время жители казенных, как и бекских, селений должны были платить так называемый земский сбор с каждого дыма по 2 руб. серебром, выставлять всем селением 24 человека чапар по наряду сельских обществ, содержать 64 нукера, исполнявших обязанности земской стражи, выставлять арбы для проходящих и других воинских частей по мере надобности и ремонтировать почтовые дороги и мосты¹⁴⁵.

Тяжелое экономическое и правовое положение, обременительные, постоянно растущие подати и повинности вызывали массовое недовольство крестьян, порождали открытый протест. На имя начальника участка, округа, области и даже на имя главнокомандующего на Кавказе от терекеменских раят поступали непрерывные жалобы на непосильный характер оброка и барщины как в пользу феодальных владетелей, так и казны, на систематическое сокращение крестьянских наделов путем отчуждения в пользу беков лучших земельных угодий, находившихся в общественном пользовании, на притеснения, жульничество представителей сельской администрации.

Так, поверенные общества сел. Селик в жалобе на имя главнокомандующего на Кавказе в 1898 г. писали, что «раяты их селения достаточной земли не имеют для своих нужд; не имеют ни леса, ни воды», что их бек Амирчопан урезает ежегодно из общественной земли «более чем на 200 саб посева своему кевхе за его услугу беку», что он же, Амирчопан, общественную землю близ самого сел. Селик ежегодно сдает горцам под пастбища; не довольствуясь присвоением общественной земли, он отбирает и у частных владельцев — раят купленные ими земельные участки¹⁴⁶. Жаловались и на то, что Амирчопан требует от раят «повинностей больше, чем положено по числу у них буйволов», что он отнял у общества участок земли близ моря и продал его чиновнику Грисенко¹⁴⁷ и др.

Поверенные общества Джемикент отмечали, что их бек, тот же Амирчопан, отобрал у них три кутана — Дашгечив, Гаджикутан и Истису и сдает их в аренду в свою пользу, что они «не раз... жаловались на это и на излишние требования бека Амирчопана, но жалобы их оставались без последствий», что «в их селении есть совершенно бедные, ничего не имеющие — ни земли, ни рабочего скота, которые живут заработками в соседстве, в имении г-на Лазарева, и с таких лиц Амирчопан взыскивает повинность. Амирчопан не стесняется отбиранием у раятов и таких земель, которые приобретены раятами посредством купли по купчей крепости»¹⁴⁸.

Поверенные общества Падар указывали, что они имели «право на пользование двумя кутанами — Сыртлар и Карымкарт и лесом Кичимеше», что их бек «три года тому назад... отнял у общества право», что они жаловались начальству (подали прошение военному губернатору), но ответа не получили. «Вообще у падарцев земли очень мало, и они не могут содержать свой

скот»¹⁴⁹, — писал на имя военного губернатора его помощник генерал-майор Узбашев, подтверждая изложенное в жалобах раят.

Поверенные общества Ханмагомедкала писали, что новый владелец, которому перешло селение по наследству, требует с раят больше, чем они платили бывшему владельцу Мехтибеку Уцмиеву (брату Амирчопана), что он, Амирчопан, продал большой земельный участок, принадлежавший обществу, графу Воронцову-Дашкову, хотя общество крайне нуждалось в земле, и тем не менее требует отбывать за этот участок установленные ранее повинности¹⁵⁰. Было и много других жалоб, с которыми терекемские поселяне обращались к военной администрации в Дагестане.

В своем секретном рапорте от 22 марта 1892 г. начальник Кайтаго-Табасаранского округа писал военному губернатору Дагестанской области, что к нему поступают бесконечные жалобы о тяжелом положении населения, которое усугубил неурожай, причем указывал и на постоянный рост податей в пользу казны. «Подобные заявления и просьбы в данное время, — отмечал он, — приняли хронический характер»¹⁵¹. Однако царская администрация все спорные вопросы решала в пользу беков, всячески оправдывая земельные и другие притязания феодально-помещичьей верхушки общества. «До настоящего года, — утверждали в 1899 г. и кайтаго-табасаранские беки, широко вовлекаемые в управление, — поселяне несли установленные адатами повинности и хотя нередко происходили недоразумения и обоюдные жалобы, но они решались местным начальством и во всех случаях правда была на стороне беков»¹⁵².

Раяты не ограничивались подачей жалоб на притеснение со стороны феодальной знати и царской администрации. Нередко их недовольство выливалось в открытые, организованные выступления. В многочисленных архивных документах указывается на массовый отказ раят Кайтаго-Табасаранского округа, в том числе Терекеме, от отбывания феодальных и казенных повинностей, на «беспорядки», нападение крестьян на имения беков и др. Так, например, с 1899 по 1904 г., т. е. в течение 6 лет, деличобанцы вовсе не вносили подати в пользу своих беков, в результате их задолженность за 6 лет в переводе на деньги (из расчета 2 руб. за 1 сабу пшеницы) составляла 525 руб.¹⁵³.

Для умирения населения, вышедшего из повиновения, окружное начальство принимало крутые меры. Нередко в такие общества направлялись военные роты, которым предписывалось способствовать удовлетворению притязаний беков и принимать принудительные меры «к взысканию следуемых повинностей»¹⁵⁴. Эти акции окружного начальства часто осуществлялись с ведома областной администрации, которая распоряжалась «отыскать означенные повинности с такой же строгостью, как и в казну»¹⁵⁵.

В своем письме от 19 апреля 1907 г. к директору канцелярии наместника на Кавказе военный губернатор Дагестанской об-

ласти, констатируя, что раяты Кайтаго-Табасаранского округа «почти повсеместно отказываются уплачивать бекские повинности... и администрация своими средствами не в состоянии что-либо поделаться с ними», настаивал на необходимости «принять более серьезные меры к понуждению жителей исполнять свои обязанности к бекам» и просил получить у наместника «разрешения производить сборы бекских повинностей при содействии военной силы»¹⁵⁶. К этому приему и без того не раз прибегала царская администрация в Дагестане, защищая интересы местной земельной аристократии и убеждаясь, что «без репрессивных мер взывание это (т. е. феодальной ренты.— С. Г.) произведено быть не может»¹⁵⁷.

В 1908 г. в сел. Падар прибыл исполняющий обязанности начальника Нижне-Кайтагского участка Хамму Гаджиев. Когда он начал переговоры с представителями этого селения, во двор «ворвалась толпа вооруженных жителей... числом около 50 человек, и, угрожая смертью всякому, кто исполнит требование администрации и приступит к исполнению бекских повинностей, прервала переговоры начальника с почетными жителями и увела последних с собою; причем двое из руководителей толпы... ругаясь... громко заявили, что нет той силы, которая заставила бы их отбывать бекские повинности»¹⁵⁸. Разумеется, руководители этой акции по распоряжению военного губернатора понесли наказание — были арестованы и заключены в тюрьму.

Весной 1909 г. «ввиду категорического отказа жителей от добровольной уплаты повинностей» начальник Нижне-Кайтагского участка капитан Сафаралиев прибыл в селения Татляр, Падар и Деличобан с отрядом из 50 всадников и потребовал «с каждого двора по 20 руб. в пользу бека». За неимением же требуемых денег он распорядился отобрать у жителей домашнее имущество: «подушки, медную посуду и некоторые другие вещи»¹⁵⁹, по мнению администрации, «не служащие предметами первой необходимости в домашнем обиходе»¹⁶⁰.

Такие репрессивные меры со стороны окружной и областной администрации неизбежно усиливали борьбу крестьян против феодального и колониального гнета, стимулировали их активные выступления.

Отмечая массовые отказы раят от выплаты податей и несения повинностей в конце XIX — начале XX в., директор канцелярии наместника на Кавказе Н. Петерсон подчеркивал: «Движение это (т. е. отказ раят отбывать повинности.— С. Г.) в 1898 г. приняло форму настоящих волнений, и в этом году большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание бекам повинностей и не отбывает их до сих пор. В течение последующего десятилетия движение это стало охватывать все больший район, проявившись с новой силой в последние годы, быть может, не без связи с аналогичными явлениями в других частях края и во внутренних губерниях империи»¹⁶¹.

Кавказская администрация хотя и признавала, что раятская зависимость, представлявшаяся «некоторым подобием полвека назад уничтоженного крепостного права» в России, являлась «анахронизмом, немыслимым в Дагестане и в Закатальском округе»¹⁶², но вместе с тем ничего решительного не принимала для ее искоренения.

Правда, создавались многочисленные комиссии для изучения и решения сословно-поземельного вопроса в Дагестане. Каждая из этих комиссий представляла свой проект по этому вопросу, но дальше этого дело не шло. В результате решение вопроса об освобождении раят от феодальной зависимости затянулось до 1913 г. Только после долгой волокиты, многократного обсуждения в различных советах, в том числе и при наместнике на Кавказе, 7 июня 1913 г. Николаем II был утвержден «Закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам».

Царское правительство и в данном случае не забывало проявить особую заботу о дагестанских, в том числе о кайтагских, феодалах. Так, Закон предусматривал щедрое вознаграждение их из фондов Государственного казначейства. Беки Кайтаго-Табасаранского округа, в частности, получили 86 121 руб. Освобождаемые раяты обязаны были возместить эту сумму в государственную казну «путем ежегодных равных взносов... в течение двадцати лет», причем началом срока погашения было определено 1 января 1913 г.¹⁶³.

Прекращение зависимых отношений не привело к освобождению крестьян от тяжелого гнета, ибо по-прежнему сохранялась феодально-помещичья собственность на землю.

Как известно, В. И. Ленин в своей работе «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» писал, что «пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения»¹⁶⁴.

Многочисленные налоги, высокая плата за землю, арендуемую крестьянами у тех же беков, других помещиков и казны, не дали основной массе терекменцев возможности вести самостоятельное хозяйство, еле обеспечивали семью прожиточным минимумом. Борьба за землю, за освобождение от социального и колониального гнета после 1913 г. принимает еще более острый характер.

4. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И ТУХУМ. УПРАВЛЕНИЕ

В производственной, общественно-политической и культурной жизни населения Терекеме большую роль продолжала играть сельская община, а также входящие в нее родственные группы — так называемые тухумы.

«Земледельческая община,—указывал К. Маркс,—будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и на крепостничестве»¹⁶⁵. Близкую характеристику общины мы встречаем и у Ф. Энгельса. «Старое общество,—писал он,—покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,—общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени»¹⁶⁶.

Эти характеристики можно отнести и к терекеменской сельской общине, где традиционно родственные связи отступает на задний план перед территориальными связями, где господствует частная собственность на землю, скот, двор и другое движимое и недвижимое имущество. В то же время в сельской общине терекеменцев, как и во всякой сельской общине, сохранялся ряд черт, унаследованных такой общиной от ее предшественницы — родовой общины, и прежде всего пережитки традиционных архаических порядков, диктовавшихся специфической организацией производственной деятельности и культурно-идеологической жизни.

Являясь низовой территориальной организацией общества, сельская община регулировала всю производственную и общественно-политическую жизнь села. Она всецело распоряжалась землей, находящейся в общественном пользовании (пахотной, пастбищной, сенокосной и лесными участками), ведала ирригационной системой. Огромное место в ее деятельности занимали периодические переделы пахотных земель, распределение воды для орошения полей, вопросы аренды земельных участков (община могла сдавать и брать участки в аренду), взаимоотношения с другими обществами, феодальные и казенные подати и повинности. Большое значение община придавала охране земель от поправки посевов, вопросам выпаса скота, найма пастухов и др. Оборона села, защита его от внешнего нападения, сбор в необходимых случаях общего ополчения также входили в число важнейших обязанностей сельской общины.

Остановимся подробнее на земельных переделах. Одни общины прибегали к ним раз в несколько лет, другие — ежегодно и даже дважды в год: весной и осенью. Общественные земли были представлены отдельными участками, расположенными в разных местах, как вблизи, так и вдали от населенных пунктов. Их величина обычно измерялась плугами: земля на 15 плугов

(15 котанын ери), на 10 плугов (10 котанын ери). Не имеющим тягловой силы величину участков определяли и по количеству засеваемых семян: 5 сабунун ери (земля на 5 сабу семян), 10 сабунун ери (земля на 10 сабу семян) и т. д. Эти участки безлошадная беднота обычно сдавала в аренду.

При переделах земли хозяйства получали наделы по жребию не только в одном месте, но иногда и на нескольких участках поля, как для осеннего, так и для весеннего сева. В бекских селениях делили по числу дымов с учетом количества скота в каждом хозяйстве, а в казенных селениях — по уравнильной системе. Прежде чем разделить земли между жителями, сельская администрация устанавливала, сколько в селении хозяйств сколько в каждом хозяйстве пар рабочего скота, сколько полных плугов образовалось, а потом назначенные обществом люди делили земли по числу этих плугов.

Так как нарезка земель по плугам, а внутри плуга по дымам была весьма сложной и вызывала много споров, общество использовало жеребьевку — чёп. Для проведения жеребьевки на сходе назначали специальных лиц. Имя одного из представителей полного плуга записывалось на отдельную бумажку, а затем все эти бумажки, свернутые в трубочки, опускались в какую-нибудь торбу или папаху. Затем старший называл разыгрываемый участок и предлагал представителям полных плугов подойти и вытянуть жребий. Таким образом приобретался надел на всех четверых пайщиков. Только тот объединенный плуг, в котором участвовал старшина, имел право выбора участка без жребия¹⁶⁷. Особые участки без жребия отводились и кузнецам, которые чинили сельскохозяйственные орудия (серпы, лемехи и др.) членов общины.

На границах земельных наделов обычно выкапывали ямки — гомпара или, реже, забивали колья, ставили камни. Измеряли землю и делили ее дельщики, опытные крестьяне. Это делалось или веревкой — ип длиной до 30 м, или на глаз, или же шагами, с участием представителей всех хозяйств села. Так как участки были не равноценны по качеству и степени удаленности от населенного пункта, то процедура раздела происходила на всех полях.

По многолетнему опыту крестьяне знали, на сколько сабу земли был тот или иной участок. При распределении общественных земель по плугам сперва делили один участок (одно общее поле), потом второй, третий и т. д. В результате хозяйства, объединенные в один плуг, имели наделы в разных местах, что вызывало массу неудобств. Правда, пайщики могли и не делить между собой общий участок, а работать вместе: пахать, сеять, поливать, жать, молотить артельно (супрягой) и только потом делить урожай. Так и делали многие.

Как уже отмечалось, те, кому общественной земли не хватало, брали ее у земледельцев в аренду. По существовавшему порядку арендатором от всего общества могло выступить одно

доверенное лицо, которое затем раздавало нужное количество земли всем, кто в ней нуждался. Такая аренда называлась «ижара».

Сельская община представляла собой сложную социальную организацию. В ее производственной и общественной жизни большую роль играли кварталы — магалы (мехеле), в которых еще задолго до изучаемого периода начал нарушаться родствен- ный принцип заселения. И тем не менее каждое селение тереке- менцев включало в свой состав несколько родственных патрони- мий — тухумов, члены которых были связаны между собой един- ством происхождения.

Так, в сел. Великент в конце XIX в. были известны такие ту- хумы, как Кевхалы, Салихлилер, Джума, Машты, Тапанча, Джыгытлар; в сел. Джемикент — Шихлар, Ахмедханлар, Вели- лер, Карачайлар или Мамедалилер, Сурхайлар, Мамедрагимлер, Агасилар, Шихалилер, Шихмирзелер.

С происхождением каждого такого тухума связывается опре- деленное предание. Так, например, предку тухума Салихлилер приписывается ненависть к собаке. Предание гласит, что од- нажды в дом Салиха незаметно зашла собака и стащила горя- чий чурек из тех, которые были разложены на скатерти. Замет- тив это, Салих якобы собрал все оставшиеся чуреки и выбросил их на улицу. С тухумом Джума из Верхнего квартала связыва- ется история побега их предка из кумыкского селения от та- мошнего феодала. Тухум Кевхалы, населявший в основном Кев- халы-мехеле, раньше поставлял старост или сборщиков пода- тей (кевха) для бека. О тухуме Шихлар сохранилось предание такого рода: основоположник этого тухума Ших-Эюб переселил- ся из Кубинского уезда Азербайджана в Терекеме, защищаясь от преследования кровников.

Анализируя приведенные выше и подобные им предания, сравнивая их с историческими источниками, можно прийти к выводу, что терекеменские тухумы не имели глубоких корней, что их родословные обычно кончались 5-м коленом¹⁶⁸. Для со- циально-политической структуры тухумов терекеменцев харак- терно отсутствие упорядоченной системы управления с издавна сложившимися, четко определенными традиционными нормами. Объясняется это, по-видимому, процессом сравнительно ранней ломки древних традиций в связи с переселением терекеменцев на новую территорию и образованием новых поселений в этни- чески смешанной среде. К тому же терекеменский тухум задол- го до XIX в. претерпел глубокие изменения. Далеко зашедшая имущественная и классовая дифференциация создавала иерар- хическую структуру взаимоотношений. Бедные подвергались со стороны богатых, в том числе и родственников, разным формам эксплуатации, часто под видом родственной и соседской взаимо- помощи. В Терекеме были сильные и слабые, привилегирован- ные и рядовые, малочисленные и многочисленные тухумы. Ста- роста и члены сельской администрации всегда выбирались из

числа первых. И тем не менее родственные связи продолжали иметь большое значение. «Тухум,—отмечалось, например, в „Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге“ применительно именно к терекеменцам,—после семейства составляет первую ступень общественных связей, а потому жители каждого селения как отдельной общины подразделяются на несколько тухумов»¹⁶⁹.

Каждый терекеменец мог рассчитывать на материальную и моральную помощь своего тухума. Чем больше было родственников, чем многочисленней был тухум, тем значительнее была гарантия помощи в случае необходимости.

Особым авторитетом и влиянием пользовались старшие члены тухума — гожалар, агсакаллар. Они были советчиками и своего рода судьями в семейных и общественных делах членов своих тухумов. В процессе руководства они использовали свой многолетний опыт, знание адатов, традиций и обычаев. В компетенцию старейшин тухумов входили и функции разбирательства межтухумных конфликтов, разрешение споров, вынесение решений при нарушении норм повседневной жизни (похищение девушки, убийство, ранение и т. д.).

Все сельские тухумы объединялись в джамаат — общество, члены которого были связаны между собой тесными взаимными правами и обязанностями и выступали как единое целое во всех событиях повседневной жизни.

Как отмечалось выше, селениями управляли беки. Поэтому роль общины в решении многих принципиально важных вопросов была номинальной. Все же бек опирался на общинную верхушку и всемерно защищал ее экономические интересы и авторитет.

Только по особо важным, общесельским делам собирался сход. Право его созыва предоставлялось также преимущественно беку. На сходе чаще всего обсуждались вопросы, связанные с землепользованием и водопользованием, с распределением податей и повинностей, с наложением штрафов, строительством и ремонтом оросительных систем, ремонтом дорог и мостов и т. д.

В сходе формально могли участвовать все мужчины, достигшие совершеннолетия. Однако при решении серьезных дел свою волю всегда диктовали феодалы и влиятельные представители тухумов.

В управлении обществом большую роль играли поставленные тем же беком старшины и сборщики податей — дарга, кевха. В состав общинной администрации входили также кадий, мулла, чауш — глашатай, тургаки (сельская стража), а иногда и гарты — неформальные по своему происхождению, традиционные старейшины аула.

Дарга и кевха назначались из числа влиятельных лиц. Иногда должность кевха приобретала наследственный характер (сел. Великент). Тургаки выполняли полицейские обязанности.

На них же были возложены и функции исполнителей решений сельского суда и т. д.

Обязанности тургаков в Кайтаге, в том числе в Терекеме, хорошо описаны в одном из архивных документов. «Права и обязанности тургаков,— говорится в нем,— наблюдать за порядком на общественных местах; выгонять народ на полевые работы; взыскивать штраф (по приказанию старшины) с того, кто оказывается по суду виновным, выгонять из дому канлыя, если родственники его скрывают; с того, кто ослушивался и не исполнял приказания старшины, тургаки брали в штраф быка или его стоимость. ...Если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или в сады, обязанность тургаков — захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву. Или если должник долгое время не удовлетворяет своего кредитора, тургаки взыскивали с него настолько долг и удовлетворяли займодавца»¹⁷⁰. Число тургаков зависело от величины села, числа сельских кварталов и т. п. На сходе они утверждались обычно на год. Через год их функции передавались следующим по очереди односельчанам.

Чауш, или мангуш, являлся как бы посыльным при канцелярии. Он объявлял распоряжение бека, старшины, созывал односельчан на сход, приводил вместе с тургаками в исполнение решение суда, особенно по части взимания штрафов. Важные решения, касающиеся всего джамаата, он объявлял, поднявшись на крышу одного из высоких домов селения. За свою службу тургаки и чауши получали львиную долю штрафных денег. Судя по имеющимся данным, «две части штрафа получали тургаки, а третью — мангуши»¹⁷¹. Кроме того, тургаки в некоторых селениях получали по 5 кг (2 саха) зерна в год с каждого двора, имеющего пару буйволов. Что касается кадия и муллы, то им каждый дым платил по 1 сабу пшеницы в год. Помимо всего этого кадий получал вознаграждение при разделе имущества между его наследниками, при заключении браков и др.

Все должностные лица общинного управления содержались, как правило, на средства общества и пользовались определенными льготами при распределении земли и воды. За свою службу они получали плату зерном, деньгами из штрафных сумм и, кроме того, освобождались от податей и повинностей в пользу бека и казны, от строительных работ по сооружению и очистке каналов, от строительства и ремонта мостов, дорог и т. д.

В казенных селениях дворов, которые принадлежали должностным лицам, насчитывалось: в Великенте — 16, в Берикее — 29, в Уллутерекеме — 3. Все подати и повинности за эти дворы вносили рядовые общинники¹⁷². Аналогичное положение наблюдалось и в бекских селениях¹⁷³.

Сельская администрация назначала чапаров и военных нукеров, снабжая их лошадьми и оружием. Военные нукеры и чапары исполняли обязанности земской стражи, сопровождали проходящие через Терекеме воинские части, срочную почту, до-

ставляли по месту назначения важные донесения военной администрации округа. Одна из почтовых станций — чапар хана была учреждена в сел. Великент. Ее постоянно обслуживали только терекеменцы. Для этого ежесуточно общество Терекеме выделяло по очереди по 24 чапара. Последние доставляли почту до сел. Великент. Доставка ее далее до Дешлягара (совр. Сергокала) была делом Каякентского общества. В их обязанность часто входила доставка почты и далее — до Маджалиса и Дербента.

Большую роль в общественно-политической жизни терекеменцев играл сельский суд — диван. Он являлся важнейшим органом власти феодалов на местах. Суд в своей деятельности руководствовался феодальными адатами и шариатом. При этом суд по адату чинил сам бек, а по шариату — кадий. Решение суда по шариату утверждалось беком. Если стороны оставались недовольны бекским решением, «они обращались к старшинам в Башлы»¹⁷⁴. В судебной практике большую роль играли шахидлер — свидетели, а также анд иченлер — соприсяжники, дающие присягу-клятву на Коране. Последние выступали и со стороны истца, и со стороны ответчика. Если свидетелями оказывались посторонние лица, то дающими очистительную присягу-клятву являлись родственники тяжущихся. Подозреваемый, например, в убийстве мог очиститься присягой 40 родственников по отцовской линии. При малозначительном обвинении (небольшая кража имущества и т. д.) достаточно было принести присягу семи родственникам. Таким образом, число соприсяжников зависело от характера и степени тяжести преступления. В рассматриваемое время исход судебного дела во многом зависел от приношений, взяток, которые судьи брали самым беззастенчивым образом.

По важнейшим межобщинным вопросам народ собирали у главных мечетей в центральных селениях. Таким местом сбора для терекеменцев было и сел. Башлы. Иногда, в особо важных случаях (убийство, притеснение сильным тухумом слабого, сбор ополчения для защиты края от врага и т. д.), жители Верхнего и Нижнего Кайтага, в том числе и Терекеме, собирались в местности Симе, в обширной долине близ сел. Маджалис. Здесь «присутствовали все старшины, кадии, почтенные лица и уцмий»¹⁷⁵. При разборе крупных дел споры были настолько ожесточенными, что для поддержания порядка от каждого магала назначалось по несколько тургаков. Тут же, по завершении рассмотрения дел, тургаков по приказанию уцмия — главного судьи рассылали «для наказаний виновных и взыскания с них штрафов»¹⁷⁶.

После ликвидации ханств в сельском управлении, как и во всей общественной жизни населения, стали происходить определенные изменения. Последние были вызваны необходимостью приспособления управления аулами к потребностям новой административной власти в Дагестане. Функции сельской общи-

ны теперь значительно сузились, но одновременно расширились функции сельского управления, особенно по части обслуживания дорог, нужд проходящих воинских частей и др.

Согласно «Положению о сельских обществах», утвержденному главнокомандующим Кавказской армией в 1868 г., сельский старшина и его помощник стали назначаться окружным начальником. Сельский кадий, избравшийся сельским сходом на три года, также утверждался в должности военными властями. Еще в 1820 г. генерал Ермолов объявил, что кевхи «должны... утверждаемы быть Российским в Дагестане начальником»¹⁷⁷. По новому положению повысилась ответственность старшины, а также кадия перед окружным и участковым начальством. Начальнику округа вменялось в обязанность «наблюдать, чтобы все подвластные ему должностные места были заняты людьми, достойными и заслуживающими полного доверия»¹⁷⁸. Старшина теперь должен был отвечать перед администрацией округа «за сохранение общественного порядка и спокойствие в пределах своего общества», «доносить начальству о преступлениях и беспорядках, случившихся в обществе, а также о распространителях между жителями вредных для общественного спокойствия слухов»¹⁷⁹, «наблюдать за применяемыми народными обычаями и не допускать таких, которые могли бы поддержать неблагонадежность»¹⁸⁰. Старшины должны были обеспечить исправное отбывание жителями казенных деревень всех натуральных и денежных повинностей, всячески содействовать «безопасному и безотлагательному следованию через вверенные им общества воинских чинов, команд и других лиц» и т. д. Старшины имели право наказывать членов своих обществ — отправлять их на работу до двух дней или подвергать их денежному штрафу до 1 руб., а также аресту на срок до двух дней¹⁸¹. Обращает на себя внимание и то, что, по новому «Положению о сельских обществах», решения сельского схода признавались законными только в том случае, если в сходе участвовал старшина или его заместитель. Все же если раньше воля бека в решении суда да и других общественно-экономических и политических вопросов являлась окончательной, то новое положение предоставляло право всем недовольным подавать жалобы выше — окружному начальнику, суду и т. д.¹⁸².

Важно отметить и то, что с введением «Положения о сельских обществах» Дагестан постепенно приобретает единую форму управления с общими нормами законодательства. Русское законодательство, хотя и преследовало цель защиты интересов колониальных властей и местной феодальной верхушки, все же оказывало положительное влияние на развитие общественной жизни народа, на традиционный быт. Это не исключало того, что в регулировании общественной жизни большую роль продолжали играть местные адаты, обычаи, традиции, которые передавались из поколения в поколение и охватывали почти все стороны общественной жизни народа. Однако сама жизнь вно-

сила в кодексы народных правил свои изменения. Эти изменения стали более ощутимы после создания новых административных учреждений, по мере распространения русского законодательства.

Одним из древнейших общественно значимых обычаев, сохранившихся в исследуемое время в глубоко трансформированном виде, была кровная месть. В условиях феодального строя кровная месть в большинстве случаев заменялась выплатой пени. Если совершалось убийство, кровник — ганлы должен был немедленно скрыться, покинуть село. С вынесением судебного приговора он отбывал наказание в одном из отдаленных обществ.

В прошлом вместе с убийцей на определенный срок в особых случаях изгонялось из общества и несколько его ближайших родственников. Число их (1—7 человек) зависело от тяжести обстоятельств, сопровождавших убийство. В постановлениях Кайтагского уцмия Рустемхана (XVII в.), например, при убийстве с грабежом изгонялось в ганлы 7 человек¹⁸³. Но постепенно, особенно ко времени создания новых административных органов власти, круг лиц, подлежащих высылке, сужался и наконец стал ограничиваться лишь одним убийцей. Срок высылки убийцы определялся обычно в пределах 3—7 лет, также в зависимости от обстоятельств его преступления. Родственники убитого могли преследовать любого из тухума убийцы, могли убить первого попавшегося им на глаза родственника убийцы. Для прекращения такой открытой вражды и кровомщения общество устраивало обряд примирения сторон — уз кёркезбек (лицезрение).

Этот обряд в свое время был хорошо описан А. В. Комаровым¹⁸⁴. Согласно этому обычаю, в день, когда совершалось убийство, или (реже) на 3-й и 4-й день после этого события тухумы убийцы и убитого должны были выйти на аульную площадь, разместиться на определенном расстоянии друг от друга, но лицом к лицу. Между ними вставали старейшины села, кадий и мулла, в функции которых вменялась организация примирения. Для участия в обряде примирения порою приглашались уважаемые люди и из окрестных селений. Все они во главе со старшим и влиятельным членом общества давали тухуму убитого наставления, обращались с просьбой прекратить преследования невинных родственников убийцы, мотивируя ее тем, что виновный наказан или будет наказан строжайшим образом. Завершался обряд чтением первой суры (Фатиха) Корана. После этого обряда преследование тухума убийцы со стороны родни убитого считалось прекращенным, хотя еще долго оба тухума между собой не общались и тухум убитого называл представителей тухума убийцы «душманлар» («враги»). Одновременно с актом лицезрения сторона убийцы должна была внести специальную плату — ган пулу (кровные деньги) в пользу семьи убитого. По данным того же А. В. Комарова, за неумышленное

убийство терекеменцы вносили 3 р. 30 к., а за убийство с корыстной целью (убийство по подкупу, в целях ограбления) — кара ган (черная кровь) «в 7 и 14 раз больше против положенного за убийство обыкновенное»¹⁸⁵.

Где бы ни жил кровник, он всегда находился под страхом расплаты со стороны родственников его жертвы. После отбывания им срока изгнания родня начинала заботиться о его возвращении в родной дом. Для этого требовалось особое разрешение со стороны тухума убитого, особенно если последний происходил из влиятельного рода. «Успех примирения,— писал А. В. Комаров,— много зависит... от состояния убийцы, связей, родства или покровительства какого-либо влиятельного лица. Человеку бедному, не имеющему большого родства, которое бы могло ему помочь, трудно выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого, тогда как убийца, богатый и сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывается примириться с бедными родственниками убитого им»¹⁸⁶.

Обряд примирения с убийцей в Терекеме в основном был тот же, что и в других районах Дагестана. Как и в процедуре предварительного примирения между двумя тухумами (обряд лицезрения), стороны выходили в назначенное для исполнения этого акта место (обычно к дому убитого). Большая обрядовая роль принадлежала здесь старейшинам общества и сельскому кадию, которые убеждали пострадавших в важности и общественной пользе этого гуманного шага. Обряд обставлялся подчеркнуто торжественно, со строгим соблюдением церемониала. При большом стечении народа убийцу, обросшего бородой, с опущенной головой, босого вели к тухуму убитого. Там убийца становился на колени перед самым старшим, затем — перед другими родственниками убитого. После этого старший из пострадавшего тухума от имени всех членов тухума произносил: «Прощаем, встань». Обряд завершался чтением кадием первой суры Корана (Фатиха). В ряде случаев тут же обменивались рукопожатием. За этим актом следовало приглашение всего тухума (женщин и мужчин) в дом убийцы на угощение. Ходили на это угощение далеко не все, а только часть тухума убитого. Женщинам иногда дарили подарки — платки, отрезки на платья и т. д.

После акта примирения с убийцей примирившиеся называли друг друга «ган гардашлар» («кровные братья», «братья по крови»). С этого времени всякие преследования прекращались. При положительном исходе дела оба тухума начинали оказывать друг другу постоянное внимание, а в необходимых случаях и материальную и моральную помощь (во время похорон, свадьбы, несчастного случая, при посягательствах со стороны представителей другого тухума и др.). Более того, между этими тухумами часто возникали брачные отношения. Считалось, например, неэтичным отказать в выдаче замуж девушки из тухума

убийцы в тухум убитого. Последний обычай, возможно, связан с желанием родни убитого возместить потерю родственника за счет члена тухума убийцы.

После создания окружной администрации в Кайтаге наказания за убийство ужесточились. Убийцу часто ссылали в дальние губернии Российской империи. Кроме выкупа — ган пулу с него еще стали брать «штраф в общественную казну в сумме 100 руб.». Кроме того, убийца навсегда лишался «права носить оружие»¹⁸⁷.

Примирение с кровником и возникновение особых отношений между сторонами было у терекеменцев одной из форм искусственного родства. В рассматриваемое время в Терекеме были известны и другие формы такого родства, в частности побратимство (гардашлыг). Так же как и у других народов Дагестана, побратимами становились преимущественно юноши из разных тухумов. К такому союзу, как правило, приводила их долгая и крепкая дружба. Обряд побратимства закреплялся клятвой свято сохранять братство, не нарушать его ни при каких обстоятельствах, быть всегда полезными друг другу. Побратимы обычно при этом обменивались подарками — кинжалами, поясами или шашками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История Дагестана. Т. I. М., 1967, с. 183; см. также кайтагские рукописи — АКАК. Т. II. Тифлис, 1868, с. 1077.

² АКАК. Т. II, с. 776—777.

³ История Дагестана. Т. I, с. 183.

⁴ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728.— ИГЭД, с. 83.

⁵ АКАК. Т. III. Тифлис, 1869, с. 387.

⁶ Постановления Кайтагского уцмий Рустем-хана.— Из истории права народов Дагестана. Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968, с. 183.

⁷ Памятники обычного права Дагестана. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, с. 37.

⁸ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан.— ИГЭД, с. 31.

⁹ Гербер И. Г. Описания стран и народов, с. 83.

¹⁰ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831.— ИГЭД, с. 309.

¹¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 182—183.

¹² Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане.— Этнографическое обозрение. 1901, № 1, с. 20.

¹⁶ Рапорт ген.-м. Хатунцова ген. Ртищеву от 6-го февраля 1815 г.— АКАК. Т. V. Тифлис, 1873, с. 625—626. Имел место случай, когда каждая из двух враждующих феодальных группировок «выбрала» своего уцмий: янгикентская линия — Устархана, маджалисская — Эмиргамзу (см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 37).

¹⁴ Гербер И. Г. Описание стран и народов, с. 84.

¹⁵ Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796.— ИГЭД, с. 135.

¹⁶ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 175.

¹⁷ Ведомость о статьях, с которых бывший уцмий Адильхан пользовался доходами.— РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 155, л. 145.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Фадеев А. В. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа.— Преподавание истории в школе. 1957, № 6, с. 37.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6696, ч. 1, с. 98.

- ²¹ АКАК. Т. III, с. 384.
- ²² Там же. Т. II, с. 776.
- ²³ Там же. Т. VI, ч. II, с. 11.
- ²⁴ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 237.
- ²⁵ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 63.
- ²⁶ Сел. Шахбаз вскоре было разрушено, жители его переселены преимущественно в Деличобан.
- ²⁷ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 237.
- ²⁸ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 65.
- ²⁹ Там же, с. 68.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Гидулянов П. В.* Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане, с. 67.
- ³² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 235—236.
- ³³ Там же, с. 235.
- ³⁴ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 11, 64.
- ³⁵ Там же. Т. IX, с. 310; Т. VI, ч. II, с. 67.
- ³⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6382, ч. I, л. 12—13.
- ³⁷ ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 2, д. 4796, л. 5. Позднее Джамавбек передаст селения Падар и Татляр, а также три кутана — Гезивчалы, Алвачи и Арарбрамазан — своим племянникам (сыновьям старшего брата Ханмагомедбека) Ахмедхану и Эльдарбску во временное управление (см.: Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 236, 238).
- ³⁸ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 236.
- ³⁹ Там же, с. 235.
- ⁴⁰ Там же, с. 240—241.
- ⁴¹ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823, с. 450—451.
- ⁴² АКАК. Т. VI, ч. II, с. 60.
- ⁴³ Там же. Т. V, с. 626.
- ⁴⁴ *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. Тифлис, 1888, с. 304.
- ⁴⁵ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 66.
- ⁴⁶ Записано в сел. Уллубийаул со слов К. Адуковой в 1961 г.
- ⁴⁷ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане.— РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 4, д. 155, л. 57.
- ⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139с, л. 200.
- ⁴⁹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 187, 239.
- ⁵⁰ Там же, с. 185.
- ⁵¹ Чанка — букв. «палас» (дарг., южнокумык.) — низшая ступенька на феодальной иерархической лестнице, фактически слуги среди знатных беков (см.: *Гасан-Эфенди Алкадари.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с. 42).
- ⁵² *Комаров А. В.* Адаты и судопроизводство по ним.— ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868, с. 79.
- ⁵³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 186.
- ⁵⁴ *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам, с. 88—89.
- ⁵⁵ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 186.
- ⁵⁶ Там же, с. 238.
- ⁵⁷ Там же, с. 186—187.
- ⁵⁸ *Гербер И. Г.* Описание стран и народов...— ИГЭД, с. 83.
- ⁵⁹ *Торнау Ф. Ф.* Сведения о бсках Каспийской области 1842 г.— ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 767, л. 23.
- ⁶⁰ *Гидулянов П. В.* Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане, с. 32.
- ⁶¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 184.
- ⁶² Там же, с. 184.
- ⁶³ Объяснительная записка к проекту основного положения о поземельном устройстве жителей Южного Дагестана 1874 г.— ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 7, л. 8.
- ⁶⁴ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 183.
- ⁶⁵ *Торнау Ф. Ф.* Сведения о бсках Каспийской области, л. 23.

- ⁶⁶ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 183—184.
- ⁶⁷ *Торнау Ф. Ф.* Сведения о беках Каспийской области, л. 23.
- ⁶⁸ *Тихонов Д. И.* Описание Северного Дагестана, с. 134.
- ⁶⁹ Нукер — друг, дружинник, телохранитель феодала, его слуга, член его свиты. Этим термином у средневековых монголов обозначались дружинники, т. е. свободные лица, служащие вождям и предводителям родов и племен, главным образом в качестве воинов (см.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 87). В почти таком же значении применялся термин «нукер» и у тюркоязычных народов Средней Азии, Закавказья и Дагестана в XII—XIX вв., у которых несение нукерской службы рассматривалось как признак зависимого положения, а сам институт нукеров — как один из феодальных институтов (см.: *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. II. М.—Л., 1938, с. 325; *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, с. 113; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 133).
- ⁷⁰ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 183.
- ⁷¹ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 51.
- ⁷² Там же. Т. III, с. 365.
- ⁷³ Там же. Т. V, с. 625—626.
- ⁷⁴ Письмо начальника Каспийской области Главнокомандующему Кавказским краем.— ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 4796, л. 3.
- ⁷⁵ ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 2, д. 4796, л. 3.
- ⁷⁶ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 207.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Адаты об отношении терекмейских раят к своим бекам, с. 33.
- ⁷⁹ Записано 27 июня 1982 г. от Алимсрден Пулатова, 1887 г. р., в сел. Великент Дербентского района.
- ⁸⁰ Адаты об отношении терекмейских раят к своим бекам, с. 34.
- ⁸¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 191.
- ⁸² Любопытно, что по договорам с хивинским ханом туркмены считались его нукерами, за что наделялись землей (атлык — военный надел) и освобождались от податей (см.: *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958, с. 366).
- ⁸³ Феодальные отношения в Дагестане, с. 106.
- ⁸⁴ Записано в 1954 г. в сел. Башлыкент у Омара Кадисва, 1857 г. р.
- ⁸⁵ АКАК. Т. VIII, с. 616.
- ⁸⁶ Феодальные отношения в Дагестане, с. 107.
- ⁸⁷ Чапар — вестовой, посыльный, гонец со срочным поручением.
- ⁸⁸ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов, с. 91.
- ⁸⁹ Там же, с. 93.
- ⁹⁰ Там же, с. 94—95.
- ⁹¹ Там же, с. 93.
- ⁹² Кавказ. 1859, № 91; Феодальные отношения в Дагестане, с. 335.
- ⁹³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 196, 208—209 и др.
- ⁹⁴ Там же, с. 187.
- ⁹⁵ Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавк. края. Цит. по: *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй в Дагестане в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957, с. 305.
- ⁹⁶ Адаты об отношении терекмейских раят к своим бекам, с. 32; *Магомедов Р. М.*, с. 228—229.
- ⁹⁷ Адаты об отношении терекмейских раят к своим бекам, с. 32.
- ⁹⁸ О феодальных отношениях в Терекеме см.: *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй в Дагестане в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957; *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории и этнографии дагестанских терекменцев в XIX в.— Уч. зап. Даг. гос. пед. ин-та. Махачкала, 1958; *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969.
- ⁹⁹ Дарга (дырга) — член феодальной администрации на селе, ведавший

системой распределения земли, управляющий. Не связан ли по своему происхождению кайтагский термин «дарга» с древнемонгольским термином *dağ-jasiḡ*, означающим «начальник», «губернатор» в подчиненных монгольскому хану или царевичам областях? См.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов, с. 100. Кевха (ковха) — сборщик феодальной ренты с крестьян, иногда и староста.

¹⁰⁰ Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам, с. 32.

¹⁰¹ *Петухов П.* Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.— Кавказ. 1867, № 2.

¹⁰² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 234—239.

¹⁰³ Там же, с. 195.

¹⁰⁴ Там же, с. 192.

¹⁰⁵ *Петухов П.* Очерк Кайтаго-Табасаранского округа.— Кавказ. 1867,

№ 16.

¹⁰⁶ ЦГИА ГрузССР, ф. 545, оп. 1, д. 42, л. 6.

¹⁰⁷ См.: Кавказский календарь на 1900 г. Тифлис, 1899, с. 34.

¹⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 81.

¹⁰⁹ Феодальные отношения в Дагестане, с. 269.

¹¹⁰ Геджух в рассматриваемое время состоял из двух частей: Большой Геджух и Малый Геджух. Часть земли Воронцов приобрел у бека Амирчопана Уцмисва, а другую — у командира Самурского полка Данилевского, который, в свою очередь, купил этот участок у братьев Амирчопана — Абдулмеджида и Шавсулвары.

¹¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 6, л. 2—4.

¹¹² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 210.

¹¹³ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 6, л. 84.

¹¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 83.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 226, л. 7.

¹¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 41, л. 377—401, 405; д. 51, л. 12—31; д. 45, л. 625—700, 720—789; д. 46, л. 632—688, 690—733; д. 47, л. 670—686; д. 48, л. 152—169, 319—363.

¹¹⁷ Феодальные отношения в Дагестане, с. 197, 206.

¹¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140^а, л. 226.

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 15, оп. 1, д. 1, л. 77—78.

¹²⁰ Феодальные отношения в Дагестане, с. 148.

¹²¹ Записка о «Каракайтатском народе, принадлежащем к управлению Дербентской провинции». 21 марта 1838.— АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884, с. 312.

¹²² Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам, с. 32.

¹²³ *Маркс К.* Капитал.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2, с. 358.

¹²⁴ Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам, с. 32—34.

¹²⁵ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 199.

¹²⁶ Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам, с. 34.

¹²⁷ Там же, с. 33.

¹²⁸ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 184—185.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам, с. 32—34.

¹³¹ Там же, с. 33—34.

¹³² Эврез — работа миром, в данном случае одна из форм барщины в Дагестанской области.

¹³³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 8, д. 1, л. 3.

¹³⁴ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 207.

¹³⁵ Феодальные отношения в Дагестане, с. 305.

¹³⁶ Почти такие же феодальные подати и повинности были характерны и для терекемейцев Терско-Сулакской низменности. См.: *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории и этнографии, с. 81; она же. Общественно-экономический строй у кумыков в первой половине XIX в.— Уч. зап. госуд. женского пед. института. Махачкала, 1957, с. 25—26.

¹³⁷ См., например: *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 125—127; *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане. Л., 1949, с. 75; *Абдуллаев Г. Б.* Из истории Северо-Восточного Азербайджана

в 60—80 гг. XVIII века. Баку, 1958, с. 19; *Бартольд В. В.* К вопросу о феодализации в Иране.— *Новый Восток.* № 28, 1930, с. 114—115.

¹³⁸ *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений, с. 75.

¹³⁹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 198, 204, 206; Феодальные отношения в Дагестане, с. 338.

¹⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 7, л. 8.

¹⁴¹ См.: Феодальные отношения в Дагестане, с. 311—312.

¹⁴² Там же, с. 16.

¹⁴³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, с. 201—203.

¹⁴⁴ Там же, с. 206.

¹⁴⁵ Феодальные отношения в Дагестане, с. 16.

¹⁴⁶ Там же, с. 226.

¹⁴⁷ Там же, с. 266.

¹⁴⁸ Там же, с. 267.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, с. 268.

¹⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 42.

¹⁵² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 28, л. 2.

¹⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139с, л. 199.

¹⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 28, л. 2.

¹⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 56, л. 1.

¹⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139е, л. 224.

¹⁵⁷ Феодальные отношения в Дагестане, с. 257.

¹⁵⁸ Там же, с. 257.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187а, л. 8.

¹⁶¹ Феодальные отношения в Дагестане, с. 310.

¹⁶² Там же, с. 310.

¹⁶³ Там же, с. 388, 389.

¹⁶⁴ *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция.— Полное собрание сочинений. Т. 20, с. 172.

¹⁶⁵ *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19, с. 419.

¹⁶⁶ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21, с. 26.

¹⁶⁷ См.: Феодальные отношения в Дагестане, с. 191.

¹⁶⁸ Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным.— Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, с. 18.

¹⁶⁹ Феодальные отношения в Дагестане, с. 187, примеч. 2.

¹⁷⁰ Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным, с. 22. Судя по архивным данным начала XX в., отправленные функции тургака в ряде районов Дагестана считалось и за повинность (ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 67, л. 21).

¹⁷¹ Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным, с. 22—23.

¹⁷² Феодальные отношения в Дагестане, с. 203.

¹⁷³ Там же, с. 106.

¹⁷⁴ Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным, с. 21.

¹⁷⁵ Там же, с. 24.

¹⁷⁶ Там же, с. 24.

¹⁷⁷ АКАК. Т. VI, ч. 2, с. 64.

¹⁷⁸ Там же. Т. II, с. 1194.

¹⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 1, л. 34—36.

¹⁸⁰ ЦГИА ГрузССР, ф. 231, оп. 1, д. 8, л. 2.

¹⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 1, л. 36—37.

¹⁸² Там же, л. 34.

¹⁸³ ССКГ. Вып. I. 1868, с. 82.

¹⁸⁴ Там же, с. 26.

¹⁸⁵ Там же, с. 31.

¹⁸⁶ Там же, с. 33—34.

¹⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 17, л. 2.

instituteofhistory.ru

1. ФОРМЫ СЕМЬИ

В изучаемое время основной формой семьи — кюлфет, хизан у терекменцев была малая, или, как ее называют в специальной литературе, нуклеарная семья. Наряду с ней во всех без исключения селениях продолжала бытовать и большая, или неразделенная, семья — бёюк кюлфет, или агыр кюлфет, агыр хизан. Для определения степени бытования последнего типа семьи в XIX — начале XX в. мы пользовались двумя источниками: данными переписи 1886 г. и материалами полевых этнографических исследований — информацией, полученной от старейших терекменцев, в памяти которых сохранились сведения о пережиточно существовавших при их жизни (в начале XX в.) больших семьях.

Обратимся к данным посемейных списков 1886 г. По данным этой переписи, в сел. Берикей числилось 222 семьи. Из них неразделенными в то время являлись 16 семей (7,2% общего числа), в том числе трехпоколенных семей, включающих отца, женатых сыновей и внуков, было 11 и двухпоколенных, состоящих из женатых братьев и их детей, — 5¹.

В сел. Джемикент насчитывалось 159 семей². Из них неразделенными были 17 семей (10,6% общего числа), в том числе 7 — трехпоколенными, остальные 10 — двухпоколенными, причем пять из десяти представляли собой братские семьи, где женатые братья с детьми жили неразделенно. В сел. Деличобан насчитывалось 110 семей. Из них неразделенными хозяйствами жили 16 семей (14,5% общего числа), в том числе 10 трехпоколенных и 6 двухпоколенных³. Сходная картина была характерна для других селений терекменцев (селения Великент, Селик, Татляр и др.). Таким образом, в рассматриваемое время у терекменцев преобладающим типом была малая семья при остаточном, но довольно значительном сохранении больших, неразделенных семей.

Собранные нами полевые материалы дают конкретное представление о половозрастном и поколенном составе больших семей, о внутрисемейном разделении труда, характере внутрисемейных отношений и т. д. Следует отметить, что, согласно поле-

вым данным, даже для сравнительно позднего времени — конца XIX — начала XX в. — число больших семей было значительно выше, чем об этом свидетельствуют данные переписи 1886 г. «При жизни отца женатые сыновья не выделялись в самостоятельное хозяйство», — свидетельствуют опрошенные нами старейшие терекемцы. Судя по их сведениям, это были хотя и немногочисленные, по все же большие по своей структуре семьи.

Для характеристики численного и поколенного состава, а также имущественного положения неразделенных семей конца XIX — начала XX в. приведем данные, основанные на воспоминаниях живых или живших до недавнего времени свидетелей, а чаще — на семейных преданиях. Так, в сел. Великент в конце XIX — начале XX в. большая семья была у сыновей Абдулкадира⁴. Это — Пулатхан (старший), Мисрихан (средний) и Крымхан (младший). У Пулатхана были жена — Иразият, 3 сына — Алимерден (наш информатор), Абдулкадир, Нурали и 3 дочери — Гюлжахан, Айзанат и Габибат. В состав семьи Мисрихана входили его жена — Нуржахан, 4 сына — Масудхан, Везирхан, Зиятхан, Магомед, 3 дочери — Суният, Микминат и Умуханат. Третий сын — Крымхан имел жену — Халисе, 4 сыновей — Шахмурхана, Алипхана, Айсахана, Валихана и дочь — Эминаханум. Возглавляла семью вдова Абдулкадира — Зухра-аба (бабушка Зухра, как ее называли в семье). Алимерден, сын Пулатхана, имел жену — Айшаханум и 3 дочерей. Семья Абдулкадира также включала его жену — Периханум и сына — Азиза. Всего в этой четырехпоколенной семье было 29 человек. Жили они все вместе и вели общее хозяйство.

Жили они в большом двухэтажном доме, П-образном в плане; на верхнем этаже располагались 12, в нижнем этаже — 4 жилые комнаты. 8 зимних помещений — аран для скота размещались на первом этаже дома.

Каждый из трех братьев с детьми имел по несколько комнат. Самая большая часть жилого дома (5 комнат наверху и 1 внизу) находилась в пользовании старшего брата, Пулатхана. В остальных помещениях размещались семьи двух других братьев. Личные жилые помещения убирались паласами, коврами, утварью и посудой, которые привозили снохи в качестве приданого, и дополнялись вещами, приобретенными в течение совместной жизни. Два больших помещения хозяйственного назначения находились в общем пользовании семьи и использовались в качестве столовой и кладовой.

К дому примыкали два небольших двора: внутренний — ич азбар и наружный — гыраг азбар, замыкали двор большие ворота. В первом дворе размещались летние помещения для скота — отдельно для телят, коров и буйволов. Тут же, во дворе, находились соломохранилище — длинное строение из кирпичасырца, куда высыпали мякину после молотбы зерновых, а также навесы, на которых размещались скирды сена. В наружном дворе складывали дрова.

В изучаемое нами время семья заседала примерно 100 сабу пшеницы и ячменя, основную часть — на общественной земле, которую братья получали при ежегодных переделах в качестве семейного надела. При нехватке надела они приобретали в аренду участки у местных крестьян-бедняков, не имеющих тягловой силы. Все три брата выставляли полный плуг, в который впрягали 3—4 пары лучших буйволов. Всеми полевыми работами распоряжался Пулатхан; он хорошо знал, кому какую работу поручить, что сделать самому. Он выполнял обычно самую ответственную работу, причем делал это усердно и хорошо.

Урожай хранили в амбарах и специальных ямах. Стадо, находившееся в распоряжении семьи, включало 80—100 (а в иные годы несколько больше) овец, 30—40 коров и буйволов, 10—12 лошадей. Держали скот летом в отделенной саманным забором части двора, зимою же загоняли в специальные помещения под домом, где были установлены кормушки — ахур. Излишки продуктов, скота семья реализовала либо в самом селении (зерно тут же, на месте, покупали приезжие горцы), либо на рынке в Дербенте.

Всеми женскими работами распоряжалась Зухра-аба. Она же определяла, кому и когда надо купить одежду, предметы обстановки, как для всего дома, так и для отдельных семейных комнат. Питалась неразделенная семья из общего котла, женила сыновей, выдавала замуж дочерей также на средства из общей кассы.

Несмотря на свой преклонный возраст, Зухра-аба отличалась большим трудолюбием и властным характером. Свои отношения с членами семьи, особенно с женщинами, она строила в зависимости от того, как они выполняли свои обязанности по дому. Трудолюбивых поощряла, ленивым выговаривала, иногда даже специально при их мужьях. Как вспоминает сын Алимерден, «ее авторитет был настолько высок, что, если она говорила „Не ешьте“, никто не смел есть. Садись есть мы всегда по ее „команде“. При ней за едой обычно царил тишина. Но она сама могла нарушать молчание и вести разговор с сыновьями о делах семьи. Она же давала указания снохам поставить котел на очаг, приготовить тесто, сварить хинкал, испечь хлеб и т. д., но разливала суп, распределяла хинкал, мясо между всеми она сама. При этом самое лучшее Зухра-аба отдавала своим сыновьям — основным работникам, затем детям и, наконец, в последнюю очередь — снохам. Особой доли для себя она никогда не выделяла. Бывало, что ей не оставалось мяса и мы, сыновья, отрезали ей из своих паев. По настоянию матери после смерти отца мы построили большой дом. Почувствовать, что мы выросли без отца, она нам не давала, сумела заменить нам отца и быть любящей, но строгой наставницей — матерью. В нашей семье никто из взрослых не ругался друг с другом, а когда ссорились дети, Зухра-аба не позволяла вмешиваться в их ссору матерям и сама выступала в качестве строгого, но справедливого

судьи; сама наказывала виновных и физически и назиданием. Ей никто не возражал, если даже порою в порыве гнева она действовала опрометчиво. „Все они мои дети, и я их воспитываю; ваше дело мне помогать, а не мешать“, — говорила наша мать, когда видела, что ее действия не нравились кому-нибудь из родных матерей детей»⁵.

После смерти бабушки Зухры (примерно в 1918—1920 гг.) большая семья Абдулкадира распалась на три отдельные семьи. Сперва отделились братья со своим потомством, а затем семьи раздробились на мелкие ячейки, т. е. на малые семьи. В том же Великенте в изучаемое время сохранялось еще несколько больших семей.

В сел. Уллутерекеме в этот же период была известна большая семья Гаджибала-Гаджи. Гаджибала-Гаджи имел жену — Умурайхан и четверых взрослых сыновей — Магомед, Магомедсалиха, Магомедвали, Магомедарифа. Первые три сына были женаты и имели детей. Младший сын, Магомедариф, был еще холост. Магомед имел жену Аймесей и сына — Магомедали; Магомедсалих — жену Кюйсюм и 3 сыновей — Алибала, Гаджимурада, Абдулгамид; Магомедвали — жену Углангерек, 3 сыновей — Мирзефера, Казанфара, Магомедрасула и дочь Гюльпери. В семье жили, кроме того, сирота-племянница Ирайханат и наемная работница Ажай.

В сел. Берикей в конце XIX — начале XX в. неразделенной семьей жили братья Мирзахановы: Набиюллах (старший), Магомед (средний) и Рустам (младший). Вначале семью возглавлял отец, Мирзахан. Вскоре после женитьбы младшего сына он умер, и общими делами семьи стала руководить его вдова, мать братьев Айшаханум. В семье вместе с тремя братьями жила и одна младшая сестра.

Старший брат, Набиюллах, имел двух жен — Севгили и Фатму, но детей у него не было (они умирали в младенческом возрасте). У среднего брата, Магомеда (его называли Уста-Магомед за то, что он был мастеровой человек), была жена Шаханум и двое сыновей — Нурмагомед и Абдулгамид. Семья же младшего брата, Рустама, включала его жену Негар и дочь Кисханум. Неразделенная семья жила в двухэтажном доме, который состоял из трех комнат наверху и одной комнаты внизу. Каждый из братьев имел по одной комнате, и одна комната принадлежала матери. Набиюллах и Магомед были мастерами. Они имели кузню и плотничью мастерскую. Рустам был мухалимом при сельской мечети.

Семья выставляла самостоятельный полный плуг из 4 пар буйволов, имела 10—15 коров, 50—100 овец и 3—4 лошади. Землею она пользовалась казенной, как и подавляющее большинство других односельчан. Ежегодно семья засеивала 80—100 сабу зерна и соответственно получала сравнительно большой урожай (сам-5—7 с каждого сабу семян). Кроме того, в распоряжении семьи находилась мукомольная мельница общегорского

типа. Братья постоянно держали 4—5 наемных работников, выполняющих самые трудоемкие работы.

Всеми хозяйственными работами руководил в основном средний брат, Уста-Магомед. Домашними делами руководила мать—Айшаханум. Все было сосредоточено в ее руках. «Спросите у Айша-абы, мы не знаем»,— отвечали снохи, когда соседи приходили что-нибудь занять. Они твердо знали одно правило: «Кай-ын она дейен вар, демеен ёх» («Если свекровь скажет „есть“, значит это есть, если она скажет „нет“ — значит нет»), т. е. ее слово было законом. Айшаханум имела большую власть и умело пользовалась ею. Она хорошо представляла, куда кого можно посылать, какой невестке какое поручение можно дать. Она успешно налаживала отношения в семье, умела предотвратить возникновение неприязни между ее членами. Дети в большой семье в отличие от малой родителей, как правило, отцом и матерью не называли, а называли так же, как их именовали старшие. Могли, например, назвать «гелин» (сноха), «бажы» (сестра), «эде», «эми» (дядя) и т. д. Снохи обращались к родителям мужей чаще всего так же, как к ним обращались их собственные дети. При обращении к старшим родственникам мужа к их собственным именам добавлялись родственные термины: эми (дядя по отцу), даи (дядя по матери), хала (сестра отца), мама (сестра матери), гардаш (брат): Айша-хала, Мамед-эми, Назир-гардаш и др. Кроме того, в большой семье молодые супруги, соблюдая обычай избегания, при родителях не общались друг с другом, вели себя как посторонние. Только с рождением 2—3 детей такая «отчужденность» постепенно преодолевалась.

Многие из больших семей в изучаемое время не являлись стабильными, находились на грани распада. Более того, многие из них представляли собой, как указывает Я. С. Смирнова применительно к народам северокавказского региона⁶, промежуточные, переходные формы между большой и малой семьями. В них нередко своеобразно сочетались общая собственность семейной организации и собственность отдельных семейных ячеек (отдельные виды личных заработков, приданое снох, оружие мужчин).

Разложение натурального хозяйства, развитие капиталистических отношений в Терекеме постепенно приводили к окончательному распаду семейных общин. Задолго до изучаемого нами времени коренным образом изменилось соотношение удельного веса больших и малых семей в пользу последних. Надо полагать, что особенно участился распад больших семей в пореформенный период в процессе общего социально-экономического развития терекемского общества. Постепенно дробились и сохранившиеся к этому периоду неразделенные семьи, принципиально отличавшиеся по своему характеру от семейных общин более раннего периода. В начале XX в. преобладающей формой семьи была малая семья. Следует подчеркнуть также, что сохранившиеся в различных переходных к малой семье формах

неразделенные семьи были характерны в рассматриваемое время преимущественно для зажиточной части терекемского общества.

«Группируя дворы по состоятельности или по размеру хозяйства,— писал В. И. Ленин в работе „Развитие капитализма в России“,— мы всегда получаем *большой* состав семьи в зажиточных слоях крестьянства. Это явление указывает на связь крестьянской буржуазии с крупными семьями, получающими большое количество наделов;— отчасти и наоборот: оно свидетельствует о меньшем стремлении к разделам у зажиточного крестьянства»⁷.

Среди сохранившихся в рассматриваемый период неразделенных семей наблюдались как отцовские (преимущественно), когда во главе семьи стоял отец, так и братские⁸ (реже), когда семью возглавлял один из братьев (обычно старший).

Малая семья, в свою очередь, составляла один из структурных элементов родственной группы, с которой она была связана самыми различными связями. Сохранению этих связей во многом способствовали семейно-бытовые традиции (обычаи, обряды, праздники), направленные на поддержание семейно-групповых порядков и культурно-идеологической общности терекемского населения.

Получившие преимущественное развитие малые семьи у терекемцев также имели ряд форм. Одни семьи состояли из родителей и их неженатых и незамужних детей, другие включали в свой состав кроме родителей и детей еще некоторых близких родственников: одного (иногда и обоих) из родителей мужа, его неженатых братьев и незамужних сестер. Для первой разновидности вполне применим установившийся в этнографической литературе термин «несложная семья», а для второй — «сложная семья».

Численный состав малой семьи в Терекеме также был различным. По данным приведенной выше переписи (1886 г.), он колебался от 2—3 до 7, а в редких случаях и до 10—11 человек⁹. Во многих списках этого участка указано проживание племянников в семье дядей, совместное проживание двоюродных братьев и т. д. Это, очевидно, отражает принятие старшими родственниками на воспитание осиротевших детей или их опеку над ними. Как видно из данных переписи, в малых семьях преобладала двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей, а второе место занимала однопоколенная, состоящая из одних супругов.

2. СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как в большой так и в малой семье царили патриархальные традиции. Там и тут семью, как правило, возглавлял старший мужчина — отец или старший из братьев. Бывало, что старший брат уступал роль главы семейства другому брату, ссылаясь

на отсутствие у него «качества руководителя». Большую роль, иногда в качестве главы семьи, а чаще — в качестве помощницы мужа и распорядительницы в домашних работах, играла и женщина — мать. При отсутствии мужа она руководила хозяйственными делами, опираясь на помощь старшего сына. Глава семейства должен был умело направлять всю деятельность семьи, распределять работу между ее членами в зависимости от их пола, возраста, способностей и навыков, вести хозяйство так, чтобы оно обеспечивало семью материальными средствами. Он заботился о своевременной пахоте, севе, поливе посевов, уборке, молотье хлебов и т. д. По его усмотрению реализовывались излишки производимой в хозяйстве продукции, приобреталось недостающее. Большое значение глава семьи и его помощница придавали регулированию отношений между членами, образу жизни семьи, ее микроклимату.

По существовавшему разделению труда мужчины выполняли почти всю полевую работу. Пахота, сев, полив, жатва, молотье, доставка обмолоченного урожая, сенокос и другие работы были обязанностью мужчины. На долю мужчин падали также основная работа по содержанию скота, заготовка и перевоз топлива, сена и уход за сельскохозяйственными орудиями труда, содержание в порядке хлевов, помол на мельнице зерна и многие другие важнейшие хозяйственные функции.

Женщины всецело занимались многочисленными домашними делами. В их функции входили: приготовление пищи, доение коров и буйволиц, переработка продуктов животноводства, обмазка и уборка дома, стирка, починка и шитье одежды, доставка воды из родника, а также многие домашние промыслы. Большое место среди обязанностей женщин занимал уход за детьми.

Разделение труда между мужчинами и женщинами было весьма строгим. Терекемская женщина никогда не управляла волами на арбе, не косила сена и не жала хлеб. Равным образом ни при каких обстоятельствах мужчина-терекемец не должен был ходить за водой с кувшином, доить корову, ухаживать за малолетними детьми и т. д.

Если сравнить характер и содержание труда женщины и мужчины в Терекеме, то можно сделать вывод, что мужчинам приходилось тяжелее, чем женщинам. Более того, трудовое положение терекемки было несравненно легче трудового положения дагестанской горской женщины, на плечи которой ложились многие виды основных полевых работ (жатва, покос и т. д.).

Помимо строгого распределения трудовых обязанностей в зависимости от пола в Терекеме столь же строго распределялись обязанности и в зависимости от возраста. Самые ответственные работы (пахота, полив, сев и др.) выполняли опытные работники, молодым же людям поручались вспомогательные, а также тяжелые, но не требующие высокой квалификации и большого опыта работы. Всеми делами руководили, как отмечалось, отец,

старший из сыновей, а также дед, если он был еще работоспособным. За отдельными членами семьи закреплялись определенные участки работы — один из взрослых сыновей мог выделить ся как самый опытный в скотоводстве, другой — в земледелии, третий — в огородничестве и т. д. Но чаще всего все эти работы выполнялись совместно, в порядке кооперации и взаимопомощи.

Среди женской части семьи также существовало традиционное разделение труда. Надзирала за ним старшая в семье, обычно жена главы семьи. Наиболее ответственные работы она поручала старшим снохам, второстепенные, хотя и трудоемкие, — остальным женщинам. Свекровь, если она была трудоспособна, также принимала участие в выполнении хозяйственных функций, показывала пример трудолюбия и аккуратности. Если же свекровь была уже нетрудоспособна, она только распоряжалась, контролировала деятельность домашних и ухаживала за детьми. Все поручения старшей выполнялись снохами безотлагательно. Являясь хозяйкой дома — гайын ана, старшая безраздельно распоряжалась запасами продуктов, держала у себя ключи от кладовых. Под особым контролем старшей находились такие припасы семьи, как вяленое мясо, сыр, масло, мед и др.

О власти матери семейства у терекеменцев сохранилось немало сказаний и поговорок. В одном сказании говорится о том, как снохи выкрали у свекрови ключи и в ее отсутствие зашли в кладовую, взяли масло, мед и сообща приготовили себе халву. Когда они начали есть халву, у ворот показалась свекровь. Одна из снох быстро завернула халву в кусок ткани и привязала ее к ноге, под широкой и длинной штаниной. Когда свекровь приблизилась к дому, она сразу почувствовала запах халвы и спросила, откуда такой запах. Снохи ответили, что не знают. Догадавшись, что они спрятали халву под одеждой, старуха предложила им станцевать. «Что это такое, сестра?» («Бу не ишди, бажым?») — сказала тихо старшая сноха, выйдя танцевать. Вторая сказала: «Достанется теперь, если она узнает» («Билсе гыяматды, бажым»). Младшая же, самая бойкая, танцуя последней, запела: «Я завязала крепко, сестра» («Багламышам, бекди, бажым»). Так они обманули скупую старуху¹⁰.

Однако практически в большинстве случаев в неразделенных семьях старшая сноха становилась помощницей матери семейства, а равно и ее доверенной, фактически управляющей от ее имени домом. Характер контроля, формы обращения старшей с другими женщинами, конечно, менялись по мере того, как семья в своем развитии переходила от одного типа к другому (от семейной общины к малой семье и от сложной к несложной).

В малых семьях отношения между свекровью и невесткой становились более тесными и доверительными, так как обе повседневно нуждались в помощи друг друга, да и лучше одна другую знали. Более того, в такого типа семьях отсутствовало четкое разделение труда между двумя женщинами, труд

становился более взаимозаменяемым. И тем не менее основная тяжесть домашней работы здесь также лежала на молодой, физически здоровой женщине. При наличии в доме невестки считалось неудобным, если свекровь, например, шла за водой, к квартальной печи, чтобы испечь хлеб, и т. д.

Вообще молодой женщине не полагалось сидеть без дела, ходить без надобности к соседям и т. д. Она должна была целый день трудиться для семьи. Соседи не случайно хвалили тех молодых женщин, которые постоянно занимались делом, вставали рано утром, ложились поздно ночью и хорошо справлялись со своими многочисленными обязанностями.

В семьях принято было рано вставать. «Счастье,— говорили терекеменцы,— посещает дом ранним утром. Если в доме двери закрыты, оно проходит мимо, сказав: „Они во мне не нуждаются“». Старшие часто повторяли детям: «Когда дети просыпаются поздно, лица у них бывают желтыми». Считалось, что раннее утро благотворно влияет на здоровье. Представления о счастье связывались с трудом. (У счастья спросили: «Куда идешь, счастье?» И оно ответило: «В дом, где люди любят труд и живут дружно».) Иными словами, в семьях последовательно вырабатывалась установка на труд, на дисциплину, на порядок.

В семейном воспитании большое значение придавалось усвоению детьми порядка, включая его внешнее выражение — этикет. Все аспекты последнего были детально разработаны, о чем можно судить, например, по застольному этикету. Младшим не полагалось садиться за трапезу раньше старших, начинать есть, пока старший (старшая) не скажет «ешьте», садиться на место, предназначенное для старших, разговаривать во время еды без особой надобности. Ели члены малой семьи все вместе, но при гостях в первую очередь кормили мужчин, а потом ели женщины с детьми. В больших же семьях трапеза организовывалась по-разному: в одних семьях сперва ели все взрослые мужчины во главе с отцом — главой семьи, потом дети и в последнюю очередь женщины (мать, снохи, девушки и т. д.), в других — каждая семейная пара ела отдельно: глава семьи со своей женой, сыновья со своими женами и детьми. Практиковался и такой порядок, по которому старшая посылала еду в комнаты сыновей и каждый из них ел с женой и детьми.

В целом же разновременный прием пищи в семье без особой причины не одобрялся. Терекеменцы считали, что в доме не будет достатка, если каждый будет садиться есть, когда ему захочется. Точно так же не одобрялось, чтобы дети выходили гулять с чуреком в руках: «Рисхини эле алып чыхан эвде берекет олмас» («Не будет достатка там, где хлеб выносят из дома и едят на улице, на ходу»), — говорили терекеменцы. Не полагалось отламывать большие куски хлеба, оставлять на столе крошки. Чтобы приучить детей к аккуратности и бережливому

отношению к хлебу, родители постоянно внушали им, что «взятый кусок надо съесть полностью, что в недоеденной крошке хлеба остается ум и этот ум вместе с крошкой хлеба может достаться другому».

Любая трапеза, особенно вечерняя, которая считалась основной, завершалась, по издавна установившемуся обычаю, пожеланиями хорошего урожая, изобилия, счастья семье, выздоровления больным, доброго самочувствия здоровым. Такие пожелания, которые произносил старший (старшая), внимательно, при полном молчании выслушивались всеми.

Большое значение семья терекеменца придавала физическому, трудовому и нравственному воспитанию детей и подростков; физическую закалку дети и подростки получали как в процессе участия в трудовой деятельности семьи, так и во время игр, разных юношеских состязаний (бег, метание камня, скачки на лошадях, борьба и т. п.) всиле, ловкости и выносливости. Мальчиков постепенно приучали к мужским видам труда: пасти скот, ухаживать за ним (задавать корм, водить на водопой), охранять огороды и бахчи, возить с поля на арбе урожай, рубить дрова, выполнять и другие несложные работы. Их же с самого детства приучали к верховой езде, уходу за лошадьми. Мальчиков посылали, особенно в вечерние часы, с разными поручениями в другие семьи. Стремились научить мальчиков переносить трудности, закалить их, выработать у них выдержку. «Уроки» эти начинались с простейших поручений и завершались прививанием навыков самостоятельной работы.

Девочки учились у старших домашнему труду — стирать, убирать помещения, месить тесто, печь хлеб, готовить еду, шить, вышивать. Они же являлись помощницами матери по уходу за маленькими детьми. Когда матери укладывали малышей в люльки, дети постарше качали их. Они же выходили с младшими гулять на улицу (несли на руках или привязанными на спине).

Хозяйственные обязанности девочек особенно возрастали в малой семье, где они порою являлись единственными помощницами матери в домашних делах. Как и у многих других народов Кавказа, о матери судили по дочери, о дочери — по матери. Если девочка росла аккуратной, трудолюбивой, мать приобретала хорошую репутацию. Часто соседи сравнивали дочь с матерью и говорили: «Дочь точно как мать» или «Будет как мать». Просчеты же в поведении девушки объясняли тем, что мать плохая хозяйка и воспитательница. В девочках воспитывали скромность, трудолюбие, умение соблюдать этикет.

Вообще в семье терекеменца большое значение придавалось воспитанию детей. По мере возможности каждому подростку отводился определенный участок работы с учетом его способностей и навыков. Детям передавали установившиеся в семье трудовые традиции, правила поведения. Им внушали, что надо беспрекословно выполнять поручения старших, помогать друг

другу в работе и вообще в жизни. Лучшим средством передачи положительных традиций являлся личный пример старших.

Считалось, что совершеннолетние дети во всех тяжелых работах должны уже заменять отца и мать. Если при взрослом сыне пожилой отец выполнял не соответствующую его возрасту и положению работу, то это осуждалось общественным мнением. Поэтому в крестьянской семье такие факты встречались крайне редко.

С самого раннего детства девочек и мальчиков приучали уважать старших и друг друга, быть вежливыми и отзывчивыми. Большое место в семейной педагогике уделялось знанию адатов и правил поведения в обществе, в общении с соседями и родственниками. Стремление выполнить просьбу соседа, пожилого сельчанина или родственника, умение оказать им знаки внимания считалось одним из значимых результатов хорошего воспитания в семье. Примером для детей и подростков служили отношения взрослых членов семьи друг с другом, их отношение к детям, старшим и т. д. В семейном кругу нередко обсуждались как положительные, так и отрицательные факты в поведении детей. Что же касается отклонений от норм поведения, проявленных старшими членами семьи, то они разбирались в узком кругу старших.

В долгие зимние вечера было принято собираться всей семьей вокруг очага для беседы. Старики вспоминали героические дела предков, исторические сказания, рассказывали сказки, загадывали молодежи загадки, знакомили с народными притчами, пословицами и поговорками. Такие вечера, тем более в условиях отсутствия общеобразовательных школ и других культурно-просветительных учреждений, оказывали на молодежь большое нравственное воздействие.

Терекемцы придавали большое значение доброжелательности не только в кругу семьи, но и в общении с родственниками, соседями, гостями, кунаками. Это не могло не отразиться на отношении к обычаям гостеприимства, игравшим заметную роль в быту семьи. Гостеприимство у терекемцев было одновременно и важным социальным институтом, и одной из лучших народных традиций.

Терекеме, будучи одним из хлебных районов, издавна привлекало внимание многих жителей Дагестана, и прежде всего его нагорной части. Одни из них останавливались здесь по пути в Дербент и обратно в горы, другие специально приезжали по своим торговым делам (покупать зерно, реализовать изделия домашних промыслов и т. д.). Особую категорию приезжающих в Терекеме составляли беки уцмийского дома, а также те, кто приезжал сюда на отдых и лечение — на серные источники, на охоту в терекемских лесах.

Во многих адатах феодального периода указывалось на обязанность зависимого населения оказывать гостеприимство, которое тем самым превращалось в особую форму повинностей. Выше

уже упоминались адаты об обязанностях терекеменских раят, связанных с гостеприимством. Обычный гость — гонаг пользовался у терекеменцев искренним всеобщим вниманием и уважением. По существовавшей традиции, каждый приезжий, нуждавшийся в ночлеге, пище или в чем-либо другом, мог зайти в дом любого местного жителя и попросить принять его в качестве гостя. Ни одна семья без особых на то причин не могла отказать в такой просьбе. В зажиточных домах были даже специальные комнаты для гостей — гонаг эв — кунацкие. Они обставлялись лучшей мебелью, утварью, украшались коврами. В домах же рядовых терекеменцев, где не было кунацких, хозяин отводил гостю лучшее место в обычной комнате, угощал его лучшими из имеющихся в доме яств, устраивал в лучшей постели, стараясь, чтобы гость остался доволен его приемом.

При гостьбе обычно учитывали равенство статусов. В домах богатых терекеменцев принимали не каждого путника, а только человека того же социального ранга. Равным образом рядовые путники обычно останавливались в домах рядовых общинников, где для них создавались по возможности хорошие условия.

Гость не должен был долго задерживаться, злоупотреблять гостеприимством хозяина. Существовала пословица «Елчу елда яхшы» («Путнику лучше быть в пути», т. е. не задерживаться). Хозяин редко спрашивал, куда держит путь гость, но сам гость должен был рассказать хозяину дома о цели своего приезда. Если гость приехал для продажи в селении своих товаров или покупки зерна, семья, оказавшая гостеприимство, активно ему помогала: рассказывала о нем соседям, посылала гонцов к своим родственникам, знакомым.

Весьма ценилось умение гостя вести беседу за столом, произносить благопожелания, давать советы. Если гость был старше хозяина дома, трапеза завершалась его благопожеланиями.

С гостеприимством было связано распространение у терекеменцев куначества. В отличие от гостеприимства оно предполагало уже возникшие на его основе или же как-нибудь иначе дружеские отношения. Вступив в такие отношения, кунаки поддерживали постоянные контакты, оказывали друг другу различные знаки внимания и в нужных случаях — помощь. Дружба, как правило, закреплялась взаимными посещениями, активным участием во всех событиях в семье кунака (свадьба, смерть члена семьи и т. д.). В целях закрепления дружеского союза кунаки обменивались дорогими памятными подарками (оружием, конями, каракулевыми шапками и т. д.), нарекали детей именем друга. Узами куначества терекеменцы были связаны с жителями целого ряда аулов Табасарана, Кайтага, Кабадарго и т. д.

Кунаки посещали друг друга не только по необходимости, но и для приятного времяпрепровождения, на досуге. Хозяин дома устраивал в честь кунака торжественный прием: пригла-

шал певца, музыканта, а если кунак был еще не стар — устраивались танцы с участием сельских девушек и юношей. Все это сопровождалось угощением. Иногда у одной семьи было несколько кунаков: кунак отца, кунак брата, собственный кунак. В таких случаях главным кунаком считался кунак отца — первый кунак семьи. Приличия требовали, чтобы первый визит делался именно ему как старшему, занимающему верхнюю ступень на «иерархической лестнице» куначества. После посещения его дома приезжий мог навестить другого кунака, третьего и т. д., не обременяя слишком никого.

Большое влияние на быт семьи оказывали религия, шариат, в частности его семейно-брачные нормы, закрепляющие бесправие женщин и младших членов семьи. Самой бесправной в семье была сноха, а если снох было несколько — младшая.

В малой семье старались по возможности скорее отделить сыновей (чтобы они научились вести самостоятельное хозяйство). Однако далеко не все могли это сделать сразу, так как надо было иметь определенную материальную основу для будущего хозяйства (рабочий скот, земля, жилище и т. д.). Поэтому многим молодым семьям приходилось годами и десятилетиями жить и трудиться в общем хозяйстве, пока семья не сделает необходимые сбережения. И после отделения женатые сыновья поддерживали тесную связь с отцовским домом. Отец, как старший, вправе был постоянно контролировать хозяйственную деятельность отпочковавшихся семей своих сыновей и отвечал перед обществом за их проступки.

Разводы в терекеменских семьях были редким исключением. Основным их мотивом была бездетность жены. Происходили разводы преимущественно по инициативе мужа и оформлялись по нормам шариата и адата. Давая жене развод, терекеменец, как и любой другой мусульманин, должен был трижды произнести арабскую формулу: «Талаг, талаг, талаг» («Отпускаю»). При этом он впервые публично произносил имя жены, которое до этого, согласно обычаям избегания, было для него табуировано. При разводе муж отдавал жене все, что она приносила из отцовского дома (положенная ей часть калыма — кебин, приданое), и сделанные им самим подарки. Известны, правда, редкие случаи, когда женщина по своей инициативе требовала развода. Это происходило по большей части в тех случаях, когда муж брал в дом вторую жену или же (реже) если он не мог материально обеспечить семью. В этих случаях жена лишалась положенной ей доли имущества. При разводе по инициативе жены муж требовал от нее также особую компенсацию — «плату за волосы», произнося: «Башуву тьюкюнде гоюп гет» («Оставь и волосы с головы»). Старинный обычай оставления уходящей женой пучка волос с головы позднее был заменен материальной компенсацией. «Если же не пожелает жить с мужем, — говорится в адатах терекеменцев XIX в., — то она может уйти в дом своих родителей и требовать развода, причем она не только лишается

кебинных денег и всего своего имущества, но еще платит мужу пешманпули (букв. „деньги грусти“), 25 рублей»¹¹. Разводы по инициативе жены осуждались общественным мнением.

3. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Свадебные обряды

Терекменцы чаще всего вступали в брак в возрасте 15—18 лет. Мужчины нередко женились и позже, лет в 20—25, что же касается девушек, то у них такие более поздние замужества бывали редко и, как правило, по очень уважительным причинам (болезнь, траур в доме и т. д.).

Свадьбе предшествовали сватовство и сговор, или обручение. Сговоренной девушка обычно оставалась два-три месяца, а иногда и более года. Наряду с обычным сговором — гелешмег существовал сговор не достигших брачного возраста — ад эйлемек. Встречался, хотя и очень редко, и сговор детей еще в колыбельном возрасте — бешик кертме (метка на люльке). К последнему чаще всего прибегали близкие друзья.

Сговорив малолетнюю девочку, семья мальчика время от времени делала ей подарки (обычно перед большими праздниками), посылала в ее дом угощение. Однако, став взрослыми, сговоренные далеко не всегда безропотно покорялись решению родителей, что приводило к разладу между двумя семьями.

Так или иначе браки молодежи заключались преимущественно по воле родителей. Юноша иногда мог объявить своим близким родственникам, на ком он желает жениться, и даже добивался этого, для девушки же самостоятельный выбор был полностью исключен. Она могла доверить тайну своей любви только близкой подруге. Правда, порою стремления обеих сторон совпадали, и юноша отстаивал интересы не только свои, но и девушки.

В качестве свата — эльчи семья жениха посылала в дом девушки уважаемого, влиятельного мужчину. Неофициально и предварительно эту роль (обычно через мать девушки) выполняла женщина. Согласно выработанным веками этическим нормам, семья девушки никогда сразу согласия не давала, даже если она с радостью готова была дать его. Родители, например, ссылались на неожиданность предложения, на необходимость его обсудить в кругу близких, на неподготовленность дочери к браку и т. д. «Бахик дагъы, не вар, не ёх» («Посмотрим, как что»), — говорили родители девушки, если были склонны принять предложение сватов. Сваты посещали семью девушки два-три раза и более и только после этого получали окончательный ответ — положительный или отрицательный. Бывали случаи, когда сваты приходили от семьи, с которой дому девушки не хотелось иметь ничего общего. Но и в этом случае соблюдалась процедура приема сватов и отказ старались всячески смягчить.

Если договоренность достигалась, стороны улаживались об основных брачных платежах. Думается, что свадебные платежи терекеменцев в прошлом были в основном те же, что и платежи других азербайджанцев, и только затем, в новой этнической среде, подверглись определенным изменениям. В этом отношении интересны сведения, встречающиеся в литературе. Так, в 1890 г. газета «Каспий» писала применительно к азербайджанцам, что они калым за девушку платят лошадьми, буйволами, быками, коровами, овцами и деньгами. «Кроме этого выкупа,— указывалось в газете,— существует еще выкуп под названием „сют пули“... количество коего определяется от 50 до 100 руб., смотря по состоятельности жениха. Эти деньги поступают полностью в пользу матери за то молоко своей собственной груди, которым она вскормила и вспоила дочь... Затем существует еще третий выкуп, именуемый по-татарски (т. е. по-азербайджански.— С. Г.) „капы пули“... Этот выкуп берется во время самой свадьбы, тогда, когда невесту хотят увезти в дом жениха». Получение этого последнего выкупа описывается следующим образом: «Брат, преградив у дверей невесты дорогу, не пускает ее, держит как бы в плену до тех пор, пока не дадут родственники жениха порядочный бахшиш»¹².

У терекеменцев эти платежи сохранились в значительно измененном виде. В изучаемое время обязательным брачным выкупом был предусмотренный шариатом кебин хаг («цена брака»), или гиймэт,— сумма денег, которую жених должен был выделить жене в качестве ее материального обеспечения на случай развода или вдовства. «Муж платит за жену кебин — удмий и простой поселянин»¹³,— гласили адаты Кайтагского уцмийства начала XIX в. Размеры кебинной суммы, как и других платежей, точно определены не были и зависели от обоюдного соглашения, социального и материального положения сторон. Все же, судя по нашим полевым данным, терекеменцы платили за девушку от 50 до 100—120 рублей., т. е. столько же, сколько и их соседи. В качестве кебина чаще всего выделяли скот, предметы домашней обстановки, деньги и, редко, земельный участок. В некоторых случаях установленная сумма как долг мужа жене просто записывалась в брачный договор, составляемый муллой или кадием при двух свидетелях сторон во время акта бракосочетания.

В числе более значительных брачных платежей, которые также обговаривались при сватовстве, были ёл-пули («дорожные деньги»). По нормам адата, ёл-пули составляли от 100 до 400 руб¹⁴. В отличие от кебин хаг, принадлежавшего женщине, выходящей замуж, ёл-пули поступали в распоряжение ее семьи и могли быть израсходованы по ее усмотрению.

Судя по имеющимся источникам, ёл-пули официально был отменен администрацией Кайтаго-Табасаранского округа во 2-й половине XIX в.¹⁵, хотя фактически продолжал бытовать еще долго, но в трансформированном виде: обычно в счет ёл-пу-

ли давали 30—40 сабу, т. е. арбу пшеницы, 1—2 овцы, 4—5 кг масла, 1 сабу риса, 2—3 головы сахара и т. д.

Согласовав через сватов вопросы, связанные с организацией свадьбы, семья жениха посылала, обычно вечером, 2—3 человека для официального оформления сговора. Для этого в дом девушки несли кольцо (чаще серебряное), шелковый платок и 3 руб. серебром. По этому случаю принято было устраивать обильное угощение как в доме невесты, так и в доме жениха для всех родственников и других присутствовавших гостей.

Со времени сговора стороны называли друг друга «гудалар» (гуда — сват) и становились как бы родственниками. С этого дня для сговоренной (частично и для жениха) начиналось время избегания — гизленмек, гачмаг. Невеста избегала всех старших родственников жениха, а также родственников — ровесников. Выходя на улицу, она должна была прикрывать рот концом платка и при встрече с родней жениха убегать, уходить с их пути. Жених также старался не попадаться на глаза старшим родственникам своей невесты. Если они встречались на его пути, он быстро уходил. Правда, когда обстоятельства того требовали, жених активно помогал семье невесты — заготавливал в лесу дрова, носил сено вместе с отцом невесты, но все это делал, не вступая в разговор. То же самое делала и невеста. Встретив, например, у родника мать или тетку жениха, она должна была наполнить водой их кувшины или же, встретив кого-нибудь из них с тяжелой ношей, донести ее до места, но молча.

Через несколько недель или месяцев (это зависело от экономических возможностей семьи жениха) в дом невесты торжественно несли часть кебина — яры кебин: одежду, отрезы тканей на одеяла, подушки, матрацы и т. д., а также сладости. Этот предсвадебный обряд назывался «гелешмег» («обручение»), а невеста отныне — «гелешинен» («обрученная»). Гелешмег был важным этапом свадебного цикла. Если до этого времени жених не имел права общаться с невестой, то теперь он такое право приобретал. Обычно жених приходил к невесте поздно вечером, причем втайне от взрослых мужчин (отца, братьев) дома невесты. Поэтому он старался выбрать время, когда тех не было дома. Такое посещение женихом невесты называлось «пенжере геле» («идет к окну»). В отличие от последующих посещений, также известных под названием «пенжере геле», это первое посещение имело и другое название — «ёл ача» («открывает путь»). Оно обставлялось торжественно, сопровождаясь взаимным обменом подарками. Жениха сопровождал его близкий друг — гиевюн нукери, а невеста встречала его с близкой подругой. Обычай требовал, чтобы жених в первое посещение передал невесте и ее подруге подарки, завязанные в кусок ткани — хош хабар бухча («узел приятных известий»).

Другие встречи обрученных, также тайные, могли состояться в доме тетки, снохи и других родственниц невесты, а также у ее подруги, т. е. там, где для этого были соответствующие условия

и где не было взрослых мужчин. В некоторых селениях (Джемикенте и др.) для встреч с женихом в доме невесты отводили одну из комнат, которую специально обставляли.

Надо полагать, что описанный обычай восходит к традиции матрилокального брачного поселения и является таким ее пережитком, при котором жених встречался с невестой в ее же доме или в доме ее родственников, но уже втайне от мужчин ее семьи.

Со времени сговора семья жениха оказывала семье невесты различные знаки внимания — периодически посылала подарки, изысканные кушанья, мясо, масло, фрукты. Если у кого-нибудь из родственников девушки бывала свадьба и сговоренная выходила танцевать, родственники жениха устраивали в ее честь гашабаш — одаривание ее деньгами. Деньги либо бросали ей на голову во время танца, либо (чаще) передавали через мангуша (глашатая), который тут же объявлял имя того, кто делал гашабаш, и сколько денег он дарит, а потом передавал эту сумму сопровождающей невесту родственнице.

Когда назначался день свадьбы (обычно в четверг — хамис гюн, так как этот день считался счастливым), жених посылал невесте свадебный наряд — палтар, или базарлыг («рыночный»), базар палтар («купленная на рынке одежда»). В состоятельных семьях такой наряд включал шелковый платок — харашал, или назназы, 1—2 отреза шелка на платье, 1 отрез ткани типа тафты на эсме — длинную рубаху; обувь из красного сафьяна — гырмызы чарых, нарядные уличные башмаки, вышитые серебряной канителью, — сагру башмаг и другие принадлежности свадебного туалета. В этот же день принято было совершать обряд раскроя одежды невесты в присутствии родственников обеих сторон. Одна из уважаемых женщин символически надрезала ткань каждого отреза, выражая при этом добрые пожелания невесте и жениху. Раскрой же и шитье обычно производились позже опытной портнихой. Для этого тоже выбирали «хороший день» (чаще четверг), причем ни в коем случае не пятницу, считая, что скроенный в этот день костюм будет либо излишне длинным, либо чересчур коротким («Я узун олур, я гысга»).

Со дня получения от жениха свадебной одежды до свадьбы обычно проходило не более 10—20 дней. В этот промежуток времени невеста не должна была выходить на улицу, общаться с посторонними людьми. В один из дней совершалось религиозное оформление брака. Оно происходило в доме сельского муллы или кадия в отсутствие жениха и невесты. Обычно отец невесты и отец жениха посылали для участия в этом обряде двух представителей от каждой стороны. Бракосочетание проходило при закрытых дверях, тайно от посторонних. У терекеменцев, как и у многих других народов, существовало поверье, что злые люди могут помешать браку, прибегнув к колдовству, например завязав в момент бракосочетания узел — баглама или по-

вернув ключ в замке, сопровождая эти действия магическими словами. Считалось, что в этом случае брак не будет прочным.

Перед самой свадьбой в доме невесты устраивали девичник — гызлар гежеси («ночь девушек»). На него приглашались подружки и молодые родственницы невесты, а в некоторых селениях (Джемикенте, Татляре и др.) также юноши и сам жених. Здесь они играли на бубне — деф, пели, варили суп — гызлар шорпасы для угощения присутствующих, танцевали, девушки красили себе хной пальцы, ладони рук и ногти ног. Здесь звучали прощальные песни подруг — магнилар:

Эриклер элчелешди,
Дорд яны гойчеклешди.
Халал эйле, джан бажым
Гетмегинг герчелешди.
Бажым гетди, янарам,
Гелсн гюнюн сонарам,
Геденде кюстюрмишдим,
Геленде гёнгюн аларам.

Кислая алыча стала спелой,
Вокруг стало красиво,
Прости нас, дорогая сестра,
Настало время расставания.
Сестра ушла, я говорю,
Считаю дни встречи.
Я обижала ее, когда с ней
расставалась,
Придет, порадую ее.

Иногда устраивали игру этелеш, подталкивая юношей к любимым ими девушкам, заставляя невесту танцевать с женихом. В некоторых селениях жениха и невесту в этот вечер заводили в отдельную комнату и в шутку заставляли невесту «мыть» голову жениху. Если жениху не полагалось присутствовать на вечере, его приводили тайно, под видом кунака, нарядив в чабанскую одежду и большую папаху. Дружки приглашали невесту станцевать с «гостем». Юноши же, догадавшись, что перед ними жених, кричали «гонага харс» и дружно хлопали в ладоши. Если невеста узнавала жениха, она тут же убегала. Особой радости в этот вечер невеста внешне не должна была проявлять.

Назначив день свадьбы, стороны готовили для нее все необходимое. Обычай требовал, чтобы приглашенным было подано обильное угощение и оказан достойный прием. В узком кругу заранее обсуждалось, кто за какие работы будет отвечать, кто будет на свадьбе тамадой и его помощником. Заранее посылали за музыкантами в табасаранские аулы Дюбек или Ерси. Не забывали и о том, что дом жениха должен послать для свадьбы в дом невесты 10—15 живых кур, 1 барана, 9 блюд халвы.

Интересную форму у терекеменцев имело приглашение родственников на свадебные торжества. Женщин на свадьбу приглашали только женщины, мужчин — мужчины; при этом мужчины обязательно объезжали аул на коне. Близких родственников и друзей приглашали накануне свадьбы, причем сначала не в дом жениха, а туда, где проходила подготовка к свадьбе. Там мужчины должны были резать для свадебного стола скот, готовить мясо. Поэтому им объявляли, что приглашают на место, где режут скот: «Сизин мал кесен ере чагыра». Родствен-

ницам же объявляли: «Сизин галач биширен ере чагыра», т. е. приглашали к печи, где пекли для свадьбы хлеб, пироги, калачи и т. д. Приглашенные женщины шли к печи, захватив с собою масло, сахар, яйца. Мастерицы готовить восточные сладости сразу же включались в работу, а другие женщины помогали им, чем могли. Все приглашенные на свадьбу несли в дом жениха и невесты подарки, кто что мог: невесте — отрезки тканей, предметы домашней обстановки, жениху — деньги, зерно, овец и т. д.

Для приглашенных накануне свадьбы в послеобеденное время во дворе дома жениха устраивали танцы. Это веселье, как бы прелюдию свадьбы, терекеменцы в шутку называли «Шайтан аяг башлана» («Нога шайтана начинает действовать»).

Настоящая свадьба начиналась на утро следующего дня, когда к дому жениха и невесты стекались все приглашенные женщины и мужчины. Кроме других подарков многие женщины-родственницы несли на свадьбу большие подносы со всякого рода яствами (жареными курами, халвой, фруктами и т. д.).

Танцевали разные танцы: агыр хава, узун дере — медленные танцы, кайтагы — быстрый танец (один из видов лезгинки), авара кехва — шуточный танец с прыжками и акробатическими номерами. Сопровождались танцы игрой на барабане и двух зурнах. Иногда (в бедных семьях) ограничивались чонгуром — инструментом типа балалайки.

Свадебным весельем руководил опытный, остроумный человек. Он именовался тамадой или (чаще) шахом. Он вел свадьбу по традиционному сценарию, но позволял себе и импровизации. Тамада выбирал помощников: везира, с которым часто «советовался», и векила — писаря, который вел учет поступающих от гостей «штрафных» денег и других поступлений на стол шаха. В распоряжении тамады были, кроме того, джаллаты («палачи») из самых крепких молодых людей, которые наказывали нарушителей свадебного порядка. Немаловажную роль на свадьбе играл и чауш — глашатай. В данном случае это был шутник, умеющий развлекать и забавлять гостей, создавать смешные ситуации. Шах сам без особой надобности непосредственно к собравшимся не обращался. От его имени действовали его помощники — каждый на своем участке.

Шах, везир и векил сидели за отдельным столом, куда подавалось лучшее угощение, напитки и куда поступали штрафы с провинившихся. Над столом обычно висела большая ветка дерева — шаг табаг, украшенная разными яствами и обвешанная тонкими шелковыми платками, отрезами тканей, которые приносили родственники жениха. Если кто в шутку подходил к шаг табаг и пытался что-либо взять с нее, джаллаты, оберегавшие шаха, тут же задерживали виновника и по приказу шаха накладывали на него штраф. Иногда они закрывали «виновных» в сарае, привязывали их арканом к столбу, к коновязи, обливали холодной водой, подвергали другим шуточным наказаниям.

В обязанность чауша входило делать объявления от имени шаха, приглашать девушек на танец с юношами (выполняя при этом особые поручения последних). Через него же передавались денежные вознаграждения, которые получали девушки от юношей. Получив от танцора деньги для передачи девушке, чауш шел по кругу, объявляя, что такой-то юноша сделал гашабаш такой-то девушке в такой-то сумме, а потом передавал ей эти деньги через сидящую рядом с ней женщину.

В разгар свадьбы, примерно в полдень, все ее участники вместе с музыкантами — награчылар отправлялись пешком за невестой. Для нее предназначалась арба с высоким плетеным навесом, покрытая паласом или белой простыней. Такая арба называлась «илдирах араба». Пока невесту готовили к выходу, во дворе ее дома устраивали танцы. Ее тщательно обряжали в свадебный костюм, укутывали покрывалом, поверх всего завязывали поясом-платком. Женщины пели обрядовые песни — «Ог, берекалла гелин» («О благословенная невеста!»). Запевалой выступала обычно родственница жениха. Она пела:

Арандан гомуш бахар, Гёзлерине шам яхар, Гелинни апарадык Ишивюзе ким бахар. Аг эллере элван хина. Яг, берекалла гелин! Минирам дамувуза, Сув алам джамувуза. Гардашым хатири учун. Гурбанам амувуза Аг эллере элван хина, Ог, берекалла гелин!	Из хлеба смотрит буйвол, Глаза светятся, как свеча. Мы невесту увезем, Кто будет делать вашу работу? На белые руки алую хну Клади, благословенная невеста! Поднимусь я на крышу вашу, Наберу воду в вашу миску. Ради уважения к брату Готова стать вашей жертвой. На белые руки алую хну Клади, благословенная невеста!
--	--

После каждой строки хор повторял припев: «Ог, берекалла гелин!» Родственница невесты от имени ее матери, в свою очередь, пела:

Гызымыз эриклиди, урюклюдю. Алхинасы яхилитди. Къзыыл юзюгю тахилитди, Вермерик, гызы вермерик, Аши бишмиш, гудалар, Устю кишмиш, гудалар, Бизин сыйлы, гудалар, Илан санчмыш гудалар.	Наша дочь прекрасна, Алой хной покрыта, Золотое кольцо надето. Не отдадим дочь, не отдадим, Хотя и плов готов, И он кишмишем посыпан. Дорогие наши сваты, Укушенные змеей сваты.
---	---

Поэтическое состязание и шуточный спор сторон длились часа полтора. Если родственницы жениха видели, что приданое невесты небогато, они пели в насмешку:

Аста чекин арабаны, Сандыг душар, яр-яр. Долагын агына бах, Салланан багына бах, Озью бахалы гелин Гетирен малына бах.	Осторожнее распрягайте волов, Может с арбы упасть сундук, Посмотри на белизну обмотка, На свисающий шнур. Сама невеста стоит дорого, Посмотри же на ее приданое.
---	---

Азбалыйн бир гызы,
Демирден пузынысы.
Пуллары чох алса да,
Гуп — гуру верди гызы

Единственная дочь Азбалы,
Поднос ее из железа,
Хотя от жениха требовала много
денег,
Выдала дочь без приданого.

Пока во дворе шли танцы, состязания сторон в песнях, невесту готовили к отправке в дом жениха. Когда все было готово, брат или другой близкий родственник жениха заходил в помещение за невестой. Его сразу не впускали, требовали выкуп — капы кесен пули в размере 2—3 руб.¹⁶. К этому моменту невеста, укутанная с головы до ног, сидела на сундуке и перед ней лежал большой поднос с халвой — гочгар халва с воткнутыми в нее четырьмя свечами — шамлар. Родственник жениха, обращаясь к невесте, говорил: «Когда сват приходит, разве невеста не встает?» Невеста трижды делала попытку встать в знак уважения, но наставницы-енги, которым поручалось сопровождать невесту в дом жениха, сажали ее на место, требуя для себя денежного вознаграждения (2—3 руб.) за право поднять невесту. Обычай требовал, чтобы представитель жениха поднял невесту, держа ее за конец поясывавшего ее талию платка, но ни в коем случае не за руку.

Выводили невесту из дома и сажали на арбу ее наставницы — снохи либо другие родственницы семьи девушки; они же несли с собой зажженную лампу и поднос с халвой. По традиции, на присланную женихом свадебную арбу с навесом мать невесты должна была повесить украшения: надеть на рога буйволов разноцветные шелковые платки — наз-нази, полоски дорогих тканей. На другой арбе (из дома невесты) везли приданое невесты, ее имущество, которым по прибытии обставляли комнату новобрачных.

На свадебной арбе ехали обычно только невеста и ее наставницы, а все остальные шли пешком с музыкой и пением. Если невеста выходила замуж в другой аул, молодежь преграждала свадебному поезду путь (ёл кесе, ёл баглай), требуя от свиты невесты выкупа. Откупались обычно жареными курами, вареным мясом, реже — деньгами. Друзья жениха один за другим открывали стрельбу из пистолетов, чтобы было шумно, били палками в ворота односельчан, мимо которых проходили. Впереди торжественной процессии шли с танцами и песнями близкие родственники жениха, а за ними — дальние и посторонние. Торжества в доме невесты проходили скромно, без приглашения со стороны музыкантов и, как правило, заканчивались, как только свадебный поезд выезжал за ворота.

С приближением свадебного поезда к дому жениха все гости и домочадцы выходили его встречать. Первым делом невесту приглашали в дом. Но наставницы не разрешали ей слезать с арбы, требовали выкуп — енге пули (обычно 3 руб.). Только после удовлетворения этого требования невеста слезала с арбы, по обычаю наступая на буйволиную шкуру. Затем ее выво-

дили в круг танцевать с другом жениха — досту. В подарок ей все родственники жениха кидали на специально поставленный поднос деньги. После этого наставницы вели невесту в комнату, где уже находилось ее имущество. И здесь у дверей ей под ноги стелили шкуру барана, давали отведать меда, пожелав, чтобы жизнь в доме была удачной, счастливой.

Во многих терекеменских семьях почетный угол комнаты для невесты отгораживали занавеской, за которую ее сажали на 2—3 дня.

Вскоре после привода невесты в дом жениха торжества переносились в тот дом, где в это время находился жених. Это был дом его близкого друга (досту, гиевюн нукери), обычно жена-того человека. На последнем этапе свадьбы жениха переводили в дом близкого родственника. Вслед за женихом туда же с музыкой направлялись почти все участники свадьбы — родственники, соседи, друзья и т. д. Состоятельные терекеменцы, кроме того, приглашали на это торжество певца — ашуга, который воспевал лучшие качества жениха, выражал ему в стихах добрые пожелания в связи с браком. Этот обычай назывался «гнев бетмек» («возносить, хвалить жениха»). Традиционная часть стихотворного обращения к жениху включала в себя следующие строки:

Гнев, сенин тахтынг любарек олсун,
Сен оласан этти угул атасы!
Чагыр, гелсин, бу гиевюн атасы,
Атасы гёрмесин угулун ярасын.
Чагыр, гелсин, бу гиевюн анасы.
Анасы гиймесин угулун гарасын.
Чагыр, гелсин, бу гиевюн бажысы,
Бажысы гёрмесин гардаш ажысын.
Гнев, сенин тахтынг любарек олсун,
Элинг, абанг, дос-гардашын вар олсун!

Жених, да будет благословенным
твой тахт¹⁷.
Чтобы ты стал отцом семерых сы-
новей!
Пригласите сюда отца жениха,
Пусть отец никогда не увидит не-
счастья сына.
Пригласите сюда мать жениха,
Пусть мать никогда не наденет
траур по сыну.
Пригласите сюда сестру жениха,
Пусть она никогда не увидит горя
брата.
Жених, да будет благословенным
твой тахт!
Пусть будут счастливы твой народ,
твой очаг, твоя родня.

Хозяин дома встречал гостей богатым угощением. Кульминационным моментом торжества в доме родственника была традиционная процедура одаривания жениха деньгами. При этом жених и его друг — досту стояли у двери. Один из родственников держал поднос, куда все присутствовавшие бросали деньги для жениха. Процедуру одаривания обычно начинала его родная сестра, которая предварительно обнимала брата, а потом передавала определенную сумму денег. За ней другие родственники тоже дарили жениху деньги в зависимости от степени родства и материальных возможностей. Эта процедура завершалась танцем жениха — гнев ойнатан.

К вечеру большинство участников свадьбы расходилось по

своим домам. С женихом оставались молодые люди, его родственники и друзья. До самой ночи друзья ели, пили и веселились. Сюда же приносили поднос с халвой, приготовленной в доме невесты. К концу веселья, по традиции, хозяин дома разрезал халву на равные куски и раздавал всем присутствующим, которые после этого, оставив жениха и его друга, также уходили домой. Поздно ночью друг приводил жениха к невесте. И здесь не обходилось без выкупа — жених за право входа к невесте должен был платить тахт пули в размере 3—5 руб.

У терекеменцев, как и у других народов Кавказа, большое значение придавали девственности невесты. Если она оказывалась не невинной, что бывало крайне редко, ее тут же выгоняли из дома вместе с ее наставницами. Сохранилось предание о том, что некогда девушке, оказавшейся не невинной, отрезали косы, затем сажали ее на ишака и, накинув бурку, возвращали отцу.

После брачной ночи молодожен должен был два-три дня находиться неотлучно с молодой женой в свадебной комнате. Туда же с поздравлениями приходили его ровесники, которых молодой муж должен был щедро угощать, но уже тем, что привозила в своем сундуке новобрачная (куры, слоеные чуреки, халва и т. д.). Скупого новобрачного подвергали штрафу — джериме. И здесь не обходилось без одаривания новобрачных. Каждый, кто угощался из сундука невесты, должен был положить на поднос деньги. Этот обычай назывался «гиев яны» («пай жениха»).

Утром на третий день свадьбы совершался обряд бет ачан («открытие лица молодой»). В этой церемонии принимали участие только женщины-родственницы. Обряд заключался в следующем. Приводили мальчика 5—7 лет (обычно сына одного из друзей новобрачного) и, вручив ему палку с надетым на нее слоеным калачом и привязанным с другого конца шелковым гашником, велели поднять одним концом покрывало — дуваг с лица новобрачной. Затем руки новобрачной опускали сперва в муку, потом в масло и мед. При этом старшая наставница произносила: «Шу ун киби башынг агарынжа яшаясан, яглы оласан, бал киби ширин оласан эринг ве бизин де иле» («Да будешь ты жить до старости в достатке и в дружбе с мужем и с нами»). После этого молодая должна была пожелать здоровья и обнять всех женщин, начиная со старых и кончая молодыми. Принято было при этом устраивать угощение — плов с бозбашем, после чего все участники церемонии должны были кинуть на поднос деньги — пул ата в подарок молодой. Больше всех оставляла денег на подносе старшая женщина дома. Собранные таким образом деньги в некоторых селениях (Берикее и др.) мать юноши должна была раздать родственникам новобрачной: матери (ана пай — доля матери), сестре (бажы пай), тете (хала пай) и т. д. С обрядом открывания лица и денежными подарками был связан и обычай открывания сундука невестки и раздачи ее подарков — джегиз родне мужа. Это, как правило;

делала старшая наставница — представительница дома молодой. Обычно это были носовые платки, чайные полотенца, шелковые платяные гашники, мелкие переметные сумы, кисеты для табака, детские шапочки из дорогих тканей и т. д. При раздаче подарков наставница учитывала степень родства, суммы денежных подарков со стороны новобрачного, оказанные ему услуги и т. д.

После этого следовал обряд приобщения новобрачной к дому — приглашение ее в общую семейную комнату — гелини ашага дюшере («невестку приводят вниз») ¹⁸. Сроки проведения этого обряда зависели от различных обстоятельств: в одних семьях (обычно в бедных малых семьях) молодую приводили быстро, дня через три, в других (более состоятельных и многочисленных) — через 10—15 дней после свадьбы.

Важным моментом свадебного торжества и приобщения молодой к хозяйственной жизни семьи мужа был и выход ее за водой — сува чыгара. Это происходило обычно через 2—3 месяца после свадьбы. Молодая шла в своем свадебном наряде в сопровождении так же нарядно одетых подруг, родственниц мужа. Особых торжеств при этом не было — обходилось без музыки, песен, танцев. Старшая родственница лишь раздавала от имени новобрачной всем участницам шествия и встречным сладости (конфеты, кишмиш и др.). Только после выхода молодой за водой она имела право показываться людям на улице, общаться с посторонними, хотя бы и в крайних случаях.

Последним обрядом, связанным с заключением брака, являлось первое посещение молодой дома своих родителей. Инициатива приглашения исходила от ее матери. Вместе с дочерью приглашались родственницы ее мужа. Свекровь должна была отправить невестку в дом ее родителей с положенными подарками — долей для домочадцев.

Отец со своей стороны делал дочери по возможности хороший подарок — корову, телку или овцу. Обычай какое-то время оставаться в доме родителей терекеменцы не знали, молодая в тот же день вместе со всеми возвращалась в дом мужа.

Ответный визит ее родственников следовал через несколько дней. Он также сопровождался обменом подарками.

У терекеменцев сравнительно широкое распространение имели ограничения и запреты, которых должны были придерживаться новобрачные. Среди них особое место занимали ограничения, известные в специальной литературе под названием обычаев избегания — гезинмек, гачмак, гизленмек или диллен-мемек.

Как мы частично отмечали выше, после заключения брака молодожены еще долго продолжали избегать друг друга при посторонних. Свободное время молодой муж должен был проводить не с женой, а в общей семейной комнате отцовского дома. Если туда по делам заходила жена, он тут же покидал помещение. Если же им обоим все же приходилось находиться вместе в семейной комнате, они вели себя как чужие. Запрет

разговаривать между собой в присутствии других (особенно при старших родственниках) продолжался чуть ли не десятилетиями. Этот обычай особенно строго соблюдался в неразделенных семьях, где имелись старшие родственники. Что касается избегания между невесткой и старшей родней ее мужа, с одной стороны, и между ее мужем и ее родней — с другой, то оно имело различные временные и другие границы. Так, избегание свекрови и других членов семьи мужа продолжалось два-три месяца. В течение этого времени молодая не участвовала в общей трапезе с женщинами старшего возраста. По истечении двух-трех месяцев свекровь предлагала невестке прекратить избегание. Обращаясь к невестке, она говорила: «Гызым, гизленмегиви ач, гизленивунг бесдир, чохсаг ол. Бизин инен отур, ийич» («Дочь моя, прекрати избегание, хватиг, спасибо. С нами садись, ешь, пей с нами»). При этом она должна была сделать молодой какой-нибудь подарок. Избегание по отношению к свекру (гайын ата) могло быть и часто бывало пожизненным. Невестка могла обслуживать свекра, прибирать его комнату, подавать еду, но молча. Вербальное общение запрещалось. В отличие от нее он мог к ней обращаться с разными поручениями, но она обязана была выполнять их молча. Только в исключительных случаях, когда в доме не было никого, кто мог бы это сделать, она передавала ему чужую просьбу. Но и при этом она обращалась как бы не к нему, а к другому лицу. Вообще при старших она всегда закрывала концом платка рот (яшмаг вур), отвечала на их обращение сдержанно и лаконично.

Молодой муж полностью прекращал избегание родственников жены через два-три месяца после женитьбы. Интересен уже упомянутый обычай, согласно которому молодой муж в течение трех дней после брачной ночи должен был неотлучно находиться в свадебной комнате. Он выходил лишь тогда, когда появлялась наставница, причем и в этом случае он не выходил к людям, а прятался в сарае. Лишь на время совершения обряда открывания лица молодой он переходил в дом друга. Этот элемент избегания пока не получил научной интерпретации. Возможно, он связан с обычаем похищения жениха — алып гачан, который, в свою очередь, мог быть одним из элементов свадебной обструкции. Судя по полевым данным, если жених по неосторожности выходил из помещения в первую брачную ночь, молодежь иногда предпринимала попытку его похитить. Жениха в этом случае уводили к роднику или в сад, а родственники затем выкупали его за угощение.

Особую группу запретов для молодой составляли предписания адата не произносить имена родственников мужа, в особенности старших (как и самого мужа). Но это касалось относительно близкой родни. Женщин из тухума мужа молодая называла: старших — хала, ровесниц — бажы, при этом добавляя и их собственные имена. Мужчин старше себя она называла эми, даи, также с добавлением собственных имен (Али эми, Вали даи

и т. д.), а младших чаще всего — гадаш. Родителей мужа и их родителей она именовала так же, как их собственные дети: мама, ана (мать), эде, эми, атай (отец), абай, нене (бабка), деде (дед). Сестра мужа была для нее балдыз, брат мужа — гйын улан. Мужья двух сестер были друг для друга бажанак.

Невестку обычно все называли просто невесткой (гелин) и только если в доме было несколько невесток к этому добавляли их собственные имена. Бывало и так, что дети в семье обращались к молодой невестке не как к гелин, а как к бажы или бажы гелин. Младшая невестка для старшей была гелин с добавлением собственного имени, старшая для младшей — бажы также с добавлением собственного имени.

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей

Рождение ребенка, особенно мальчика, у терекеменцев, как и у других народов Кавказа, воспринималось как радостное событие. Многодетность считалась важнейшим показателем счастливой семейной жизни супругов. Тем более что в условиях того времени, когда на терекеменской низине свирепствовала тропическая малярия, далеко не все дети были здоровыми, а многие погибали, не достигнув 7—10 лет. Погибали малолетние дети и от эпидемий оспы, кори и др. В результате многодетность становилась скорее идеалом, чем реальностью.

Беременной женщине семья старалась не поручать тяжелую работу, оберегая как ее здоровье, так и здоровье будущего ребенка. Молодая женщина обычно долго скрывала свою беременность от членов семьи, но когда это все-таки становилось известно (об этом чаще всего сообщали свекрови другие невестки), ей уделяли особое внимание. Свекровь старалась, чтобы она лучше питалась, больше отдыхала. Считалось, что, если беременная женщина испытывает потребность в той или иной пище и не удовлетворит ее, на теле ребенка могут появиться родимые пятна.

Рожала женщина с помощью повивальной бабки — эбечи хатын, губек кесен, мамачы хатын. В каждом селении могло быть несколько таких женщин, обладающих опытом приема родов. При трудных родах повивальная бабка искусно массировала живот роженице, заставляла ее ходить по комнате. Существовало поверье, что необходимо охранять помещение, где происходили роды, чтобы уберечь роженицу от «дурного глаза», «вредоносных сил». Считалось, что недоброжелатели могут навредить роженице и будущему младенцу. Поэтому в комнате почти всегда держали в качестве оберегов что-нибудь из золотых украшений, а у входа — железные предметы (топор, лемех от плуга и т. д.).

Новорожденному перевязывали пуповину ниткой, тут же купали в теплой воде и, надев на него рубашку и завернув в пеленки, укладывали около матери.

Мать роженицы при родах, как и у соседних кумыков, у терекменцев не присутствовала. Только получив радостное известие о благополучном рождении ребенка, она шла к дочери с праздничным угощением. Придя, она не покидала дочь в течение 6—7 дней и брала на себя все основные заботы по уходу за младенцем и роженицей.

Муж роженицы должен был избегать в эти дни встречи с ней и жить в течение 10—15 дней в комнате своих родителей. Старалась не попадаться на глаза старших мужчин семьи, в том числе и мужа, и сама роженица. В течение 40 дней она находилась как бы в изоляции, не дотрагивалась до котла с пищей, не пекла хлеб, не приносила воду, почти не участвовала в основных домашних работах, как и у других народов, у которых роженица считалась нечистой.

Примерно через неделю после рождения ребенка его торжественно укладывали в люльку и давали ему имя. На это торжество приглашались только женщины — родственницы и соседки. Все приглашенные шли в дом с подарками: несли муку, зерно, ткани, предметы детской одежды. Продукты и ткани семья обычно вручала в качестве подарка повивальной бабке. Кроме того, она щедро оплачивала ее труд, выделяя один-два мешка пшеницы и отрез на платье.

Перед обрядом наречения именем ребенка одевали в приготовленную для него новую одежду, а после — укладывали в красиво убранную люльку. Принято было прокричать имя ребенку в ухо. Чаще всего давали имя умершего родственника. Нарекая такое имя, женщина обращалась к покойнику со словами: «Твое имя дали этому младенцу, приди и благослови его». Одновременно «для души покойного» раздавали какое-нибудь приношение (халву, слоеные чуреки и т. д.). Нарекали и именами живых, особенно друзей, кунаков. Если кто-нибудь из друзей, хороших знакомых давал свое имя ребенку, он делался как бы родственником.

Если в семье дети умирали подряд, один за другим, то очередному новорожденному «для спасения жизни» шили куртку из разных кусков ткани, собранных из 40 домов. Было принято «красть» детей или «продавать» их родственницам на какое-нибудь время, чтобы «черти не нашли дорогу к нему и перестали его беспокоить». По истечении этого срока ребенка возвращали обратно. При частой смерти детей в качестве оберега было принято вдвевать мальчику в правое ухо серьгу.

Через 40 дней после рождения ребенку брили волосы на голове, считая их «нечистыми» (мурдар тюк). Если дети умирали подряд, то новорожденному мальчику оставляли косичку, чуб (кэкил), носимые до 7 лет. По истечении этого срока кэкил срезали, устроив для этого специальное торжество — кэкил той. Церемония состояла в следующем. В назначенный час нарядно одетого мальчика выводили в центр двора, сажали на коврик, потом каждый из родственников по очереди подходил к нему

и бросал на приготовленный для этого поднос деньги, кто сколько мог. Затем один из старейших родственников, обычно дядя по отцу или по матери, торжественно отрезал чуб. Этот обряд, который, по-видимому, в прошлом был связан не только со снятием чуба, но и с благополучным достижением семилетнего возраста, сопровождался богатым угощением для всей родни. Особые торжества сопровождали и обряд снятия серьги у мальчика по истечении 5—7 лет.

Почти все дети носили талисман, так как верили в силу «дурного глаза» и вообще действия злых сил. В качестве оберегов к детской одежде пришивали написанные муллами молитвы, завернутые и зашитые в треугольные (питик) или четырехугольные (гейкал) кусочки ткани. На детской одежде часто можно было видеть бусины — сердоликовые, агатовые, нефритовые, а также когти рыси, которым приписывалась магическая сила. Считалось, что они предохраняют от многих заболеваний, от «сглаза» и т. д.

В целом обряды, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка, представляли собой сплав практических навыков и эмпирических знаний с иррациональными колдовскими приемами.

Обряд торжественного укладывания ребенка в люльку совершался через неделю после его рождения. Продолжительность пользования люлькой, равно как и кормления детей грудью, зависела от разных обстоятельств. Обычно это продолжалось до полутора-двух лет.

Укладывая детей спать, женщины (обычно бабушка) пели им колыбельные песни — лайлалар. Каждая женщина хорошо знала традиционные колыбельные песни. Кроме того, многие женщины, особенно старшего возраста, умели слагать их сами. Вот один из образцов колыбельной песни:

Лайла ¹⁹ десем ятарсан	Когда я скажу «лайла», ты ляжешь,
Гызыл гюле батарсан,	Будешь утопать в розах,
Гызыл гюллер ичинде.	В красных розах
Ширин юху тапарсан.	Ты найдешь сладкий сон.
Лайла бюлбюлюм, лайла,	Спи, мой соловей, спи,
Бугда сямбюлюм, лайла,	Спи, мой пшеничный колос, спи.
Эвде гызыл гюлюм, лайла,	Красная роза моего дома, спи.
«Лайла» дедим ужадан,	Я сказала тебе «лайла» с высокого
Сесинг гелир бажадан,	места,
Сени аллах сахласын	Слышу твой голос из комнаты.
Чечекден, гызылжада.	Пусть бог тебя спасет —
Лайла, бешигим лайла,	От оспы и кори,
Эвим, эшигим, лайла ²⁰ .	Лайла, моя колыбель,
	Мой дом, лайла.

Если у ребенка рано умирали родители и его брали на воспитание родственники, в колыбельной песне по поводу печальной судьбы ребенка пели так:

Ана сютюнден доймаян бала, лайла,	Не успевший познать всю материн-
Анасын эпегин иймсен бала, лайла.	скую ласку ребенок, лайла.

Ана гуллугун гёрмесен бала, лайла
Атасынын анасынын палтарын гиймесен
бала, лайла.

Не успеший пость материнского
хлеба ребенок, лайла.

Не успеший попользоваться мате-
ринской заботой ребенок, лайла.

Не успеший вырасти, чтобы но-
сить отцовскую (материнскую)
одежду ребенок, лайла.

По истечении двух-трех лет, иногда и раньше, мальчику де-
лали обрезание — сюннет. Обряд обычно совершался весной
приезжавшими в Терекеме из даргинских аулов мастерами это-
го дела. Они ходили по аулу, спрашивая, кто хочет совершить
обрезание детям.

Много времени дети, особенно мальчики, проводили в играх.
Мальчики играли в прятки, жмурки, волчок, состязались в бе-
ге, а подростки — в скачках, метании камней, в стрельбе из лу-
ка, катались с гор на лыжах. У девочек были свои традицион-
ные игры.

Состоятельные родители определяли детей, чаще сыновей,
в примечетские начальные школы, где они в течение 3—5 лет
учились читать Коран и пользоваться арабским алфавитом.
В общеобразовательных школах дети терекемецев, как прави-
ло, не учились.

Погребальные обычаи и обряды

Похоронные обряды терекемецев мало чем отличались от об-
рядов других народов, исповедующих ислам.

Тяжелобольного родственника окружали неусыпным внима-
нием и заботой. Если не было никакой надежды на его выздо-
рвление, родственники деликатно узнавали у него последнюю
волю. Когда больному становилось совсем плохо, к нему при-
глашали человека, умеющего читать Коран, который обычно чи-
тал над умирающим суру «Йа син».

Когда наступала смерть, покойного обмывали (мужчины —
мужчину, женщины — женщину) и облачали в саван (2—3 слоя
материи). Для женщины, бывшей дважды замужем, делали са-
ван в два раза больше обычного (4—5 слоев). Перед тем как
завернуть в саван, на умершего (и особенно на умершую) обы-
чно надевали новую нательную одежду — длинную рубаху и шта-
ны. Женщине расчесывали волосы и надевали на голову пла-
ток, нередко и чалму. Когда умирала молодая женщина или
девушка, ее облачали в нарядную одежду, надевали украшения.

Похороны, как правило, устраивали в день смерти. Если же
смерть наступала во второй половине дня, после заката солн-
ца, умершего хоронили утром следующего дня. На кладбище
покойника несли на носилках — жиназе и исключительно муж-
чины. Чем больше было сопровождающих покойника родствен-
ников и друзей, чем чаще носилки переходили из рук в руки.
Участие женщин в выносе тела умершего и в погребальном
обряде на кладбище шариятом не допускалось.

Покойника помещали лицом на юг (в сторону Каабы) в прямоугольную яму с подбоем. Подбой перекрывали дубовыми досками, приложенными к стенке погребальной камеры. Могилу засыпали землей, вынутой из ямы. На могиле у изголовья покойного ставили вертикально толстую дубовую доску или каменную плиту, которую состоятельные люди вскоре заменяли постоянным памятником из тесаного камня — гебирдашы. На лицевой стороне его делалась арабская надпись с именем умершего, именем его отца, датой смерти, а также отдельными изречениями из Корана. Богатые семьи, кроме того, обе стороны стелы покрывали орнаментальным узором растительного и геометрического характера, обрамляли могилу массивными плитами. Некоторые семьи (менее состоятельные) делали только ограду из дерева, а бедные семьи ограничивались надмогильной плитой. Стела для мужчин завершалась шарообразным навершием, для женщин — дугообразным или прямоугольным.

Каждое селение (или группа селений) имело свое кладбище — гебристан, расположенное недалеко от жилых кварталов²¹.

Возвращаясь с кладбища, родственники шли в дом умершего с криком и плачем, а навстречу им, также с плачем, выходили женщины. Церемонии, связанные с похоронами и с массовым оплакиванием — яс умершего, продолжались обычно 7 дней. Все эти дни односельчане, а в ряде случаев и жители соседних аулов, группами шли к семье умершего с соболезнованиями. В течение этого времени родственники-мужчины с утра до вечера находились во дворе и принимали соболезнования. Место, где они размещались, называлось «тазият» (арабск. «утешение»). С приходом каждой новой группы людей все родственники (кроме стариков) должны были вставать и стоя принимать соболезнования. Старший из пришедшей группы при этом говорил добрые слова в адрес умершего, а затем в качестве заупокойной молитвы все читали текст первой суры Корана — Алгам (арабск. «Ал-хамд»). Отсюда и само название посещения мужчинами дома покойного — алгама гедир (идет на алгам). Посещение же женщинами семьи покойного называлось «яс» или «гайгырыш» («яса гедир», «гайгырыша гедир» — идет на плач, идет выражать соболезнование)²².

Обряд оплакивания проходил всегда в помещении. Родственницы занимали ряд направо от входной двери, остальные размещались на свободных местах. Сестра, тетка, жена умершего должны были сидеть у самой двери, на виду у всех, чтобы пришедшие сразу могли подойти к ним. Полагалось, чтобы женщины, приходившие с соболезнованием, брали на себя и роль плакальщиц. Чтобы выполнить этот нравственный долг, женщина из близкой семьи должна была сначала подсесть к одной из близких умершего, затем начать оплакивать.

Оплакивание умершего сопровождалось горестными причитаниями. В них не только звучала скорбь по умершему, но и оплакивалась судьба его осиротевших детей, вдовы, матери, сестер

и т. д. Плачи содержали целые циклы причитаний, специально предназначенных для исполнения женой, сестрой, дочерью, матерью, другой близкой родственницей умерших.

Плакальщица из близкой семьи, например, могла в причитаниях сказать о семье умершего:

Аналар янар, аглар,
Гюнлери сонар, аглар.
Дёнер ге кёйсерчине,
Ялара бахар, аглар.
Азизи, бахар аглар,
Од янар, газан аглар,
Кимни джаван олсе,
Гэбирин газан аглар.
Азизи, дашдан аглар,
Кириги, гашдан аглар,
Гардаши олен гызлар,
Дуруп о башдан аглар.

Матери будут горевать, плакать,
Считая дни, будут плакать.
Они же превратятся в голубей.
Будут смотреть вокруг и плакать.
Любимый(ая) посмотрит и заплачет,
Огонь загорится и котел заплачет,
Кто бы из молодых ни умер,
Копавший могилу заплачет.
Близкий(ая) заплачет, если даже
он из камня.
Даже брови и ресницы заплачут;
Девушки, у которых умер брат,
С рассвета будут плакать.

Влиятельные и уважаемые женщины не только выражали в причитаниях скорбь, но и старались успокоить убитых горем родственников умершего. В случае смерти юноши или девушки, молодого мужчины или молодой женщины близкие родственницы царапали лица, наносили себе раны, чтобы кровь стекала по лицу, рвали на себе волосы. Самоистязанием во время похоронного обряда занималась и мужская часть родни. Обряд же оплакивания престарелых умерших был менее эмоциональным. Здесь не полагалось самоистязания, а плач и причитания носили более спокойный характер. В них выражалось горе по случаю потери мудрого советчика.

Похоронный обряд особенно пышно обставляли в случае смерти беков и членов их семей. Еще не так давно были живы очевидцы, которые воспроизвели все подробности обряда похорон Амирчопана Уцмиева — одного из самых крупных беков Терекеме²³. Известнейший в Дагестане кадий Акушинский Али-Гаджи прочитал торжественно главную молитву. На двух подушках из черного бархата вынесли царские награды (ордена и медали) и погоны умершего. В момент погребения воинское подразделение дало залп из ружей. Затем приглашенные, известные на весь округ плакальщицы начали оплакивание. Таких плакальщиц из разных аулов собралось около десяти. Женщина-кумычка по имени Ижи из сел. Янгикент, выполняя пожелание уцмийского дома, в панегирическом духе произносила:

Ургъан булан батмай эди этинге,
Кёп уланлар гелмей эди бетинге,
Этенинг, башынг чалывлу,
Хан эсгерде сен оьзюнг де танувлу,
Къапу башынг сарайлы,
Зух башынгда букленген дарайлы...
Кёрюкчюсю дарай гёйлекли,
Къазанында бутун бувлар бишеген,
Абзарына хан къонакълар тюшеген.

Тело твоё неуязвимо для ударов,
И мало кто мог устоять перед тобой!
Вся одежда твоя разукрашена золотым позументом.
Ты самый славный в ханском строю,
Двор твой подобен царскому двору,
В комнатах твоих тюками сложена тафта...
Твой лекарь в шелковых одеждах,

Хан кьонаклар гелгенде,
Аккудасдан бал берген.
Яш уланлар гелгенде
Янын сыйпан тай берген...
Къаз-къаз басгъан къара атлым,
Къапулагъа язып алгъан суратлым.
Тепгенде темир къапу буза эдинг,
Тартгъанда ай болатлар уъзе эдинг²⁴.

В котлах твоих — целые туши диких оленей.
Гости знатные не покидали твой двор.
И когда приходила знать,
Им мед у тебя подавали из серебряного сосуда,
Когда приходили молодые,
Дарили жеребцов, поглаживая их...
Мой всадник, чей вороной конь скачет рысью,
Вырезан на воротах твой образ, мой милый.
Ударом одним ты ворота железные рушил
И разламывал тотчас секиры стальные.

Отличался эмоциональностью и обряд оплакивания человека, умершего насильственной смертью. Женщины оплакивали его громко, подвергая себя иступленному самоистязанию. В причитаниях в таких случаях большое место отводилось проклятиям в адрес убийцы и его семьи.

Значительное место занимали поминальные обряды, требовавшие больших расходов и нередко разорявшие небогатую семью. Принято было в течение четырех-пяти дней кормить всех, кто переступал порог дома умершего, кто приходил с соболезнованиями, а затем устраивать большие поминки на сороковой день и на годовщину смерти. Многие устраивали поминальные обеды и на пятьдесят второй день после смерти.

По представлениям верующих, душа покойного могла время от времени незаметно посещать свою семью, наблюдать, как живет родня, вспоминает ли она его. Полагали, что если душа увидит в доме порядок, увидит, что покойного вспоминают, она уйдет спокойно, пожелав семье счастья. В противном же случае она проклянет дом и прекратит покровительствовать ему. Чтобы «умершие были довольны», семья раздавала раз в неделю (а в течение сорока дней после смерти ежедневно) поминальную пищу — горячий, разрезанный на 5—7 кусков чурек. При этом называли не только имя умершего последним, но и всех покойных данной семьи (а часто и всей патронимической группы).

Траур по умершим члены семьи и патронимической группы держали от года до пяти лет, а дальние родственники — до сорока дней. Женщины соблюдали траур строже и дольше. Жена, сестра, тетка в знак траура носили черную одежду, а года через два меняли ее на серую. Кроме того, взрослые женщины семьи, а также молодые тетки покойного в течение года и более не выходили днем за ворота дома. Мужчины же носили обычную одежду, если только она не была слишком яркой. В течение сорока дней (а пожилые даже до года) они не брили бороды, не ходили на свадьбы и другие торжества.

В организации похорон принимали участие не только родственники, но и почти все односельчане. Они окружали семью

покойного заботой, оказывали ей помощь и поддержку. Родственники же принимали на себя посильные расходы, стараясь, чтобы семья не разорилась.

Похоронные и поминальные обряды терекеменцев отражали древнейшие религиозные воззрения народа, на которые наслоились исламские представления. Большую роль при этом сохранил культ предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 45, л. 625—700.

² Там же, д. 46, л. 632—688.

³ Там же, л. 690—733.

⁴ В 1984 г. его внуку, нашему информатору Алимердену Пулатханову, исполнилось 97 лет.

⁵ Записано в сел. Великент Дербентского района от Алимердена Пулатханова, 1887 г. р.

⁶ См.: *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983, с. 27, 29.

⁷ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 84.

⁸ О братской семье как архаической форме семейной общины см.: *Бромлей Ю. В. Ф.* Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины.— Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 162—175.

⁹ См.: ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 46, л. 632—688; д. 45, л. 625—700; д. 17, л. 670—686; д. 48, л. 319—353 и др.

¹⁰ Подобное предание существует и у северных кумыков. См.: *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 256—257.

¹¹ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Сост. И. Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899, с. 585.

¹² Как женятся мусульмане.— Каспий. 1890, № 181.

¹³ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с. 680.

¹⁴ Там же, с. 572—602.

¹⁵ Там же, с. 558.

¹⁶ Можно предположить, что в более отдаленном прошлом сумма выкупа была значительно выше. Это не что иное, как описанный в газете «Кавказ» выкуп — «капы пули», составлявший в то время «порядочный бахшиш».

¹⁷ Тахт — в данном случае брачное ложе молодых. В первую брачную ночь им стелили высокую постель из 2—3 больших, набитых шерстью матрацев, большой подушки, одеяла и т. д. После первой брачной ночи гости поздравляли молодых и даже родственников словами: «Тахтуз мюбарек олсун» («Пусть будет благополучно брачное ложе»).

¹⁸ «Приводят вниз», потому что общая семейная комната у терекеменцев обычно находилась на первом этаже, а комната новобрачной, как правило, — на втором.

¹⁹ Лайла — «бай-бай».

²⁰ Вариант этой песни был записан со слов уроженца г. Нухи А. Эфендиева еще в конце XIX в. А. Калашевым (СМОМПК. Вып. XVIII. Тифлис, 1894, с. 37—39).

²¹ Очевидно, ранее переселенцы-терекеменцы своих умерших хоронили на общем кладбище, находившемся возле аула Уллутерекеме.

²² В отличие от арабских терминов последние, надо полагать, являются местными, причем весьма древними.

²³ Последующий рассказ записан в 1970 г. в сел. Башлыкент Каякентского района от Умара Магомедова, 1886 г. р.

²⁴ Записано в 1972 г. в сел. Янгикент Кайтагского района от Патимат Гусейновой, 1900 г. р.

instituteofhistory.ru

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Народное образование в дореволюционном Дагестане было представлено рядом разрозненных звеньев — примечетскими школами — мектебами и медресе и небольшим числом русских школ (с 40-х годов XIX в.). Не составлял в этом отношении исключения и Терекеме́нский участок.

Согласно данным первой всеобщей переписи 1897 г., удельный вес грамотных среди населения Дагестана равнялся 9,2%. По Кайтаго-Табасаранскому округу, в который входили и терекеме́нцы, грамотность среди населения достигала всего лишь 6,1%. При этом почти поголовно были неграмотными женщины — удельный вес грамотных среди них составлял по области 1,74%, а по Кайтаго Табасаранскому округу и того меньше — 1,54%¹.

Картина состояния народного образования в дореволюционном Дагестане будет еще яснее, если учесть, что грамотность в основном ограничивалась умением читать и писать по-арабски.

Мусульманские школы существовали почти при всех мечетях, а число мечетей зависело от величины села. Имелись селения, где функционировали по 3—4 мечети (кафедральная — джума и квартальные), и при каждой из них существовала начальная школа.

В предвоенном 1913 г. в Дагестане насчитывалось 755 примечетских школ с охватом 6452 учащихся (5767 юношей и 685 девушек)². Подобные школы имелись и во всех селениях терекеме́нцев. Срок обучения в них заранее не определялся, а всецело зависел от способностей и прилежания учеников. Нередко в числе учащихся этих школ можно было увидеть 16—17-летних юношей рядом с детьми 7—8 лет. Все обучение строилось на чтении Корана и знании догм и ритуалов ислама. Каких бы то ни было специальных программ и учебников не было. Характеризуя примечетские школы Кайтаго-Табасаранского округа, П. Ф. Свидерский отмечал, что в них дети «продолжают изучение Корана у муллы до 10 и даже 12 лет; за это время никаких собственно наук, даже самых элементарных, не проходят»³. Все примечетские школы были платными, причем оп-

лата обычно производилась зерном. Основной контингент учащихся примечетских школ, как было отмечено, составляли мальчики, так как только они впоследствии могли выполнять должностные функции.

В отдельных крупных селениях имелись мусульманские религиозные школы — медресе. Они готовили в основном кадры духовенства. Некоторые ученики — выпускники этих школ кроме религиозной изучали и светскую литературу на арабском языке, а также основы некоторых наук (математики, астрономии и медицины).

Общеобразовательных школ в Дагестане было крайне мало. В 1913 г. по всему Дагестану насчитывалось всего лишь 84 школы (31 — в городах и 53 — в округах)⁴. В них обучалось 6650 учащихся⁵. Почти все сельские школы были одноклассными и имели малочисленный контингент учащихся.

На терекеменской земле единственной общеобразовательной школой было открытое в 1906 г. Великентское одноклассное училище с преподаванием русского языка и арифметики. В нем обучалось 24—25 учащихся⁶, среди которых не было ни одной девочки.

Таким образом, в Терекеме получали даже начальное образование буквально единицы. И только одному терекеменцу, Н. Гулиеву, удалось до революции продолжить свое образование в Дербентском реальном училище.

2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Терекеменцы хорошо известны соседям как создатели ярких произведений устного народного творчества. В дореволюционный период значение фольклора, его роль в культурной жизни общества трудно переоценить. В условиях почти всеобщей неграмотности фольклор являлся самым значимым источником удовлетворения эстетических потребностей. В устном творчестве своеобразно преломлялись самые различные стороны жизни и быта народа.

В сокровищнице устного творчества терекеменцев были представлены сказки, легенды, обрядовые песни, пословицы, поговорки, частушки и т. д.

Широко бытовавший и очень популярный жанр устного творчества составляли сказки — нагыллар. Терекеменцы знали множество сказок о животных, волшебных и бытовых сказок. Таковы сказки «Уч гардаш» («Три брата»), «Гурд, тюкю ве айыв» («Волк, лиса и медведь»), «Гызыл Фатма» («Золотая Фатма»), «Гайын ана ве гелинлер» («Свекровь и снохи»), «Гызыл дошан» («Золотой заяц»), «Ана уреги — даг чечеги» («Сердце матери — горный цветок») ⁷ и многие другие.

Сказки терекеменцев имели широкие типологические параллели, однако их большое сходство с образцами повествователь-

ного фольклора других народов Дагестана и Азербайджана, на наш взгляд, свидетельствует также об интенсивном фольклорном взаимодействии терекменцев и соседних народов.

Значительное место в народном творчестве терекменцев занимают дастаны — исторические, героико-эпические или любовно-романтические произведения. Среди терекменцев огромной любовью пользовались и пользуются также такие сказания, как «Кёр-оглы», «Асли и Керем», «Ашиг-Гариб», «Шах-Исмаил» и др. Многие из этих и других дастанов, распространенных в Терекеме, отражают реальные исторические события, характеризуют патриотические, высокогуманные чувства народа.

Из этого жанра, пожалуй, самым ярким и наиболее популярным произведением терекменцев, как и всего азербайджанского народа, является народный героический эпос «Кёр-оглы» — выдающийся памятник истории и культуры. В нем нашла художественное отражение упорная борьба азербайджанского народа против иноземных завоевателей. Имя Кёр-оглы — олицетворение отваги и рыцарской доблести, благородства, храбрости.

Среди лирических дастанов у терекменцев особенно популярен «Асли и Керем», повествующий о безнадежной любви двух молодых людей — мусульманина азербайджанца Керема и христианки армянки Асли⁸. Популяризаторами героико-эпических и романтических произведений нередко выступали ашуги — народные певцы (магни чагыранлар) или сказители (нагылчылар). Таких певцов терекменцы приглашали на свадьбы и другие общественные и семейные торжества не только из терекменских, но и из близлежащих азербайджанских и табасаранских селений (Ерси, Дюбек, Бильгади и др.), а иногда — из Дербента.

В сокровищнице устно-поэтического творчества терекменцев большое место занимают песни, отражающие социальную несправедливость, тяжелое положение бедноты, эксплуатируемой феодальной верхушкой. Тяжелая жизнь порождала грустные песни о судьбе бедняка.

Ай агалар, бир яхшы гулак асын,
Бу или неже кечер касыбын,
Касыблар эвинде бишмес аш, бозбаш,
Касыблара яглы хорег ярашмаз.
Дердю-беши бирден оьлер касыбын,
Ай агалар, геч кес касиб олмасын.
Касыбын уреги агу зар олар,
Гар яна гетсе де, дили гысга касыбын...
Гидер бу девур геч беле галмас⁹.

Эй, господа, послушайте внимательно,
Как этот год пройдет для бедняка.
В доме бедняка не будет вариться
ни плов, ни бозбаш.
Беднякам жирная еда «противопоказана».
Бедняки умирают по четыре, по
пять одновременно,
Эй господа, пусть никто не станет
бедным.
Сердце бедняка бывает горьким и
грустным.
Куда бы он ни пошел, его речь
коротка...
Такое время не может длиться
долго, оно пройдет.

В фольклоре терекеменцев большое место занимает обрядовая поэзия. К ней относятся песни аграрного цикла, свадебные, колыбельные песни, песни-причитания и др. Одни из них уже упоминались в соответствующих разделах работы, о других будет сказано ниже.

Одним из самых распространенных жанров фольклора терекеменцев были частушки — гошмалар. Можно с уверенностью сказать, что частушки являлись неотъемлемой частью жизни каждого терекеменца, были доступны буквально всем. Их пели по всякому поводу — в поле, дома, когда юноши и девушки собирались на эврез — помогать в выполнении сложных хозяйственных работ по дому, на свадьбах и т. д.

Другим очень популярным жанром народной поэзии терекеменцев, как и всех азербайджанцев, были баяты. Много произведений этого жанра было посвящено темам тяжелого труда, бесправного положения бедноты в феодальном обществе. Бытовали и любовные баяты.

Заметное место в фольклоре занимали сатирические терекеменские песни, высмеивающие отрицательные черты характера, человеческие пороки. Такие песни часто исполнялись на свадьбах и других торжествах, обычно в форме диалога между двумя мужчинами. Нередко такие песни импровизировали сами исполнители по ходу торжества.

Среди терекеменцев были популярны также загадки — тапмажалар и пословицы — аталар сёзлери. Загадки нередко использовались ашугами на свадьбах и других торжествах во время песенного состязания — дегишме. Это состязание в отгадывании загадок проходило следующим образом. Один из ашугов напевал под аккомпанемент саза вопрос, а другой отвечал в такой же форме. Удачные ответы все присутствующие встречали аплодисментами. При этом ашуги менялись ролями. Победенный согласно правилам должен был покинуть помещение и тем самым признать победу другого.

У терекеменцев были широко известны также устные рассказы и анекдоты, связанные с именем Моллы Насреддина. В них остро высмеивались и обличались скупость богачей, глупость ханов, беков, демонстрировались находчивость и остроумие Моллы Насреддина. Часто бывало, что острословы свои высказывания приписывали Молле Насреддину, тем самым обеспечивая себе успех.

Получившая широкое распространение среди терекеменцев, ашугская поэзия как бы находилась на стыке фольклорного и авторского творчества.

Ашуги пользовались огромной любовью слушателей. Они пели, играя на сазе — национальном струнном инструменте. Нередко ашуг, прерывая пение, делал прозаические отступления, разъясняя слушателям суть произведения. На торжествах ашуги-певцы вступали в музыкально-поэтическое состязание. Терекеменцы, в домах которых происходили такие вечера, порою

назначали победителям дорогостоящие призы. В теплое время года ашуги нередко состязались во дворе или на открытой веранде при большом стечении народа.

Среди ашугов различались устаз ашуг и пешакер ашуг. Устаз ашуг исполнял только собственные произведения и потому пользовался популярностью не только как исполнитель, но и как поэт. В репертуар пешакер ашуга обычно входили чужие произведения.

Популярными ашугами-терекеменцами в конце XIX — начале XX в. были Алибег, Эмир, Балай из сел. Великент, Эльхан, Нурмагомед, Агашерин, Абдулкадыр из сел. Деличобан, Алибег — из сел. Падар, Халил из сел. Карадаглы. Они исполняли как народные произведения, так и свои. Некоторые из них хорошо знали известные азербайджанские мугамы — крупные и сложные вокально-инструментальные произведения.

В XVIII—XIX вв. у терекеменцев стали складываться письменные традиции. Родоначальниками индивидуальной (авторской) поэзии из числа местного населения считают Фетаги (конец XVIII в.), Михрали, Киласа, Пирали (конец XIX — начало XX в.) из сел. Великент; Халида (конец XIX — начало XX в.) из сел. Карадаглы; Минатуллу Юсуфли из сел. Падар и др.

В их творчестве, судя по устным преданиям, заметно проследивалась антифеодалная тематика. Особенно прославился антифеодалной направленностью своего творчества ашуг-поэт Халид. Как гласит народная молва, за стихи и песни, направленные против произвола и бесправия, поэт был тайно убит по наущению бека Амирчопана Уцмиева. К сожалению, мы не можем в полной мере судить о художественно-эстетических достоинствах названных выше поэтов, так как до нас дошло немного из их творений.

В терекеменскую среду постепенно проникали и произведения таких выдающихся писателей и поэтов Азербайджана, как Хакани, Низами Гянджеви, Физули и др. Правда, лишь небольшое число грамотных терекеменцев имело возможность ознакомиться с их произведениями.

Из дореволюционных дагестанских поэтов в среде терекеменцев был наиболее известен лезгинский поэт-лирик Етим Эмин, который писал свои произведения и на азербайджанском языке. По преданию, сохранившемуся у терекеменцев, произведения Етима Эмина были настолько лиричны и благозвучны, что во время их исполнения под аккомпанемент саза на свадьбах якобы «низко опускались или садились на землю высоко летающие, очарованные пением птицы»¹⁰.

3. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Терекеменцы, как все дагестанцы и часть населения Азербайджана, исповедовали ислам суннитского толка. Согласно предписаниям ислама, каждый мусульманин обязан пять раз в сутки сотворить молитву (намаз), строго соблюдать пост в течение месяца рамазана, а также исправно платить закят (налог — десятую часть своего урожая или другого дохода), который шел в основном на содержание мечетей и благотворительные цели.

Наиболее значимыми религиозными праздниками считались оружлуг-байрам — праздник по случаю прекращения поста, а также гурбан-байрам — праздник жертвоприношения.

Особенно пышно отмечался оружлуг-байрам, который приходился на конец рамазана — девятого месяца лунного календаря. К этому дню все семьи, кроме тех, которые держали траур, должны были готовить для торжественного стола обильную мясную (бозбаш, плов, долма), молочную (сюзме, сметана, кислое молоко), сладкую (халва, пахлава) пищу, а также покрасить большое число яиц для раздачи детям и взрослым. В день оружлуг-байрама было принято ходить друг к другу с поздравлениями; приходивших встречали угощением. В зажиточные дома приглашали музыкантов и устраивали танцы.

Гурбан-байрам отмечался через 70 дней после окончания поста ураза. В этот день семья должна была зарезать овцу, козу или корову (несколько семей) и раздать мясо односельчанам и муллам. Однако далеко не все семьи могли себе это позволить. Поэтому обычно устанавливалась определенная очередность, кому именно в какой год выделить для жертвоприношения овцу.

Хотя ислам как монотеистическая религия начал активно насаждаться на Кавказе, в том числе и в Дагестане, в X—XV вв., он не сумел окончательно вытеснить местные народные верования даже в XIX — начале XX в. Мусульманские верования довольно часто переплетались с домусульманскими представлениями и обрядами. Так, продолжали бытовать некоторые языческие представления — вера в божества плодородия, дождя, воды, солнца, неба (Тенгри — высшее божество древних тюрков, Гуд, или Гудул, Су-Анасы и др.), в духов (добрых и злых), в «святые» места («святые» источники, «святые» пещеры, «святые» кладбища), в обереги и т. п.

Почти все дети в Терекеме носили какие-нибудь обереги, представляющие собой либо изречения из Корана, изготовленные муллами и зашитые в материю или кожу — гейкал, либо бусы из раковин каури, когти тигра, рыси, волка или грифа, камешки из «святых» мест. Полагали, что эти обереги вылечивают больных и предохраняют от болезней, «сглаза» и т. д. В качестве амулетов, предохраняющих от злых сил дом, сад, двор, скот, терекеменцы вешали на плетни лошадиные черепа. Особенно сильное действие терекеменцы, как и другие народы Дагестана,

приписывали тигровым когтям — сулавсанын дырнагы. Например, при воспалении мочевого пузыря тигровым когтем проводили по животу, сопровождая эту процедуру определенным заклинанием.

Целебная сила приписывалась также могилам и отдельным деревьям-великанам. Так, например, больных и бесплодных женщин терекеменцы привозили на кладбище Кирхлар (севернее Дербента), где, по преданию, были захоронены арабские воины, погибшие в войне с хазарами, которым местное население приписывало чудодейственные силы. Здесь знахари совершали магические обряды, читали молитвы, которые якобы усиливали воздействие могил.

Широко прибегали к любовной и вредоносной магии. Первое место среди всевозможных приворотных средств занимал так называемый ширли минжаг, который слегка растирали в порошок и, растворив в воде, давали пить тому, кого женщина хотела приворожить. Одним из средств, применяемых с целью посеять раздор, вражду между супругами или любящими друг друга юношей и девушкой считался волчий глаз — гурт гёзю или альчик волка — гурт ашыгы. Считали, что если этот глаз или альчик пронести между супругами или между влюбленными, то они перестанут любить друг друга. Приготовление того или иного снадобья и его применение сопровождалось заклинаниями.

К магическим приемам (заговорам, заклинаниям) прибегали терекеменцы и в целом ряде других случаев. Так, если скот не вернулся с пастбищ вечером и существовала опасность нападения на него волков, обычно прибегали к магическому приему, известному под названием «гуртун агзын багламаг» («связывание пасти волку»). Для этого хозяин обращался к аульному мулле, который, прочитав небольшую суру из Корана и произнеся заклинание, завязывал узлы на веревке. После этого волк якобы уже не мог повредить скотине. К магии часто прибегали и в тех случаях, когда хотели показать непойманного вора. Для этого «заговаривали» лягушку и опускали ее в сосуд с молочным уксусом. Считалось, что после того, как лягушка издохнет, вор получит тяжелую болезнь, распухнет и умрет. Чудодейственную силу терекеменцы приписывали железу¹¹, золоту и особенно ртути. При тяжелом заболевании, ранении, травме и т. п., а также при родах у порога держали железный лемех, а у постели — золотое кольцо или ртуть.

Во время затмения солнца или луны женщины бросали на крышу платок или плетеный гашник и просили, чтобы брошенный предмет приобрел свойство помогать от 7 болезней. Таким платком завязывали голову детям, например, при коклюше. Как и в доисламские времена, верили в различных духов — джиннов. Считалось, что они могут оказаться везде, где появляется человек, но особенно в безлюдной степи или в глухом лесу в ночное время. Если у человека обнаруживалось психическое

заболевание, расстройство нервной системы или его разбивал паралич, то это приписывали действию джиннов — джин вурмуш.

Терекеменцы верили и в существование домового — гара-басмыш¹². Его представляли в обличье буйвола, волка или другого животного. Считалось, что гара-басмыш ночью может напасть на любого человека, особенно со слабым здоровьем. Многие сердечные недомогания объяснялись действием домового.

Одним из фантастических демонологических образов являлись албасты¹³ (суванасы) — лесная и речная женщина с огромной грудью и длинными распущенными волосами. Считали, что она может незамеченной проникнуть к роженице, убить ее или унести плод¹⁴. Чтобы обезвредить «нечистую силу», на реке сооружали запруды и посылали туда человека, когда-то совершившего убийство. Он бил кинжалом по воде и приговаривал: «Ат, говур, апарма: говур, гайтар» («Бросай, нечистая сила, не уноси, нечистая сила, верни»). Сделав несколько ударов по воде, он произносил: «Кесдим, кесдим!» («Зарезал, зарезал!»).

У терекеменцев образы албасты и суванасы слабо дифференцированы. Нередко одни и те же свойства приписываются то той, то другой. Существуют многочисленные предания о различных деяниях албасты; о вреде, приносимом ею людям, о том, как она, преображаясь в красивую женщину, заставляла полюбить себя, делала человека богатым и разоряла его, если он выходил из повиновения.

В одном из преданий, например, говорится, что как-то ночью, когда карадаглинец по имени Мугут переезжал на коне р. Деречай, из воды выскочила албасты в образе женщины, обняла за шею его коня и тут же исчезла, крикнув: «Сенде олан шейлери сахла!» («Спрячь вещи, которые у тебя!»). Тут Магут заметил, что к гриве лошади прицеплены бусы. Он взял их и спрятал дома. После этого албасты стала навещать Магута ночью, ложилась к нему в постель. Однажды жена Магута вышла на веранду и увидела свисающие с постели мужа длинные косы. Она подошла и потрогала их, чего албасты допустить не могла. После этого она больше не появлялась в этом доме; бусы ее тоже исчезли.

Значительное распространение имела вера в шайтанов. Считалось, что они могут заставить слабохарактерных людей совершать преступления, не говоря уже о таких проступках, как лень. Верили, что шайтаны могут голосом знакомых вызвать людей из дома, увести с собой и заставить делать все что захотят. Считали, что особенно они мучают детей, душат их. Во избежание этого некоторые женщины, дети которых много болели или умирали, чтобы обмануть шайтана, прибегали к «продаже» детей (ушагын сата) родственникам на несколько дней.

Некоторым людям (чаще женщинам) приписывалась связь со сверхъестественными силами, с помощью которых якобы они посредством определенных магических приемов могли наводить

или отводить «порчу», вызвать любовь или ненависть между людьми.

С проникновением ислама самым радикальным средством против «нечистой силы» стало считаться чтение молитв — небольших сур из Корана. Молитвы читались перед сном и перед началом важной работы. Одновременно, как уже отмечалось, широкое распространение получило ношение талисманов-гейкалов с изречениями из Корана. Ими щедро снабжало народ, разумеется за плату, аульное духовенство.

Устойчиво сохранялся культ предков. В частности, терекеменцы постоянно заботились, чтобы души или духи (джан, рух) умерших не голодали, знали, что о них помнят живые родственники. Поэтому каждый раз после еды они высказывали пожелания, чтобы покойники были сыты. Кроме того, с четверга на пятницу для «кормления» покойников специально пекли чурек и раздавали его посторонним, читая при этом молитву и называя своих умерших поименно. Каждая семья старалась в это время приготовить ужин получше, так как считалось, что в этот вечер умершие родственники посетят дом и будут незримо наблюдать, как их почитают и кормят живые. Считалось, что если оставить покойников без «кормления», то они могут навредить.

Терекеменцы, как и все мусульмане, верили в существование хадир гедже (счастливого вечера), лейлат ал-кадр (ночи предопределения), полагая, что любая мольба, обращенная к богу в этот вечер, будет удовлетворена. Таким вечером они считали 27-е число рамазана. По поверьям, в определенный час этого вечера вода в реке останавливается и если это увидеть, то можно попросить бога о чем угодно.

Существует ряд преданий, связанных с этим поверьем. Вот одно из них. Как-то раз терекеменский феодал Амирчопан Уцмиев переезжал со своим нукером Мугутом из сел. Карадаглы ночью через реку Деречай. Вдруг они заметили, что вода в речке не движется. Тогда Амирчопан сказал своему нукеру: «Скажи скорее, что бы ты хотел иметь: ведь это «хадир гедже». Тот ответил: «Что мне пожелать? Я бы хотел, чтобы бог дал богатство тебе, а ты — мне». После этого Мугут якобы стал очень богатым человеком.

Сохранилось и другое предание такого рода. Однажды мельник заметил, что его мельница вдруг остановилась. Высунув голову в окошко, он увидел, что остановилась и вода в желобе. Стоявший с ним рядом человек посоветовал ему обратиться к богу с любой просьбой. Тот сразу высказал такое желание: «Я аллах! Мени башымы бёюклерден эйле» («О бог, сделай меня большеголовым», т. е. авторитетным). Тут же голова его стала такой огромной, что он не смог даже просунуть ее через окно внутрь мельницы. Испугавшись, мельник снова обратился к богу, чтобы тот уменьшил его голову: «Я аллах! Мени башымы кичик лерден эйле». Тогда голова его стала маленькой, как у

птицы. Мельник еле успел попросить бога, чтобы он вернул ему голову прежнего размера («Я аллах, башымы гамишеки киби гой») ¹⁵.

Существовало поверье, что вода в источниках в ночь перед гурбан-байрамом превращается в священную, лечебную — зим-зим су. Поэтому все люди в этот вечер старались выкупаться в речке, а если праздник приходился на зимний месяц — взять воды с собой и облиться ею дома.

В представлениях терекеменцев большое место занимали различные приметы. Некоторые из них были связаны с определенными днями недели. Лучшими днями для разных начинаний считались понедельник (гажилер), четверг (джумаахшамы) и пятница (джума). Однако не для всех дел они считались одинаково удачными. В пятницу, например, не кроили одежду, считая, что она будет либо длинной, либо короткой («Джума гюн бичен палтар, я узун олур, я гысга») ¹⁶. Понедельник или суббота (шембе или шамли) считались самыми подходящими днями, чтобы отправиться в путь по любым делам. Среда считалась удачным днем для лечения болезней, но не для купания, мытья головы, так как в этот день люди якобы легко заболевают. В пятницу работать не рекомендовалось. Исключение составляло наведение чистоты в доме, купание. В этот день даже в сезон пахоты и жатвы работу в поле прекращали. Старались также не отправляться в дорогу, особенно до обеда. Вторник (нас гюн) считался самым неудачным днем: полагали, что начатая во вторник работа будет долго тянуться и может плохо кончиться. Особенно не рекомендовалось в этот день сватать и совершать обряд бракосочетания. Удачным днем для сватания девушки, отправления свадебной одежды в дом невесты и заключения брака считался четверг, а для свадьбы — четверг и понедельник.

По такому же почти принципу терекеменцы, как и все мусульмане, делили и месяцы мусульманского календаря. Так, например, в одиннадцатом месяце не разрешалось бракосочетание ¹⁷ — такой брак, по мусульманским представлениям, мог оказаться несчастливым. Двенадцатый месяц считался месяцем жертвоприношения, второй месяц — совершения путешествия, отправления в дальний путь по делам торговли, паломничества и т. д.

Немало было у терекеменцев примет, связанных с поведением животных. Если вечером выли волки, верили, что в селении кто-то умрет, если возле дома кричала сова, считалось, что в доме случится несчастье. «Аллах деен адамын эвине байгуш гелмесин» («Пусть к дому человека, верящего в бога, не прилетит сова»), — говорили терекеменцы. Вой собаки воспринимался как предвестие смерти кого-нибудь из домашних. Если петух кричал, повернувшись головой к дому, ждали гостя. Так же истолковывали крик сороки. Особенно радостно воспринимались такие крики, если хозяин долго отсутствовал и дома

с нетерпением ждали его возвращения. Радостно воспринималось и появление ласточки — карнагач. Если она гнездилась в комнате, двери всегда держали открытыми, чтобы она могла приносить пищу птенцам в любое время. «Кто разрушит гнездо ласточки, у того дом разрушится», — утверждали терекемеенцы.

Интересны представления терекемеенцев о радуге. Они называли ее «гары нененин ох яйы» (лук бабы яги) и в ее появлении видели знак наступления весны или улучшения погоды. По народным представлениям, там, где начиналась радуга, должен был быть клад бабы яги, но этот клад они считали недоступным. Цвета радуги связывали с урожаем зерновых культур. Если на радуге шире была полоса красного цвета, то считалось, что самый высокий урожай даст пшеница, если больше желтого — то большим будет урожай риса и кукурузы.

При появлении луны люди старались сразу сесть. Считалось, что если встретить луну сидя, то месяц пройдет спокойно, а если встретить ее стоя — будет много лишних хлопот.

С религиозно-магическими представлениями были связаны и народные объяснения причин землетрясения, дождя, грома, молнии, затмения солнца, луны и т. п.

После наступления сумерек терекемеенцы не давали посторонним ни огня, ни молочных продуктов, полагая, что с ними уйдет и берекет (достаток) дома. По тем же причинам не давали в это время просителю и денег. Считалось, что в это время хорошо получать, но плохо отдавать.

Плохой приметой считали, когда человеку, идущему по важному делу, встречалась женщина с пустым кувшином, и, наоборот, хорошей приметой — когда встречалась женщина с полным кувшином.

Таким образом, в рассматриваемое время наряду с исламом устойчиво сохранялись пережитки древних, языческих верований и культов, причем многие из них были исламизированы.

4. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Терекемеенцы, как и многие другие народы, в своей практической жизни пользовались лунно-солнечным календарем, т. е. учитывали как солнечные, так и лунные месяцы.

Год — ил состоял из 12 месяцев — ай. К сожалению, местные народные названия месяцев и дней недели не сохранились. Их вытеснили названия арабского лунного календаря, который, надо полагать, проник к терекемеенцам с распространением у них ислама.

Месяц в зависимости от лунной фазы делился на три этапа: начало (айын башы), середина (айын ортасы) и конец (айын ахыры). Начало каждого месяца соответствует моменту новолуния. По мусульманскому календарю год составляет не 365 суток, как в солнечных календарях, а 354, т. е. короче на 11 суток. В результате месяцы в разные годы приходятся на

разные периоды времени (например, рамазан мог быть зимой, а через 16—17 лет — летом). Поэтому такой календарь для дагестанского крестьянина был неудобен. Им руководствовались преимущественно при отправлении религиозных обрядов, в официальной переписке, при записи актов гражданского состояния (браков, разводов, рождения детей, смерти), важных массовых событий (землетрясений, эпидемий, войн и др.).

В начале XX в. была сделана попытка создать лунно-солнечные календари на местных, дагестанских языках на основе мусульманского летосчисления. Так, в г. Темир-Хан-Шура было издано несколько таких календарей на кумыкском, аварском, лакском, лезгинском и даргинском языках. Но все они были очень несовершенны, хотя в них и учитывались особенности астрономического года и лунно-солнечного исчисления, практика проведения различных полевых работ в те или иные периоды года. После присоединения Дагестана к России сюда постепенно стала проникать и европейская (юлианская) система летосчисления.

Многовековые наблюдения за явлениями природы и особенности хозяйственной деятельности терекеменцев позволили им, как и всем другим народам, накопить ценный опыт, который лег в основу их народного земледельческого календаря.

Народный календарь охватывает основные циклы хозяйственных работ в течение всего года, строго регламентируя последовательность и сроки их проведения. Возникнув еще в глубокой древности, сельскохозяйственный календарь постоянно развивался и совершенствовался, так как развивалась и совершенствовалась сама хозяйственная жизнь, земледельческая культура народа¹⁸. Наряду с ценными эмпирическими знаниями календарь терекеменцев содержит и целый ряд норм и рекомендаций.

По народному календарю, начало года у терекеменцев, как и у многих других народов мусульманского Востока, совпадает с началом весны. День 21 марта — это праздник весны — Новруз или Бахар байрам. Терекеменцы называют этот праздник еще и Гышы ёла салан байрам (Праздник, отправляющий в путь зиму).

Начало весны совпадает с 21 марта — днем весеннего равноденствия. Этот день определялся по солнцу. Восход солнца над определенным местом, предметом, падение солнечных лучей на определенный участок, заход солнца по определенной линии фиксируются как факты, указывающие на наступление первого дня весны.

Весна — бахар, в свою очередь, делится на несколько периодов. Мулух охватывает последние 6 дней зимы и первые 6 дней весны (примерно с 16 по 28 марта), хил составляют следующие 12 дней весны (примерно с 29 марта по 10 апреля)¹⁹. Периоды мулух и хил объединяются под общим названием гара яз. В это время у крестьянина много забот. Надо расчистить

поле от камней, пеньков, сорняков, привести в порядок сады, сделать посадки новых саженцев, обрезку деревьев, виноградных лоз, расставить штамбы — таркалы. Самым лучшим временем для прививки деревьев считается хил — период активного движения в них сока. В это же время осуществлялся выход на пахоту, а частично и весенний сев. В период хил поля покрываются зеленой травой, принимают тепло солнечных лучей, поэтому крестьяне начинают выгонять скот на пастбища, подкармливают его дома сеном и мякиной, а иногда еще и похлебкой из ячменной сечки. Плохо обеспеченный кормом скот в начале хила легко погибает. Ослабленный скот в конце марта пригоняют к лесным участкам, где он объедает почки и первые листья на деревьях. В конце периода хил женщины сажают кур-наседок в гнездо выводить цыплят. В это время возвращаются с зимовки и птицы, в том числе и ласточки. Считается, что своим появлением во дворе или в доме ласточка приносит радость, если же она сядет в гнездо наседки, хозяйка получит из всех яиц цыплят, причем обязательно пестрых.

В это время женщины заготавливают и кизяк для толки надворных хлебных печей. Чтобы не загореть, женщины закрывают лицо платком и, налепливая кизяк на плетни, изгороди и соломохранилища, приговаривают: «Гара яз мене гелмесин, тезеке гелсин» (Пусть лучи солнца попадут не на мое лицо, а на кизяки).

Следующие 12 дней (с 11 по 22 апреля) называются дарган. В эти дни не рекомендуется поливать посевы, делать обрезку в садах, заготавливать топливо, так как деревья якобы могли засохнуть. Даже порез на руке, по мнению терекеменцев, трудно заживает в это время. Запрещается и рубка леса — идет сокодвигение (раньше в это время пользовались только заготовленным заранее топливом). На это же время приходится завершение весеннего сева, посадка деревьев, перекапывание приствольных участков. Ждут снегопада, так как, по поверью, снег угрожает: «Дарганда ягмасам, харманда ягарам» (Если не выпадет в дарган, то выпадет во время уборки хлебов). Если снег выпадает, надо очищать от него посевы.

Следующий период — иран длится с 23 апреля по 2—4 мая²⁰. В это время идут дожди — лайсан, которые ценятся, по словам крестьян, «наравне с золотом». Дожди не только увлажняют почву и обеспечивают хороший урожай садовых культур, хлебов и т. д., но и якобы уничтожают все болезни земли. «Если в иран идет дождь, земля не потрескается потом от жары», — утверждают опытные крестьяне. Если дождей нет, надо поливать посевы и садово-огородные культуры. Иран — также и время цветения садов, и обильного травостоя, и ягнения овец, и, наконец, прополки озимых посевов, посадки бахчевых. Прививку в это время делают только тутовым деревьям (остальным садовым культурам — в период дарган). В иран косят сено, сеют кукурузу и рис, стригут овец, перегоняют отары в горы.

Следующий отрезок весны, известный под названием дьююр гюль, начинается с 5—6-го и завершается 18—20 мая. Поля и луга покрыты травой, начинают колоситься озимые, завершается перелет птиц, продолжают цвести сады. В это время положено пахать под осенний пар — кугар сюре, под посевы озимых. В мае же заготавливают саманные кирпичи для строительства домов, заборов и т. д. (начинать строить дома лучше всего в начале июня).

Лето — яй (с 22 июня по 22 сентября) открывается появлением со стороны моря созвездия Улкер. Лето — время уборки и обмолота хлебов, сбора фруктов, винограда, бахчевых культур, заготовки кормов для скота. На самый жаркий отрезок лета — яй чилле приходится время созревания абрикосов, некоторых сортов слив.

Осень — пайыз (примерно с 23 сентября по 20—22 декабря) — пора наиболее трудоемких работ: пахоты, сева, полива озимых, пшеницы и ячменя, заготовки и перевозки кормов для скота, топлива, ремонта помещений для скота и др. После листопада положено сажать деревья в садах и поливать все посеы. Осенний полив считается для посевов и садов самым необходимым: «пайыз су-юз су» (Осенняя вода — стократная вода). Осенью же заготавливают фрукты и овощи на весь зимний период.

О начале зимы судят по исчезновению созвездия Улкер («Улкер батды ер гатды» — Улкер исчез, и земля затвердела), по утренней росе, инею. Длится зима — гыш примерно с 22 декабря по 22 марта и делится на несколько периодов: чилле, ажиз, амбиз, захватывая несколько дней мулуха.

Чилле делится на два отрезка: бёюк чилле (большое чилле — 40 дней) и кичик чилле (малое чилле — 20 дней). В начале большого чилле особо выделяются 4 дня осенних и 5 дней зимних (самые короткие дни), которые называются токлу доймаян доккуз гюнлер («девять дней, когда в поле за день нельзя накормить даже годовалых овец») ²¹. Самые большие морозы обычно наступают в дни малого чилле. В народе бытует такое предание: однажды малое чилле, встретившись со своим старшим братом, большим чилле, упрекнуло его в слабости: «Если бы у меня было такое большое имя, как у тебя, и был бы я таким большим, длинным, как ты, то от моего мороза треснули бы рога быка, я бы заморозил жеребенка в утробе кобылицы и младенца в утробе матери». В чилле положено держать скот не под открытым небом: лошадей и буйволов — в специальном помещении, остальной скот — под навесом. Чилле — лучший период заготовки лесоматериалов, так как в это время прекращается движение соков в деревьях и лес «замирает». В чилле без особой нужды не совершают дальних поездок, стараются работать дома. В частности, считается, что это лучшее время для починки сельскохозяйственного инвентаря, подготовки к весенним полевым работам.

Следующий период — ажиз охватывает время примерно с 20 февраля по 3—4 марта. Как показывает само название (ажиз — слабый, немощный), это тяжелое время года. К концу зимы люди физически слабеют, кончаются годовые запасы продуктов, не хватает корма для скота.

Затем идет амбиз, охватывающий следующие 12 дней²². Это — конец зимы, с неустойчивой погодой — морозные дни могут сменяться теплыми, дождь — снегом. Терекменцы об этом времени говорят: «Амбиз — амбиз гар да ягар, амбиз — амбиз гюн де чыхар» (В амбизе и снег выпадает, и солнце светит). Или: «Амбизде исти олса гамуш сува ягар, сувуг олса, амбиз — амбиз гар ягар, я да буз ягар» (Если в амбизе наступит тепло, даже буйвол ляжет в воду, если же будет холодно, то выпадут хлопья снега и даже град). В это время в садах и виноградниках подрезают сухие ветки, делают прививку черешне, чистят сады, начинают небольшие полевые работы. После этого наступает период мулук, который уже характеризовался выше.

Таким образом, каждый из этих календарных отрезков времени ассоциировался с определенным кругом сельскохозяйственных работ: пахотой, севом, прополкой, поливом, жатвой, прививкой деревьев, перегоном скота на зимние и летние пастбища, стрижкой овец. Отсюда другое название этих периодов — по тем или иным сельскохозяйственным работам: экин заманы (время пахоты), ораг заманы (время уборки), гавга (уборка ранних хлебов), гоюн доган заман (время окота овец), гоюн гырхан заман (время стрижки овец), турши доган гюнлер (дни, когда появляется звезда Турши), туршины яллову (жаркие дни перед появлением Турши).

Наблюдение за звездами издавна диктовалось потребностями хозяйственной жизни общества, помогало крестьянам ориентироваться во времени и пространстве.

За рядом звезд и созвездий закрепились местные названия: Дан улдузу (Венера, букв. «утренняя звезда»), Едди улдуз или Еддилер (Большая Медведица), Демирказык (Полярная звезда), Улкер или Улкерлер (созвездие из 7 звезд), Терезелер (Весы). Терекменцам известна также звезда Ишыг улдуз. Она появляется после двух часов ночи со стороны моря и исчезает перед рассветом на западе, как говорят, «под горой». Ишыг улдуз — ориентир для людей, отправляющихся в ночное.

Терекменцы говорят, что на 45-й день лета (примерно в конце июля или в самом начале августа) появляется звезда Турши²³. Она появляется со стороны Каспийского моря под утро, по словам одних, в виде горящего полена, по словам других, в виде лошади, и, поднимаясь высоко, исчезает на западе. Турши принято отождествлять с Сириусом²⁴. В это время созревает ежевика — бюрткан, бузина — гандалаш, чернослив — гара гавали, начинают желтеть листья на некоторых кустарниках. Турши считают предвестником наступления прохлады. С появлением этой звезды уже не разрешается спать на открытом воз-

духе. У терекеменцев, как и у других народов Дагестана, существовало поверье, что тот, кто увидит восход («рождение») этой звезды, тяжело заболит и может умереть. Существовало еще поверье о том, что в ночь, когда появляется звезда Турши, растрескиваются дыни.

Если по какой-либо причине крестьянин не мог вовремя обмолотить зерно, то он ждал наступления периода Турши: считалось, что зерно в этом случае не рассыпается и потеря бывает меньше. Объясняли это тем, что по ночам выпадала роса, которая впитывалась колосьями и смягчала их.

Народный календарь терекеменцев во многом сходен с календарем как азербайджанцев в целом, так и народов Дагестана, хотя и основан главным образом на опыте и хозяйственной деятельности самих терекеменцев, их собственных природных условий.

Остановимся попутно на календарных обрядах. В них не только отразилась хозяйственная, в основном земледельческая, деятельность, но и хорошо прослеживаются пережитки древних народных верований, а также влияние ислама.

В отличие от календаря, который сохранил свои многовековые традиции и на основе накопления практического опыта развил их, календарные обряды дошли до нас в сильно трансформированных, порой неузнаваемых формах, часто в реликтах, в развлекательных модификациях. Трансформацию многих старинных обрядов можно объяснить рядом причин, среди которых не последнее место, как нам кажется, занимает сложный, смешанный этнический состав самих дагестанских терекеменцев к моменту заселения ими данной территории. Большое значение имела и та борьба с древними языческими обрядами, которую вела мусульманская религия.

Однако ряд календарных обрядов сохранился. Из праздников и обрядов весеннего цикла наиболее популярным являлся новогодний праздник Новруз (Багар байрамы), посвященный проводам зимы и встрече весны. Он назывался и просто проводами зимы — Гышы яндыран байрам (букв. «праздник, сжигающий зиму»). Праздник отмечался обычно в день весеннего равноденствия, 21 марта, или в последнюю среду старого года. День праздника обычно устанавливали по солнцу. Перед праздником во всех домах проводили большую уборку, белили стены, мазали пол, подметали дворы, улицы, устраивали большую стирку, мылись, одевались во все чистое, нарядное (по возможности новое), готовили праздничные кушанья. Для детей пекли обрядовые булочки треугольной формы, булочки в виде куропатки, человеческой фигуры, бублики и т. д. Полагалось готовить также к этому празднику сладкое кушанье типа повидла — семени. Для этого густо проросшую в домашних условиях пшеницу толкли, выжимали из нее сок, а затем, добавив в него муку, варили. Это блюдо готовилось в больших медных котлах сразу для нескольких семей, которые потом его делили, исходя

из внесенных долей. Каждая семья, в свою очередь, должна была поделиться им со своими родственниками. Как полагают некоторые авторы, когда-то проращивание пшеницы могло сопровождаться определенным ритуалом²⁵. И действительно, готовя зерно для семени, хозяйка приговаривала: «Семени, сахла мени, илде джужертерем сени» (Семени, береги меня, каждый год буду тебя выращивать).

Под Новый год всюду зажигали огни — в домах лампы или светильники, на крышах — факелы на длинных шестах. Зажигая огни, приговаривали: «Илден иле чырагымыз янсын» (Пусть из года в год горит у нас огонь). Огонь рассматривали и как очистительную силу. Рано утром зажигали костры у ворот домов, на площадях — «мал аягына» («для ног скота»). Перед выгоном скота на пастбу хозяева также проводили его мимо зажженных огней. Через огонь прыгали дети, а иногда и взрослые, приговаривая: «Азарымыз — безеримиз гетсин» (Пусть уйдут болезни)²⁶.

В первый день праздника юноши ходили в лес, заготавливали из боярышника материал для деталей аробного или плужного ярма, для ручек лопат. Кроме того, они приносили ветки дикой айвы, чтобы вырезать из них фигурные женские бусы, которые считались талисманом. Девушки ходили за аул собирать молодую крапиву — гижитган — первую свежую зелень Нового года, из которой делали начинку для вареников или пирогов. В этот день принято было приносить в дом побольше добра, а выносить — поменьше. Бывало, что приносили даже гладкие камни из р. Уллучай, используемые затем в качестве пресса и пестов. В этом выражалось желание людей видеть в доме достаток в течение всего года. Новруз, как праздник Нового года и весны, генетически связанный с культом плодородия, умирающей и воскресающей растительности, более пышно отмечался у азербайджанцев-шиитов г. Дербента, чем у суннитов, в том числе и терекеменцев.

Важное место занимал весенний обряд вызывания дождя — гудул, или гюдюль (аист). К нему прибегали во время засухи, когда весной долго не было дождя. Участвовали в обряде только подростки и юноши. Одного из участников наряжали в своеобразное одеяние и островерхую шапку, сделанную из зеленых веток ивы — сегут, и водили на веревке по дворам с песней²⁷:

Гудул-гудул ганады²⁸,
Ким вурду, ким йыхылтды
Гудул аяга дурсана,
Чемчени долдурсана,
Гудул пайын версене.
Гарт хатынын нахышы,
Аллах версин ягышы.
Кёг гурулласын
Илдырыл чахсын,
Экинлерс бир яхшы,
Боллуча бир ягыш ягсын.

Крылья гудула-гудула
Кто выстрелил, кто свалил?
Вставай же, гудул,
Наполни мой ковш.
Дайте же долю гудула.
Узор, вышитый старой женщиной,
Пусть бог даст дождя.
Пусть гром гремит,
Пусть молния ударит,
Хорошенько для посевов
Пусть дождь пойдет.

Амин!
Гелин аяга дурсана!
Гудулун пайын версене!
Гудуду ёла салсана...
Веренин оглы галсын
Вермеенин гызы оьлсун.

Аминь!
Невеста, вставай же на ноги
И дай пай гудула!
Проводи гудула в дорогу...
Пусть живет сын того, кто нас одарит.
Да умрет дочь того, кто не одарит.

После каждой строчки повторялся припев «гов-гов» (этимология неясна).

Хозяева домов охотно принимали у себя участников обряда, считая, что их действия вызовут дождь²⁹. Принято было обливать участников шествия водой, а затем одаривать их сладостями, яйцами, сдобным хлебом, орехами. В конце обряда участники собирались в каком-нибудь доме и устраивали пиршество. Подобные обряды были известны многим народам Кавказа и других регионов. Традиционным персонажем здесь, очевидно, был ряженный — зооморфный образ, символизирующий культ воды.

В отдельных случаях проводился и обряд вызывания солнца — гюн чых («выходи, солнце»), но он отмечался беднее (по крайней мере в изучаемое время), чем гудул. Обряд вызывания солнца справляли в дни затяжных дождей весной и осенью для укрощения непогоды. Исполнителями обряда обычно выступали также дети, чаще девочки. Собравшись у сельского холма или на крыше одного из домов, они пели:

Гюн чых, гюн чых.
Кегер атын миниб чых.
Сачлы гызын алыб чых,
Кечал гызын гоюб чых.
Гюн гетди су ичмеге,
Гырмызы дон бичмеге.
Гюн чыхады, етежек,
Гари ерден гётурсжек...
Думан, гач, гач,
Сени гаядан атарам.

Солнце, выходи, солнце, выходи,
Садись на гнедого коня, выезжай.
Дочь с косами с собой возьми.
Плешивую дочь оставь на месте.
Солнце пошло воду пить,
Красное платье кроить.
Солнце выходит и дойдет до нас,
Превратит снег в пар.
Туман, беги, беги!
Тебя со скалы сброшу.

Более полный вариант текста этой песни еще в конце XIX в. был опубликован А. Иакимовым³⁰. Там имеются еще такие строки:

Оглунг каядан учду
Гызынг тендире душды.

Сын твой со скалы слетел,
Дочь твоя в тендир упала.

Обряд вызывания солнца к изучаемому времени превратился в детскую забаву. Это, возможно, отчасти объяснялось тем, что терекеменцы, живя у большой реки Уллучай, меньше зависели от дождя, чем их соседи — горцы. Были известны и другие приемы вызывания дождя и солнца.

Следующий обряд аграрного цикла был связан уже с уборкой урожая зерновых. Он проводился дважды: по завершении жатвы — чин асан, или ораг асан (повешение серпа) и по завершении молотьбы — харман дибн (низ тока). Как только завершилась жатва и были собраны снопы на последнем участ-

ке поля, один из жнецов (при уборке прибежали к помощи односельчан) подходил к хозяину поля и вешал на его шею серп — чин, ораг. Все собравшиеся кричали: «Шадлыг, шадлыг!» (Торжество, торжество!), и хозяин щедро угощал здесь же, в поле, не только жнецов, но и хозяев соседних участков. Для этого заранее запасались мясом, фруктами и овощами. Все участники трапезы желали хозяину, чтобы хлеб пошел ему на пользу и на радость, и выражали надежду, что бог и на следующий год проявит к нему щедрость.

Харман-диби считался главным праздником и отмечался еще торжественнее. Резали барана или покупали мясо, подавали арбузы, дыни, фрукты. Состоятельные крестьяне приглашали певцов, музыкантов. Правда, степень торжественности находилась в прямой зависимости от того, насколько высок был урожай, чем отплатила природа за тяжелый труд крестьянина. В этот день крестьяне посещали токи друг друга, чтобы узнать, какой получен урожай. Иногда, закончив уборку, семья уезжала на пару дней к горячим источникам, чтобы отметить там харман диби вместе с другими семьями. С собой брали овцу для убоя, овощи, фрукты, арбузы, дыни и т. д.

Об урожае было принято говорить скромно, чтобы люди его не «сглазили». Существовал обычай, по которому первый хлеб нового урожая ели дети, а уже потом — взрослые члены семьи, но ни в коем случае не посторонние.

Празднично отмечали и начало первого осеннего сева — тум (семена). К этому дню во всех домах пекли сдобные чуреки, варили мясо, готовили плов, халву, запасали фрукты. Кроме того, пекли особые пироги с начинкой из мелко нарезанной тыквы с толчеными орехами. Обильная начинка символизировала желание иметь густые всходы в засеянном поле. Всю эту снедь вывозили в поле. Прежде чем начать пахоту, все хозяева соседствующих полей собирались вместе и устраивали коллективную трапезу, во время которой желали друг другу иметь добрые всходы и просили бога послать хороший урожай.

5. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Дагестан издавна был известен сравнительно развитой народной медициной³¹. Слава об отдельных местных лекарях-хакимах распространялась далеко за пределами их аулов. Опыт лечения больных (знание лечебных свойств многих растений, искусные приемы массажа, хирургии, кровопускания) передавался из поколения в поколение. Отдельные дагестанские хакиды хорошо знали, кроме того, персидские и другие медицинские трактаты и в своей практике использовали рецептурные справочники знаменитой восточной медицины. Местный способ лечения ран кавказскими, в том числе дагестанскими народными лекарями получил высокую оценку знаменитого русского хирурга Н. И. Пирогова³².

Искусные лекари — джаррах, хеким (и мужчины и женщины) были и у терекеменцев. Арсенал лекарственных средств этих врачей был очень разнообразен. В него входили лечебные травы, продукты животного и минерального происхождения и т. д. В лечебной практике терекеменцев широкое применение имели крапива, чебрец, мята, щавель, шиповник, зверобой, подорожник, плоды барбариса, кизила, корка граната, айва, тыквенное семя, орехи, тут (особенно черный), груша, отвар кураги и т. д. Из продуктов животного происхождения использовались овечьё сало, коровье масло, молоко (особенно буйволиное), пчелиный мед, воск. В лечебной практике широко применялись пиявки, банки, кровопускание, массаж, лечение теплом и холодом, ритмичная музыка, песня (психотерапия). Так, успокоительным средством при панариции (гнойное воспаление околоногтевого ложа) считали исполнение для больного на музыкальном инструменте специальной медленной мелодии; при затяжной болезни больного отвлекали тихой музыкой, песнями.

Разумеется, в практике врачевания каждый лекарь сам заготавливал лекарственное сырьё. Он знал, в какое время года какие лекарственные травы следует собирать, каким образом лучше сохранить в них лечебные свойства. Из заготовленного сырья лекарь делал нужные смеси — порошки, отвары, кашицы и т. д. Каждый год лекарь обновлял запасы лекарственных трав, так как свежие растения обладают более действенными лечебными свойствами.

Одни лекарства предназначались для внутреннего применения, другие — для лечения ран, кожных заболеваний и т. п. При лечении ран широко применялись специальные тампоны с мазями из масла, меда, яичного белка, настоя разных трав и др. Лучшими средствами для лечения радикулита считались горячая соль и морской песок. Соль, но уже в виде раствора, применяли и при лечении чесотки, насморка и других болезней.

У терекеменцев имелись свои костоправы, народные травматологи — суююкчи или сынагчы. В конце XIX — начале XX в. наиболее известными костоправами в Терекеме были уста Махмуд (сел. Татляр) и уста Мирзахан (сел. Берикей). Иногда при затяжных болезнях терекеменцы приглашали лекарей из других селений, обращались за помощью, например, в табасаранское селение Шиле. Табасаранские джаррахи Шихахмад, Халим и Магомедали (конец XIX — начало XX в.) славились умением излечивать сложные раны.

При ушибах, растяжениях и т. п. лекари накладывали на пораженное место повязку, состоящую из трех-четырех слоев: первый слой — пропитанная маслом ткань; второй — сухая повязка; третий — повязка, пропитанная жидкой массой из яичного белка и муки. Затем на эту повязку с двух сторон накладывались 2—3 тонкие дощечки и все это обматывалось тканью. Дощечки или древесная кора применялись при наложении повяз-

ки для сохранения неподвижности поврежденного места, чаще на руки и ноги. При сильных ушибах на поврежденное место накладывали лепешку из яичного белка и муки и плотно ее привязывали. Такой способ лечения называли «джириш вурмаг». При легких ушибах обычно накладывали однослойную повязку, смоченную в соленой воде. При растяжении сухожилий применялись припарки из горячих отрубей, различных лекарственных трав, а также ванны. Иногда больного, получившего сильные ушибы, ссадины, обертывали шкурой только что зарезанного барана.

Кровопускание практиковалось при повышенном давлении, воспалительных процессах простудного характера — соух ситалжан, укусах ядовитых змей. Кровь брали главным образом из вен, а иногда и из мелких артерий. Для этого делали надрез под языком, на висках, на затылке или на спине. В особых случаях лекарь использовал при кровопускании бычий рог — бойнуз, т. е. брал кровь путем вытягивания. Нередко для кровопускания использовали пиявок — зели. Лучшим временем для лечения пиявками считалась весна — период пробуждения природы, время, когда «закипает кровь».

При ангине — бугаз гелме лекарь, предварительно опустив два мокрых пальца в соль, надавливал на железы больного. При простудах ставили банки — бести, для чего использовался небольшой гончарный сосуд. В народной медицине терекеменцев широко практиковалось растирание тела, массаж — овхаламаг. Массаж умели делать и мужчины и женщины. Среди терекеменцев имелись признанные мастера этого дела.

Были лекари, которые искусно одним или двумя пальцами извлекали застрявшие в горле у детей фруктовые семечки, косточки и т. д. — чёп. На Терекеменском участке в предреволюционные годы наиболее известным специалистом по этой части была женщина по имени Саят из сел. Берикей. Ее так и называли — чёпчи Саят (Саят, извлекающая чёп). Считали, что у нее легкая рука. Из горла же у животных чёп извлекали специалисты-мужчины. Большим опытом лечения животных обладал житель сел. Великент Алимерден Пулатханов. К нему из всех селений приводили больной скот, в том числе зараженный ящуром — досаг азар. При лечении ящура он сыпал на язык животным соль, велел водить их по залитому водой участку поля и т. д. А при кожных заболеваниях Пулатханов применял нефть, толченые листья персикового дерева, медный купорос, раствор из квасцов, горячее масло.

Сильное действие при лечении ревматизма, ряда женских и кожных заболеваний оказывали так называемые Кайтагские минеральные воды — горячие серные источники — исти су и грязи — дипсиз, расположенные недалеко от Терекеменского участка³³. В 1860 г. Кайтагские минеральные воды и грязи посетил и исследовал известный геолог Г. В. Абих, который установил их целебные свойства³⁴. На этих водах с давних времен

больные из близлежащих сел при помощи каменных плит огораживали небольшие водоемы и использовали их как ванны. Бьющее горячими ключами грязевое озеро было окружено естественной оградой — невысоким кустарником и зарослями камыша. Больные принимали грязи непосредственно в озере, обычно сидя.

Прибегали к такому лечению очень широко. В 1899 г., например, по далеко не полным данным, воды и грязи посетили 5479 человек³⁵. Долгое время никакого медицинского контроля во время приема больными ванн и грязей не было, хотя нередко сюда приезжали люди, которым было противопоказано бальнеологическое лечение. Бывали случаи, когда людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями вытаскивали из ванн и грязей без сознания и чуть ли не при смерти. Только с образованием Кайтаго-Табасаранского округа для оказания медицинской помощи больным и «рационального способа пользования водами и грязями» в сезон наплыва людей источники иногда начали посещать окружной врач и фельдшер³⁶.

В «Обзоре Дагестанской области за 1899 год» отмечалось: «Местность источников и грязей безводна и почти лишена растительности. Летом — зной... Лечебный сезон начинается с 1 мая и продолжается до половины июня, когда зной, масса появляющихся комаров и мошек и лихорадка делают пребывание почти невозможным»³⁷. По этим причинам все, кто посещал воды и грязи, начинали сезон лечения обычно в апреле и прекращали в самый жаркий период.

Строительство первых лечебных и жилых помещений на этих источниках было начато при А. П. Ермолове, по указанию которого было построено лечебное помещение с ваннами и бассейнами, «очищены источники, поставлены водопроводные трубы», начато строительство дома для посетителей. Для временного пребывания людей были сооружены 9 плетеных балаганов, крытых камышом. Для этого строительства было ассигновано 1792 руб. серебром, которые были переданы в распоряжение кавказской администрации³⁸. Однако работы по благоустройству источников были вскоре приостановлены по ряду причин, в том числе из-за начавшейся в 1828 г. русско-турецкой войны. В результате даже в 1893 г. при источниках имелся лишь один дом с «6 в нем номерами» для помещения приезжающих больных, 2 флигеля с 5 ваннами и 1 флигель для сторожа³⁹. Местные же больные, приезжавшие из окрестных сел, довольствовались возведенными собственными силами шалашами.

В 1893 г. Кайтагские минеральные воды были переданы в распоряжение управления государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области, которое, в свою очередь, сдавало их в аренду разным частным предпринимателям. Однако арендаторы никаких работ с целью благоустройства их не производили, и даже то, что было построено ранее, с каждым годом все более приходило в негодность. Только в советское время

на базе Кайтагских вод и грязей был создан известный в республике и за ее пределами современный курорт «Каякентские горячие источники».

Возвращаясь к народным способам врачевания, отметим и большую роль уже упоминавшихся повивальных бабок — эбечи хатын. В каждом селении было 2—3 женщины, которые, руководствуясь многолетним опытом и навыками повивального искусства оказывали женщинам при родах посильную помощь и наблюдали за их здоровьем в течение 7—10 дней и после родов. Профессия эбечи нередко передавалась от матери к дочери.

При трудных родах повивальные бабки применяли массаж, с помощью которого направляли плод в нужную сторону. Если схватки у роженицы прекращались, ее качали на паласе, заставляли больше двигаться, ходить по комнате. Однако народные акушерки очень часто были бессильны при трудных родах, что неминуемо приводило к смерти многих рожениц и младенцев. Бабки же при бесплодии лечили женщину теплом, припарками из лекарственных трав, советовали принимать грязи.

Наряду с народной медициной, средства и приемы которой веками вырабатывались и совершенствовались эмпирическим путем, широкое распространение имело и знахарство, основанное преимущественно на иррациональных, магических приемах. Такие приемы могли оказывать психотерапевтическое воздействие, но могли и вредить больным.

Вот несколько примеров знахарского родовспоможения и лечения детских болезней. При трудных родах брали металлическую (обычно латунную) миску, исписанную изречениями из Корана и якобы привезенную из Мекки, и, налив туда немного воды, давали роженице выпить. Считалось, что молитвенные письма да еще заклинания знахаря ускорят роды⁴⁰. Подобный же прием практиковался и при длительной детской болезни, известной под названием «гырх». В такую миску с водой три раза опускали 40 ключей от 40 замков и затем этой водой обливали тело больного ребенка. Знахарка при этом произносила: «От собак ли, кошек ли, от человека ли, пусть уйдет твоя болезнь так, как я наливаю эту воду». Этот прием назывался «гырх тёке».

Когда ребенок болел и полагали, что его «сглазили», семья собирала лоскуты одежды у всех тех, кто подозревался в «порче». Все эти лоскуты сжигали вместе, а потом, смешав пепел с водой, мазали им лицо ребенка. Применяли и другой способ: брали из очага горячие угольки и, назвав каждый уголек именем того, кого подозревали в «порче», бросали в миску с водой (Айшанын гёзю, Разиянын гёзю и т. д.— глаз Айши, глаз Разии). Затем, помочив уголь водой, мазали им ребенку лоб, щеки, уши и т. д.

Около сел. Деличобан имеется небольшой холм — Сийдикли тепе (Мочевой холм). При воспалении мочевого пузыря боль-

ного водили вокруг этого холма, считая, что это даст исцеление.

Во второй половине XIX — начале XX в. определенную роль в Дагестане уже начало играть здравоохранение современного типа. В окружных центрах и кое-где на участках появились врачебные пункты, стало практиковаться оспопрививание детям. Однако сеть этих учреждений росла крайне медленно, и помощь, оказываемая населению, была ничтожной.

Даже в предвоенном 1913 г. в области по гражданскому ведомству насчитывалось всего 38 врачей, 98 фельдшеров, 32 акушерки, 5 зубных врачей, 14 фармацевтов и 23 оспопрививателя. На весь Кайтаго-Табасаранский округ было всего лишь 2 сельских врача (в селениях Маджалис и Каякент), каждый из которых заведовал больницей на 6 коек, и 2 фельдшерских пункта с амбулаторией (в селениях Ерси и Дешлагар) ⁴¹.

Аналогичное положение было характерно и для других округов Дагестана. В среднем одна больничная койка приходилась на 2,3 тыс. человек, а в сельской местности — на 5,8 тыс. человек; один врач должен был обслуживать чуть ли не 18,4 тыс. человек, а один фельдшер — более чем 7 тыс. человек ⁴².

В лечебных учреждениях дореволюционного Дагестана работали преимущественно русские врачи и фельдшеры, которые, несмотря на тяжелые условия их деятельности, много делали для охраны здоровья населения области. Однако из-за малочисленности медицинских работников значительная часть населения была по-прежнему лишена какой бы то ни было медицинской помощи. Особо надо отметить почти полное отсутствие врачей-женщин и прежде всего акушерок с медицинским образованием. «Отсутствие в медицинском персонале женщин, — говорилось в „Обзоре о состоянии Дагестанской области за 1896 г.“, — весьма вредно отражается на народном здравии, ибо женская половина сельского населения вследствие туземных обычаев и предписаний исповедуемой населением мусульманской религии лишена возможности не только подвергать себя медицинскому осмотру, производившемуся мужчиной, но даже обращаться к врачу-мужчине в случае болезни за советом. По этой причине в отчетном году, как и до этого времени, туземки не получали врачебной помощи» ⁴³. Это вело к высокой смертности женщин, особенно рожениц.

Тяжелые материальные условия жизни, культурная отсталость, знахарские способы лечения способствовали широкому распространению среди населения различных эпидемических болезней. Особенно свирепствовали дизентерия, брюшной и сыпной тиф, корь, оспа. Как видно из официального донесения начальника Нижне-Кайтагского участка (куда входил и Терекеманский магал) за время с 8 по 15 сентября 1902 г. заболело оспой 44 человека, из которых за это же время умерло 28 ⁴⁴.

Неграмотное население не понимало значения профилактических прививок и потому зачастую категорически от них отка-

зывалось. «От прививки детям предохранительной оспы,— писал в 1903 г. дагестанскому областному врачу окружной врач Кайтага и Табасарана,—местные жители положительно отказываются... вообще не признают современных мер лечения натуральной оспы, что, вероятно, объясняется верой населения в предопределение всевышнего: что послано Аллахом, того ничем нельзя предупредить»⁴⁵. Вследствие этого и других причин (необеспеченность достаточным числом оспопрививателей) более половины детей оставалось без прививки.

Наиболее распространенной болезнью, постоянно свирепствовавшей среди терекеменцев, как и на всей Прикаспийской низменности, была малярия. Из р. Уллучай, как мы знаем, брали начало многие оросительные каналы Терекеме. Вокруг них образовались болота с камышами (в том числе так называемые «Берикейские болота»), стоячие воды, озера, которые в летнее время служили «очень удобной почвою для развития малярийных комаров»⁴⁶. Зарастали камышом и заболачивались территории и вокруг участков рисосеяния, ям, заливаемых для ловли диких уток, участки нефтеразведок и др.

Некоторые традиционные средства лечения малярии еще более усложняли и без того нелегкое положение. Так, например, больных малярией со всего Терекеме привозили в сел. Великент к роднику Макубулаг и опускали их во время сильного приступа лихорадки в холодную воду. Так больного держали, «пока не перестанет бить озноб». Потом его вытаскивали из родника и укладывали в теплую постель. Бывало, что истощенный больной в результате этой процедуры заболел воспалением легких или другими болезнями. Существовал и другой традиционный способ лечения малярии. Если в семье был малярийный больной с ночными приступами, дети из этой семьи ходили вечером в семь домов и кричали: «Чем лечить ночную малярию?» («Гече гыздырмая не дарман?»). Жители этих домов называли продукты, которые, по их мнению, имели лечебные свойства, и давали кусочки мяса, головку лука и т. д.

В конце XIX — начале XX в. русская администрация в Дагестане предприняла некоторые меры для борьбы с малярией. Был пущен в ход солянокислый хинин, однако, как отмечали военный губернатор и областной врач в письме в Кавказский комитет по борьбе с малярией от 10 июля 1914 г., его могли приобрести «едва ли на 10% всех сельчан, нуждающихся в хинизации»⁴⁷. Что касается более радикальных мер — осушения болот, то администрация Дагестанской области ограничивалась лишь предписаниями начальникам округов, в том числе и Кайтаго-Табасаранского⁴⁸, которые не выполнялись.

* * *

В советский период в жизни терекеменцев произошли значительные изменения. Рассмотрение их не входило в задачу автора и должно послужить материалом отдельного исследования.

- ¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905, с. I, IV, V.
- ² Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915, с. 6.
- ³ *Свидерский П. Ф.* Материалы для антропологии Кавказа. СПб., 1897, с. 47—48.
- ⁴ Обзор Дагестанской области за 1913 г. с. 57. О народном образовании в Дагестане подробнее см.: *Селимханов А. К.* Из истории просвещения в Дагестане; *Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. 1971.
- ⁵ Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 58.
- ⁶ Там же, с. 57.
- ⁷ Все названные выше сказки собраны и записаны у терекеменцев научным сотрудником ИИЯЛ Даг. ФАН СССР Т. Г. Таймасхановой (см.: РФ ИИЯЛ, ф. 10, оп. 1, д. 4902).
- ⁸ См.: Антология азербайджанской поэзии, с. 218—221.
- ⁹ Записано в 1984 г. в сел. Берикей Дербентского района от А. Джанбулатова, 1898 г. р.
- ¹⁰ Записано от А. Пулатханова (сел. Великент).
- ¹¹ О культе железа см.: *Чурсин Г. Ф.* Культ железа на Кавказе.— Кавказ. 1901, № 173; *он же.* Амулеты и талисманы кавказских народов—СМОМПК. Вып. 46. Махачкала, 1929, с. 218.
- ¹² Ср. тур. кара-кура (см.: *Гордлевский В. А.* Из османской демонологии.— Избранные сочинения. Т. III, с. 308).
- ¹³ Ср. алпаб (лезг.), албасы (кум.) и др.
- ¹⁴ Такая же роль отводится албасты в турецкой демонологии (см.: *Гордлевский В. А.* Из османской демонологии, с. 301).
- ¹⁵ Записано от Д. А. Мамаева, 1913 г. р. (сел. Деличобан).
- ¹⁶ Интересно, что у турок женщине нельзя было работать в четверг — першембе. Считалось, что при нарушении женщиной этого запрета к ней могла явиться джин-пиршембе-кары и испортить все дело (см.: *Гордлевский В. А.* Из османской демонологии, с. 308).
- ¹⁷ У кумыков, у которых этот месяц назывался «бошай» («непрочный месяц»), тоже не рекомендовалось заключать брак в течение всего этого месяца.
- ¹⁸ См.: *Трофимова А. Г.* Обряды и празднества, связанные с народным календарем.— СЭ. 1961, № 1; *Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.* Старинный земледельческий календарь народов Дагестана, Махачкала, 1964; *Османов М. О.* Сельскохозяйственный календарь и аграрные культуры.— *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 54.
- ¹⁹ Примечательно, что период хил из таких же 12 дней в начале весны существовал и в даргинском календаре (см.: *Османов М. О.* Сельскохозяйственный календарь, с. 54).
- ²⁰ Терекеменские дарган, хил и иран очень сходны с табасаранскими, агулскими и даргинскими терминами того же значения и, возможно, имеют генетическую связь (см.: *Гасанов М. Р.* Сельскохозяйственный календарь табасаранцев.— Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974, с. 211; *Ахмедов Ш. А., Шихсаидов А. Р.* Земледельческий календарь агулов.— Там же, с. 185; *Алиев Б. Г.* Сельскохозяйственный календарь даргинцев.— Там же, с. 191).
- ²¹ Интересно отметить, что и у кумыков, и даже у далеких карачаевцев существует подобное же выражение для характеристики самых коротких зимних дней (см.: *Шаманов.* Народный календарь карачаевцев.— СЭ. 1971, № 5, с. 116).
- ²² Такое деление календарных сроков на 12 дней было характерно и для других народов Дагестана (см.: *Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.* Старинный земледельческий календарь народов Дагестана, с. 3; *Ахмедов Ш. А., Шихсаидов А. Р.* Земледельческий календарь агулов, с. 185; *Алиев Б. Г.* Сельскохозяйственный календарь даргинцев, с. 191).

²³ По календарю кумыков, составленному Абу-Суфьяном Акаевым в 1904 г., «рождение Турпи» приходится на 31 июля (см.: Облегченный календарь на сто лет (на кум. яз.). 2-е изд. Темир-Хан-Шура, 1910, с. 20).

²⁴ Магомедов Р. М., Дзагурова В. П. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969, с. 19; Булатова А. Г. Сириус и Орион в сельскохозяйственном календаре некоторых народов горного Дагестана.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ Даг. ФАН СССР (тезисы докладов). Махачкала, 1982, с. 15—16.

²⁵ Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., с. 120.

²⁶ В Дербенте в день Новруза мусульмане-шииты вхолостую стреляли из винтовок в небо (надо думать, что в более ранний период в небо пускали стрелы из лука).

²⁷ Вариант этой песни был записан в 1891 г. А. Калашевым со слов уроженца г. Нухи А. Эфендиева (см.: СМОМПК. Вып. XVIII. Тифлис, 1894, с. 46—47).

²⁸ Ср. обряд году-году в Азербайджане (см.: Багиров Дж. Детские игры и народные обряды в сел. Шихли Казахского района.— СЭ. 1936, № 4—5, с. 191). О магическом приеме вызывания дождя с помощью куклы (году-году, годул-годул, кудул) см. также: Гулиев Г. А. Земледельческая культура Азербайджана. Автореферат докт. дис. Баку, 1968, с. 52. Этот же обряд под названием «году» бытовал у народов Азербайджана как предназначенный для прекращения дождя (см.: Чурсин Г. Ф. Азербайджанские курды.— Известия Кавказского историко-археологического института. Т. III. Тифлис, 1925, с. 14).

²⁹ У соседних с терекеменцами кумыков обряд вызывания дождя известен под названием «замире» («замуре»). В проведении его участвовали исключительно девушки. Они несли с собой лопату, на которой было нарисовано углем женское лицо. Подробнее см.: Гаджиева С. Ш. Кумыки, с. 324.

³⁰ См.: Иакимов А. Татарские песни (вызывание солнца).— СМОМПК. Вып. XVIII. Тифлис, 1894, с. 72. Иакимов А. Вызывание солнца у мусульман Елисаветполя.— СМОМПК. Вып. IX, Тифлис, 1890, с. 128—130. Ср. аналогичный обряд вызывания солнца у лезгин: Трофимова А. Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана.— Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1966, № 2, с. 99.

³¹ Аликишиев Р. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. М., 1958; Штанчаев С. Ц. Медицинские сведения в фольклоре Дагестана.— Советское здравоохранение. 1960, № 5; он же. Народные лекари Дагестана в XIX в.— Советское здравоохранение. 1963, № 7; Егорова В. О народной медицине горцев Дагестана в XIX в.— Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений Дагестанского Государственного Университета. Вып. III. Махачкала, 1972.

³² См.: Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1852, с. 69—71.

³³ Они считались собственностью феодальных владетелей Кайтага — уцмиев и позднее были конфискованы казной.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 32, оп. 3, д. 60, л. 21.

³⁵ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900, с. 142.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 141—142; см. также: Дагестанский сборник. Вып. 1. Сост. Козубский Е. И. Темир-Хан-Шура, 1902, с. 177.

³⁸ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878, с. 514.

³⁹ Дагестанский сборник. Вып. 1, с. 177.

⁴⁰ Аналогичный прием был известен в аварцам (см.: Чурсин Г. Ф. Этнографический очерк. Авары. 1928 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, л. 63).

⁴¹ Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 44—45.

⁴² История Дагестана. Т. II, с. 351.

⁴³ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897, с. 39.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 32, оп. 3, д. 30, л. 17.

⁴⁵ Там же, л. 23—24.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 8, л. 102.

⁴⁷ Там же, л. 101—103.

⁴⁸ См. там же.

Список библиографических сокращений

- АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
- ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. Тифлис.
- ИГЭД — История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Список информаторов

Дербентский район ДАССР

- Абасова Мукаме, 1905 г. р., г. Дербент.
Абилова Анагиз, 1904 г. р., сел. Берикей.
Агарагимова Пара, 1902 г. р., сел. Берикей.
Азизов Ираджаб, 1870 г. р., сел. Уллутерекеме.
Арсланбекова Гурият, 1898, г. р., сел. Берикей.
Арсланбекова Халиф, 1912 г. р., сел. Берикей.
Ахадов Мазахир, 1903 г. р., г. Дербент.
Бабаев Гули, 1914 г. р., сел. Селик.
Балабегов Шахмардан, 1903 г. р., сел. Деличобан.
Велиев Арсланбек, 1900 г. р., сел. Джемикент.
Гаджиев Магомедвели, 1906 г. р., сел. Уллутерекеме.
Гаджиев Хабибулла, 1908 г. р., сел. Джемикент.
Гаджиев Шарафутдин, 1914 г. р., сел. Джемикент.
Гаджиева Шекер, 1907 г. р., сел. Джемикент.
Гасанбеков Абдулгафар, 1874 г. р., сел. Падар.
Дадашев Сихшебек, 1894 г. р., сел. Уллутерекеме.
Джавадов Абсалам, 1903 г. р., сел. Великент.
Ибрагимов Саид, сел. Берикей.
Казамфаров Алекбер, 1919 г. р., г. Дербент.
Казимагомедова Бата, 1902 г. р., сел. Джемикент.
Караева Бачиханум, 1882 г. р., сел. Великент.
Керимов Рагим, 1893 г. р., сел. Деличобан.
Киласов Гидаят, 1870 г. р., сел. Великент.
Курбанов Джамал, 1879 г. р., сел. Селик.
Мамаев Джамалутдин, 1913 г. р., сел. Деличобан.
Мамедов Сейфудин, 1903 г. р., г. Дербент.
Минатуллаев Абдусемет, 1898 г. р., сел. Карадаглы.
Мирзалиев Хаджимурад, 1914 г. р., сел. Великент.
Мутасв Гамзат, 1906 г. р., сел. Берикей.
Наврузбеков Тагир, 1892 г. р., сел. Падар.
Пашабеков Керим, 1914 г. р., г. Дербент.
Пулатханов Алимерден, 1887 г. р., сел. Великент.
Расулова Шахсенем, 1915 г. р., сел. Карадаглы.
Сейфутдинова Гурият, 1897 г. р., сел. Берикей.
Рашидова Патимат, 1929 г., р., сел. Джемикент.
Сулейманов Шамсутдин, 1896 г. р., сел. Деличобан.
Товекалова Гюльханум, 1902 г. р., сел. Падар.
Фейзиева Гюльсюм, 1910 г. р., сел. Джемикент.
Эмирбеков Шафи, 1895 г. р., сел. Джемикент.
Якубов Гаджиарслан, 1913 г. р., сел. Джемикент.

Кизилюртовский район ДАССР

Темирханов Адил, 1905 г. р., сел. Чонтаул.

Хасавюртовский район ДАССР

Идрисов Мугутдин, 1880 г. р., сел. Костек.

Хачмасский район АзССР

Агаев Ханлар, 1913 г. р., сел. Армуд-Падар.

Курбанов Умар, 1911 г. р., сел. Падар.

Насиров Ажбек, 1882 г. р., сел. Карадаглы.

Введение	3
Примечания	6
Глава I. К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕРЕКЕМЕНЦЕВ	8
Примечания	28
Глава II. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	32
1. Земледелие	32
Зерновые культуры	32
Огородно-бахчевые культуры. Садоводство и виноградарство	46
Технические культуры	47
2. Скотоводство	54
3. Пчеловодство, охота, рыболовство	59
4. Добыча соли и нефти	60
5. Домашние промыслы и ремесла. Отходничество	63
6. Транспортные средства. Торговля	68
Примечания	72
Глава III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	75
1. Поселения	75
2. Жилище и хозяйственные постройки	80
3. Одежда	89
Мужская одежда	89
Женская одежда	94
4. Пища и напитки	98
Примечания	107
Глава IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОИ И БЫТ	109
1. Социальная структура	109
2. Земельно-правовые отношения	124
3. Подати и повинности	129
4. Сельская община и тухум. Управление	139
Примечания	149
Глава V. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	154
1. Формы семьи	154
2. Семейные традиции и образ жизни	159
3. Семейная обрядность	167
Свадебные обряды	167
Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей	179
Погребальные обычаи и обряды	182
Примечания	186
Глава VI. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	187
1. Народное образование	187
2. Устное народное творчество и художественная литература	188
3. Религиозные представления	197
4. Народный календарь	197
5. Народная медицина и здравоохранение	205
Примечания	212
Приложение	214
Список библиографических сокращений	214
Список информаторов	215

